

*Только народы высокого
духа способны выдержать
напряжение такой войны,
страшной и беспощадной.*

ПОМНИ ВОЙНУ

Курган
«Парус-М», 2001

К03 (07)

ПОМНИ ВОЙНУ

Воспоминания фронтовиков Зауралья

Книга издана по инициативе Губернатора
Курганской области О.А. Богомолова.

Составители: Г.П. Устюжанин, В.В. Усманов, В.А. Есетов.

Редакционный совет: В.Ф. Охохонин (председатель), А.И. Букреев, В.И. Василевский, В.А. Есетов, И.Г. Коурова, В.Ф. Михайлов, Н.В. Новикова, С.М. Пан, В.В. Подливалов, Э.А. Самсонова, В.В. Серков, А.М. Сметанин, С.П. Суханов, Л.Н. Устиленцева, Г.П. Устюжанин, С.Н. Шилов.

Администрация области, составители и коллектив «Парус-М» выражают глубокую признательность и благодарность фронтовикам Великой Отечественной войны, Советам ветеранов и военным комиссариатам городов и районов области, журналистам, работникам архивов, краеведам, многим добрым людям, проявившим сердечное участие в подготовке к печати и изданию этой книги.

Сборник рассчитан на массового читателя. Его издание расширяет познание правды о войне, трагическом и героическом прошлом, пережитом нашими земляками на путях и дорогах к Великой Победе. Эту правду нам всем необходимо знать, чтобы дорожить миром, быть ответственным за будущее Отечества.

ISBN 5 - 86047 - 135 - 1.

© «Парус-М», 2001.

Олег Богомолов,
Губернатор Курганской области

ВЕЛИКАЯ ПРАВДА О ВОЙНЕ

Если бы каждый ныне живущий участник Великой Отечественной войны написал хотя бы одну страницу о своём боевом пути, то мы получили бы многотомник великой правды о войне...

О Великой Отечественной войне написано и издано немало. В том числе курганскими авторами и издателями. Многотомная Книга Памяти, увековечившая подвиг и трагедию наших земляков. «Детская книга памяти», вобравшая рассказы детей об участии их родственников в защите Отечества. Книга воспоминаний ветеранов Кургана «Священная война». Сборники «Ни в какой книге не прочтёшь» и «Солдатский треугольник», представившие наиболее яркие образцы эпистолярного жанра. Рассказы, очерки, стихи фронтовиков, их детей и внуков...

И вот перед Вами, уважаемый читатель, новая книга о великой трагедии и величайшей стойкости, бессмертном подвиге наших отцов и дедов. Она продолжает богатую традицию правдивого отражения военных событий со всеми болями и горестями, со всеми сердечным и духовным взлётом всенародного подвига. Её главное достоинство в том, что ав-

торы сами или с помощью литературных обработчиков положили на бумажный лист свои личные впечатления, мироощущения, раздумья о том лихолетии. И в их рассказах предстаёт масштабная картина военных событий, раскрываются судьбы людей, перенесших тяготы и лишения.

Сборник подготовлен не к победной дате, как это обычно принято. Он посвящён событию, которое для россиян, и не только для них, носит заведомо трагический характер, - 60-летию начала Великой Отечественной войны.

22 июня 1941 года... Этот день в один миг перечеркнул течение мирной жизни. В неё ворвалось страшное и леденящее душу слово - война. Эта дата никогда не изгладится из памяти нашего народа, зарубцевавшись в сердцах навсегда Днём памяти и скорби. На рассвете воскресного дня гитлеровская Германия, вероломно нарушив договор о ненападении, внезапно, без объявления войны, нанесла по Советскому Союзу удар огромной силы. Как это было - мы узнаём от очевидцев - Сергея Ивановича Иовлева, Георгия Матвеевича Спирева, Дмитрия Андриановича Белоусова, Ивана Михайловича Аистова, да и других авторов этой книги. И вместе с ними переживаем горечь беды и растерянности, отступлений и потерь, сердечно прикасаемся к мужеству русских солдат, проходим вместе с ними, непобеждёнными, через адские круги концлагерей...

Книга помогает узнать правду о войне и наших земляках - её участниках, осознать их характер, истоки духовной силы и стойкости. Это может быть талантливо описанный Аксентием Григорьевичем Вологиным один день войны, вобравший в себя такие важные события, как "взятие языка" и "воскрешение из мёртвых" боевого товарища. Или эпический рассказ Александра Александровича Косова о главных событиях войны - от первого трагического дня до последнего, победного. Именно ему было предоставлено право поставить своеобразную точку в войне - сделать залп по последнему

опорному пункту гитлеровцев в Берлине.

В Кургане многие помнят областного военного комиссара Дмитрия Павловича Плотникова. Но далеко не всем известен его вклад в Великую Отечественную. Помещённый в сборнике рассказ восполняет этот пробел. Вам, уважаемый читатель, предстоит узнать о подвиге, проявленном при форсировании Днестра, за который он был представлен к званию Героя Советского Союза, но представление, как он пишет, где-то затерялось. С интересом познакомитесь Вы и с эпизодом, когда разведбат Плотникова в мае сорок пятого благодаря находчивости командира разоружил и пленил стократно превосходящую по численности группировку фашистов. К счастью, справедливость восстановлена, и Плотникову спустя полвека после дня Великой Победы присвоено звание Герой Российской Федерации.

Фронттовики знают, что война - это не только подвиг, не только героизм. Военные будни наполнены непомерным трудом, горечью утрат, немало в них и того, о чём нельзя вспоминать без улыбки. И всё это есть в сборнике "Помни войну". Николай Александрович Подоксёнов пишет: "Мне кажется, война - это работа, только страшная и кровавая, ночью и днём, в летний зной, зимнюю стужу и осеннюю слякоть. И всё это под бомбёжкой, с боями".

А из рассказа Ивана Александровича Киша представит удачливый солдат - оптимист, с которым "всякое бывало": и неожиданные встречи на фронтовых дорогах с братом Василием, и оригинальное общение с маршалом Жуковым...

Изданием этой книги Администрация области предоставила возможность фронтовикам Великой Отечественной рассказать о судьбе поколения, спасшего мир от трагедии порабощения, рассказать, как они пережили эту беду, как выстояли и победили.

И приятно сознавать, что нашим прошлым и завтрашним днём России обеспокоены как авторы - участники войны, так и работники издательства "Па-

рус-М” во главе с Геннадием Павловичем Устюжаниным, военных комиссариатов, советов ветеранов, архивов, редакций газет, многих общественных организаций, краеведы, настоящие патриоты Зауралья, подготовившие прекрасную книгу, которая призвана стать литературно-публицистическим памятником поколению фронтовиков, их чести, благородства, бессмертной славы.

Сборник “Помни войну” знаменует собой начало издания книжной серии, посвящённой нашим землякам - солдатам и офицерам, рабочим, колхозникам и интеллигенции, труженикам всех городов и сёл, кто от мала до велика делал всё, чтобы Родина не была поругана мракобесами фашизма.

Новое издание этой серии книг требует более пристального и детального раскрытия трудового подвига в Великой Отечественной войне, организации и работы госпиталей, детских домов на территории области, боевого пути воинских частей, сформированных в Зауралье. И, безусловно, многое ещё могут рассказать наши фронтовики, писатели, поэты, публицисты. Я вижу особый смысл этих книг в том, что они могут стать историей “роковых сороковых годов”, написанной самим народом.

Пусть память о тех грозных событиях никогда не угаснет в сердцах людей. Пусть строки, написанные в этом сборнике, станут мерилom того, каким должен быть человек, какими должны быть его ценности, его достоинство, его право на счастье, напоминанием о тех нравственных принципах, без которых сама жизнь теряет смысл и которым мы должны быть верны в любых обстоятельствах. И пусть в сердцах каждого из нас навечно останутся слова: “Помни войну! Помни ратную доблесть и славу людей, чью жизнь ты продолжаешь на земле. Будь достоин их подвига!”.

Дмитрий Плотников

ПЕРВЫЕ БОИ И ПОСЛЕДНЯЯ СХВАТКА

Дмитрий Павлович Плотников родился в 1918 году. В сентябре 1939 года Дмитрий Плотников был направлен в Пушкинское командное автомобильное военное училище.

Вместо августа 1941 года, как было намечено по учебному плану, курс учебы был еще уплотнен, и лейтенант Плотников 5 мая 1941 года отбыл в Киевский особый военный округ на должность командира взвода бронемашин отдельного разведбатальона 34-й танковой дивизии. В части ему поручили исполнять обязанности командира роты.

На фронте с 22 июня 1941 года и до последнего дня войны. В 1943 году вступил в ряды Коммунистической партии. Воевал на Юго-Западном, Сталинградском, Западном, 1-м, 2-м и 3-м Украинском фронтах. Участник боев с Японией.

Командовал ротой, был заместителем командира батальона, начальником разведки 2-й мотострелковой бригады 5-го моторизованного корпуса.

За стойкость и мужество, инициативу, находчивость и боевое мастерство Дмитрий Павлович Плотников награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского, двумя орденами Красной Звезды, тремя орденами Отечественной войны 1-й степени, медалью “За боевые заслуги”, орденом и четырьмя медалями трех государств.

После войны полковник Плотников командовал полком в Забайкальском и Уральском военных округах, был заместите-

лем командира дивизии. В 1967-1973 годах Дмитрий Павлович служил на посту военного комиссара Курганской области.

Указом Президента Российской Федерации от 2 мая 1996 года за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов, Дмитрию Павловичу Плотникову присвоено звание Героя Российской Федерации.

Разведывательный батальон, в составе которого мне пришлось начать строевую службу, дислоцировался в поселке Сандова Вишня в сорока километрах от границы. Разведбатом командовал капитан Кривошеин. Основной упор в войсках в ту пору был сосредоточен на морально-психологической и политической подготовке бойцов. Боевая учеба была почти чисто теоретической. Помню, 11 июня 1941 года к нам в разведбат заехал генерал-лейтенант Федоренко. Осмотрел казармы, технику, стоящую на колодках, собрал нас и повел беседу. Говорил, что вблизи наших границ “отдыхают” сейчас 178 немецких дивизий. “А у вас в роте, лейтенант, – обратился ко мне генерал, – техника законсервирована. Морально вы готовы ко всему, я не сомневаюсь, а стрелять не умеете. Не проверял, но знаю, не умеете. Советую вам, лейтенант, роту завтра же поднять по тревоге, организовать учебу с выводом на полигон бронетехники, с настоящими стрельбами...”

И началась кутерьма. В 5 часов утра сыграл тревогу. Снимали бронемашины с колодок, аккумуляторов действующих не хватило и на половину машин. При выезде со двора от неумелого вождения броневиков снесли ворота. Только к 12 часам дня десять машин покинули место стоянки и пошли на полигон. По пути до него “измерили” все кюветы дороги.

Фактически почти никто из бойцов раньше не стрелял. Я и сам в тот день впервые в своей жизни трижды выстрелил из пушки настоящими снарядами.

Субботним вечером 21 июня 1941 года мы, несколько молодых командиров, закончив службу, ужинали в ресторанчике, пили пиво, говорили о житье-бытье и службе. К столику подошел начальник гарнизона и спокойно так сказал, что пора уже расходиться по домам. Мы, привыкшие к дисциплине и советам старших, встали и пошли. Летние ночи короткие. Недаром

о них говорят в народе: “В июне-июле заря с зарею поздороваться сходятся”. Идем, а с неба гул самолетов – волна за волной, не наших самолетов, немецких. Мы их сразу узнавали. Они частенько “блудили” в нашем небе накануне войны.

Дома хозяйка мне сказала, что прибежал посыльный из части. Я сразу к себе в роту. Получил приказ комбата срочно подготавливать технику к маршу, получить боезапас.

Послал старшину на склад боепитания, чтобы пока мы технику готовим и выводим за пределы парка, он там с боезапасом все решил.

Начальника склада боепитания на месте не оказалось: день то выходной. Принял решение - открыть склад без него и загрузаться снарядами по полной норме.

Через час рота была готова к маршу.

О, как я мысленно благодарил тогда генерал-лейтенанта Федоренко за его мудрые советы.

Команды сверху поступали путаные. Согласно последней, мы вышли в сторону городка Явора. В ходе марша получили новую команду – двигаться на Львов. Прибыли. Стоим на окраине города. Вышли из броневиков. Вдруг выстрел из-за угла соседнего дома. Пуля цокнула о броню, стрелявший мазила в испуге бросился бежать. А у нас один карабин на всю роту, хорошо, что был на моем броневике, и приказ перед маршем – стрельбу не начинать, только отвечать огнем на огонь врага. Взял карабин и выстрелил по убегающему диверсанту. В меткости учить меня не требовалось: был чемпионом по стрельбе в техникуме и военном училище.

Вскоре нас обстреляли с кирхи, стоявшей неподалеку. Ранили двух бойцов. Мы ответили огнем из пулемета. При осмотре убитых оказалось, что стрелял по нам сам настоятель божьей обители. Я по убеждениям ни верующий, ни атеист, просто обыкновенный человек своего времени, совестливый, в военной форме. В душе как-то стало нехорошо. Зачем же так-то, не по-божьему? Ведь, наверное, принимая сан священнослужителя, человек клятву о непогрешимости на себя брал...

Получил приказ – разведать окрестности, прилегающие к Львову с запада. Выехали на трех броневиках и напоролись на немецких разведчиков, ехавших на трех мотоциклах. Передовой мотоцикл был с коляской, на которой установлен ручной

пулемет. Едут немцы, как на прогулке, самоуверенные, наглые. Рыжий пулеметчик ударил по нам. Пули зацокали о броню.

Мы с ответом не замедлили. Мотоциклы остались брошенными на дороге в пыли, пулеметчик убитый тоже. Оставшиеся в живых гитлеровцы скрылись в хлебах. Мы не решились мять колесами броневиков пшеничное поле. Совесть не позволила хлеб топтать. Мы подобрали два немецких автомата и пулемет. Это было первое оружие противника в моих руках. До этого я не видел и не изучал оружие вероятного противника. А жаль... пригодилось бы уже в первые дни боёв с гитлеровцами.

Боевые схватки с гитлеровцами в первые дни войны и дорожки отступления были тяжелыми и горькими. На третий день войны осколок фашистского снаряда на исходе своей убойной силы врезался мне в спину, у самой поясницы. Вырвал его еще горячий из тела, и сам перевязал рану. А к концу недели был ранен, но не покинул боя и товарищей.

Отступить, выходить из окружения пришлось много раз, вспоминать так на роман хватит.

Расскажу о том, за что меня представляли к званию Героя Советского Союза.

В середине марта 1944 года мы прижали немцев к Днестру. Они были вынуждены спешно уходить за эту мощную водную преграду. Разведчики бригады и я лично вели наблюдение за этим отходом. Обеспечивали наступающие части нужной оперативной информацией для нанесения огневых ударов и других целей.

Наблюдая в бинокль за действиями немцев, переправившихся на западный берег, я заметил, что они не задерживаются на прибрежном урзее, а сосредотачиваются на высотах, к берегу реки не спускаются. У меня тут же созрел план вслед за отступающими немцами отправиться на тот берег с группой разведчиков. Набрал группу из 14 человек. Нашли лодку и весла, моток проволоки. Сел в лодку с двумя бойцами и отчалил от берега. Немцы из пулемета обстреляли нас, когда мы уже перемахнули за середину реки. Но мимо. Пули поднимали брызги то впереди нас, то сзади. Может быть, пулеметчик сомневался: русские это или припозднившиеся с передовой свои? А потом нас закрыли от прицельного огня прибрежные кусты. Мы высадились в них, а лодку с того берега потянули обратно ожидавшие нас бойцы.

За три таких ходки добавилось в моей группе еще 9 человек. Мы выбрали для атаки домики вблизи монастыря на окраине города Могилев-Подольска. Атака удалась. Правда, четверо бойцов получили легкие ранения. Но нас от огня немцев теперь прикрывали стены. А мы в свою очередь прикрыли часть реки от огня немцев, сами постоянно отбиваясь от их контратак.

Ночью 20 марта к нам переправилось подкрепление, человек сорок из батальона Матвеева. С этой группой я расширил плацдарм для успешной переправы частей бригады на западный берег Днестра. За что и был представлен к присвоению высокого звания. Но, видимо, чьей-то подписи тогда не хватило.

Много лет спустя, на встрече однополчан подходит ко мне Герой Советского Союза Павел Николаевич Гранин, один из участников нашего днестровского десанта, и спрашивает: “А где Ваша Золотая Звезда, командир? Нас же вместе к высокому званию представляли?” “Наверное, все еще то представление идет к тому, кто принимает окончательное решение”, – отшутился я.

Но самым трудным для меня считаю последний свой поединок с гитлеровцами, случившийся 12 мая 1945 года. В Чехословакии, где была окружена чуть ли не миллионная фашистская группировка “Центр”, наш разведбат первым достиг оголовных с союзниками рубежей.

Война приучила: разведке по хорошей дороге лучше не двигаться. Патрули, засады, мины чаще всего и поджидают там. Если была возможность, я своих разведчиков вел по проселкам. Так, проселками и вышел с юга к селу Брежмицы. Смотрю, стоят в перелеске пять бронемашин, ранее мной не виданных, без экипажей. Двинулись в село. А там американцы гуляют. Пообнимались мы с союзниками, похлопали друг друга по плечам, осушили по маленькой. А потом пришлось мне их попросить вернуться за демаркационную линию, в оговоренную зону. Они упираться не стали.

Расквартировались мы в Брежмицах. Я выспал дозор - не на запад уже, а на восток по шоссе. В моем разведотряде было одиннадцать бронетранспортеров, четыре бронемшины, две противотанковые пушки и четыре 82-миллиметровых миномета.

Часть фашистов из окруженной группировки сдалась, другая стремилась уйти на запад, к американцам. И вот такая груп-

па немцев, примерно в 13 тысяч солдат и офицеров, решила прорваться через Брежмицы. Дозор засек эту колонну на переезде железной дороги, проходившей километрах в двух от села. Я приказал минометчикам открыть огонь. Случилось это вечером 11 мая. Колонна немцев мощная: впереди - шесть самоходок, а дальше битком набитые грузовики с солдатней.

Минометчики колонну остановили. И всю ночь вели заградительный огонь. Боезапас на исходе. А связи со штабом корпуса – ни по радио, ни телефонной – еще нет. В отряде у меня около 130 человек, перевес у фашистов стократный. Пойдут напролом – массой сомнут. Да и бронетранспортеры против самоходок не сдюжат. А гибнуть да еще после капитуляции Германии, ох, как не хотелось!

На рассвете 12 мая отправил я к фашистам для переговоров своего замполита, капитана Дудникова. Приказал выкатить обе наши пушки на прямую наводку. Туда же направил и бронетранспортеры, чтоб немцы видели. Ждем.

Вернулись наши парламентарии, привозят с собой троих немцев. Старший – майор СС. Начинаем разговор через переводчика. Я сразу взял жесткую линию. Так, мол, и так, приказ – не пропустить вас на запад – мы выполним любой ценой. Поймите, герр майор. Война закончилась, герр майор, зачем же еще проливать кровь?

– Мы хотим на запад. Мы будем прорываться, – упрямылся немец.

– Прорывайтесь. Я вызову подкрепление, – блефую в открытую.

На стене висел бездействующий телефон-вертушка. Крутанул ручку, прижал трубку к уху и начал импровизировать:

– Прошу генерала Волкова. Здравия желаю, товарищ генерал. Нет, капитулировать отказываются, решили прорываться. Что нам требуется? Две роты танков, артбатарею и пяток “катуш”. Понял, через полчаса жду... - и повесил трубку. Все это я говорил почтительно, выдерживая паузы, а немец-переводчик мои слова шептал майору на ухо.

- Мы капитулируем, - сказал майор.

Наметили условную линию, где должны остановиться самоходки и через которую уже не перешагнет ни один немецкий солдат.

Минут через двадцать колонна двинулась к Брежмицам. Сердце у меня ходуном заходило: остановится? Не остановится? Артиллеристы мои припали к окулярам.

И вот у условной черты, покачнувшись, затормозила первая самоходка. Впритык – вторая, третья... Экипажи принялись выбрасывать на обочину снаряды. И тут к немецким САУ подошли заранее проинструктированные мои разведчики-танкисты. Шесть фашистских самоходов, уже с русскими экипажами сошли с шоссе и развернулись пушками против колонны. Разоружение сразу набрало темп и уже через полчаса на север в село Рожмитал, где расположился штаб 9-го гвардейского механизированного корпуса, двигалась пешая колонна пленных. Конвой – те шесть самоходов и десятка три разведчиков.

А неподалеку от Рожмитала колонну встретили три танка.

Таким вот запомнился этот очень трудный несостоявшийся последний бой на западном фронте.

А 22 мая 1945 года мне поручили передать гостевое приглашение командира нашего корпуса американскому генералу, нашему соседу. Поехали к американцам вдвоем с замполитом. Встретил нас начштаба, поскольку генерал Хелмик отсутствовал. Он предложил сперва выпить за дружбу американской и русской армий. Два капрала наполнили рюмки. Чокнулись, выпили виски. А потом нас пригласили отобедать. Ну, по нашей русской простоте мы думали: где-то стол приготовлен. Приезжаем на окраину Пльзенья в чешское кафе. Сидят за столиками чехи, нам покивали. А в углу – столик свободный, нас уже ждут. Подали обед из “сухих яиц”, как звали у нас яичный порошок. А мы-то думали... Короче, решил я американцам ответом своим на деле показать русское гостеприимство.

На следующий день кортеж генерала двинулся в наш штаб через Брежмицы. Я построил своих солдат – четыре шеренги по 25 человек, проинструктировал. И вот – едут американцы. Встречает их мой “почетный караул”.

Время в запасе у нас было. И я пригласил гостей перед встречей в штабе перекусить по-русски. Мы стол заранее сервировали, у чехов всякой зелени купили, закуску, спирт трофейный поставили. Этот стол союзники минут за двадцать опустошили: наголодались на своих “сухих яйцах” да на тушенке. На доллары они прижимистые, экономные.

Не буду описывать, как свозили мы гостей в штаб корпуса, как их там принимали. Сувенирами обменивались, звездочками, пуговицами... Очень мне понравился генерал Хелмик – и простотой своей, и тем, что добро отозвался о моих разведчиках. “Какой сувенир ему подарить?” - думаю. В разведбате у нас служил сапожник Иванов. Он, можно сказать, всех нас обувал.

И надоумил меня замполит: подари, говорит, генералу хромовые сапоги! Только надо мерку снять.

Через переводчика я передал свое желание генералу. На обратном пути наш сапожник снял мерку. И вскоре мы доставили Хелмику подарок.

Под вечер 24 мая получаю письмо и пакет из американского штаба. Ясно, на английском языке. В штабе перевели текст:

“Дорогой майор Плотников! Позвольте выразить высокую оценку вашему щедрому подарку пары сапог. Они прибыли сегодня утром. Я был изумлен, что ваш сапожник смог сшить их за такое короткое время. Они совершенно подошли и они восхитительны. Они будут долго напоминать мне о нашей дружеской встрече и вашем сердечном гостеприимстве. Я высылаю вам в отдельном пакете один из пистолетов нашей регулярной армии. Надеюсь, вы примете его как выражение оценки вашей доброты и великодушия.

С пожеланием будущих успехов и благополучия вам и вашей прекрасной команде. Искренне ваш Хелмик, бригадный генерал США, Командующий”.

Письмо это с тех пор храню, как реликвию, как память о нашей дружбе с союзниками. Кстати, генеральский подарок мы с одним американским майором опробовали. Сделали по мишени по пять выстрелов. Он все пули пустил в “молоко”, у меня - две десятки, три девятки. Подумалось, что практиковаться американцам на этой войне в стрельбе довелось несравнимо меньше, чем нашим бойцам и командирам.

А в июне победного года поступил приказ: все контакты с союзниками прекратить, они-де разлагающе действуют на боевой дух нашей армии. Может быть, это действительно было так, ведь нам предстояло еще повоевать и на восточных рубежах.

Вот такая история.

Воспоминания записал Геннадий Устюжанин.

Александр Косов

ПРОВИДЦЕМ

БЫЛ МОЙ

КОМАНДИР

Александр Александрович Косов родился в 1918 году. Участвовал в боях с 22 июня 1941 года, прошёл всю войну. Дважды ранен, контужен. Награжден пятью боевыми орденами, многочисленными медалями. Участник парада Победы на Красной Площади и парада союзнических войск в Берлине. О его мужестве, доблести и воинском мастерстве повествуется в книге “5-я Гвардейская Калининская”, напечатанной Воениздатом в 1979 году.

Не по призванию я взялся за перо, а как один из участников суровых событий Великой Отечественной войны нашего народа против фашистских захватчиков. И по долгу старшего поколения хочу рассказать тем, кто идет на смену нам, о юности, опаленной войной, о мужестве молодежи – комсомольцев, об их бесстрашии, проявленном в смертельной борьбе за Советскую Родину.

И сейчас в памяти моей встают молодые люди тех частей, в которых мне пришлось воевать, взявшиеся за оружие по зову своего сердца и по долгу советского гражданина, чтобы помочь родному народу сломать хребет фашистскому зверю. Не всем удалось вернуться домой. Но в памяти народной навечно остались их имена.

Это было очень очень давно и очень близко... Очень давно, потому что от грозных событий начала той войны нас отделяет

60 лет, возраст нескольких поколений, выросших в мирные годы. Очень близко... Потому, что еще живы миллионы солдат, отстоявших в ту пору честь, свободу и независимость нашей Родины, еще не утихла боль страшных ран, нанесенных войной каждой советской семье. Выросли новые поколения, для которых война - страница истории. Мальчики, росшие без отцов, теперь сами отцы. Все больше становится людей, которые не помнят войны. И как важно, чтобы они знали, чем была для мира наша Победа над фашизмом, каких усилий, мужества, великих жертв стоила она народу. Это наш долг перед теми, кого уже нет с нами, и перед теми, чья жизнь только начинается.

Есть в жизни людей ценности, которые не измеряются - ни пудами, как хлеб, ни тоннами, как сталь, ни литрами, как молоко. И стоимость их невозможно выразить в деньгах. Это история народа, его биография, его самые высокие подвиги и свершения, его народный характер. С помощью этих ценностей формируется характер новых поколений. И каждое поколение обязано заботливо хранить и передавать как драгоценную эстафету своим детям и внукам память о тех героических делах, участниками, свидетелями и очевидцами которых оно было при своей жизни.

Годы Великой Отечественной войны – трагический и героический период нашей истории. Необходимо правильно и всесторонне оценить и осмыслить его, это чрезвычайно важно.

Можно сказать, что ключи наших будущих побед 1944-45 годов ковались на героических и трагических рубежах 1941-42 годов. На врага обрушились мощные удары под Москвой, Смоленском, под Сталинградом, а потом на Курской дуге, в Белоруссии, на Украине, в Прибалтике и в яростных боях в фашистском логове. В Красном знамени, водруженном в 1945 году на рейхстаге, было немало алых нитей, вплетенных руками и окрашенных кровью тех, кто в первые месяцы войны сражался на смертельных рубежах Прибалтики, Белоруссии, Украины, Молдавии, под Ленинградом и Москвой.

Фашисты, планируя разбойное нападение на нашу страну, все предусмотрели: число дивизий, необходимых, чтобы молниеносно разгромить Красную Армию; темпы работы военной промышленности закабаленной Европы; количество самолетов для варварской бомбежки городов, даты, когда в эти города

варварски ворвутся их танковые армады с черными крестами; списки правителей этих городов. Они подсчитали, сколько советских людей нужно уничтожить, сколько немцев переселить на Дон, на Украину и в Поволжье.

Но они, эти бухгалтера смерти и уничтожения, не учли одного - самой сущности советского человека, патриота Отечества, которого невозможно сокрушить. Советские люди, от мала до велика, поднялись на защиту Родины.

Ещё в школе я мечтал стать военным. В старших классах к нам пришел новый учитель истории - лейтенант запаса. Как-то он собрал нас и повел речь о нашем будущем. Начал спрашивать, кто и какую профессию собирается избрать? Дошла очередь до меня, я сказал:

- Хочу стать командиром в Красной Армии.

-Отличное решение. Идите в военное училище. Из вас будет хороший командир: вы крепкий, волевой, сильный характером парень. И Родине послужите, и для вас Красная Армия будет хорошей жизненной школой. Математику вы любите?

- Очень.

- Вот и хорошо. Поступайте в артиллерийское училище. Быть командиром трудно, но почетно. Да и в мире, друзья мои, не спокойно. Войны не миновать. Готовьтесь к ней, учитесь защищать Родину

Я воспитывался и рос в семье железнодорожника - машиниста паровоза. Об отце, как одном из самых лучших машинистов-кривоносовцев были выпущены брошюры с рассказом о его методах работы. Такую же рабочую хватку воспитали родители и у своих детей.

Меня призвали в ряды Красной Армии в 1939 году после окончания 10 класса. Зачислили старшим разведчиком, а затем вычислителем в 1-ю батарею 15-го конно-артиллерийского дивизиона 6-й Кубано-Терской Гончарской казачьей кавалерийской краснознаменной орденов Ленина и Красной Звезды дивизии им. С.М.Буденного. Она находилась в составе войск Белорусского военного округа и участвовала в освобождении Западной Белоруссии, в 1940 году дивизия вошла в Литву с целью защиты последней от нападения Германии.

Отсюда я был направлен в Военное артиллерийское училище. На одном из комсомольских собраний училища был задан

вопрос его начальнику:

- Будет ли военный парад в Минске 1 мая 1941 года?

Начальник ответил:

- Будет, если не будет войны.

Парад состоялся. Но с 4 мая мы начали досрочно сдавать выпускные экзамены.

И однажды теплым майским днем 1941 года начальник училища обратился к нам: «Товарищи лейтенанты!» И верилось, и не верилось - мы лейтенанты! Хотелось смеяться, петь и плясать. С трудом сдерживали себя. Да и что удивляться, ведь каждому едва исполнилось 20 лет.

Несколько дней, ожидая назначения в части, бродили мы по городу. На нас с завистью смотрели мальчишки, с любовью - девушки, долгим взглядом провожали пожилые. А мы от такого внимания к себе старались казаться серьезнее. Мы сами в эти дни были влюблены в себя, в ярко-красные кубики на наших петлицах.

Вернулся из училища в свою дивизию, в 15-й отдельный конно-артиллерийский дивизион в 1-ю батарею командиром взвода управления. Собрался в свой взвод, начистил хромовые сапоги, придиричиво осмотрел себя, как только мог. Меня встретил мой заместитель, широкоплечий старший сержант Ковалёв с загорелым лицом и спокойными зеленоватыми глазами, представил личному составу. Во взводе было 30 человек.

Стоят передо мной загорелые здоровяки в хорошо пригнанном обмундировании. Подворотнички белоснежные. На яловых сапогах ни пылинки. Поздоровался, назвал себя, сказал, что теперь будем вместе служить Родине и... разрешил приступить к занятиям.

Хожу из отделения в отделение, наблюдаю за ходом учебы. Делаю пометки, чтобы на совещании сержантов провести обстоятельный разбор, указать недостатки. Конечно, эталоном для меня служило военное училище, которое только что окончил. Недостатков пометил много. Главный, типичный - готовились солдаты к бою вообще, не представляя себе конкретного противника. На учебном поле нет имитации. Мало, по-моему, солдаты получали физической нагрузки.

На себя взял спецподготовку отделений. Учил их правильно выбрать и оборудовать НП, вести с него разведку, как ориенти-

роваться на местности, читать карту. Хотя еще свежо было в памяти то, что получил в училище, все же к занятиям готовился, просматривал литературу, пособия, составлял вводные. Выходил на местность и там намечал план занятия.

От взвода требовал максимального напряжения. Учил обнаруживать цели по еле заметным признакам. По несколько раз заставлял занимать НП, оборудовать окопы в полный профиль, производить маскировку. Учítывая, что нашим вероятным противником будут немецкие фашисты, рассказывал взводу об организации, тактике, вооружении германской армии.

Работа так захватила меня, что за две недели лишь раз уволился в город. Это было в субботу 21 июня 1941 года после помывки бойцов батареи в городской бане. Вечером молодые командиры были по билетам приглашены в ДК офицеров. Там была прочитана лекция о международном положении. Лектор, говоря о стабильности обстановки, опирался на наш договор с Германией /это за 8 часов до нападения войск фашистской Германии на Советский Союз!/ В одном зале танцевали, в другом показывали кинофильм. Работал буфет со спиртными напитками.

Кто мог предположить, что в это самое время немецко-фашистские войска, приведенные в полную боеготовность, лишь ждали сигнала, чтобы вторгнуться в пределы нашей Родины?

С вечера из Дома культуры мы на фаэтоне уехали домой. Был мягкий теплый вечер, чистое небо сверкало мириадами звезд. Казалось, огромная чаша, усиленная бледно-красными пятнами, накрыла землю.

По плану артдивизиона наша 1-я батарея должна была в воскресенье поехать на экскурсию в 9-ю авиа дивизию на просмотр новых истребителей и бомбардировщиков, находящихся за городом Ломжа. Авиаторы были нашими соседями.

Не зажигая света, разделся, раскрыл окно, лег в кровать. Ночь была настолько тиха, что у берез, росших у самых окон, не шевелился ни один лист. Уснул быстро, как и все в молодости. Разбудили меня разрывы авиабомб. Я выскочил в одних трусах на улицу и увидел два очага пожара. Бомбы попали в склады обозно-вещевого снабжения и в конюшню взвода питания нашего дивизиона. Я быстро оделся, взял шинель, противогаз и выбежал из комнаты. Подбегая к проходной воинской

части, услышал, как дежурный Лепешкин, обращаясь к командиру батареи старшему лейтенанту Толмачеву, доложил, что передали из посёлка Ломжицы /предместье г.Ломжа/, где стоял наш штаб: «Вскрыть красный пакет!»

Когда командир батареи стал вскрывать пакет, хранившийся в нагрудном кармане гимнастерки, я на лицевой стороне конверта успел прочитать: «За вскрытие пакета без разрешения старших начальников - Ревтрибунал». В пакете был приказ. 1-й батарее сосредоточиться на западной окраине города Ломжа. Через 5 минут мы тронулись выполнять приказ. На окраине Ломжи я, как командир взвода управления, выбрал НП.

Наблюдательный пункт - понятие, неразрывно связанное с артиллерией. С НП ведется управление огнем. Он выбирается на таком месте, откуда возможен хороший обзор. На НП командира батареи могут быть её командир, командир взвода управления, 2-3 разведчика, 1-2 телефониста, 1-2 радиста и вычислитель исходных данных.

Затем артдивизион был переведен с западной окраины города на опушку леса - восточнее города. Затем поступило новое распоряжение - проделать просеки в лесу и закатить туда 76-миллиметровые пушки, в связи с приближением корпуса тяжелых танков немцев. Артиллерия будет вести огонь и по пехоте врага, когда она войдет в город. По приказу командира дивизии: 48-й казачий кавполк - ударный полк, 93-му кавполку слева, а 3-му кавполку справа обойти город, окружить пехоту немцев и уничтожить её в городе.

Взвились красные ракеты, и казачьи полки рысью поскакали согласно приказа. В самом городе была неопишуемая теснота, улицы польских городах узкие. Немецкая пехота и наши казачьи полки перемешались. Немецкий солдат поднять автомат не может, стоя у шеи лошади, по его ногам топчется лошадь. А наш казак не может поднять вверх шашку, чтобы срубить немца, так как зацепит соседа-казака. Наконец, немецкая пехота стала пятиться.

Вытолкнув врага из города, казаки кинулись в рубку. Но последовала команда казачьим полкам укрыться в лесу, приближался второй эшелон танкового корпуса немцев.

Когда прошли средние танки врага, наша 6-я казачья дивизия стала отходить на Белосток параллельным путем по отно-

шению дороги, по которой пошли танки врага. К вечеру 22 июня мы подошли к Белостоку, он был весь в огне. Продвинувшись восточнее его километров на десять, дивизион занял оборону вместе с отходящими стрелковыми и конными частями. Всю ночь мы готовили оборону, а утром встретили огнём немецкие войска.

Ожесточенные бои шли двое суток, то затихая, то усиливаясь. Гитлеровцы упорно рвались вперед крупными моторизованными силами, чтобы смять наши войска, ввели в бой большое количество танков и авиации. Мы встречали танки огнём орудий, стоящих на прямой наводке, гранатами, бутылками с горючей жидкостью или бензином. Когда не хватало бутылок, наполняли бензином фляжки, котелки, каски. Жертвывая собой, бойцы вскакивали на танки, замедлившие движение, обливали их и поджигали. Во время боя во все подразделения подвозили бензин, разлили в канистры, которые солдаты в бой несли так же, как пулеметы и минометы. Делалось всё, чтобы остановить врага, казалось, люди соревновались в героизме. Однако сказывалось превосходство врага в танках, самолётах и живой силе.

Помню, несколько немецких танков остановились в километре от места, где находился НП командира дивизиона и командира батареи. Открылись люки, из них выскочили танкисты и начали рассматривать опушку в бинокль. Я веду наблюдение за противником и докладываю командиру дивизиона: «К перекрестку подошли 18 танков, подъехала легковая машина. Из неё вышли офицеры». То и дело отрываюсь от бинокля и наблюдаю за командиром дивизиона. Он спокоен. Его уверенность передается и мне, молодому лейтенанту. Чуть бледные сидят телефонисты, не отрываясь от стереотруб, стоят в глубоких окопах разведчики - глаза и уши артиллерии.

Команда раздалась неожиданно: «Тигр, огонь!» «Тигр» - это условное наименование подвижного заградительного огня. По этой команде на цель одновременно обрушиваются все артиллерийские подразделения. Теперь я понял, почему командир дивизиона выжидал. У легковой машины немцев собралась группа офицеров. Ее-то мы и накрыли первыми снарядами.

Наши пушки из 12-ти стволов грохнули разом, и пошли, пошли один за другим четко, слаженно посылать осколочно-фу-

гасные снаряды туда, где стояли вражеские танки. Запылали машины, фашисты начали разбегаться. Уцелевшие танки поспешно покидали перекресток. Командир дивизиона громко крикнул: “Молодец, Косов!”

Бой шел с переменным успехом. Немецкая пехота накапливалась в оврагах и балках. Над нами появились самолеты, вероятно, разведчики. Они летали так низко, что были видны паучьи свастики на фюзеляжах. Прошло несколько минут. Я напряженно разглядывал заросли кустарника, туда просачивалась немецкая пехота. «Вон они! - крикнул я. - Смотрите правее! В кустарнике мелькают фигуры. Разрешите разведчикам открыть огонь?» Но нас опередили минометчики одного из батальонов стрелкового полка, который мы поддерживали.

Командир дивизиона крикнул мне: «Лейтенант Косов! Мы с Рыжовым меняем НП. Вы остаетесь здесь. Выполняйте заявки пехоты. Как только начнем стрелять с нового места, снимайтесь и вы!». Несмотря на всю сложность обстановки, поручение управлять дивизионом меня обрадовало. Отсюда, с НП, хорошо просматривалось все поле, по которому наступали немцы.

Справа поднялась и прошла к опушке леса, где находился НП другого дивизиона, длинная цепь черных точек, которые быстро увеличивались в размерах. Скоро я различал полусогнутые в зеленовато-темных френчах фигуры, с блестящими касками на головах и сверкавшими на солнце плоскими штыками. «Вот они, фашисты, - подумал я. - Ну, мы вас сейчас проучим. Покажем, каково давление в канале ствола».

- Стрелять 1-й батарее. Репер один /репер - хорошо видимый и заранее пристрелянный местный предмет/, левее 0-80, прицел 60, 4 снаряда беглый огонь! - звонко подал я первую команду.

Прогремел гром. Снаряды взметнули впереди столбы земли. Сквозь дым и пыль вижу, как падают, ползут, поднимаются и вновь бегут вперед немцы. Слева появилась вторая группа пехоты. Подаю команду. Хорошо ложатся снаряды во вражеской цепи. Обрушить бы на эту группу автоматчиков огонь всего дивизиона. Но для этого нужно в считанные минуты подготовить для каждой батареи исходные данные. Такое мне пока еще не по силам. Этому я научился позднее, когда сам стал командовать артдивизионом.

Появились самолеты и начали бомбить. Артиллеристы укрылись в ровиках. Орудия замолчали. А немецкая пехота все ближе и ближе. Вижу их пьяные лица уже невооруженным глазом. Вскидываю автомат, перевожу флажок на одиночный выстрел. Прицеливаюсь. Один, второй, третий выстрелы. Слышу крик. Опять стреляю. Но ... патронов больше нет. "Хенде хох! Рус, сдавайс!" - орут немцы. Мороз пробежал по коже. "Дело плохо", - мелькнуло в голове. Бросаю две гранаты.

- За мной! - кричу бойцам.

Мы спустились в овраг с кустарником, что находился в 10-ти метрах от НП. Позади нас рвались гранаты. По листьям щелкали пули.

Утром батарея снова готовила орудия к бою. Раздавались удары кувалд по колям. Ими крепили деревянные брусья, положенные в небольшие углубления в земле, а в брусья упирали сошники орудий. После выстрела орудие откатывается назад. Брусья тормозят силу отдачи, меньше сбивается наводка. Установили орудия так, что оси их стволов были параллельны друг другу: так легче корректировать огонь. Измерили прицелы, с какой минимальной дальности можно начинать стрельбу, чтобы снаряды не задевали за верхушки деревьев. Зашуршала выбрасываемая из ровиков земля. На НП разведчики, телефонисты, радисты, вычислители зарывались в землю, маскировали НП. Дежурные разведчики-наблюдатели вглядывались вдаль.

Я нанес на карту расположение огневых позиций, НП, прочертил основное направление стрельбы, определил дальность и направление стрельбы, подготовил данные по двум местным предметам. Где бы цель ни появилась на поле боя, я легко могу пересчитать данные по ней. Это артиллеристы называют привязкой боевого порядка в определении данных по целям. Составил схему ориентиров, на которой обозначены наиболее колоритные предметы, видимые с НП. До каждого из них определил расстояние. Между ориентирами измерил и указал на схеме углы. Эта схема нужна для быстрого целеуказания.

Я очень любил готовить данные для стрельбы, потому что хорошо знал математику, свободно оперировал всевозможными плюсами и минусами. За первые бои приобрел и некоторый опыт, быстро научился определять отклонения разрыва снаря-

да от цели, вносить корректуру и переходить на поражение. Первые же ошибки показали, что мы многое познали в училище, но не все, что нужно на войне.

Утро. В 7.00 из лесу медленно стали выползать танки и БТРы немцев. Командую: «Огонь!» Фонтаны земли выросли перед головными танками. Колонна рассредоточилась, но продолжала идти вперед. Батарея поставила заградительный огонь - выпустила несколько десятков снарядов на одном рубеже. Немцы соскочили с БТРов, залегли. Разведчик Афанасьев доложил: «Ориентир один - влево 20, дальше 5, в овраге батарея противника». Только опытный глаз мог увидеть на фоне поднимавшегося тумана еле заметные орудийные вспышки. Переносу огонь туда. Наши осколочно-фугасные снаряды начали рваться на позиции немцев. 16 разрывов - и фашистские орудия замолчали.

Над нами начали кружить «юнкерсы». Они пикировали, сбрасывали бомбы, обстреливали артиллеристов из пулеметов.

Солдаты укрылись в ровиках. «Хотя бы один зенитный пулемет», - думал я, тоскливо, глядя, на фашистские самолеты.

Немцы открыли огонь по нашим позициям бризантными снарядами. Это страшнее снарядов, рвущихся на земле. Они разрываются на небольшой высоте. Их осколки почти вертикально летят вниз, очень губительны.

Только самолеты улетели, бойцы расчетов выскочили из ровиков. Показалась колонна немецких мотоциклистов. Кричу:
- Репер 1, левее... прицел... 4 снаряда беглый огонь!

А ночью опять отступали.

Я пришел на НП командира дивизиона. Он, обращаясь ко мне, сказал: «Что грустишь, Косов! Ты выиграл первую дуэль. Мы наблюдали за твоей работой. Ты готовый, хороший командир батареи. Но боев будет много, более тяжелых, чем этот, и все-таки мы разгромим фашистов. Последний свой бой проведем в Берлине».

Мой первый командир артдивизиона оказался провидцем. Я действительно прошел через все испытания войны: отступал, выходил из окружений, залечивал раны и шел в новые бои, участвовал во многих крупнейших сражениях и в завершающей Берлинской наступательной операции. Со своим дивизионом РС БМ-31-12 («Андрюша») я получил право поста-

вить своеобразную точку в этой войне, сделать залп по последнему опорному пункту гитлеровцев “Вильгельм Кайзер” в Берлине, после которого немецкое командование объявило о капитуляции.

А начинался последний штурм так.

Мы в Германии. Пришли сюда, чтобы навсегда покончить с фашизмом. Пришли как победители. Но вокруг нас немецкое население: родители и семьи тех офицеров и солдат, которые все эти годы творили неслыханные зверства и разрушения на нашей земле и теперь продолжают сражаться с нами с оружием в руках.

Так что же нам теперь – мстить и истреблять всех людей подряд? Сводить счеты: око за око, зуб за зуб?

Нет! Не мстить мы сюда пришли. За всю свою историю русский солдат никогда не был мстительным. Бил он немецких повстанцев, бил татаро-монгольских поработителей, громил завоевателей Наполеона, и раньше бывал в Германии и Берлине. Грозен был всегда, но великодушен.

А геббельсовская пропаганда вогнала немцев в панику, запугала – русские будут поголовно всех уничтожить. Делалось это для того, чтобы каждый немец взял в руки оружие и дрался до последнего за фашистский режим.

У нас же строгие приказы: безоружных не трогать! За нарушение этого приказа – военный трибунал!

Гитлер считал, что битва за Берлин начнется на Одере. Поэтому немцы создали здесь могучие оборонительные рубежи. Три пояса обороны. И какой! Да и сама местность была выгодна для обороны. Зееловские высоты, могучие реки – Одер, Шпрее, Нейсе, Дане, многочисленные каналы, многие лесные массивы, озера, добротные кирпичные здания.

Но дух нашей армии, ее боевой опыт, мощь вооружения были к тому времени готовы преодолеть любые преграды. На нашем Кюстринском направлении наступление начиналось так. Ночью 15 апреля мой дивизион “Андрюш” ускоренным маршем переехал по понтонному мосту на западный берег Одера. Здесь уже все было забито войсками, которые надежно зарылись в землю, укрылись в лесных массивах. К утру зарылись в землю и мы. Укрылись под маскировочные сети.

День мы вели разведку, осматривались на местности. Днем

здесь как будто все замирало. 16 апреля была особая ночь.

Тревожная настороженная темнота окутывает плацдарм. Через окопы в наш тыл тянутся обрывистые нити трассирующих пуль. В небе часто вспыхивают ракеты, то в одном, то в другом месте. Взхлеб заливаются крупнокалиберные пулеметы. С Одера тянет сырой прохладой. Ночь перед штурмом. Загайлось, притихло все на плацдарме. Ночь темная, только вблизи можно различить расплывчатые силуэты САУ и танков, тяжелые артиллерийские орудия, стоящие почти вплотную друг к другу.

Гитлеровцы нервничают. Их пугает темнота, неизвестность и необычная, настороженная тишина, царящая на плацдарме. Идут последние минуты затишья. Все напряжены, как струны. И вот она, команда “Буря”. Повторяется по телефонным проводам, выкрикивается голосами и катится по широкой равнине. Тотчас раздалось водопадное шипение “Андрюш” и “Катюш”, оно сливается с оглушительным воем и грохотом тысяч орудий в единый гром. Огненный шквал в клочья разорвал тьму, расколол блеклое небо и бешено заплясал впереди, разбрасывая мягкую влажную землю. Задрожала и колыхнулась под ногами земля. Зазвенел, засвистел и завыл разрывами воздух. Поблуждало небо, а внизу, на кипящей взрывами земле, бушует бескрайняя огненная река, и брызги огня вихрятся все гуще и гуще, мерцающая и пылая переливающимися огнями. Впереди все клочечко и бушует, и немецкие позиции наглухо закрыты тучами дыма и вздыбленной земли. Вокруг все трясется, содрогается. С брустверов ручьями течет песок. А впереди, четко обозначив горизонт, бушуют и клубятся пляшущие языки огня.

Над нашими позициями взвились серии красных ракет - сигнал общей атаки. Послышались команды: «Вперед! Ура!», доносящиеся слева и справа. Огневой вал уже успел укатиться к горизонту, в самую глубину немецкой обороны. И тотчас недалеко от моего НП ударил свет. Сначала один, длинный и узкий, словно клинок сабли яркий луч встал вертикально, упершись острием в темно-багровый купол над плацдармом. Затем вспыхнули разом десятки других лучей. И все вокруг - и земля, и развалины, и небо - вспыхнуло, заискрилось в сплошном, режущем глаза, слепящем, как солнечный диск, свете.

На НП все командиры приданных стрелковому корпусу частей вначале опешили от неожиданного, величественного цар-

ства огня и света. Затем поняли, что это мощные зенитные прожектора ослепляют врага, делают световую атаку. Засвеченный передний край обороны врага сразу придвинулся, стал резче, ближе. Пехота вывалила из укрытий и стала быстро двигаться по ноздреватому от воронок нейтральному полю. Орудийный грохот заметно стих.

Мой гвардейский дивизион сделал 4 залпа по скоплениям войск противника и один залп по железобетонным надолбам, делая проход нашим танкам в обороне врага.

Очень важным и сильно укрепленным рубежом были Зееловские высоты. Здесь шли наиболее тяжелые кровопролитные бои пехотных и танковых частей. Немцы сосредоточили на высотах много артиллерии и стрелков фаустпатронами, врыли в землю самоходки, танки, опоясывали высотки траншеями, построили дзоты. Они залили водой все канавы, завалили лесом дороги, чтобы затруднить продвижение наших танков. На улицах соорудили баррикады. Дымили леса, подожженные снарядами. Падали на шоссе обугленные ели. На лицах людей оседала копоть, но воины шли вперед, пробивая железо, камень, бетон.

На пути наших войск к Берлину, как сторожевые псы, лежали города. За каждый из них надо было вести жестокий бой. В пороховом дыму, в дикой пляске огня, в рыжей кирпичной пыли, оседавшей на деревьях, солдаты продвинулись вперед. А вокруг валялись сожженные танки, машины, разбитые пушки.

21 апреля мой дивизион РС с частями 47-й армии вышел на северо-западную окраину Берлина. Я получил радиogramму: "Дивизиону прибыть в квадрат 8 в распоряжение Кузнецова". Мы направились туда.

Германская столица основательно разрушена. На каждом шагу гигантские воронки. Развороченный камень, бетон, сплюснутая арматура, битое стекло. И над всем этим облака кирпичной пыли и дыма. Фашисты бессмысленно, упорно сопротивляются. Это агония загнанного в яму волка. А мысль о бесполезности борьбы уже проникла в сознание многих немцев.

Было два Берлина. Мы это увидели своими глазами. Один – нанесенный на карту, в котором сражались наши войска, разбитый артиллерией и бомбами, другой – подземный, пещерный Берлин, в котором многие месяцы жило, спасаясь от бомбар-

дировок, население столицы. Я с командиром разведки побывал у “пещерных немцев”, посетили подземные бункеры, подвалы, пещеры. Здесь было темно, сыро, душно, тесно. Людей, как сельдей в бочке, – дети, женщины, пожилые люди. На мой вопрос: “Давно вы здесь сидите?” Пожилой немец с печалью в голосе ответил: “Давно. Это нам Гитлер подарил. Обещал весь мир, а дал - эту пещеру”.

Может быть сравнение не очень уместно в этих воспоминаниях, но что-то подобное получил наш народ от краснобаев от Горбачевско-Ельцинской демократии и процветании.

Первого мая меня по рации вызвал к аппарату начальник политотдела 5-й гвардейской Калининградской Краснознаменной ордена Ленина дивизии и спросил, когда я буду поздравлять личный состав дивизиона с Первомайским праздником? Я ответил, что выезжаю, а после поздравления зачитаю и приказ товарища Сталина. Он одобрил, и я выехал к парку за Александрплац, где находился дивизион.

Только поздравил бойцов с праздником и начал читать Приказ Верховного Главнокомандующего, как услышал необычный грохот. Я приостановил чтение и взглянул в сторону, откуда нарастал гул. Подумалось: “Вдруг немцы собрали последнюю авиацию и бросили на бомбежку наших частей, которые начали выходить из Берлина”.

Вдруг из-за высоких зданий показались 22 наших реактивных истребителя. Ниже их летели две пары штурмовиков, к которым были привязаны два огромных красных полотнища. На одном написано – “Победа!” На другом – “Да здравствует 1 Мая!”

Бойцы хлопали и кричали: “Ура!”.

Только вернулся в штаб, меня окликнул радист: “Товарищ майор, вас к рации вызывает десятый”. Под этим позывным значился командир нашей минометной бригады.

Я взял трубку.

- Воевода, вы действительно начинали 22 июня 1941 года?

- Так точно, товарищ генерал.

- Тогда и будете ее заканчивать. Маршал Жуков приказал найти в артчастях фронта вас, таких “зачинщиков”, и поручить поставить точку в войне. Все разъяснения получишь у “хозяйна”.

Вскоре меня вызвал к себе командир 7-го стрелкового кор-

пуса и сказал:

- Ты, молодой человек, счастливейший на свете. Верно, что в боях с первого дня войны?

- Верно.

- Тогда получай задачу. Нанесешь удар по укрепленным позициям Вильгельм Кайзер. Твоему эрэсовскому дивизиону придется вразумить кое-кого из тупоголовых фашистов. Давайте вашу карту. – И он нанес квадрат предстоящего удара.

- Готовность залпа к какому времени, товарищ генерал?

- К 18.00. Сегодня в 4.00 был парламентар от Бормана – фельдмаршал Кребс, просил прекратить военные действия на 2-3 дня, чтобы собрать правительство Германии для решения вопроса о капитуляции.

Вел переговоры с Кребсом маршал Соколовский и заявил парламентару, что если до 18.00 не будет согласия о капитуляции, то на немецкую группировку будет обрушена вся сила советских войск.

Вот к этому времени и будете готовы. Все ясно? Выполняйте.

Огневую позицию я выбрал на Александрплац. Но она была завалена кирпичом, балками разрушенных зданий. Построил бойцов дивизиона и сказал, что сегодня с этой площади нужно будет дать последний залп по врагу. На нем война кончится.

Но прежде надо расчистить площадь для подхода сюда ракетных установок. Бойцы под крики “Ура!” взялись за дело. Через два часа проходы для техники на площадь и площадка для реактивных установок были расчищены.

Все было выполнено согласно приказа точно и в срок.

В 18.00 я связался с командиром артиллерии 7-го стрелкового корпуса.

- Значит, Борман все еще думает. Подождем еще с полчаса.

В 18.30 наш эрэсовский дивизион всей своей мощью ударил по последнему опорному узлу немцев в Берлине. Это событие запечатлели военные кинооператоры для исторической фильмотеки страны.

Михаил Воробьев

**ТАК
НАЧАЛАСЬ
ВОЙНА...**

Михаил Данилович Воробьев родился в 1907 году в деревне Воробьево Шимихинского района. Без малого 30 лет отдал армии. С первого до последнего дня был участником сражений Великой Отечественной, прошел путь от солдата до полковника, заместителя командира гвардейской дивизии. Участник взятия Берлина. Четырежды ранен, дважды – тяжело. Награжден орденами Ленина, тремя – Боевого Красного Знамени, двумя – Красной Звезды, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, многими медалями.

Под самый вечер 21 июня от начальника штаба дивизии принесли пакет. Вскрываю: “К утру 22 июня выгрузить боевую технику из прибывшего на станцию Лапичи эшелона”.

Приглашаю своего заместителя по политической части капитана Пшеничникова. Яков Васильевич, ознакомившись с содержанием штабной депеши, не в восторге.

— Да-а, — тянет он, — отдохнули ребята.

Поднятая по тревоге бригадная школа младших командиров выступила к Лапичам с песнями. Шли повзводно, легко и скоро. Эти девятнадцатилетние парни вполне отдавали себе отчет о том, в какое время несут свою службу. И почему даже их знаменитую кавалерийскую дивизию, которую в гражданскую войну создавал сам С.М. Буденный, водил в атаки К.Е. Ворошилов, сделал образцовой Г.К. Жуков, — по-

чему даже ее переформировали вдруг, оснастили всем, чем только можно оснастить наземную воинскую часть, и стала она уже не 4-й Донской казачьей, а 210-й мотострелковой дивизией. Принимали это наши курсанты как должное.

К двум часам ночи мы с замполитом приехали на полустанок на мотоцикле с коляской. Нужный эшелон с техникой нашли быстро. Зазвучали команды, и разгрузка началась.

Курсанты действовали споро. Когда тихая теплая ночь заалела рассветом, разгрузка уже закончилась. Шел четвертый час утра...

И вдруг появились самолеты. В нашей дивизии, да и в корпусе их не было. Были автомашины, танки и броневики, пушки, минометы, только не авиация. И все же едва ли кто из нас в ту минуту подумал, что самолеты могут быть чужими.

Они шли тесными группами с той стороны, где горизонт еще был окутан темной уходящей ночи. Надвигались на нас, будто тяжелая гудящая грозовая туча.

Вот туча развернулась, повисла над селом с таким же названием, что полустанок, правее от нас. От самолетов отделились маленькие черные точки. И почти тотчас загрохотали разрывы бомб, над домами заплясали жадные языки пламени.

Значит, все-таки немцы? Раздумывать некогда. К эшелону стремительно приближается выплеснувшаяся из села обезумевшая толпа людей. Женщины, старики, дети... Они бегут, подгоняемые надсадным гулом авиационных моторов, трескотней пулеметов и разрывами фугасок. Надеются получить от нас защиту...

Но мы почти так же беззащитны, как и они. К счастью, разгрузка эшелона уже закончена, и курсанты рассредоточили прибывшие танки и новенькие автомашины ЗИС-5 и ГАЗ-АА. Когда над полустанком зависла гудящая черная туча "юнкеров", на путях стояли только порожние платформы.

Школа не имела потерь ни в людях, ни в технике. Но гражданского населения пострадало много. Были и убитые, и раненые.

В тот же день, сдав пригнанную из Лапичей технику соседней части, погрузившись на ЗИС-5 и "полуторки", бригадная школа младших командиров вместе с другими соединениями 20-го механизированного корпуса направилась к границе с

Польшей. Там мы должны были стать стеной, о которую, мы были уверены, непременно разобьется бронированный кулак вероломного врага.

Во ржи 210-я мотострелковая дивизия развертывалась в районе Барановичей. Нашей школе был отведен участок Валерьяны-Шишецы. Три дня — 23, 24 и 25 июня — пока впереди были другие войска, готовили мы свой рубеж обороны. Тщательно отрывали окопы с ходами сообщения, капониры.

Но то и дело приходилось отвлекаться на очистку тыла от воздушных десантов немцев. И еще мешал почти непрерывный поток беженцев. Женщины, старики, дети, боясь вражеской авиации и танков, избегали дорог, шли через наши полевые порядки. Это тягостно действовало на бойцов. В глазах мечущихся от страха людей без труда читался тяжкий упрек воинам, не уберегшим их мирную жизнь и труд.

Позиция курсантов пришлась на большое поле ржи. Утро 25 июня выдалось на редкость тихое. Не донимали фашистские самолеты, схлынули волны беженцев, спокойно было в тылу.

— Пройдем-ка, комиссар, по боевым порядкам школы,— предложил я своему замполиту.— Посмотрим готовность, побеседуем с курсантами.

Люди мы с Яковом Васильевичем крупные, но и рожь так высока, что нам почти по плечи. Ни ветерка, ни шороха — не то что каких-то напоминаний о войне. И вдруг в этой тишине не то стон, не то какой-то писк.

Пшеничников сразу насторожился.

— Подожди здесь, я сейчас узнаю,— говорит и скрывается во ржи. Вскоре зовет меня:

— Товарищ капитан, идите сюда, здесь такое...

Бросаюсь на его голос. И увидел, действительно, такое, что зашло сердце.

Во ржи лежала убитая молодая женщина, рядом с ней еще два детских трупа — девочка лет шести и мальчик лет двенадцати. А еще один малыш, не старше двух лет, весь перепачканный в крови, дергал мертвую мать за кофточку и не плакал, для этого у него уже не было сил, а тихо попискивал. Глазки его оплыли от комариных укусов, и он почти не открывал их.

Пшеничников наклонился над трупами.

— Их, видимо, еще вчера пулеметной очередью с самолета

срезали,— заключил он.

— Ох, ты, горемычный,— вырвалось у меня.— Всю ночь возле мертвой мамки...

Я взял малыша на руки. Он обхватил меня за шею и не отпускал, пока мы не пришли на мой КП. Нас обступили курсанты.

— Бедолага,— проговорил один и протянул малышке банку разогретых консервов.

Это послужило как бы сигналом для других. К нашему найденышу потянулись руки с хлебом, консервами.

Я был растроган таким участием. Но мальчик, прежде всего, нуждался во врачебной помощи. И я отдал малыша ординарцу, приказав отнести его в санчасть.

ПЕРВЫЕ БОИ

После войны в серии “Военные мемуары” вышло много книг видных советских военачальников. И в некоторых из них, в частности, генерал-полковника Л. М. Сандалова “Пережитое”, книге мужественной и пронзительно правдивой, я все же с удивлением прочел о том, что еще 27 июня 20-й механизированный корпус генерала Никитина, в состав которого входила наша 210-я мотострелковая дивизия генерал-майора Ф. А. Пархоменко, в бой... не вступал! Между тем полки дивизии дрались с моторизованными частями Гудериана уже 26 июня.

Курсантам нашей школы в тот день пришлось жарко уже с раннего утра. Сначала долго и методично наши боевые порядки бомбила авиация. Потом на курсантские окопы был совершен довольно сильный по мощности и продолжительности артналет. Бомбы и снаряды перепахали весь рубеж. Лишь редкими пятнами на черном фоне вывороченной земли белели островки зреющей ржи — так усердствовал враг.

Признаюсь, дрогнуло мое сердце, когда я увидел все это в короткое затишье перед атакой. Подумалось: “Поднимутся вражеские цепи, пойдут танки, — будет ли кому встретить их?..”

Но хотя и недолго существовала наша школа младших командиров, а за несколько месяцев ее преподаватели смогли многое дать курсантам. Совсем юные солдаты, курсанты сумели достойно подготовиться к бою. Когда на их позиции рину-

лись вражеские танки и автоматчики, изрытая снарядами и бомбами земля, где и не угадывались курсантские окопы, ожила. Врага встретили сравнительно густые залпы, а когда танки подошли совсем близко, из изуродованных, бесформенных окопов в них полетели гранаты и бутылки с зажигательной смесью.

Волна атакующих схлынула. Но не успели мы, как следует подправить свои окопы, пополниться боеприпасами, как атака возобновилась. И снова гремели залпы, почти сливались, становились неразличимыми пулеметные “тра-та-та”, вонзались в синеву горизонта автоматные строчки. А затем к ним присоединились и тяжелые разрывы гранат. И снова враг отступал.

И так весь день, до наступления темноты.

27 июня противник был еще более настойчив. Немцам несколько раз удавалось врваться в наши окопы. Разгоралась ожесточенная рукопашная схватка.

Мы и к этой ночи остались на своих позициях, не сдвинулись с места и наши соседи справа и слева — моторизованные полки дивизии. А враг уже захватил Минск и Слуцк, продвигался к Бобруйску. Получалось, что дивизия в глубоком тылу противника. Но приказа отступить нет. Что-то завтрашний день готовит?

А 28-е июня выдалось тихим.

Можно было, не спеша, оглядеть наше первое поле боя. То там, то тут валялись вражеские солдаты: попали под густую пулеметно-автоматную очередь. Особую же гордость курсантов вызывали двенадцать танков и три бронемшины, застывшие у самых наших окопов. Отличные же у тебя солдаты, наша советская Родина!

Иван Аистов

**ПРО БАТАРЕЮ
НА БЫЧЬЕЙ
ТЯГЕ...
И ОРДЕН
АЛЕКСАНДРА
НЕВСКОГО**

Аистов Иван Михайлович родился в 1919 году. Призван в армию в 1939 году. Прошел войну с первого до последнего дня. Воевал на Юго-Западном, Западном, 1-м Украинском и 1-м Белорусском фронтах. Освобождал Украину, Белоруссию, Польшу, наступал на Берлин и закончил войну в Праге. Имеет два тяжелых ранения, контузию. Награжден орденом Александра Невского, тремя орденами Отечественной войны, орденом Красной Звезды и многими медалями. После войны до ухода на пенсию работал на Курганском машиностроительном заводе имени В.И.Ленина.

Наш батальон располагался в хозяйственных постройках небольшого хутора в Литве, на границе с Польшей. Рота здесь строила укрепления. 22 июня 1941 года услышал канонаду. Прибежал к начальнику штаба лейтенанту Федотову. Он на мой недоуменный вопрос спокойно ответил: “Это немцы проводят учения на границе”. Но вскоре снаряды и мины полетели и на наши недостроенные оборонительные сооружения. Связь исчезла, никто не знал, что делать.

Прибежал командир роты лейтенант Халитов и приказал мне (старшине) все ротное имущество погрузить на подводы и ехать в сторону Каунаса, так как немцы перешли границу, идет бой, все красноармейцы, которые работали в ночную смену, или убиты, или взяты в плен.

Драматизм положения усугублялся тем, что наша строительная рота была безоружной. На всех 9 винтовок и один ручной пулемет Дегтярева. Забрав у меня это оружие и подняв отдыхающую от работы смену, командир сказал: “Будем держать круговую оборону”. Больше я ни о Халитове, ни о роте ничего никогда не слышал.

Погрузив все, что смог и успел, я отправился в путь. По дороге, растянувшись на километры, идущие и бегущие гражданские, среди них поодиночке и группами безоружные красноармейцы. Большинство строительных подразделений не имели даже табельного оружия. Налетели немецкие самолеты. На бреющем полете стали расстреливать из пулеметов бегущих по дорогам. Все сплелось, все перемешалось. Никакой связи или информации, ни команд, паника.

Доехал до реки. Мост разрушен, а на берегу столько машин, другого транспорта и народа, что не пройти, не проехать. Люди метались из стороны в сторону. Ругань, стоны раненых, а фашистские стервятники, построившись в круг, как на полигоне, безнаказанно сваливались на наши головы, бомбили или расстреливали из пулеметов и спокойно уходили восвояси.

Горько и обидно. “Граница на замке”, - говорили нам до этого.

Многое пришлось пережить на этом бесконечном пути. Наконец, я и многие военные, безоружные, изнуренные, оказались в районе Смоленска. Тут появилось организующее начало. Меня зачислили в минометное училище, с которым вскоре эвакуировались в Омск. Окончил училище лейтенантом. Меня направили в город Семенов Горьковской области на артиллерийские курсы совершенствования командного состава. И через 3 месяца на Юго-Западный фронт.

Как и на всяком фронте, там разное бывало. Однажды, войдя в глубокий прорыв немецкой обороны, мы оказались без тылов, обеспечения боеприпасами и техникой. А приказ сверху один: “Вперед!”. Мы и шли. Но, израсходовав последний запас боекомплектов, оказались неспособными не только наступать, но и держать оборону. Нависла угроза окружения. Пришлось отступать, а точнее спешно оставлять занятые позиции.

Вот в такой круговерти в составе 747-го стрелкового полка оказалась моя батарея 120-миллиметровых минометов. У нас

не осталось ни одной мины, а патроны к личному оружию можно было на пальцах пересчитать.

Полк отходил отдельными колоннами, подальше от главных дорог и крупных населенных пунктов. Ничего хорошего встреча с противником не сулила. Но батальон обнаружили немецкие самолеты. Обрушили ливень пулеметного огня. Пехота – ей что, команды “Воздух! Ложись!” иногда бывает достаточно для избежания потерь. Самолеты улетели – пехота отряхнулась и двинулась дальше. А для батареи налет оказался роковым. За минуту шести минометных упряжек как ни бывало. На дороге остались лежать убитые лошади.

Что делать? Батальон ушел. У местных жителей немцы забрали лошадей. Уничтожить минометы, чтобы не достались немцам? И тут подвернулся счастливый случай. Волы. Прежде я и в мыслях не мог себе представить, чтобы артиллерия – бог войны – на волах. А тут, хочешь жить – борись. Пасуешь – погибай. Третьего не дано. Крестьяне ближайшей деревни сочувственно отнеслись к нашей беде. “Возьмите, - говорят, - волов. Все равно их немцы или полицаи отнимут у нас”.

Нашли сани-розвальни, воловью упряжь и на новоиспеченном транспорте двинулись в путь, указанный жителями деревни. Все вроде бы делалось, но нет. Ездовые конных упряжек (теперь погонщики волов), не владея азбукой обращения с животными, часто путали, где “Цоб”, а где “Цобе”, отчего волы не понимали, что от них требуется. Да и волы не лошади, на них не гикнешь, их не пришпоришь. Весна дорогу разрушала. Сани то и дело заваливались, движение замедлялось. А тут еще немецкие танки появились, стрелять по ним нечем. Я командовал: “Назад! Рассредоточенно отходить!”. Танкисты, увидев нас, остановились. Некоторые выскочили из люков и внимательно изучали нас, кто же мы? Наше обмундирование объяснило, но немцы продолжали наблюдать. Стрелять в нас – далековато, проутюжить нас гусеницами – весенняя пойма набухла, можно танком засесть в грязи и топи. Но немцы учли, что наша дорога петляла под острым углом к шоссе, что давало танкистам возможность держать нас под прицелом, пока будем видны. А мы – цель – уходили все дальше.

И посыпались вокруг нас снаряды. Началось замешательство, а как иначе? Солдаты наши разбежались в разные сторо-

ны. И огонь прекратился.

А как же вольты? Они достойны похвалы. Ни один не шарахнулся в сторону. Решили отдохнуть. Когда артиллерийская кутерма улеглась, мы на волах добрались до места сбора отступающих частей дивизии, до реки Северский Донец. Все шесть минометов остались в строю.

И снова бои. Удаchi и промахи. Жестокие испытания суровых лет.

Уже в Германии моей батарее, приданной стрелковому батальону капитана Соколова, пришлось отбивать атаки немцев на захваченном нами плацдарме. Мы быстро, организованно на подручных средствах преодолели водную преграду. Обнаружив нас, немцы не допустили дальнейшей переправы наших войск на этом участке. Плацдарм наш был необычным: всего лишь узкая прибрежная полоса с насыпной дамбой из песка, которая, видимо, спасала расположенное рядом плодородное поле от весеннего паводка. Вот за нее-то мы и зацепились. Там не было ни добротных траншей, ни тем более блиндажей-землянок в три наката. Довольствовались одиночными щелями-ровиками. В них было как-то безопаснее. И пушки мы тщательно замаскировали за дамбой.

Наши войска в тот период приближались к тем самым местам, откуда с запрятанных под землей площадок Гитлер запускал на Лондон свои грозные "ФАУ-2", наводя ужас на англичан. Фашисты прилагали все усилия, чтобы сбросить нас обратно в реку. Артиллерийские налеты и бомбежки постоянно и сильно донимали нас.

На шестой день боев на лежащем перед нами полем появились немецкие танки. Их строй я назвал "свиньей". Впереди шли два "тигра", а за ними танки помельче, в сопровождении множества автоматчиков. Наши снаряды не могли пробить броню "тигров" и стрелять издалека не было смысла. Попастъ в цель нелегко, а пушки сразу враг обнаружит. Пехотинцы зашевелились, когда между нами и танками оставалось 600-800 метров. Кое-кто попятился назад, некоторые даже попрыгали в реку, чтобы спастись. Заволновались и мои солдаты. Командир стрелкового батальона жмет на меня: почему не открываю огонь? Но я твердо знал, что в моем положении можно открывать огонь только прямой наводкой на расстоянии 400 метров,

чтобы бить наверняка.

Настало время: дал залп по “тиграм”. Снаряды ударились, как о стенку горох. Приказал бить по гусеницам. Один “тигр” завертелся на месте. Подбили еще один танк. Поредели сильно ряды немецких автоматчиков. Но и немцы успели уничтожить одну нашу пушку. Танки и пехота повернули назад.

На седьмой день они снова пошли на нас и опять два танка мы подбили, уничтожили много немецких пехотинцев, и бой закончился. На утро оказалось, что немцы два подбитых танка увезли, видимо, тягачами. А тут и наши войска переправились, пошли в наступление. Кроме одной пушки в эти дни наша батарея потеряла несколько солдат убитыми и ранеными. Но занятый нашей батареей и сильно обескровленным пехотным батальоном плацдарм врагу не отдали.

Не обходили меня пули и осколки. После ранения привез меня ординарец на конной повозке в прифронтной госпиталь. Там перевязали – и дальше во Львов. В госпитале я осознал, что тяжело ранен. С целым набором увечий положили в палату тяжело больных. Мучительные, а порой невыносимые боли не давали покоя ни днем, ни ночью. И только тайно выпрашиваемый у медсестры морфий давал возможность заснуть хоть на короткое время.

Не прошло и недели после первой операции, как врачи сделали повторно операцию по извлечению оставшихся, не обнаруженных ранее костных осколков в челюсти.

И все же физические боли – куда ни шло, когда-то закончатся, куда сильнее удары на психику. От них не спрячешься. “Зеркало!!! Ты кривое, коль исказило так мое лицо”. - Хотелось кричать на всю палату, хотя виноват-то сам, не выдержал – посмотрел. И... вот расплата.

Прошли недели. Снова операция. Очень болезненная, но быстрая. Нижнюю челюсть удалось поставить на место. К концу второго месяца меня совсем разбинтовали, порекомендовали тренировать челюсти с помощью бельевой прищепки. Так, чтобы в широко открытый рот входил чуть ли не весь собственный кулак. Но когда этого дождешься!

Недели через две, когда между зубами кое-как можно было вставить конец мизинца, явился я к начальнику госпиталя проситься на выписку. “А ты, молодой человек, куда спешишь?”

“На фронт”, - хмыкнул я. “К черту на рога, вот куда”, - оборвал он. И больше ни слова, справку о ранении подписал.

И вот мой 134-й артиллерийский полк. Сердечная встреча с однополчанами. И сюрприз: приказом по полку подполковник Богданов назначил меня командиром первой немецкой батареи 105 миллиметровых пушек.

Увидев на моем лице явное недоумение, он, растягивая удовольствие, сказал: “Да, да, будешь оружием врага бить по врагу”.

Оказывается, пока я лечился, нашими войсками было захвачено, помимо других трофеев, много артиллерийского вооружения и складов боеприпасов противника. И вот я получил скомплектованные боевые расчеты и четыре немецких орудия.

Изучить материальную часть пушек, маркировку снарядов и их назначение не составило труда. К исходу дня все солдаты батареи изучили матчасть. Но оказалось, что на эту модель пушек нет таблиц стрельб. С командиром дивизиона майором Бундюком мы отвели пушки в глубину нашей обороны и занялись пристрелкой. Выпустив несколько десятков снарядов, таблицы стрельб составили.

Подполковник Богданов, давая последние напутствия, сказал: “Присваиваю твоей батарее первый номер в дивизионе, первым будешь начинать огонь, последним заканчивать. Снарядов не жалея, их тьма”.

Пользуясь неограниченным количеством выстрелов по переднему краю противника, мы выпускали столько снарядов, пока на наблюдательном пункте все были убеждены, что цель уничтожена.

Один из множества боев мне особенно хорошо запомнился. Окруженная группировка противника несла большие потери от огня советской артиллерии. В числе других, в бой вступила и наша батарея. Противник метался, искал слабое место для прорыва кольца окружения.

Кто был на фронте, тот знает, что звук выстрела и полет снаряда наших пушек отличается от немецких. Приняв выстрелы нашей батареи за огонь своих, гитлеровцы основной удар прорыва устремили в этом направлении, надеясь, что нашли разрыв в кольце окружения. Шквал беглого огня мы не прекращали ни на минуту. Обреченный на уничтожение, враг очумело

рвался к нашей батарее, видя в этом спасение.

И вот, гитлеровцы уже видны не только с наблюдательного пункта, но и орудийным расчетам. Командиры первого и четвертого орудий старший сержант Овчинников и сержант Клюев доложили мне на наблюдательный пункт, что огонь можно вести прямой наводкой, и залпами стали посылать снаряды в немцев.

Мечущиеся фашисты в отчаянии стали подавать сигналы ракетами, чтобы батарея перестала их крошить. Но это еще больше воодушевило моих бойцов на уничтожение врага. Остатки немцев разрозненными группами бросились в лес, а им вдогонку летели так хорошо знакомые снаряды. Около пяти месяцев враг нес потери от собственного оружия, оказавшегося в руках советских солдат, пока последний снаряд был израсходован. Эти пушки были сданы на слом. Взамен мы получили отечественные, превосходящие немецкие, как по маневренности, так и по силе огня. Нам предстоял еще боевой путь по Германии, Чехословакии и дошли мы до самого Берлина, потом повернули в Чехословакию. Было много жарких боев, обо всех не расскажешь. Войну закончил 12 мая освобождением Праги.

После войны нашу дивизию перевели в Западную Украину, город Коростень, где я с медсестрой госпиталя, лечившего меня, сыграли свадьбу. Демобилизовался по инвалидности. Переехали с женой Марией Семеновной в Курган. Работал на Курганском машиностроительном заводе.

Одна из моих наград – орден Александра Невского – заинтересовала моего знакомого Торопова. Он считал, что им награждают только генералов, а я был всего старшим лейтенантом. Сделали запрос в архив Министерства обороны. Ответ пришел быстро. Он подтвердил награждение меня этим орденом, чем и убедил знакомого, что такая награда дается по заслугам, независимо от звания.

Константин Коротков

НЕ ЗАБЫТЬ ТЕХ ДНЕЙ

Константин Николаевич Коротков родился в 1910 году в селе Неонилино Шадринского района. В 1931-1935 годах проходил службу по охране дальневосточной границы нашей Родины, ранен. С декабря 1939 года вновь на военной службе, командир стрелковой, потом разведывательной роты, помощник начальника штаба полка по разведке. В войну вступил 28 июня 1941 года. В январе 1942 года тяжело ранен, контужен. Комиссован, инвалид 2 группы. В мирное время трудился в органах прокуратуры Шумихинского района, вел большую общественную деятельность. За ратные и трудовые подвиги награжден 15 наградами различного достоинства.

У меня, как, впрочем, у каждого фронтовика, в памяти живы многие события тех военных лет. Но сегодня мне хотелось бы вспомнить о самых первых и самых тяжелых месяцах войны.

Шел июль 1941 года. Наш стрелковый батальон и приданный ему взвод разведки, выполняя боевое задание командования, оказался отрезанным от наших войск.

Командир батальона капитан Журавлев принял решение с боем прорываться к своим. Батальон сходу атаковал противника. Вначале нам удалось потеснить его, но вскоре стало ясно, что успех наш временный. Противник подтянул артиллерию, танки, в воздухе появились самолеты, и весь этот шквал огня

обрушился на нас. От разрывов снарядов и бомб содрогалась земля.

Несмотря на это, батальон повторял атаки одну за другой. Красноармейцы сражались героически. Бой продолжался около двух часов, потери у нас были велики.

Командир батальона принимает новое решение: выйти из боя и отойти в глубь лесного массива.

При отходе комбат Журавлев погиб. И мне, как командиру головной роты, пришлось принять командование батальоном.

Положение было критическим: от батальона осталось 150 человек, из них 35 раненых, 12 из которых не могли передвигаться самостоятельно. Из командного состава в живых остались пятеро, и лишь трое в строю. Из медицинских работников — один санинструктор. Патроны на исходе, у некоторых красноармейцев их осталось всего по 10-15 штук. Нечем перевязать раненых. Продуктов нет.

Казалось, в этой ситуации люди растеряются. Действительно, были и такие, что предлагали пробиваться к своим отдельными группами. Это практически означало бы распустить батальон, а раненых товарищей оставить на гибель.

Но этого не случилось. Не случилось потому, что у каждого советского человека есть свой нравственный кодекс. Даже вот такая безвыходная ситуация не сломила дух солдата. Наоборот, эта общая беда — война выявила такие качества, что диву даешься. Не имея никакого приказа, надежды на помощь, надежды на то, что завтра будут еще живы, они выполняли свой долг чести.

И было принято решение: батальон сохранить как боевую единицу, пробиваться к своим организованно, раненых нести с собой.

Мне, как командиру, тоже нужно было принять единственно верное решение в тот момент: прорваться с боем на этом участке фронта мы не смогли, а сил повторить попытку у нас не было. Оставалось вывести батальон из фронтовой полосы в тыл противника, рассчитывая воспользоваться помощью населения и вооружившись за счет нападения на отдельные группы противника. Другого выхода не было. Но дело осложнялось еще и тем, что у нас не было карты местности, приходилось составлять свой маршрут, в основном, по проселочным и лесным до-

рогам, и только со слов населения. Транспорта не было, раненых несли на руках.

На второй день нашего движения произошла первая встреча с противником. В ходе короткого боя удалось захватить четыре конных повозки с продуктами (что для нас было очень важно), а также около десятка трофейных винтовок и автоматов, боеприпасы к ним. Уничтожили около десятка фашистов. Потерь в этом бою мы не имели.

Вечером того же дня на одной из дорог устроили засаду с целью внезапного нападения на противника. Нам удалось подбить бортовую автомашину и уничтожить около двух десятков фашистов. За счет трофеев мы значительно пополнили свое вооружение.

По мере продвижения на восток путь становился все тяжелее: чаще стали встречи с противником, и почти каждый бой уносил жизни наших товарищей. А путь был неблизким...

Обо всем просто невозможно говорить по порядку. Вспоминая тот поход, трудно выделить тот или иной бой, ту или иную сложившуюся обстановку, когда приходилось искать и находить выход, а в этом длинном пути бывало всякое.

В Витебской области, например, нам преградила путь глубоководная река. Наши разведчики буквально с ног сбивались, а подходящего места для переправы обнаружить не смогли. Оставался единственный выход — переправиться на тот берег через мост, расположенный у деревни, в которой были немцы.

К счастью, деревня оказалась небольшой, с нашего берега она хорошо просматривалась, и путем наблюдения разведчики установили: численность противника незначительна. Но самое главное — разведка донесла, что мост в ночное время не охраняется.

И вот около двух часов ночи под прикрытием тумана боевые группы с большими предосторожностями подошли к мосту, тихо прошли и... ворвались в деревню.

Наше внезапное появление настолько ошеломило фашистов, что они не в состоянии были оказать организованное сопротивление, выскакивали из домов в нательном белье и тут же попадали под огонь наших бойцов.

Главная задача была выполнена, потеря в этом бою мы не имели. Мы уже находились на порядочном расстоянии от де-

ревни, а стрельба в ней не прекращалась. Немцы, видно, все еще не могли разобраться в обстановке.

Линия фронта становилась все ближе, а противник встречался нам все чаще. Но вступать в бой, как говорится, без причины мы не имели права, потому что надо было измученных ранами, постоянным недоеданием, недосыпанием людей вывести из окружения. Но нам на помощь приходило население, и даже дети помогали. Помогали, заранее зная, что идут на рискованное дело.

По намеченному маршруту мы должны были выйти к одному из населенных пунктов. Но с какой бы стороны не подступались к нему, всюду путь преграждали немцы.

С группой красноармейцев я пошел в небольшую деревушку, что расположилась у леса. Задача была такая: найти кого-нибудь из местных, знающих здешние тропинки и дороги, чтобы нас незаметно провести к нужному месту.

Зайдя в крайний дом, встретили пожилого мужчину, в разговоре он как-то внушал доверие. И мы рискнули: предложили ему стать нашим проводником.

Ссылаясь на старость и состояние здоровья, он порекомендовал обратиться к одной женщине, объяснив, что ей можно верить полностью: на днях был сбит наш самолет, летчик выбросился на парашюте, пришел в деревню, а эта женщина куда-то его увела.

Делать нечего, пришлось идти к указанной женщине. Она вначале отклонила наше предложение. Когда я напомнил ей о летчике, женщина надолго замолчала. Затем сказала, что выполнить нашу просьбу не сможет, потому что больна (вид у нее, действительно, был болезненный, и она лежала, когда мы вошли). Но назначила встречу в условленном месте и сказала, что такой человек найдется.

С наступлением темноты командир взвода разведки Журбин был направлен на встречу.

Через некоторое время он доложил мне, что проводник прибыл, и указал на стоявшего сзади него мальчика.

Вначале я не поверил и подумал, что произошло недоразумение. Спрашиваю мальчика:

— Сколько тебе лет?

— Тринадцать,— отвечает он.

— А ты знаешь, куда мы пойдём?

- Знаю,— говорит.— Там живут мои дедушка и тетя. Да вы не беспокойтесь. Проведу, ни один немец не увидит.

Пятнадцать километров буквально под носом у немцев одному ему известными тропами и тропинками вел нас юный герой к нужному месту. Нас встретил его дедушка, а мы распрощались с мальчиком. Я спросил у него:

— Что же подарить тебе на память, герой?

Он, не задумываясь, ответил:

— Наган,— и добавил, предупреждая мой следующий вопрос,— фашистов буду бить.

Конечно, наган я ему подарить не мог, снял с руки часы и подал ему.

“Идет война народная, священная война”,— поется в песне. Действительно, все от мала до велика встали на защиту своей Родины. Ведь эта белорусская женщина жертвовала своим сыном, не имея гарантии, что он вернется живым...

И вот мы вошли во фронтовую зону. Население отсюда было выселено в тыл, двигаться стало сложнее. Шли мы только лесными дорожками и только ночью, шли с большой осторожностью, чтобы не обнаружить себя.

Где и каким путем переходить линию фронта? Прорываться с боем мы не могли: не было ни сил, ни средств, да и раненых не могли обречь на гибель. Принимаю решение: переходить линию фронта по заболоченным местам.

В течение двух суток продолжался поиск перехода через болота. Люди голодали. А запас продуктов был таким скудным, что позволялось давать их только раненым и тем, кто занимался поиском пути. А какая это была трудная задача, может себе представить тот, кому приходилось воевать и ходить через белорусские болота.

Такой путь был пройден, но двигаться мы могли только ночью, потому что днем нас обнаружили бы с воздуха.

Перед началом перехода я пришел к раненым. Картину эту помню, как сегодня: раненые лежат на земле, грязные, худые, повязки на ранах почернели от засохшей крови. И мы ничем не могли облегчить их страдания. Но никто из них не пожаловался, не сказал, как плохо и больно им...

С наступлением ночи, когда болото покрылось туманом, на-

чался наш последний тяжелый путь. Шли по топкому болоту, где по пояс, а где и по грудь в воде, раненых несли на руках. Люди падали от усталости, поднимались и снова шли, помогая, поддерживая друг друга. Всего лишь около пяти километров шли мы болотом, а пришлось потратить на показавшиеся нескончаемыми километры всю ночь. И лишь только утром мы были по другую сторону фронта.

О том, как были рады, что пришли к своим, нет, наверное, нужды говорить. Прежде всего, всем раненым была оказана медицинская помощь, и они отправлены в санбат.

За пятнадцать дней и ночей трудного пути была пройдена не одна сотня километров, уничтожены сотни фашистских солдат и офицеров, подорваны десятки автомашин. Не случайно весь личный состав батальона вооружился за счет трофейного оружия на 95 процентов, каждая винтовка и автомат были добыты в бою.

Старший сержант Филипишин, рядовые Костылев, Климовских, Чечигин, санинструктор Зайков... Да разве возможно перечислить их всех — героев Великой Отечественной войны. Не всем пришлось закончить тот поход, но даже смертью своей они помогли нам выжить.

...Вспоминаю, как я пришел в штаб полка узнать о местонахождении нашей дивизии. Полковник высказал сомнение, сможем ли мы двигаться в свою часть и дальше: такими уставшими и изможденными казались мы ему. Но разве могли бойцы отдыхать: шли тяжелые бои на Западном фронте. После очень кратковременного отдыха батальон двинулся в свою часть.

А уже на третий день после прихода туда я получил новое назначение — командира отдельной разведывательной роты. Через несколько дней снова был в тылу врага, но уже разведчиком, выполняя боевые задания командования.

Журналист Михаил Лисюк о Константине Короткове.

Листочки с машинописным текстом и правкой от руки давненько лежат в моем журналистском архиве. Еще здравствовавший тогда ветеран войны и труда Константин Николаевич Коротков по моей настоящей просьбе принес их в редакцию. Это его воспоминания о фронте, точнее, лишь один эпизод из полных лишений первых месяцев войны.

Как сейчас вижу, мы сидим за столом друг против друга, я перебираю листы, а Коротков сквозь линзы сильных очков ревниво следит за моими действиями. Чувствую, ему очень дороги эти строчки, ибо в них частица его жизни, жизни его боевых товарищей.

Ему хочется высказаться. И точно, Константин Николаевич начинает свой нелегкий, прерываемый долгими паузами рассказ.

— В июле 1941 года наш стрелковый батальон 508-го Шадринского стрелкового полка 174-й Челябинской стрелковой дивизии 22-й армии выходил из окружения. Многие офицеры погибли, сильно поредели и подразделения. Мне, как старшему по званию из оставшихся в живых командиров, пришлось взять командование над батальоном.

Тут он надолго задумался. А я углубляюсь в чтение. Вот запись из его личного фронтового дневника:

“Сегодня, то есть 30 июля, мы вошли в зону фронтовой полосы противника. Слышны раскаты орудийных выстрелов.

Остановились в лесу. Днем двигаться опасно, противник обнаружит. В открытый бой вступать неразумно — люди устали, много раненых, на исходе боеприпасы. И уже вторые сутки не получали пищи. А главное — сохранить личный состав.

Никто не жаловался ни на голод, ни на усталость. Только санинструктор Зайков доложил, что раненые крайне нуждаются в медикаментах, и на ранах нужно сменить им повязки.

Медикаментов нет, перевязочных материалов нет. Даю приказ снять с бойцов, на которых еще осталось нательное белье и сменить раненым повязки”.

— В тот июльский день, — продолжал рассказчик, — наступил самый решающий момент. Нам предстояло или пробиться к своим, или погибнуть. Я вполне отдавал себе отчет в том, что нас ждет буквально через несколько часов. И меня как командира тревожило главное: не только с боем пересечь линию фронта, но и сохранить людей. С болью в сердце смотрел на измученных, усталых, голодных, израненных людей, которых должен повести на решающий бой. То, что пережил в тот день, описать невозможно.

— Но меня, — тут Коротков даже пристукнул кулаком по столу, — воодушевляла сила коллектива, я верил в бойцов

батальона. Несмотря на усталость, они были готовы выполнить любую задачу.

Да, этот день запомнился накрепко. Комбат Коротков отправил две группы под командованием лейтенанта Журбина и младшего лейтенанта Курбатова на поиски пищи. Во фронтовой полосе трудно было достать продукты, потому что немцы все население угнали в тыл. Рассчитывать можно было только на захват транспорта гитлеровцев.

В этот день посланные группы подбили три гитлеровских автомашины, но продуктов в них не оказалось. Возвратились они ни с чем. Встретили их вопросительными, ждущими, голодными глазами, но по виноватому виду возвращавшихся все поняли. Глаза потухли.

— Вот так, — грустно усмехнулся мой собеседник. — Продуктов нет, боеприпасы на исходе, много раненых. Когда солнце уже скрылось за лесом, я отдал приказ готовиться к походу.

И тут ко мне подошел красноармеец:

— Товарищ комбат, наш командир отделения сержант Алексеев предлагает нам ночью во время похода отстать от батальона и разойтись. Спасаться, кто как может, а то погибнем.

Между прочим, отделение сержанта Алексеева по плану должно было двигаться в хвосте батальона, в охране. Как хорошо, что предупредил меня красноармеец, фамилии его, к сожалению, не помню.

И без того было тяжело, а тут новый удар.

Я тут же пригласил сержанта и предложил ему дать объяснение. Вначале он все отрицал, но потом выдавил из себя:

— Был такой разговор. Трудно очень.

По закону военного времени и с учетом тяжелой обстановки я имел право сержанта лично расстрелять как паникера. Но принял другое решение: изгнать его из батальона, предвзвешенно все объяснив личному составу.

...Пожилый седой человек сидел напротив меня и с волнением рассказывал о событиях далеких дней, о своих бойцах, а перед моим мысленным взором они вставали как живые.

В сумерках тревожно и глухо шумит вершинами лес, со всех сторон обступая поляну и выстроившихся на ней бойцов. Не мывшиеся много дней, они в пропотевшем, истре-

павшемся обмундировании, многие с окровавленными повязками. Исхудавшие землистые лица, запавшие усталые глаза. Но руки крепко сжимают оружие. Нет, эти бойцы не сломлены, они еще — грозная сила.

А перед строем в такой же выгоревшей гимнастерке, со следами бессонных ночей и фронтовых лишений на лице, лобастый, плотно сложенного их командир, их комбат Коротков. Тяжело падают его слова:

— У отдельных товарищей есть мнение распустить батальон, и пусть каждый спасается, как хочет. И раненых бросить на произвол судьбы, пусть они погибают.

Голос командира набирает силу, звенит металлом:

— А их у нас тридцать пять человек, из них двенадцать лежат на носилках.

Фамилия Алексеева еще не была произнесена, а он стоял, страшно побледнев, судорожно сжимая винтовку.

Комбат в мертвой тишине обвел взглядом строй и устало уронил:

— Давайте решать. Будем расходиться или организованно пробиваться к своим?

И тут произошел взрыв, взрыв негодования.

И комбат посветлел лицом, внутренне подобрался. В боях он еще раз увидел грозную силу. Куда только делась усталость, все были готовы сейчас же ринуться в бой.

Снова прозвучал резкий голос командира:

— Сержант Алексеев, выйти из строя. Тот вздрогнул, скованно шагнул и застыл.

— Сдать оружие,— снова ударил приказ.— Покинуть батальон. Случилось неожиданное, что не часто приходится видеть. Сержант Алексеев, взрослый мужчина, заплакал:

- Комбат, прости. Не гони, разреши остаться...

...На этом месте Коротков вдруг прервал повествование, спросил меня:

— Что было делать?

Но, пораженный силой рассказа и накалом разворачивавшегося на лесной поляне действия, я молчал.

Он рассказывал дальше.

Я показал на строй красноармейцев:

- Их вы обрекали на гибель, у них и просите пощады.

Конечно, ребята крепко ему дали. Но поверили и начали просить меня отменить свой приказ и оставить Алексеева в батальоне.

— Ведь почему я отдал решение вопроса жизни и смерти его батальону? — снова обратился ко мне рассказчик и, не дожидаясь ответа, убежденно произнес:

— Я видел силу коллектива, верил, что батальон меня правильно поймет и поддержит. И, второе, воздействие коллектива — сильное средство. В данном случае я не ошибся.

Предвидя мой вопрос, Константин Николаевич продолжил:

— Я удовлетворил просьбу батальона, но сержанта от командования отделением отстранил.

Тут я высказал свою догадку:

— Константин Николаевич, так вы с самого начала были уверены, что Алексеев под действием обрушившихся на вас невзгод только временно заколебался, дрогнул? Еще не все было потеряно?

— Да,— скупой улыбнулся мой собеседник.— Я всегда верил в советского человека. И знал, как много значит в нашей жизни суровый, но справедливый суд товарищей.

— Как же дальше развивались события?

Но суровый рассказчик, и раньше не щедрый на слова, уже остыл и лишь проронил:

— Из окружения тогда мы вышли.

— А сержант Алексеев?

— Вскоре меня назначили командиром отдельной разведывательной роты. Алексеева я взял к себе и доверил ему отделение. Будучи разведчиком, он показал себя смелым, находчивым.

— А в октябре сорок первого,— тут голос Короткова стал тише,— при выполнении боевого задания сержант Алексеев погиб смертью храбрых.

...Я бережно складываю листочки. Короткова уже нет среди нас, а в моей памяти продолжает звучать, хотя все тише и отдаленней, наш разговор и его последние слова:

- Война — это страшно. Нельзя такое забывать.

Нельзя, дорогой Константин Николаевич. И мы не забываем. Ни тех лет, ни тех бойцов и командиров. Вечная вам слава! Вечная память вашему подвигу!

Дмитрий Белоусов

ЧЕРЕЗ ВСЕ

КРУГИ АДА

Белоусов Дмитрий Андрианович родился 7 ноября 1911 года в Катайске. В 1939 году призван на службу в Красную Армию, участвовал в войне с белофиннами. Великую Отечественную войну встретил на рассвете 22 июня 1941 года в составе 481-го гаубичного артиллерийского полка 128-й стрелковой дивизии на границе близ города Кальвария в Литве.

Наступило последнее мирное воскресенье. Командование гарнизона города Кальвария по своей ли инициативе, по указанию ли свыше, на территории перед военным городком устроило праздник под вывеской: «Смотр революционных сил гарнизона». Приглашались на него все желающие жители города. Честно говоря, и без этого смотра всё было видно со стороны, чем располагает наш гарнизон. Выставка привлекла горожан своей неожиданностью, откровенностью и доверием. Большинство посетителей пришли из любопытства, но, несомненно, на выставке побывали и немецкие разведчики. То, что у нас в гарнизоне есть, они, вероятно, знали раньше, но не могли прозевать такой даровой «лакомый» кусочек, который предоставило в их распоряжение советское командование под видом смотра «вооружённых революционных сил».

Здесь, на выставке, я получил через посыльного приказ срочно явиться в штаб полка. Когда прибыл, там находились и многие другие командиры подразделений. Нам объявили, что

с утра начнутся штабные учения нашей дивизии. Командиры частей получили пакеты с заданиями, где и как действовать.

На рассвете штабы гаубичного полка и дивизионов в числе других частей выбыли по заданному маршруту. Мы оказались в полевой обстановке примерно километрах в тридцати от военного городка, где находились наши гаубицы, склады с боеприпасом и личный состав срочной службы.

Подразделения, находясь в военном городке, при отсутствии старшего начальства и штабов, вели обычные занятия в классах. Командир нашего третьего дивизиона капитан Токаренко вместе с начальником штаба находились тоже на учениях. Вышестоящий штаб и старшее начальство получили вводные из штаба дивизии и вразумительно не без напряжения, учились на планшетах проводить операции на “поле боя”, помня девиз: «На удар - ответим сокрушительным ударом”. Произошло в воинской жизни явление, которое можно сравнить со страшным безумием: рядом, в полутора - двух километрах - государственная граница, к которой фашистское командование придвинуло вплотную под видом “отдыха» огромное количество войск, подготовленных в любой момент начать агрессивную войну. Командование советских войск, находящихся в пограничной зоне, перед самым нападением фашистской Германии, по существу разрушило систему управления и командования войсками, обрекло их не только на поражение, но и на прямую гибель.

Какое сопротивление агрессорам могли оказать наши бойцы, оказавшись без непосредственных начальников? А генералы и старшие офицеры с планшетами в руках, но без солдат и вооружения, тоже не могли оказать сопротивление противнику. Всё это произошло на моих глазах, и я об этом рассказываю не со стороны, а как непосредственный очевидец и жертва свершившейся страшной трагедии, какой, быть может, не знала наша военная история.

Около небольшого берёзового лесочка расположился штаб нашего третьего артдивизиона, при котором я был командиром взвода связи. В распоряжении штаба, находящегося среди чистого поля и у самой границы с немцами, имелся один ручной пулемёт с двумя дисками патронов. Плюс к этому несколько пистолетов - личное оружие командного состава. У младших командиров и рядовых бойцов не было даже винтовок. Боевое

штатное оружие положено бойцам только в военной обстановке. В мирное время все были заняты тем, что кому положено выполнять: - кто катушки разматывал и сматывал, кто ракетницы таскал да сигналы подавал, кто с планшетами....Напади на наш штаб какая-нибудь банда, едва ли бы мы сумели отбиться.

Немцы из-за границы наблюдали за нами простым глазом, без оптики. Целую неделю, следя за нашими занятиями, они, безусловно, досконально изучили всю нашу подготовку, наши возможности к сопротивлению. Мы время от времени поглядывали в сторону границы из любопытства, от нечего делать, и оказались просто-напросто зеваками. Задач по наблюдению за противником никто нам не ставил.

Перед утром 22 июня над нашей территорией, где мы находились, ночуя в полевых условиях, пролетел низко немецкий самолёт. Шёл он медленно, чувствовал свою безнаказанность, ведя разведку открыто и нахально. И тут же началось движение на границе. Я позвонил в штаб полка, который располагался неподалеку в том же районе, где и наш. Дежурный по штабу только и сказал: «Это наша пехота отрабатывает отход во взаимодействии с другими частями».

Мы всполошились, засуетились, одновременно растерялись от такой неординарной, неожиданной обстановки, так как из нас никто не понимал и не знал, что же всё-таки происходит?

Первый снаряд со стороны границы, которую уже начали переходить гитлеровские войска, упал возле пасущейся крестьянской лошади, хозяин которой жил на близлежащем хуторке. На мгновение лошадка исчезла в столбе пыли и земли, затем выскочила из него и поскакала, спутанная, обезумевшая, в сторону постоянного жилья. Следом за первым снарядом в нашу сторону полетели другие. Один за другим следовали разрывы огромной силы. Солнце и небо потеряли свой утренний блеск.

Не закончили немцы ещё артобстрел, а мы увидели, как от границы по ложине в нашу сторону движется пехота. Гитлеровские солдаты, не встреченные ни одним, даже случайным выстрелом на границе, двигались прямо на нас, соблюдая всё-таки правила военного искусства при наступлении. Когда подошли поближе, открыли стрельбу, как бы пробную, предупреждая и вызывая на себя противника, то есть нас, безоружных.

Первую пулю получил молодой красноармеец Ложкин, на-

ходившийся рядом со мной. Он прибыл к нам в часть за две-три недели до начала войны. Погиб светлой души, впечатлительный, жизнерадостный юноша. Имя его я не могу вспомнить, к глубокому сожалению. Но образ паренька с голубыми, ясными глазами не тускнеет в моей памяти. На финском фронте в боях я немало потерял товарищей, погибших поодиночке и целыми группами. Ложкин был первой жертвой, случившейся на моих глазах в Великой Отечественной войне ранним утром 22 июня 1941 года.

Когда пехота приблизилась к расположению нашего штаба, мы с сержантом из группы вычислителей уже находились на краю ржаного поля, прикрываясь первыми хлебными стеблями, установили наш единственный ручной пулемёт и подготовились к стрельбе. Оба были обстреляны на финском фронте и за пулемёт взяли без робости.

В подходящий момент по своему разумению и решению открыли огонь. Фашистские солдаты, шедшие прямо на нас, на какие-то секунды опешили от неожиданности. Но два диска, как ни эконошь, как ни считай каждый патрон, не растянешь надолго. Немцы залегли и начали стрельбу по нам. Сержанта убили. У меня кончились патроны. Но и эти, выигранные нами, минуты были важны для остальных.

Очень немногим ребятам из нашего третьего дивизиона во главе с капитаном Токаренко, у которого, единственного из всех, имелось оружие - личный пистолет, удалось оторваться от немцев и укрыться в «Круглом лесу». Называю его так условно, он действительно был как блюдечко. В нём чуть позднее неожиданно встретил я своих товарищей. В это время с северной стороны на опушке леса расположилась большая группа немецких солдат. Они были в приподнятом настроении от головокружительного успеха с первых часов агрессии.

Мы обсудили с капитаном Токаренко обстановку и решили, что нам, совершенно безоружным, надо двигаться на юго-восток, где ещё есть надежда встретить своих. Капитан приказал разведать лежащий восточнее от нас лес. На разведку мы ушли вдвоём. Быстро добраться до леса было не так-то просто: нужно преодолеть полукилометровую степь, а ведь рядом немцы. Доползли мы до леса осторожно, тщательно осмотрели подступы к нему и возможные пути отхода из него. На это ушло около

часа времени. Выходим осторожно из леса на опушку и видим впереди страшную картину: «Круглый лес» объят пламенем, горит. По опушке его бегают с автоматами немецкие солдаты. Стало ясно, что немцы заметили в лесу наших солдат и устроили на них обвальное нападение. Сами, видимо, боялись заходить в лес, не зная, сколько там русских, подожгли лес с разных сторон, чтобы выжить огнём из «засады» всех, кто там засел и притаился. Возможно, что никого не осталось в живых из наших товарищей после этой ужасной трагедии.

Семь дней кружили мы по Литве, запруженной гитлеровскими войсками. К нам прибился ещё один боец. Мы не теряли надежду выбраться к своим. За эти дни подобрали винтовки, запаслись патронами, но голод не тётка... И вот подошли к старенькому хутору. Присмотрелись - немцев не видно. Около заборчика на лавочке с уличной стороны двора сидит старик, подстать своему двору. Мы поздоровались, спросили о немцах. Оказалось, старик – литовец на нашем языке говорит не хуже нас, русских. Он уверил, что поблизости немцев нет, были, но ушли. Особого интереса он к нам не проявил. Не пригласил зайти, не предложил хлеба. Мы попросили поесть. Старик что-то крикнул на своём языке. У распахнутой калитки появился мальчик среднего школьного возраста. Старик что-то сказал ему, он вернулся во двор и принёс каравай типичного домашнего литовского хлеба. Вторым заходом принёс кувшин с молоком и три черепушки.

Мы принялись за еду и продолжили выяснять обстановку, куда нам безопаснее идти, чтобы добраться до своих. Старик снова вёл разговор безразлично. Тогда мы спросили “нет ли поблизости партизан из местных жителей”. Дед сказал, что в соседней деревне, за бугром есть такие люди, что если нужно, то мальчик проводит.

Мы поблагодарили старика и двинулись за бугор. Вёл нас тот же мальчик, что вынес хлеб и молоко. Но видно было, что это он делает не с охотой, не по желанию, а исполняет требование деда.

Показалась деревушка, десятка полтора домиков. Около крайних домов вышел навстречу мужчина средних лет. Заговорил по-русски, но с акцентом литовского языка. Разговор пошёл сразу о немцах. Выясняем, что и как. К нам подошел

второй мужчина, тех же лет. Не заметили, как ускользнул мальчик, а к нам стали подходить ещё такие же крепкие, благообразного вида мужики. И вдруг, как по команде, нас враз схватили крепкими руками сбоку и сзади, разоружили, связали руки. Тот мужчина, что вышел к нам первым и вёл разговор сочувственно, с горечью, теперь заговорил грубо и жёстко: «Хватит вам, советским, ходить по чужой земле. Поживёте у немцев в гостях». Случилось это 30 июня 1941 года.

Так называемые “партизаны” передали нас немцам. Начались многолетние терзания и испытания в фашистской неволе. Сначала концлагерь в Сувалках, затем концлагеря Германии: Берген, Кёниксау, Нахтерштет - угольные шахты, штрафная колонна в подземелье. Одним словом – АД. Без душевного трепета и боли невозможно вспоминать. Вот лишь несколько моментов из тех издевательств:

...После ужина солдаты охраны, дежурные ночной смены, построили узников барака, проверили всех по номерам, а потом внесли в списки и наши лагерные номера, с которыми мы прибыли сюда из первого штрафного лагеря. Перед отбоем ко сну ещё построили всю колонну штрафников и по команде «смирно» держали ровно час, ни минуты больше и ни минуты меньше. И это после двенадцати часов каторжной работы в шахте и четырёхкилометровой бешеной ходьбы - от места работы до барака.

После отбоя мой новый сосед по нарам предупредил, что ночью бывает по две - три тревоги: “Не лежи тогда ни одной минуты, скорее - в строй становись и точно на своё место. Опоздаешь - получишь от охраны или от собак”.

Измученные полусуточной каторжной работой и движением до барака колонной бегом люди мгновенно засыпали тяжёлым сном в “гробовинах” на первом, втором и третьем ярусах. Вдруг, дикая команда тревоги, которая вырывается из глоток охранников и собак. Не опомнившись ото сна, летят вниз со всех ярусов, валятся друг на друга, на каменный пол только с одной безумной мыслью: без опоздания встать в строй...

За минуту весь барак в строю. Охранники ведут сверку. Пересчитали. Отбой. Жители барака лезут по своим местам, от первого до третьего этажей. Дверь в бараке захлопнулась - наступила горькая тишина. После такой встряски надо уснуть.

Впереди утро и новая каторжная работа под присмотром убийц, которые рвутся показать свою преданность, чтобы здесь спокойно “воевать” с невольниками, нежели попасть на фронт.

Через два часа всё повторилось снова. Утро. Подъём. Умылись, оделись, получили по ломтю эрзац-хлеба, по кружке кипятку. Через десять минут уже в строю. До места работы быстрым маршем, вооружённая охрана с собаками, которые набросятся на любого, только прикажи хозяин. Споткнись, упали от бессилия – тут тебе и конец: солдаты добьют, собаки затравят. По команде “быстро” – вся колонна как бы приподнимается и срывается с места, не нарушая своих рядов. Мы бежим, сколько есть силы, отдаём то, что есть ещё в нас. Умирать так дико, так жестоко никому не хочется. Это может понять именно тот, кто сам хоть на одно мгновение попадал в подобные обстоятельства. Этот наш бег под крики охраны, жгучий лай, визг собак, когда чувствуешь, что на исходе последние твои силы.

Три невероятнейших моих побега, в конечном счёте, заканчивались новым водворением за смертельный забор ещё более свирепого по режиму лагеря смерти.

Нас освободили из лагеря в апреле 1945 года американцы. В мае передали нашим войскам. Прошёл соответствующую проверку и был зачислен в часть рядовым, поскольку моих офицерских документов не нашли. Да и как найдёшь, ежели даже следов от нашего 481-го ГАП после начала войны не осталось. Полк исчез полностью, без всяких следов. Уже позднее среди ветеранов нашей дивизии нашлось только трое живых, служивших со мной в артиллерийском полку, я один из них. В декабре 1945 года я был демобилизован.

Валентина Белоусова

Белоусова Валентина Ивановна родилась 23 февраля 1915 года в городе Далматове. Жена Дмитрия Андриановича Белоусова. Узница концлагерей.

Мы приехали в Кальварию 20 мая 1941 года. 15 июня моего мужа лейтенанта Дмитрия Андриановича вызвали в штаб полка. Он быстро собрался и ушёл. До окончания войны я его больше не видела.

В конце июня наша семья должна была пополниться. Мы ждали ребёнка. Волновались. Теперь я осталась одна.

21 июня мы с соседкой пошли в военный городок, где для военнослужащих показывали кинофильм. Он шёл на открытом воздухе, а темнеет летом поздно. Закончился кинофильм далеко за полночь. Идём домой с подружкой, а вокруг как-то всё странно. На углу, подле колодца с водой часового не увидели, хотя он всегда здесь стоял. Пришла на квартиру, ещё и уснуть не успела, слышу, по тротуару какая-то бегодня. То ли кто ходит, то ли убегает. Тревожно стало. Не сплю.

Где-то в четвёртом часу самолёт пролетел. Вскочила, побежала к соседке, жене командира, стучу. “Война, - говорю, - Лена”.

- Да ты что, не болтай, посадят.

И тут же раздались взрывы. Наверное, сразу склады с боеприпасами рваться стали. Вбежала к ней в квартиру, через дорогу от нас дом кирпичный, у него угол отвалился. Доски, куски кирпичей летят в разные стороны. Я в угол прижалась, схватила ее девочку трехлетнюю, прижимаю к себе. Только бы не ушибло, не придавило нас чем-нибудь.

Наверное потеряла сознание: не помню, как оказалась в подвале, а затем в огороде. Слышу, говоря по-русски. Бабушка-соседка, литовка, причитает: «...матушка ты наша, жива осталась, слава Богу».

Сбегала она на мою квартиру принесла кое-что из вещей, меня одела, узелок в руки подала. Пошла я искать своих. А по улицам уже колонны немцев движутся. Многие из литовцев приветствуют их, руками машут. Один кричит что-то по-литовски, поняла только – “Москва капут! Ленинград капут!”.

- Не радуйся! - крикнула я. – Не будет этого!

- А, политрук, комиссар? Расстрелять надо!

- Да нет, - говорю. - Простая русская баба.

Дня три скрывалась у соседей. Потом собрали нас всех, жён комсостава поместили в барак. Тесно, пошевелиться не где. А я ещё к тому же последние дни перед родами дохаживаю.

Из барака даже по нужде не выпускают.

Начались у меня предродовые схватки, тридцатого июня, женщины просят солдат - охранников выпустить меня, на

большой живот мой показывают, маячат им – в больницу, мол, надо, отведите.

А те оружием грозят, кричат что-то. В конце концов, один из них под ружьём повёл меня в городскую больницу. А мне уже немоготу. Кое-как дошла. Крыльцо санитарка моет. Встала у двери: “Не пушу, - говорит, - врачей нет”. Тут я на крыльце и родила девочку. Её в полу халата санитарка приняла. Завели меня или занесли в кабинете врача. Доктора только на следующий день появились. Хорошие оказались люди, молодые муж с женой. Евреи. В середине сентября их расстреляли.

Меня вернули с дочкой через 10 дней в лагерь. Гоняли на полевые работы, а потом – на торфяники. По колено в воде рубили и выносили торф. Кормили скудно. Постоянно угрожали расстрелом. И как было не верить угрозам, когда, в середине сентября немцы в лесу за городом из пулемётов расстреляли всё еврейское население городка.

- Следующая очередь ваша, командирские жёны, - угрожали гитлеровцы.

Одна из наших подруг получила контузию, от которой ходила постоянно с открытым ртом. Немка, начальница лагеря, пригласила её якобы на лечение в соседний лагерь сводить. “Там, - говорила она, - тебя избавят от ущербной болезни. Увела женщину и застрелила. Остались двое детей сирот. Взялась я за ними ходить. Стало у меня две малолетних девочки да мальчик – постарше. В лагере вспыхнула эпидемия кори. Девочки мои умерли, а мальчика выходила, после освобождения лагеря Красной Армией привезла в Россию.

Что пришлось пережить и вынести за годы неволи, не дай Бог никому. И расстрелять нас грозили и детей отобрать. Намеревались всех расстрелять перед освобождением, да узнали мы об этом разбежались, кто куда, а облаву на нас делать уже некогда немцам было. Не до нас, самим бы ноги унести.

Но мы с Дмитрием Андриановичем, как герои из страшной сказки со счастливым концом. После войны разыскали друг друга, родили и вырастили сыновей, вынянчили внуков, которые о нас заботятся. Одна забота, чтобы с ними не случилось подобных бед.

Георгий Спирев

ОДИННАДЦАТЬ ДНЕЙ ВОЙНЫ

Спирёв Георгий Матвеевич родился в 1921 году в селе Введенское Кетовского района. 4 мая 1941 года окончил Свердловское пехотное училище, был направлен в Белорусский Особый военный округ, где служил в должности командира автовзвода 33-ей бронетанковой дивизии, 3 армии. С 22 июня принимал участие в боях против немецко-фашистских войск, а 2 июля взят в плен.

4 мая 1943 года с группой товарищей совершил побег. Прошёл Германию, Чехословакию, Польшу, но 1 июля 1943 года был схвачен на самой границе Советского Союза. Осуждён немцами военным трибуналом и приговорен к бессрочным работам в норвежских каменоломнях. В концлагерях был активным участником антифашистского сопротивления, членом подпольной группы, саботировавшей работу на немцев. Был приговорен к расстрелу, испытал на себе все ужасы фашистского плена, но не сдался. 7 мая 1945 г. освобожден в г. Тёнсберг (Норвегия). Сразу после освобождения работал в Осло в репатриационной комиссии по организации отправки в Союз бывших советских военнопленных, а затем участвовал в эвакуации трофейных судов из Швеции в Таллин. Домой вернулся лишь в начале 1946 г. Сразу по возвращении поступил на работу школьным учителем в городе Кургане. Вёл активную общественную работу. Был председателем отраслевого бюро по физкультуре при обкоме просвещения, член

ДСО “Спартак”, председатель клуба любителей бега города Кургана. Награждён многочисленными медалями, знаком “Отличник народного просвещения”.

Наша 33-я бронетанковая дивизия располагалась в городе Сокулках, что недалеко от Гродно. А наш полк – совсем рядом с границей, на опушке Беловежской Пущи. Он только формировался и сам себя благоустраивал...

Утром 22 июня 1941 года хозяйка “фатеры” разбудила меня в половине четвёртого. Наскоро позавтракав, я направился в часть. К 4 часам утра я должен быть в части. В воздухе стоял сплошной гул, и я вернулся за плащом, подумав, что начинается гроза. Я накинул плащ. Когда я взглянул в небо, то высоко летели самолеты, их было множество. Я посчитал, что это наши и спокойно шел к части. Перед территорией полка протекал ручей из Беловежской Пущи. В это время меня нагнал автобус с командирами, которые жили в месте (небольшой городок) Янава Кумяки. Как только переехали мостик через ручей, появился тот самый немецкий пикирующий бомбардировщик, который бывал каждое утро. На этот раз он сделал два захода и обстрелял сидящих за завтраком красноармейцев. Четверо или пятеро были убиты, несколько ранены. Завтрак был так рано из-за того, что 22 июня мы должны были собственным ходом идти на воскресник по строительству аэродрома. Где он находился я до сих пор не знаю...

Все в растерянности. Командир полка начал звонить в штаб дивизии... Связь со штабом была прервана. Мотоциклисты – нарочные не возвращались. Другой связи мы не имели. Раций не было. Штаб дивизии был в 24 километрах от нашей части. Что это? Война или случайная стычка только на нашем участке? Командование не решается объявить о войне. И только после выступления Молотова по радио мы поняли, что это война и надо действовать. А в моём автозвезде лишь один автомат на всех да у меня наган. У нас рядом склад с артснарядами, а пушек нет!

Начали появляться бежавшие пограничники. Штаб нашего полка размещался на втором этаже здания. У входа было небольшое крыльцо. Там-то и собрал нас командир полка и объявил, что началась война, что надо быть готовыми, и дал зада-

ние одной группе отвозить на границу снаряды, а другой быть на месте.

Пехотинцы заняли оборону. Мы готовили машины для транспортировки снарядов в район боевых действий, то есть под Гродно. Первый рейс прошел успешно. Снаряды разгрузили. Во второй половине дня удалось эвакуировать женщин, детей и стариков – семьи командиров. Мы загрузили две машины, одну даже с прицепом. Люди сидели на самом дне кузова, без каких-либо сидений. Постелили на дно какие-то цветные половички и коврики. Сели плотно плечо к плечу, маленьких детей женщины держали на руках или усадив на колени. Вскоре машины ушли в тыл в сторону Минска. Нам всем было их жалко – что-то их ждёт?

Я поехал отвозить боеприпасы со вторым рейсом часа в 4. Добрались благополучно, разгрузили быстро снаряды у пограничников под Гродно и возвращались часов в 11 вечера. А ведь там, на юге, ночь очень резко наступает. Сразу темно... И вот возвращаюсь обратно. Идём колонной, темно, но в движении запрещалось фары включать, и были такие лишь синие узенькие просветики. Я сидел в первой машине, рядом с водителем. Подъехали к мосту через Неман, и только мы колонной на него закатились, как налетели немецкие самолёты и с той и с другой стороны, и как давай бомбить переправу. Страшно до жути, но у нас приказ добраться до своей части, не обращать внимание ни на что. Мы мчимся вперед, и я изредка оглядываюсь, идет ли колонна. Вижу, лишь сзади помаргивают синие огонёчки на фарах, по просветам понимаю, что машины идут. Но вот когда я переправился, то оказывается за мной шла всего только одна машина. “Где остальные?” – спрашиваю, а мне солдаты отвечают: “Всё, товарищ лейтенант, ищите в Немане...”. Оказывается, сразу за нами мост и накрыло вместе с моей автоколонной. Осталось у меня всего две машины и 4 солдата, остальные или погибли, или потонули... Последние километры ехали вслепую. Ни зги не было видно.

Прибыли к штабу. Полк уже подготовился отходить. Нас тут спешили и повели к деревне, что была в двух километрах от нашего полка. Стояли мы на одной стороне улицы, слева от домов, покрытых толстым слоем соломы, справа от поля с рожью. Стали готовиться к обороне. Часть растянулась по селу, как налетел немецкий бомбардировщик. Поджег один, два дома

– стало светло, светло от горящих соломенных крыш. Все пылет, а бомбардировщик косит туда-сюда. Нам отвечать было нечем. Ни одного зенитного пулемёта или пушки у нас не было. Все разбежались в разные стороны, я спрятался во ржи. Деревня горела. Потом самолёт улетел куда-то, и мы снова собрались. Убитых было не очень много. Когда дождались рассвета, командир полка опять всех собрал, там была наша рота и остатки других частей, которые собрались в эту деревню.

Занимали оборону по скату у сгоревшей деревни. Дали нам задание окопаться на этом плоскогорье за деревней и ждать дальнейших указаний. Формировались вновь взводы, роты и батальоны. Мне собрали новый взвод, добавив 18 человек из отходящих частей к тем, с кем я приехал. Приказали окопаться на опушке рощи. Из неё хорошо видно село Глитое, берег реки и болото слева. Откуда-то появились две 76-миллиметровые пушки.

Второй день прошёл без потерь. Меня вызвали к командире и направили в разведку, приказав всё осмотреть, не вступая в бой. Об увиденном сообщать с нарочным.

Прямо перед нами было “мокрое” место (что-то вроде болота), а за ним в 2-3 километрах село, тянущиеся вдоль леса на 2 километра. За селом виднелась гора, а за нею и влево от неё снова лес и шоссе. Вошли в село и спрашиваем жителей: были ли немцы? Нам отвечали: немцы были, но утром ушли на восток. Прошли село полностью и поднялись на высоту, там опушка леса, овраг и кустарник. Моя цель докладывать с нарочными через каждый час обстановку. Мы-то засели в кустарнике с одной стороны, а надо было узнать, что с другой. Я послал двух разведчиков на самую высоту, и они вскоре возвращаются и докладывают: “Товарищ лейтенант, на опушке леса, на дороге стоят две немецкие машины, солдаты раздетые до пояса, занимаются кто чем, несколько чинят колесо у одной машины, а остальные бездельничают”. Я подумал, залезу-ка на высоту ползком и всё сам погляжу. Только я поднялся на высоту одним из красноармейцев, гляжу, прямо перед нами в шагах 3-5 идёт нам навстречу немецкий солдат с винтовкой через плечо, штык вверх, как говорится. И я на него смотрю, и он на меня смотрит. Если я буду стрелять, нас фашисты положат и от нас ничего не останется, да и потом был приказ вести разведку наблюдением, а не боем. У меня в руке автомат ППД неизго-

товку (пистолет я уже потерял при бомбёжке), а у немца – винтовка за спиной. Немец шёл, замер, смотрел на меня секунд 30, а потом – раз! – и повернулся кругом, пошёл, не ускоряясь, назад к машинам, как будто ничего не было. Дошёл до машин, там что-то побалакал со своими солдатами. Никакой реакции. Выходит, он ничего не сказал. Колесо они починили, сели на машины и укатили... Я направил донесение командиру батальона, а после ничего не было, наблюдали, а мимо проходили немецкие машины, но не останавливались. И так до вечера.

В 8 часов вечера я согласно приказу должен был отойти. Собрал людей, и мы цепочкой пошли, но не в обход, а напрямик. Там было идти где-то километра полтора. Подошли к своим метром на 300, а по нам стрельбу открыли – забыли о том, что мы в разведке. Мы стали кричать и обошлось без потерь.

Пробыли в лесу ещё 1,5 – 2 часа, и команда: “Строиться!”. Ночью двинулись в штаб дивизии в Сокулки, отходя лощиной. Всю ночь с 23 на 24 июня были на марше к штабу.

Мы прибыли туда часов в 5 утра. В Сокулках расположились, кто как мог. Там ведь были огромные царские “николаевские” казармы. Сокулки были перевалочным пунктом, когда Меншиков шёл на сближение со шведским королём и дал здесь ему бой. Вокруг была огромная кирпичная стена, толщиной метра 3 и очень высокая. Было четверо ворот. Одни – главные, другие – по бокам. В центре – здание штаба дивизии, дальше в большом здании находилась медсанчасть, потом – артсклады. Там же столовая, баня. Полный двор танков, бронемашин, “полуторок”. Десять танков Т-34 и пять или четыре КВ стояли за пределами двора на дороге, хорошо замаскированные деревьями от авиации.

Нам дали приказ – всем солдатам подготовиться в баню. Потом была такая странная для той обстановки картина – смена белья. Всех помыли в бане, одели в нижнее бельё – бельё ещё с завязками на рукавах, и в кальсоны, которые также были на верёвочках, а не пуговицах. Ну вот, помылись и привели в порядок оружие и снаряжение. Некоторых красноармейцев доворужили. После завтрака объявили общее построение личного состава.

Встали в каре. В центре стоит начальник штаба дивизии и объявляет, что есть случаи дезертирства красноармейцев из

всяких частей. Выступил комиссар и призвал к порядку и дисциплине, указал на наличие “паникёров” и “бегущих неорганизованно”. А надо сказать, что рядом с Сокулками проходила дорога, где валом валят беженцы и солдаты из разрозненных частей. Тут при нас ловят, прямо с дороги хватают первых четверых красноармейцев. Без суда и следствия! Комиссар (зам. ком. дивизии по политической части) объявляет: “Вот, товарищи, дезертиры! По военному положению – к расстрелу!” Тут без всяких приговоров, прямо перед строем пустили в расход. Им и оправдаться не дали. А ведь там по дороге бежит сплошная масса, а взяли лишь четверых, чтобы утрашить... Ужасная была картина!

Какое-то время прошло, и вот без 15 минут девять появляется “рама” – самолёт-разведчик. Покружила над нами и улетела. А ровно через 15 минут, в 9 часов утра появились три звена по три самолёта немецких бомбардировщиков. И как они начали бомбить!!! То с одной, то с другой, то с третьей стороны заходят. Паника началась. Бомбили двор, бомбили безнаказанно. Несколько бомб попали в артсклад, и там начали рваться снаряды. Сплошной гром. Снаряды из артсклада летят в разные стороны, но без усилий – пролетят навесом несколько метров и упадут. Вспыхнул склад ГСМ. В лазарете засыпало 100 раненых. Вот танки загорелись, запылали машины, и все ринулись в центральные ворота. Образовалась пробка, и туда и пикировали немецкие бомбардировщики. У нас было две зенитные пушки и 4 зенитных установки – четырехспаренные пулемёты. Они были размещены у ворот. И они вели огонь, но ни одного самолёта не подбили, хотя били по ним очень сильно. Кругом рвались бомбы, все горит, а я лежал в самом центре этого ада, а куда бежать, все ворота закрыты! Потери огромнейшие! К середине дня пылало всё. Казалось, сама земля горела. Из-за горящего склада ГСМ все покрылось чёрным дымом. Но вот немцы улетели, закончив своё кровавое дело, и пробки мало-помалу рассосались. Прошли уцелевшие танки, за ними – автомашины, а потом и наш брат, пехотинец, пошёл. Вышли на дорогу шоссею. Хорошая такая дорога, обсажена по краям деревьями.

Вышли и встали. Постепенно мы смогли опомниться и занять оборону. Но вдруг вывели нас, командиров, и собрали

отдельно. Тут же в центре стоят танки, посередине “КВ”, а рядом Т-34, БТ. Все замаскированы ветками и деревьями. Объявляют командирам собраться и построиться у танков. Оказывается, прилетел на “кукурузнике” Маршал Советского Союза Г.И. Кулик. Он инспектировал этот Белорусский военный округ и поехал по войскам узнать - какая там обстановка. Он залез на танк и обратился к нам, командирам. Как он выглядел? Да как кулик, нос у него такой птичий. Он был в простом комбинезоне, без маршальских знаков различия, без ничего. Он только-только начал выступать, как в это время появилась опять группа немецких бомбардировщиков и давай бомбить всё вокруг, в том числе и дорогу. Кулику ничего не оставалось, как самому спикировать с танка, сесть на самолёт и улететь. Успел только сказать: “Вам, товарищи, надо пробиваться к Минску. Там организованные части, и создана прочная оборона. Вам надо соединиться с ними, а потом начнётся наступление”. Как говорится, “воодушевил”. А сам улетел на своём “кукурузнике”. При этом некоторые красноармейцы цеплялись за крылья, хотели забраться на самолёт, хотели спастись, но всё равно слетели.

Немецкие самолёты бомбят, а нам вдруг приказ занять высоту. Она пологая, метров 300 в высоту. Потом команда – ложись на склон и стреляй по самолётам противника. Мы лежим спиной на земле и палим вверх, кто из чего есть, я, например, из автомата стрелял. И, представляете, один самолёт сбили! Немецкий самолёт загорелся ещё в воздухе, упал и взорвался. Сколько радости было! Забыли, что война идёт! Все вскочили, кричат, обнимаются, бросают вверх фуражки, словно победа настала, а не один самолёт сбили. Кто попал, бог его знает, но каждый считал, что он... Радости не было конца!

Дело шло к вечеру. Немецкие танки не появлялись. В сумерки команда на построение. Выстроились сколько нас в живых осталось. Кто без подразделений, всех вместе (со мной только 4 человека из прежнего взвода держатся). Из бежавших стали вновь формировать взводы и роты. Танки, что стояли в укрытии, пошли вместе с нами. Тут появились и присоединились ещё танки БТ-26, БТ-7, броневики, орудия... Смотреть со стороны – сила! Колонна получилась внушительная. Пошли в сторону Выковылска, держа направление на Минск. Идём дорогой, а все населённые пункты впереди заняты немецкими десантами. Недалеко от нас находил-

ся склад ГСМ, где был бензин, цистерны с керосином и мазут. Вот в него немцы и попали. Как там всё загорелось! Тут и бензин пылает, и масло страшно горит. Идёшь мимо, так прямо жутко. Языки пламени высоко в небо поднимаются, и мы скорее прошли стороной. Доходим до одной станции (название сейчас не помню), а там стоит железнодорожный состав – 20 большущих цистерн со спиртом. Некоторые простреляны, и из них спирт сочится. Народ, солдаты, кто с котелком, кто с пилоткой к этим прострелянным цистернам. Спирт льётся, и местные жители растаскивали его по домам вёдрами. Наша колонна скорее прошла мимо станции, и как только отошли, как сзади вдруг резко так зашипело... Оглядываемся. Подожгли станцию! Горят цистерны со спиртом. Что тут было! Я никогда такого не видел. Отходим, а сзади всё взрывается, цистерну за цистерной разносит, иногда огненная струя гигантским столбом взмётывается вверх вместе с крышкой на много-много метров. Бочка за бочкой... От поселка и от станции ничего не осталось – всё сгорело. Пламя это было видно более чем за 20 километров. Жуткая штука война!

А мы продвигались всю ночь, и утром – 26 июня – вышли на опушку смешанного леса, там и дуб, и сосна, и берёза, и всё, что угодно. Только вышли, смотрим, а нам навстречу кавалерийская дивизия. Первым, во главе командир дивизии - генерал. Усища – во, сам в кавалерийском обмундировании, со шпорами, красными лампасами, шашка наголо. Останавливается. “Вы куда?” – спрашивает. Наши старшие командиры отвечают, что позади высоты, прочно занятые немецкими танками, а в воздухе полностью господствует вражеская авиация. Говорил кавалеристу возглавляющий нашу колонну генерал-майор (его фамилии не знаю, но поговаривали, что это сам командующий 11 корпуса): “Там прочно перекрыто, вернитесь обратно! Или займите оборону на месте”. А он с мату на мат... “Я, - говорит, - покажу им кузькину мать, так твою разэта! За мной, вперёд!” И поехал вперёд, а за ним полностью вся кавдивизия на лошадях, тачанках. Мы их предупреждаем, а они мимо нас. Большая такая дивизия. И что? Прошло немного времени, шум боя за спиной, мы идём, и вот нас догоняют остатки этой кавалерийской дивизии. Господи, едут кто как! Где на лошади солдат, скорчившись с пулей в животе, сидит; другой раненый кавалерист так изогнулся от боли, что только за

счёт луки седла держится, где лошади несутся, волокут за собой разбитую пустую тачанку, несутся всадники, некоторые по земле волокутся, лишь одна нога в стремя, полная паника, бардак. Оказывается, на них налетели штурмовики, а потом их давили танки, дали им прикурить. Разгромили за несколько часов всю дивизию.

Когда отступали, проходили мимо леса и на поляне вдруг увидели наши машины, что увозили семьи комсостава в тыл. Поляна была болотистая, и машины застряли на ней, видимо, они пытались спастись от бомб немецких самолётов, рванули напрямик и завязли. Тут и добила их немецкая авиация. Справа от машин – огромнейшая воронка, а внутри кузовов по-прежнему сидели плечом к плечу беззащитные женщины с детьми на руках. Только все они были обугленные, черные, как головёшки. Сгорели бедные люди заживо мгновенно, оставшись сидеть так, как их застигла смерть. Эта страшная картина до сих пор стоит у меня перед глазами. В сердцах наших были горе и ужас.

Вскоре наша колонна остановилась на опушке леса. Оказалось, что за лесом находилось большое селенье (по-моему, Зельва). С одной стороны лесопосадок – мы, с другой стороны – немцы. Нам оставалось провести ночь в лесу. К моим 4 ребятам добавили ещё 16-17 человек. Немцы всю ночь непрерывно освещали местность ракетами и долбили нас минами. Мы забрались под густую ель, настолько густую, что мины из 50-миллиметрового миномёта, что был почти в каждом немецком взводе, не долетали до земли и взрывались в густой верхушке, ветки которой защищали нас и от осколков. И потому по-прежнему у меня не было.

Сон. Какой уж тут сон! Утром один незнакомый командир (не знаю, из какой армии) дал мне приказ разведать, что находится на той стороне, откуда немцы ведут огонь. Я послал двух красноармейцев на разведку, а там, в Белоруссии, – сразу ночь, и сразу день. И вот уже в полчетвёртого стало брезжить немного. Впереди была высота, на которую заползли мои ребята. Видим их силуэты. А навстречу нашим разведчикам поднималась немецкая разведка. Это было очень внезапно, сразу вспыхнул рукопашный бой. Впереди был боец из моего прежнего взвода – Гриша Чечулин. Здоровый, хороший такой парень. Винтовкой легко играл на учениях, различный артикул выкидывал.

И тут не растерялся, сразу уложил первого немца, а за ним и второго. Путь оказался свободен... Я заполз на высоту и увидел всю панораму.

Увидел, что перед нами речка, а за ней небольшой городок. Впереди городишко, как там называется – “место”. В центре – церковь с 4 колокольнями. На двух – по крупнокалиберному пулемёту, на двух других – по маленькой пушке, которые палили по нам, впрочем, без малейшего успеха.

Сведения сообщил командованию. Через некоторое время началась наша атака. Прежде всего, была дана команда экипажу танка КВ-2 с огромной 152-миллиметровой пушкой уничтожить все четыре огневые точки. Танк запустил туда огромные снаряды и четырьмя выстрелами свалил все четыре колокольни. Одни остовы остались. Путь был свободен. Вот и пошли. Мост выдержал танки Т-34 и даже тяжёлый КВ. Удивляюсь, откуда у него была такая прочность и грузоподъёмность. Танки перешли по мосту, а пехота – часть по мосту, а часть - вброд. Мой взвод пошёл вброд, слева от моста. А на том берегу, к нашей неожиданности, были хорошо замаскированные окопы, а в них – немцы. Мы думали, что перешли и вперёд – на город, а тут немцы. Сходу вступили в бой. Потерь было много! Представь только, то ничего, и сразу – алтын, как говорится! Немцы открыли огонь с очень близкого расстояния, и много наших погибло. Пришлось идти нахрапом, на ура, прямо на автоматный огонь, иначе бы нас всех на берегу перебили. У меня в руках была симоновская винтовка, пятизарядная, полуавтоматическая с плоским штыком. Там я и встретился с двумя немецкими солдатами. Это были очень рослые высокие гренадёры. Один только приподнимался в окопе, только успел распрявиться, как я сверху проткнул его в грудь штыком. А второй уже выскочил и бросился на меня. Но я штыковым боем владел превосходно (любимое занятие было в училище) и сразу посадил на штык немца и перекинул его через себя. До сих пор не знаю, откуда такие силы тогда взялись! В окопах немцев всех перекололи и перестреляли, а дальше пошли скорее развивать наступление. Я отдал одному красноармейцу винтовку, а сам взял ППД и бросился вперёд. В метрах 700-800 горел отдельный дом, и оттуда постреливали. Городок остался справа, а на окраине росла рожь по грудь, и мы прошли в ней несколько метров, а

навстречу немцы. Мы шли навстречу друг другу и стреляли – они в нас, а мы в них. Все мы били из чего кто мог. Конечно, то справа, то слева от меня падал то один, то другой боец, и у немцев также убитые валяются. Что мне бросилось в глаза, когда мы подошли ближе – метров на 60-70, что это здоровые фрицы, простоволосые, пилотки под погоном, засученные рукава. Здоровенные, вообще, откормленные барсуки! Они – на нас, а мы – на них. Сплошная стрельба! И вот когда осталось метров 25-30, они не вынесли нашего огня, повернулись и бежать, ну мы за ними – добивать! Мы бы всё равно не повернули, как немцы, такой азарт боя нас охватил! Выгнали их из ржи и, высоты в долину, на косогор. Боже мой, там, наверное, ещё кто-то бой вёл, потому что столько там было этих фрицев убито! Но там дальше вновь окопались немцы, и нам снова с ходу пришлось их атаковать. Когда к полудню бой закончился, то мы увидели, как много мы немцев положили. А день жаркий был, с утра жара палила, и эти убитые в своих зелёных френчах, рубашках и в сапогах с широкими голенищами и с подковками на подошвах лежали, а по ним ползали жирные зелёные мухи. Припахивать уже начали.

Это была первая победа в нашем бою. С немцами расправились, кого-то пленили. Все рассматривали убитых немцев, все перемешались, радовались. Но от моего взвода никого не осталось – большая часть погибла, остальные – куда-то подевались. Я же сам увлёкся боем, и из атаки из взвода один вышел.

Это успешное наступление окрылило нас, и мы двинулись дальше. Тут произошёл трагический эпизод. Колонна пехоты перешла через мост, а за ней двинулись танки. И вот головной танк медленно прошёл мост и стал продвигаться за пехотой, как вдруг из его огромной башни раздался пушечный выстрел. Ствол орудия оказался направленным прямо в центр колонны красноармейцев. Много бойцов нашло смерть от этого снаряда. Позднее я узнал, что выстрел был случайным.

Двигались дальше. При движении наша колонна обходила воронку от немецкой десятитонной авиабомбы. Она была такая громадная! А внутрь неё попал и не мог выбраться немецкий танк, вернее не танк, я скорее танкетка с пулемётами (видимо, Т-1). Неизвестно, как он там очутился, ворочался, урчал, но никак не мог выехать. Наша Т-34 подъехала и направила на

него ствол. Кинули туда трос, и красноармейцы прикрепили его к немецкому танку, зацепили другой конец за корпус нашей “тридцатьчетвёрки”, и наш танк выволок немцев из гигантской воронки, протаскив ещё несколько метров вдоль дороги. Потом остановились. Наши солдаты окружили немецкий танк и предложили сдаться, прокричав: “Или мы вас до самого Минска на тросе протаским!”. Немцы сдались. Вылезли три танкиста, ничем от наших не отличающиеся. Такие же чумазые, в комбинезонах, только с другими знаками различия. Видимо, их младший командный состав. Что с ними потом было я не знаю. Но вот так, несмотря на те поражения, что мы испытали в первые дни войны, нам удавалось брать в плен немецкие танки и танкистов.

Утром 28 июля дошли до одного большого села, занятого немецким десантом. Нас, командиров, собрал командующий корпусом (вроде генерал-майор) и поставил задачу выбить оттуда немцев. Предварительно направили туда группу парламентарёв. Она состояла из трёх офицеров – майора, уже в летах, и молодых старшего лейтенанта и лейтенанта. Все они вызвались добровольно. К штыку длинной винтовки приделали белый флаг и направились на встречу с немцами. Оружия у них никакого не было, за исключением этой винтовки, да и то без патронов. Немцы позволили нашим офицерам войти в посёлок, и больше мы их не видели. Видимо, захватили в плен или расстреляли. Такая же участь постигла и вторую тройку парламентарёв, направленных через час после первой.

Принято решение наступать. Слева вдоль дороги шла посадка, справа поле шириной до километра, а там вновь лес. До захваченного немцами села около трёх километров. Решили открьть по деревне артогонь, потом пустить танки и следом – пехоту. Двигались широким фронтом, прямо по полю. Моему взводу выпало наступать на крайнем правом фланге, ближе к лесу. Только-только заняли исходное положение, как в небе появилась “рама”. По ней открыли огонь из зениток, а “рама” улетела. Вскоре за ней появились штурмовики и бомбардировщики и начали “полоскать” нас вдоль и поперёк. Сколько этих самолётов было – и не пересчитать! И так часа два. Так как мы были ближе всех к лесу, то решили укрыться там. Только бросились туда, а лес нас встретил огнём. Там сидели польские “кукушки” и стреляли по нам. Но мы их успели быстро снять. Но вскоре опять

прилетели немецкие бомбардировщики и снова долбили нас. В чистом поле разгромили все – и КВ, и Т-34, и танки полетче, и тяжелую артиллерию на самоходной тяге, и летучие броневички. Бомбили целый день нещадно. Пикировщики бомбят и строчат, то в лоб, то в затылок! Страшнейшее зрелище! Мы просто беспомощны были что-то сделать, ведь у нас нет ни одного самолёта. Потери были страшные, и к вечеру 3 армия прекратила своё существование. Наступление было сорвано.

Мы, чудом уцелевшие, собрались в лесу. Вскоре туда и высшее командование подтянулось. До сих пор перед глазами стоит картина, что осталось от нашей некогда большой и сильной 3-ей армии. В ряд стояли шесть танков Т-34, рядом – четыре КВ, там же несколько бронеполномочий, несколько “сорокапятков”, гаубицы на самоходной тяге, даже стояли кавалерийские тачанки... Все перемешано. Команда – всем командирам собраться возле танков. Там какой-то генерал (наверное, сам командующий армией, но я его в лицо не знал, конечно) взобрался на танк и обратился к нам: “Товарищи! Мы понесли большие потери, но наши основные войска сосредоточены у Минска. Наша задача – пробиться к ним любыми средствами, соединиться и совместно потом уничтожить врага. Предлагается ввиду такой тяжёло сложившейся обстановки разбиться на отдельные группы по 3-5 человек и пробиваться в сторону Минска, скрываясь днём и двигаясь преимущественно по ночам”. Быстро темнело, на душе у всех было очень тяжело.

Делать нечего. Стали постепенно расходиться. Возле меня оказался младший лейтенант-техник танковых войск из нашей танковой дивизии Петров и майор-пехотинец не из нашей армии. Петров был высокий парень, со смуглым лицом, в танкистской гимнастерке, в петлицах один кубик. Познакомились с майором после, а с младшим лейтенантом мы, вообще, как родные.

Мы оказались втроем в группе и пошли к ближайшему лесу. На просёлочной дороге стояла санитарная машина, а рядом лежит убитая женщина-врач. Могучая такая женщина. Я подумал: “Какие большие бывают люди!”, а оказывается, её так разнесло, раздуло от жары. Шофера не было, других убитых тоже. Заглянули в машину, и что мне запомнилось, что там стояла корзинка с яйцами. Ребята набросились на эти яйца. Я тоже попробовал выпить яйцо, но до этого я никогда не пил

сырых яиц, и мне стало противно (с тех пор я сырого яйца в рот не беру). Но вот они покушали (в машине нашли ещё сухари и галеты) и двинулись дальше.

Прошли лес и свернули на 90 градусов. Там была шоссейная дорога и сплошной густой лес рядом. Мы хотели перебраться через шоссе на другую сторону, углубиться в лес и уходить по чащобам в сторону Минска. Когда до дороги оставалось примерно 150-200 метров, показалась большая немецкая танковая колонна. В километре от нас она остановилась, и из головного танка по нам, бегущим, открыли огонь. Мы бежали друг за другом, длинными перебежками, а из танка по нам бил пулемёт трассирующими пулями. Бежим, а немцы стреляют по ведущему, и эти пули видны. Мимо меня – ш-ш!- такие светлячки пролетают. Мне показалось, что надо через них перепрыгивать, и я так и бегу, подсакивая. И только одна пуля задела мне ляжку правой ноги. На этом дело и кончилось – мы добежали до леса, а немецкие танки так и стоят, не идут вперёд...

В лесу встретили белорусского крестьянина у своего дома. Он нас покормил маленечко и говорит, что немцы здесь были, но ушли на восток. Идти посоветовал ночами вдоль шоссе, идущего на Волкоковыск, а днём отсиживаться в лесах. Мы надеялись дойти до Минска. Эту ночь провели в лесу, а утром перед нами открылся Волковыск. Он стоял несколько на возвышенности. Дело было к обеду. Вокруг на опушке к нам присоединились ещё такие же беглецы, и образовалась группа человек 15-20. Кто-то проявил инициативу и сказал: “Давайте обедать!” Прямо на открытом месте стали обедать – каждый достал, что у него было, всё поделили и начали закусывать... Вдруг вокруг нас стали рваться артиллерийские снаряды. Мы ведь у рощи, как на блюдечке, и немцы нас заметили и как давай лупить! Деваться некуда, и мы давай окапываться, благо почти у всех были саперные лопатки. Копали быстро, чтобы не зацепило осколками. Залегли. В наспех отрытых ячеекх пролежали под огнём немцев почти до самого вечера. Удивительно, что никого не ранило, ни убило. Как только артогонь стих, мы встали и пошли на Воковыск.

Город выглядел так. Одна, левая, сторона от главной улицы горела, и дома там были все разрушены, а правая половина города стоит целёхонькая. Где-то во второй половине города сто-

яла большущая церковь, куда направлялись все отступающие. Её немец почему-то не бомбил и не обстреливал, и она оказалась полностью целой. наших регулярных частей не было, были лишь мы – окруженцы. Бежали, кто куда мог и сколько мог.

В церкви заночевали. Там было и очень много раненых. Набились все туда, увалились вповалку на полу, плечом к плечу. И тут в темноте (свету совсем не было) я услышал спор. Один старший командир доказывал громким шепотом, что надо самим вести войну против Сталина, что это он нас в это пекло загнал, и что Советская власть недолговечна, и коммунистическая партия тоже, и что очень скоро придут немцы и всё это разнесут, разгромят и ничего не останется. Он доказывал, что колхозы были не нужны, что это временное явление, что Советскую власть надо ликвидировать и перейти на другую систему, что живём никуда не годно, очень плохо. Я был поражён, ведь я и в мыслях не мог подумать, что кто-либо мог так говорить про Великого Сталина! Как можно так открыто говорить об этом, когда даже шёпотом нельзя было говорить что-то такое о вожде! Офицеры стали спорить, а тот офицер все не унимался и громко говорит: “Нечего драться за Оську и коммунистов!” Вдруг в темноте раздался выстрел, и этого офицера-антисоветчика прикончили.

Что говорить, все равно настроение у большинства у нас было патриотическое. За Советскую власть горой. Мы были воспитаны на примерах Халхин-Гола, озера Хасан, боёв с Западной Украиной, с финнами. Мы же везде побеждали и мы верили, что и здесь победим, и ждали помощь, и верили, что в Минске большие силы... Но, увы, не получилось.

Утром двинулись дальше в путь. Прошли сколько-то и день мы обитали в небольшой роще недалеко уже от Слонима. Рядом была деревня, где засели немцы. Они знали, что мы в роще, но зайти туда боялись, так как знали, что им будет дан бой. Ведь у нас у всех было оружие (у меня ППД), и сдаваться без борьбы мы не собирались. Думали идти на Барановичи, а потом – на Минск.

В ночь на второе июля переночевали в одной небольшой роще и пошли чуть свет. На Слоним не выйти. Впереди речка, а через неё охраняемый немцами мост. Никак не пройти. А есть что-то надо. В центре поля, в 30-40 метрах от леса стоял хутор

с отдельными постройками, а наша роща была на возвышении. Видим, что по двору этого хутора ходит хозяин с лошадю, хозяйка дала корм курам, пошла корову доить. А идёт тропинка среди высоченной ржи от рощи напрямиком к их хутору. Немцев, вроде, не видно... Майор остался прикрывать в роще, а я с лейтенантом Петровым тихонько пошёл по этой дороге к хутору. Идём гуськом, друг за дружкой. Хозяйка нас увидела, вышла, улыбается, рукой нас подзывает, мол, идите сюда. Мы распрямились, идём смело, думаем, что может, покормит, и мы обстановку разузнаем.

Вдруг высокая рожь резко кончилась, а справа и слева от дороги стоят в засаде немецкие солдаты с автоматами наизготовку. Хоп! Мы вышли и даже оружие наизготовку не держим. И всё! Нам резко автомат в бока, подошли, сняли оружие – с плеча сняли у меня автомат, отобрали у Петрова наган, обыскали на предмет другого оружия. Документы, что у меня были – удостоверение командира и комсомольский билет – всё забрали. Немецкие автоматчики улыбались, ведь за пленённого офицера им платили больше, чем за простого солдата. Пленившие нас немцы передали нас другим, а те вывели нас на дорогу, где уже стояли готовые грузовики, в которых сидели другие пленные красноармейцы, но нас посадили туда, где были в основном офицеры... Так начались мои скитания по немецкому плену”.

Это только небольшая часть воспоминаний Г.М.Спирёва, запись и обработка которых осуществлена преподавателем кафедры Всеобщей Истории Курганского государственного университета Шиловым Степаном Николаевичем и студентами историко-правоведческого факультета Бугуевой С., Першиным А., Флеенко О., Каримовой Л.

С полным же текстом рукописи ветерана о его довоенном прошлом, учёбе в военном училище, трагических мытарствах по фашистским концлагерям, побегах, участии в антифашистском концлагерном сопротивлении и о судьбе Г.М.Спирёва после войны желающие могут ознакомиться в фондах археологической лаборатории Курганского госуниверситета. Данная очень объёмная рукопись ещё ждёт своего полного опубликования с соответствующими научными комментариями и характеристикой.

Николай Третьяков

ПЕРЕЖИТОЕ

НЕ ЗАБЫТЬ

Николай Акимович Третьяков родился в 1905 году.

До войны был начальником контрольно-аналитической медицинской лаборатории в воинской части. Воевал на Западном и 1-м Белорусском фронтах. Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, медалями “За боевые заслуги”, “За оборону Москвы”, “За взятие Берлина” и другими.

Великая Отечественная война меня застала в Смоленске. Я служил в рядах Красной Армии в должности начальника медлаборатории.

22 июня в 4 часа началась бомбежка города. От осколков авиабомб мы спасали детей в канавах. Утром я поехал в командировку, жену с тремя детьми (младшему было 10 месяцев, его привязали к груди матери, другому 2 года и третьему 3 года) посадил на попутную машину. Жена много перенесла, а детей спасла. Моя автомашина вышла по дороге из строя, и я возвратился в Смоленск с попутной. На окраине города меня остановил офицер-танкист, просмотрел документы, оружие: у меня была винтовка, принял меня за шпиона, дал приказ пустить в “расход”. Я оружие не отдал, был крик. Шел мимо военнослужащий железнодорожной охраны, вел арестованного. Танкист попросил, чтоб он довел меня до штаба и передал командиру разведки.

Мы отошли метров десять, толпа беженцев набросилась на нас, стала избивать, конвоир дал выстрел, но они все кидали камнями в нас. В городе была воздушная тревога, грохот от разрывавшихся бомб, ружейно-пулеметная стрельба, горели дома. В штабе разобрались и мне выдали документы и оружие.

Я вернулся в воинскую часть. Ее бомбили, было разрушено несколько хранилищ и дома офицеров. Воздушная тревога и отбой сменяли друг друга. Мне пришлось имущество лаборатории упаковывать в ящики под бомбежкой.

Сменили место дислокации, перебрались в лес и развернули палатки, на базе оставили охрану.

Командир соседней войсковой части предупредил, что немцы сбросили десант, просил усилить охрану. Мои девушки не умели обращаться с оружием, я их коротко ознакомил, как обращаться с винтовкой и целиться. Ночью началась бомбежка, и солдаты ушли к месту стрельбы. Я оставил помощника - девушку. Немецкий десант был уничтожен с помощью соседней части. Мы вернулись к месту расположения, а мои девушки-химички от страха все убежали в лес и пришли утором, часть из них потеряла пилотки. Они стали свидетелями ночного боя, страху натерпелись! Я с ними провел занятие, и они больше не бегали из части, стали полноправными бойцами.

Начальник медчасти обеспечивала медицинским имуществом госпитали, воинские части. Я был командиром сопровождения автомашин с медимуществом и начальником лаборатории. По дороге нас обстрелял самолет. Я укрыл автомашины в лесу, один солдат дал очередь по самолету. Я приказал сменить место стоянки и организовал охрану. Самолеты стали бомбить лес, но мы потерь не имели.

В Вязьме я сдал медимущество с большим трудом, шла эвакуация города. Мы часто делали остановки в пути. Женщины нас кормили, мы говорили им, что скоро вернемся, и были уверены в победе.

Приехали в Гжатск, развернули работу лаборатории без электричества, водопровода и вентиляции. День работали, ночами дежурили на крыше дома, сбрасывая зажигательные бомбы, несли караульную службу. Затем снова сменили место дислокации.

В Москве попали под сильную бомбежку, вагоны качало, обдавало искрами, комья земли били по вагону, и было трудно удер-

жать в нем личный состав. Так прошел у нас весь 1941-й год.

В 1944 году по разрешению командования провел семинар с начальниками фронтовых лабораторий о методе анализа медикаментов, познакомил с требованиями фармакологии. Это было необходимо, потому что многие начальники лабораторий оканчивали пединституты, госуниверситеты, сельхозинституты, они не знакомы с методами анализа. Было среди них много девушек в сапогах, пилотках, гимнастерках.

За годы войны я организовал 8 фронтовых лабораторий, испытал отступление, наступление и радость при освобождении городов. Видел страшные разрушения, слезы осиротевших детей. По горьким дорогам войны дошел до Берлина.

В день Победы в Берлине я случайно встретил родного брата Сергея, врача, с которым не виделись и не имели переписки всю войну. Позднее я с эшелоном проводил его на восточный фронт, где он погиб.

В одном из районов Берлина в скрытой шахте был найден тайный склад медицинского имущества. Мы опускались в шахту в клетях по 5 человек. Работали с аккумуляторными фонарями. Немцы работали грузчиками, не говорили где спрятано медицинское имущество, искали сами. Там была проведена узкоколейка, сделаны улицы. Были сделаны стены из минеральной породы, а за ними спрятаны ящики. Стучали, по стуку определяли пустоту, вскрывали и брали медицинское имущество (наборы врачебные, медикаменты, медицинские простыни, искусственный шелк, марля и другое имущество). Из Берлина я был откомандирован в Москву. В 1961 году приехал в Курган.

Василий Белимов

В БОЯХ

ЗА

ЛЕНИНГРАД

Василий Сергеевич Белимов родился 27 февраля 1915 года. Участвовал в боях с белофиннами. С первых дней Великой Отечественной войны на фронте. Был дважды ранен, контужен. От командира стрелковой роты дослужил до заместителя командира полка.

За мужество и отвагу в боях награжден двумя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского, Красной Звезды, Отечественной войны, многими медалями.

Мне пришлось воевать с первых дней на Ленинградском фронте, защищать город, находиться в блокаде 900 дней, участвовать в боях по прорыву и снятию блокады.

Я уже имел боевой опыт, который получил на войне с финнами в 1939-40 годах в должности командира пулеметного взвода. Тогда мне пришлось участвовать в боях при прорыве мощной "линии маннергейма" в составе 123-ей стрелковой дивизии, которая первой взломала оборону противника, за что была награждена первой в армии орденом Ленина. Мы очень этим гордились.

Стояла холодная зима, лежал глубокий снег. Бои шли ожесточенные, но потери были не только от огня противника, а и от сильных морозов, когда бойцы, особенно раненые, замерзали на снегу.

У нас, молодых командиров, изменились взгляды на веде-

ние ближнего боя, на использование стрелкового оружия. Наш хваленый пулемёт “Максим” в бою был не эффективен. В марте 1940 года война прекратилась. Был подписан мирный договор. Но на границе было тревожно. Части нашей дивизии продолжали заниматься напряженной боевой подготовкой с учетом опыта финской войны. Был девиз – учить тому, что необходимо на войне.

В ночь на 20 июня 1941 года на нашу территорию проникла разведгруппа противника. Её обнаружили, и мы до вечера 21 июня вели бой по уничтожению врага. В этом бою наш взвод захватил тяжело раненого солдата, который заявил, что завтра начнётся война, и вы будете все уничтожены. Учитывая состояние солдата, мы этому заявлению не придали особого значения, а утром 22 июня враг открыл артиллерийский огонь по нашему расположению. Начались пограничные бои. Так для меня началась война.

Первые месяцы её были очень трудные. Вспоминаю дни конца августа и начала сентября. Враг, хорошо вооружённый, отобилизованный и наглый, рвался к Ленинграду с Карельского перешейка. На рубеже нашей части оборона была прорвана. Мне было приказано контратаковать противника. Рота была кадровая, в хорошей боевой форме, и мы сумели отбросить противника и втянулись в его боевые порядки. Завязался горячий огневой и рукопашный бой.

Наш левый фланг был смят, и туда прорвалась группа противника. Пришлось развернуть все наши огневые средства - ручной пулемёт и мой единственный автомат ППД и с близкой дистанции буквально скосить противника. Мы этот бой выиграли, финны отступили, меня ранило, бойцы вынесли меня и отправили в госпиталь. За умелые действия в том бою и обращение противника в бегство я был награждён орденом Красной Звезды. Это был первый Указ по награждению бойцов нашего фронта.

В госпитале я пережил первый массированный авиационный налет на город. В небе засветились сотни ракет. Это, как выяснилось позднее, лазутчики-ракетчики освещали важные объекты города для бомбежки. На душе было горько и тревожно, что в нашем тылу так много диверсантов.

Из госпиталя вернулся в полк уже на должность командира

батальона. В блокадном городе бои велись непрерывно. Но особенно напряженные они были по прорыву блокады с форсированием Невы в районе Синявинских высот. Особыми были трудности с продовольствием и боеприпасами. Положение чуть улучшилось, когда блокада была прорвана, когда войска нашего фронта соединились с Волховским фронтом. Тогда мы получили пополнение личным составом. К нам пришли сибиряки, спокойные, серьёзные и хладнокровные солдаты. Мы стали усиленно готовиться к боям за полное снятие блокады. Проводились батальонные учения с боевой стрельбой по прорыву укрепленного рубежа противника. Однажды при учебных действиях моего батальона присутствовал командующий фронтом генерал-полковник Говоров. Учения ему понравились, и командующий объявил батальону благодарность и приказал выдать бочонок вина, поступивший тогда транспортом из Грузии.

На учениях командующий фронтом наблюдал за действиями подразделений в бою. Обычно он требовал, чтобы каждый боец знал свой маневр. Помню такой случай. Подходит он к пожилому бойцу, который, петляя, передвигался по полю боя, и спрашивает о его действиях. Боец браво ответил, что маневрировал при наступлении, чтобы избежать поражения огнем противника. Командующий при всех поблагодарил солдата.

В начале января 1944 года войска фронта перешли в наступление. В то время я заменил командира полка. Наша 123-я стрелковая дивизия овладела городом Луга, и ей присвоили звание “Лужской”. В ходе дальнейшего наступления мы вышли к реке Нарва, форсировали её и завязали тяжелые бои за плацдарм в Эстонии. Противник ввёл в бой отборные войска. Особенно напряженные бои были в марте-апреле. Против нашей дивизии 19 апреля немцы пошли в психическую атаку. Плотные цепи врага, ведя огонь из автоматов, при поддержке штурмовиков продвигались рьяно вперёд. Наши подразделения подпустили гитлеровцев и с близкой дистанции открыли плотный пулеметно-автоматный огонь. Первая цепь противника буквально была истреблена. На поле боя остались сотни трупов солдат - молодых, рослых, сытых. Как выяснилось позднее, это были части, переброшенные из Норвегии.

Но потери не смутили гитлеровцев, они рвались к переправам через Нарву, сосредоточив на левом фланге плацдарма

мощную группировку артиллерии и живой силы.

Пришлось вызвать помощь, чтобы не дать нас столкнуть назад в воду. На нас заработали все артиллерийские группы 42-й армии. Моя задача была докладывать по радио обстановку в штаб.

Весь день гремела артиллерия. Я вызывал огонь то артиллерии, то “катюш”. Было море огня и это отрезвило противника. Он нёс большие потери, и к вечеру атаки прекратились. А подразделения полка закреплялись на занятых рубежах.

На КП полка прибыл командующий 42-й армией генерал Стариков.

- Почему редко докладывали об обстановке? – спросил он меня сердито. - Мы подготовили для ввода в бой армейский резерв, а вы молчите.

Я стоял перед ним в одежде, промокшей до самого воротника в воронках от снарядов.

- Товарищ генерал, я отбивал атаки и закреплял занятые рубежи, был уверен, что удержу занятые позиции!

Командующий слегка улыбнулся.

- Вот еще стратег выискался, а вообще-то правильно действовали. Спасибо за стойкость. - И обратился к своему адъютанту:

- Полковник, напишите представление на майора к награде.

Через несколько дней мне вручили орден Красного Знамени.

Прошло много лет, но гул и взрывы артиллерийского огня, когда, как живая, дрожала земля, слышу и теперь. Это было ожесточённейшее сражение на нашем фронте при прорыве блокады Ленинграда. И мы его выиграли у сильной группировки немцев.

Сергей Иовлев

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ФАКТАМИ

Генерал-майор Сергей Иванович Иовлев родом из знаменитого когда-то на всю Россию села Кресты Шадринского уезда, где до революции ежегодно проходил грандиозный торг - Крестовско-Ивановская ярмарка. Он родился в 1899 году, а в 1918-м учился на 3 курсе Шадринской учительской семинарии, и прямо со студенческой скамьи ушел на фронт.

Перед началом Великой Отечественной войны полковник Иовлев – командир дивизии и начальник Смоленского гарнизона. А в июне 1941 года его соединение приняло первые бои с немцами на подступах к столице Белоруссии Минску.

В публикуемом отрывке воспоминаний генерала об июньских боях 41-го года описаны всего два эпизода, но они говорят о многом: о несгибаемости русского солдата в тяжелый для страны период.

Леонид Осинцев, краевед

РУССКИЕ В РАЗВЕДКЕ

(ответ генералу Меллентину)

25.06.41г. ОРБ дивизии (отдельный разведывательный батальон) был направлен в район Радошковиче (в 12 км западнее переднего края обороны) и дальше на М.Красне с задачей разведать силы, состав и группировку наступающего противника, захватить пленных. ОРБ в составе двух мотострелковых рот

(одна придана из 108 стрелковой дивизии) и бронетанковой роты (в последней было два танка БТ-7, пять танкеток и две бронемашин) двинулся по проселочным дорогам на северо-запад от Заславля.

Обнаружив в 14 часов в Радошковиче скопление немецких танков, командир ОРБ майор Чумаков Яков Власьевич донес об этом в штабдив, оставил наблюдателей и двинулся на м.Красне.

В небольшой лесок у Шелухи, что в 4 км сев. зап. Радошковиче, с шоссе сворачивали легковые машины, автобусы. Несколько танков патрулировало на шоссе. Наш ОРБ подошел к этому лесу с другой, с юго-западной стороны.

Майор Чумаков расположил машины на южной опушке. Сам с командирами подразделений выдвинулся поближе, посмотреть, что делают немцы. В лесу слышался громкий разговор, смех, песни. На северной опушке устанавливалось несколько палаток, складной стол, стулья. Толпилось много офицеров. Некоторые, раздевшись до пояса, обливались водой.

«Штаб какой-то», - подумал Чумаков.

«Лучшего случая, товарищи, и не встретишь. Надо быстро, внезапно напасть. Слушай приказ: стрелковые роты нападают отсюда, где мы стоим. Танкам и бронемашинам выйти правой леса к шоссе, огнем по танкам и машинам на шоссе не подпускать к лесу и не выпускать из него. Танкетки обеспечивают с запада. Взять живьем несколько офицеров. После боя сбор на южной опушке. Действуйте!»

Нападение ОРБ произошло так внезапно и ошеломляюще, что противник в лесу не оказал сопротивления. Несколько беспорядочных автоматных очередей и pistolетных выстрелов были быстро прекращены. Немцы на шоссе не могли понять, в чем дело. По ним били наши танки и бронемшины с дистанции в 400 метров. Два немецких танка загорелись, один перевернулся, два, отстреливаясь, ушли на восток, в Радошковиче. Легковые машины, стоявшие на шоссе, были изрешечены пулеметным огнем. Немцы ползали в кюветах или бежали по полю на север.

В лесу шла работа своим чередом. Наши стрелки окружили бахвально беззаботных «победителей» и расстреливали ошалело бросавшихся то туда, то сюда. Одного офицера за ноги

вытащили из-под машины, испачкался. Другого нашли в кузове, запрятал голову под брезент.

«Эй, вояка, вылазь,» - тыкал его автоматом красноармеец, - плохо спрятался».

Вид у этих офицеров, надо сказать, был совсем не рыцарский, всю спесь сдунуло.

Дело было закончено за 30 минут. Сожгли полтора десятка машин, взяли в плен трех офицеров и пять рядовых, уничтожили - до полусотни. Немногим удалось бежать.

Главная же удача в добытых документах. Их было так много, что Чумаков, не разбирая, натолкал полный мешок.

«Кончай обедню,» - скомандовал Чумаков.

Собрали ОРБ, подсчитали. Наши потери - один убит, трое раненых, одну танкетку пришлось бросить: попала в болотистую яму, не могли вытащить.

В штабе дивизии весь вечер допрашивали пленных, разбирали и изучали документы. Установили, что ОРБ разгромил полевой штаб 89-го танкового корпуса немцев. Корпус имеет задачу захватить Минск с северо-запада. Обнаружили карту с литографски нанесенной группировкой фашистских войск перед всем нашим Западным фронтом с указанием направлений действий и сроков достижения объектов в глубине советской территории.

Пленные, успокоившись от первого ошеломления, говорили мало. К офицерам вернулась наглая самоуверенность, рядовые отговаривались незнанием. К тому же наш переводчик плохо понимал немецкий язык, так что многого не узнали. Во всяком случае, стало ясно: немцы рвутся к Минску двумя крупными танковыми группами. От Вильнюса через Молодечно, Радошковиче группа генерала Гота и от Бреста через Слоним, Койданово - Гудериана. В Минске стрелы больших клещей сходятся 27 июня 1941 года. Немецкая пехота отстает.

В представлении врага Красная Армия уже разбита, части бегут, не оказывая сопротивления, многие окружены, немцам остается только добивать и преодолевать расстояния.

Документы и пленных отправили на машине в штаб корпуса, а оттуда их переслали, как я потом узнал, в Могилев в штаб Западного фронта.

Боевой эпизод со штабом 39 немецкого танкового корпуса -

заслуга майора Чумакова. Хочется о нем рассказать поподробнее. Он уроженец Смоленской области, родился в 1903 году, в Красной Армии с 1925 года, член партии с 1927 года. Окончил Кав.школу, КУКС и в 1941 году вечерний факультет Академии имени Фрунзе. Яков Власьевич среднего роста, коренастый. Веселый непоседа, с живыми карими глазами, даже не с карими, а золотисто-карими. Молчать Чумаков не может, слова сыплет щедро, полной лопатой. Человек в постоянном движении, «кипяток» - окрестили его подчиненные солдаты, любившие своего командира. Яков Власьевич всякому делу отдавался весь полностью. И тактической выучке своих разведчиков днем ли, ночью ли. И в дни отдыха - коллективной рыбалке, охоте. Везде он был энергичным организатором, инициативным вдохновителем, «заводилой». Я вначале настороженно присматривался: почему нет в ОРБ нарушений дисциплины. Потом понял: офицеры и красноармейцы настолько уважают командира батальона, что не допускают и мысли подвести, обидеть его, друг за другом присматривают и сами борются, чтобы никаких нарушений в ОРБ не было. Такова сила действительного авторитета, уважения командира. Чувствовалось - разведчики пойдут в огонь и в воду за майором Чумаковым. Это и подтвердилось в первые же дни войны.

Личную смелость и героизм Яков Власьевич проявлял неоднократно и в разведке под Минском и при выходе из окружения. Нам было очень жаль расставаться с ним. Майор Чумаков заболел, не мог идти, и мы его оставили в одной белорусской лесной деревеньке. Уже после войны мне стало известно, что майор Чумаков был заместителем командира 141 гвардейского стрелкового полка 46 гвардейской стрелковой дивизии. Дважды ранен. Убит 1 августа 1944 года. Героическая смерть в бою за Родину - высший показатель солдатского долга и человеческой красоты. И жизнью своей, и смертью Яков Власьевич Чумаков оставил в соратниках долгую и хорошую память.

Через три года маршал Шапошников, будучи начальником Высшей Военной академии, говорил автору этих записок, тогда слушателю Академии, что получили от 64 стрелковой дивизии очень ценные немецкие документы, раскрывшие намерения и группировку гитлеровских войск на западном направлении.

«Читали об этом сводку Информбюро?» - спросил тов. Шапошников. «Нет, не читал».

Адъютант принес маршалу, а последний зачитал мне следующую сводку от 27 июня 1941 г. «На Минском направлении разгромлен крупный штаб противника. Убит немецкий генерал и захвачены оперативные документы».

Я сказал маршалу, что насчет генерала не уверен: был ли там убит и рассказал, как происходил этот эпизод.

- Я помню действия 64 стрелковой дивизии в первые дни войны, - сказал маршал, - а вот куда она делась после 27 июня, не знаю.

Мне пришлось рассказать о судьбе дивизии. Борис Михайлович помнил многие эпизоды борьбы за Минск. Он всегда удивлял своей памятью. В частности, мне вспоминается доклад тов. Шапошникова в Академии имени Фрунзе в 1929 году о событиях на КВЖД. Борис Михайлович перечислял войсковые части наши и противника, называл командиров, даты, описывал направления и характер действий. И все на память, не заглядывая в конспект, лежавший на кафедре. Нас, слушателей, это очень поразило. «Вот как надо знать материал доклада», - говорили мы между собой.

О разведчиках 64 стрелковой дивизии я расскажу еще один эпизод. Это мне хочется, тем более что фашистский генерал Меллентин в главе XIX книги «Танковые сражения» клеветает на русских разведчиков: «русский солдат - пехотинец не отличается пытливостью и поэтому его разведка обычно не дает хороших результатов» (стр.246). Чего только не нагородил Меллентин в своих психологических исследованиях души русского солдата. И шарахается-то он из стороны в сторону, и непоследователен-то он, и жесток, и несообразителен, ленив, страдает стадным инстинктом, испытывает ужас при угрозе с флангов.

Эх, Меллентин, Меллентин! У нас говорят: «Чья бы корова мычала, а твоя молчала». Не вы ли шарахнулись от «Хайль, Гитлер!» до «Гитлер, капут»? Кто убивал, вешал, сжигал женщин, детей, пленных, разрушал города и села? В Освенциме я видел глубокие ямы, заполненные человеческим пеплом и сараи, до крыш набитые детской обувью.

Чья это жестокость?

Может кто-то найдется - поверит вам, клеветнику и лжецу.

Поэтому я - старый русский солдат - и взялся за перо, чтобы опровергнуть ваши злостные измышления, герр Меллентин.

25.06.41 после полуночи на КП дивизии вернулась вторая разведпартия. Возглавлял ее лейтенант Дружинин. Она была послана на левый фланг дивизии, где сходились несколько дорог.

На большаке у деревни Лушинцы, когда начинало вечереть, разведчики обнаружили колонну танков и машин, заправлявшихся горючим. Насчитали 6 танков, 4 машины с людьми и десять мотоциклов. Машины втягивались в деревню. Лушицы стоят в низинке, с востока близко лес. Командир решил: если колонна двинется, то в этом леске устроить засаду; в случае, если немцы останутся на ночлег, то из леса напасть на деревню ночью. Скорей всего немцы останутся. Расчет оказался правильным, фашисты провозились с заправкой до темноты и решили ночевать.

У Дружинина было две машины с людьми (25 человек) и две бронемшины. Лейтенант с горки на опушке наблюдал за деревней. С ним несколько сержантов. Они прикинули план действия: напасть на деревню с севера, дорогу на запад и юг заминировать, бронемшинами ворваться с востока.

Удивительно беспечно в те дни вели себя захватчики. Скорей всего, от упоения первыми легкими успехами. Видимо, так учили заносчивые, самоуверенные офицеры. Их военное искусство часто напоминало действия, грубо говоря, «на арапа».

Вперед, только вперед! Несмотря на оголенные фланги, на перемешивание и растяжку частей, не обращая внимание на отставшую пехоту и артиллерию, на невозможность снабжения. Авантюризм был характерен в первые дни войны, но сходило с рук, пока отступала Красная Армия.

Во всяком случае, вражеский отряд в Липшицах проявлял полную беззаботность и тактическое легкомыслие.

Машины сгрудились на улице, между домов, люди разошлись по дворам. Песни, смех, крики. И хоть бы кто подумал наблюдателя выставить.

Где-то кудахчут потревоженные куры, резко визжит пойманный поросенок, истошно на всю деревню голосит женщина. Из труб домов валит дым.

Командиры наблюдали с горки и переговаривались вполголоса.

- Как дома у себя хозяйничают.
- Ужин готовят, черти.
- Этот ужин им поминками будет, - поглядывая на часы, сказал Дружинин.

- Ночь темная, товарищи. Смотри, чтоб по своим не стрелять.

- Сержант Котов, вы идете для захвата офицера. Не перепутай дома. И обязательно живого.

- А если он брыкаться будет, оглушить можно? - серьезно спросил Котов.

- Легонько кокнуть разрешается - улыбнулся Дружинин и показал кулаком сверху вниз, как можно кокнуть.

Дружинин-сибиряк из-под города Камень-на-Оби, высокий, стройный, как кедровая сосна. Глаза у него светлые, спокойные и холодноватые, будто вода в Оби ранним утром. Движения медлительные, тяжеловесные. Когда говорит, чувствуется - подумал человек, отмерял два - три слова и выложил их, как колочки на стол. К его характеру подходит меткое русское слово «неулыба».

Надо бы о Дружинине рассказать побольше, уж больно хо-роша людина... Вернулись саперы. Доложили, что дороги при выходе из деревни на юг заминированы.

- Пора, товарищи! По местам! Я в головной бронемашине, - напомнил лейтенант.

В 23 часа взвилась красная ракета. В деревню ворвались бронемшины. Сразу в трех местах вспыхнуло пламя, загорелись танки от брошенных бутылок. Стрелки устремились с горки к домам, стреляя на ходу. В некоторых домах еще не спали, немцы выскакивали на улицу, кто, в чем был, без оружия и тут же падали, сраженные пулеметами бронемшины. Уцелевшие в паническом страхе бежали в темноту, прятались под постройками. На западной окраине деревни несколько танков успели изготовиться к бою, стреляли из пушек. Деревня освещалась зловещим пламенем горевших машин. От дома к дому перебежали разведчики.

Бросив в освещенное окно намеченного дома ручную гранату, группа Котова заскочила внутрь. Горит керосиновая лампа. Спавшие на полу залезли под стол и скамью.

- Вылазь! Отвоевались.

Неловко на четвереньках выползли три немца и, стоя на коленях, подняли руки. В рыбьих глазах застыло безумие. Лопочут: «Камрад, камрад. Офисер, офисер» и показывают на соседнюю комнату. Котов толкнул дверь. Один одевается и никак не попадет ногой в штанину, топчется на одной. Кто-то на кровати, натянул одеяло на голову, прячет голые ступни.

- Вставай, руки вверх! - крикнул Котов.

- Разрешите одеться, - по-русски сказал прыгавший на одной ноге.

- Одевайся. На кровати кто?

- Лейтенант. Начальник разведотряда. Я переводчик.

- Вот и хорошо. Вы нам нужны, - шагнул к кровати только что вошедший в избу лейтенант Дружинин.

В этот момент, влетев в окно, в комнате разорвался снаряд. Могучее тело Дружинина раскинулось через всю комнату. Большой осколок пробил грудь. Рано, очень рано погиб лейтенант Дружинин, двадцати двух лет. Ему бы жить да жить, украшать собой землю.

Бой продолжался с полчаса. Остатки разгромленного немецкого отряда ушли на юго-запад. В деревне догорало три танка и все колесные машины. В плен взяли одного офицера и трех солдат.

На танках и машинах противника была белая эмблема, буква «Г». Тогда еще мы не знали, что она значит. Впоследствии пленные объяснили, что это начальная буква фамилии командующего группой Гудериана, в знак его заслуг перед германскими танковыми войсками.

Судя по поведению немецкого разведотряда в Лушинцах, не так уж много заслуг у Гудериана. Танкисты оказались тактически плохо подготовлены, беспечны и неустойчивы.

Приходится жалеть, что там не был фашистский генерал Бутлар, написавший «у немецких солдат было чувство превосходства над русскими, которое не покидало их вплоть до самого окончания войны в России» (сборник «Мировая война 1939-45 гг., стр. 185). Он мог бы понаблюдать, когда и как покидало «чувство превосходства» прославляемых им офицеров и солдат «великой германской армии».

Петр Романенко

ПОЛ-ЕВРОПЫ - НА БРОНЕ

Петр Александрович Романенко родился в 1921 году. Воевал с первого до последнего дня. Дважды тяжело ранен. Награжден двумя орденами Отечественной войны 1-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и другими.

После войны живет в Кургане, долгие годы работал на машзаводе им. В.И.Ленина.

Водиннадцать часов 22 июня фашистские стервятники обрушили свою огневую мощь на казармы солдат, охранявших огромные военные склады в Псковской области. Я с другими пулеметчиками поднялся на крышу казармы и открыл огонь из ручного пулемета по нападающим. Самолетов, конечно, не сумели подбить многие, а рядовой Луценко подбил, но и сам вскоре был изрешечен осколками бомбы.

Когда немецкие войска подошли к Пскову, поступил приказ об отступлении. Отступали. На указанных рубежах окапывались, рыли траншеи, оборонялись. Однажды фашисты решили взять нас психической атакой. Пьяные, с засученными рукавами, шли они в полный рост. Командир роты приказал не стрелять без команды. Вот уже расстояние метров 30. Нервы напряжены, как струна. И вот команда: «Огонь!»

Мы открыли такой ураганный огонь из пулеметов и автоматов, что мудрено было кому-то из гитлеровцев остаться в живых.

Но один фриц чудом уцелел, прыгнул к нам в траншею и кричит: «Рус, сдавайся!» Слишком уверенными в себе были тогда коричневые вояки. Но вскоре воевать и отступать стало очень трудно. Заедали вши, по несколько суток отступали без пищи.

Запомнился несостоявшийся бой за деревню Васильевка. Двум ротам было приказано обойти ее с разных сторон и атаковать по общему сигналу. На подходе к деревне многие от голода падали и замерзали. Когда взвилась ракета, некому было идти в атаку. Лишь единицы отошли без всякого боя.

Когда беспорядочное отступление кончилось, мы попали на переформирование. В составе новоиспеченного лыжного батальона двинулись под Старую Руссу. Здесь получил пулевое ранение в ногу. После госпиталя в составе мотострелковой бригады бился с врагом под Орлом, Воронежем и множеством других городов, то наступая, то отступая.

Под Воронежем пять дней немецкие самолеты, налетая большими группами, непрерывно бомбили наши позиции. И вдруг видим, на наши окопы прет множество танков. «Откуда они могли взяться?» - было если даже рядовым известно, что враг перебросил все свои танки под Сталинград. Один из генералов остановил у переправы «Катюши», развернул их и приказал ударить по немцам. Полетели в разные стороны щепки, фанера от макетов, устроенных на мотоциклах. Наши солдаты, поняв обман, бросились в контратаку и шестнадцать километров гнали фашистов.

Весной 1943-го меня направили на командирские курсы, а через три месяца, уже младшим лейтенантом, - в запасной полк. Здесь я подготовил взвод танкового десанта и с ним прибыл на фронт. Оседлав трех «железных коней», мы брали Киев, громили врага в Молдавии и Румынии.

В составе второй танковой бригады воевал уже в качестве командира танково-десантной роты. Освобождал Белоруссию, Польшу, форсировал Вислу. Затем, наша бригада двинулась по тылам противника. Вышли мы к устью Одера, когда фронт оставался еще далеко позади. Один из портовых городков оказался для нас «крепким орешком»: не могли в него войти наши танки, а значит, и мы. Слишком много засело там фаустпатронщиков. Командир бригады приказал обойти городок с тыла. Обошли, вышли на пристань, а там пассажирский катер загружается гитлеровцами для переброски их на другой берег. Я

ударил фаустпатроном по катеру. И тот потонул.

А немецкие подразделения идут и идут на пристань для переправы. И не как попало, а с немецкой аккуратностью, строим, строго по расписанию, с учетом времени, необходимого для переправы предыдущей группы. Я организовал пленение и разоружение каждой прибывающей группы и отвод ее в сторону. Набралось пленных около шестисот. А нас было - не больше сотни. Оставили мы около пленных охрану и двинулись в городок. Там оставался один пулеметчик, которого сняли фаустпатроном. Так и взяли городок, а попутно запаслись у пленных большим количеством фаустпатронов и стрелкового оружия.

Гибли на войне не только от огня противника. В одном из боев на правом фланге от нас стояли польские части, а, напротив, в лесу - немецкие. Гитлеровцы пошли в атаку на поляков. А мы, воспользовавшись ослаблением немецких сил в лесу, захватили их позиции. В это время отступающие поляки сообщили нашему командованию о скоплении на позициях немцев войск противника. Наша артиллерия и ударила всей мощью по этому лесу. От моей роты чудом остались в живых я и один солдат. Но и мы были ранены осколками.

Довелось мне участвовать и в боях за Берлин. Пошли наши танки с десантом на окружение немецкой столицы с севера. Встретились с танковой бригадой, шедшей с юга. Ударили по Потсдаму. Взяли. Двинулись всей армадой на Берлин.

После падения Берлина моя рота разместилась в подвале разрушенного дома. Выставили охрану. Ночью просыпаюсь и слышу немецкое бормотание. Посветил фонариком и глазам не верю: между мной и ординарцем лежит немецкий капитан. Я разбушевался: как часовые могли пропустить сюда фашиста, когда оба входа охраняются? Но тут забегает солдат и кричит: «Выходите все на улицу, посмотрите, что там творится!»

Я велел вывести фрица на улицу и вышел сам. Там ведут колонну генералов. Повелел этому капитанишке встать в их строй, что он и сделал, четырежды отдав мне честь со словами: «Данке шён».

Нами были пройдены тысячи километров военных дорог. Наступил долгожданный мир. Своей свободой от коричневой чумы человечество обязано советскому народу, причастности к которому я безмерно горд, ибо сделал для такого праздника всё, что мог.

Николай Лавринов

**ТАК
ОСТАВЛЯЛИ
МЫ КИЕВ**

Николай Георгиевич Лавринов родился 19 декабря 1916 года. В боях с первых дней войны. Участник обороны Киева. Контужен, попал в плен. Дважды бежал. Выходил из окружения с остатками 14-го корпуса 5-й армии. Снова контузия и плен. Лагерь на Украине, в Польше, Германии. Освобожден в 1945-м году.

Работал учителем, директором школы, зав. районо. Живет в Кургане.

В Красную Армию я был призван в 1938 году после окончания учительского рабфака. Перед войной служил заместителем политрука в автороте батальона аэродромного обслуживания в Борисполе, как раз в том месте, где теперь находится Киевский аэропорт.

О войне мы узнали не из сообщений по радио, а по первому авианалёту гитлеровцев на Киев. Помните, в песне позднее пели: “22-го июня, ровно в четыре часа Киев бомбили, нам объявили, что началась война...”

С того трагического утра налёты немецкой авиации на Киев были ежедневными. А наш аэродром вблизи города. Фашистам казалось, что они его уничтожали десятки раз, но при новых налётах с него и полевых аэродромов, которые мы обслуживали, поднимались наши самолёты, вступали с гитлеровцами в бой, а чаще штурмовали немецкие войска, старавшиеся

захватить столицу Украины. Бои были жесточайшими, но защитники Киева, показывая беспримерную стойкость, держались. А потом наступила трагическая развязка.

19 сентября 1941 года наш командир капитан Козаренко взял меня с собой в штаб. Незнакомый полковник обратился к собравшимся:

- Друзья мои, соберитесь с силами. Нас ждёт более серьёзное из всего того, что мы перенесли. Только что получен приказ о выходе из окружения. Ударная группа войск в направлении на Лубны обеспечит прорыв, а нам с вами предстоит сыграть роль арьергарда. Мы должны сдерживать немцев, не дать им, форсировав Днепр, ворваться на Левобережье на плечах отходящих частей. Вот-вот придут части 37-й армии, покидающей Киев. Сил много, но будем откровенны – положение не из лёгких. Потребуется организованность, дисциплина, мужество, решительность. Всё. По местам!

Душа моя ликовала. Мы с командиром возвращались в автотору. “Пришёл наш час!” – говорил капитан. “Пришёл наш час!” – повторял я.

Вдруг капитан спохватился и приказал шофёру “эмки” ехать к стоянке наших спецмашин. Вот и балка, в тени которой они стояли. Козаренко приказал выбежавшему из балки бойцу Ветрову поджечь машины. Через минуту над балкой заструился несмелый, жидкий дымок. Вдруг одна из машин надрывно загудела. Я вздрогнул. По спине побежали мурашки. Из балки бежал Ветров.

Капитан с перекошенным лицом кинулся навстречу парню: “Вернись! Прекрати это...”. Ветров вернулся. Вскоре звук смолк. Появился боец, и в это время раздались взрывы. Огненный смерч взметнулся в небо.

Капитан, утирая слёзы, поспешил к своей машине.

Мы с Ветровым едва добрались до третьего взвода, как слышалось: “Воздух! Воздух!” По сравнению с прежними налётами на аэродром этот был так себе, пустынный – не более эскадрильи бомбовозов, но в глазах некоторых бойцов заплескалась тревога, они забились в щели. Даже Ветров, бесстрашный боец, смущённо говорил: “На аэродроме как-то не так. Там бомба предназначается не тебе, а самолётам. Конечно, шальная может и накрыть, но от шальной не скроешься и потому не пря-

чешься: бесполезно. А тут бомбы летят прямо на тебя, жутко”.

Рота окопалась на опушке небольшого лесочка. Впереди жёлтое, потоптанное впрах пшеничное поле. Ещё дальше – Днепр.

Бойцы все свои. Как поведут они себя в новой обстановке? Воевать в качестве пехотинцев нам не приходилось, но мало ли что не приходилось делать человеку. Человек способен на всё. Всё внимание пока сосредоточилось на окопах, кусочек пространства перед ними.

Текущие заботы захватили меня. Я бегал от отделения к отделению, от взвода к взводу. Где только перекинусь несколькими фразами, где задержусь на несколько минут. Кого похвалю за аккуратность, за молодецкий вид, за порядок в окопе, за хорошее настроение. Кого пожурю за небрежно сделанную нишу, за демаскирующий бруствер, замечу невесёлое лицо, присаживаюсь, беседую по душам, по-дружески, пока у бойца не оживут, не заблестят глаза.

Предупредительного “Воздух!” не успели прокричать. Бомбардировщики налетели неожиданно. Задрожала земля, покрылись клубами пыли и дыма окопы, померкло солнце.

Грохот прекратился. Земля перестала вздрагивать. Я поднял голову, выпростал руки, встал на коленки. С меня ручьями стекала земля. Огляделся – ничего не увидел, поднялся на ноги. Развороченные, с полуобвалившимися краями окопы, полузасыпанная траншея представляли собой жалкий вид. Торчит из земли ствол карабина, валяется перевёрнутый пулемёт, рядом выглядывает каска, виднеются кирзовые сапоги. Окопы не дают жизни. Тревога сжала сердце. Но вот поднимается из-под земли один боец, чихая, вылезает другой, отплевывается, отхаркивается третий. “Живы! Живые!” Иду по траншее, перескакиваю завалы, обхожу воронки. Кое-кто уже работает лопатками.

“Капитан!” – крикнул кто-то. Все повставали в окопах и вне их. С надеждой и радостью встретили мы своего командира. Капитан внимательно оглядел каждого. “Страшно было?” – спросил тихо, будто по секрету. И сам ответил: “Страшно, страшно. Знаю”.

- Танки! Танки! – послышалось с НП взвода. Капитан приник к брустверу с биноклем, а я рядом со своим.

- Подпустим поближе. Гранаты бросать наверняка. Пуле-

мётчикам и бойцам бить по автоматчикам прицельно, бечь патроны.

Мы увидели танки немцев. Руки бойцов потянулись к гранатам, карабинам. Чем ближе подползали танки, тем неуютнее становилось в окопе. Слабыми показались мы сами себе без артиллерии сзади и без танков.

Перед окопами стали рваться снаряды. Взвод не отвечал. Танки свернули чуть влево. Оставив взвод, капитан, чуть согнувшись, побежал на левый фланг роты, куда нацелились танки. Немцы открыли по нему огонь из пулемёта, но он благополучно скрылся за поворотом траншеи. Мужество командира благотворно подействовало на бойцов. Да и танки теперь угрожали не нашему взводу. Щупальца страха ослабевали. Онемели пальцы, стискивающие карабин, ноет шея, а танки ползут медленно, будто нарочно приостанавливаются, лениво водят перед собой дулами пушек, изрыгают огонь и ползут дальше. Даже фашистские автоматчики, кажется, не выносили медлительности своих танков, соскочили с них и бегут рядом, забегают вперед.

Вот они!

- Огонь! – крикнул командир взвода. Хлестнул шквал из всех огневых средств взвода. Автоматчики припали к земле, яростно стреляют.

Как и комвзвода кричу:

- Не палить зря! Стрелять, когда немцы поднимаются.

Вдруг два танка повернули на наш взвод. Ползут. Ещё минута и танк раздавит пулемётчика Зайченко. Кидаю связку гранат под гусеницу танка. Взрыв. Танк прополз немного и закружился на месте. По нему ударила бутылка. Танк загорелся. Раздалось радостное ура. Первый подбитый танк стоял перед нами и горел, как копна соломы. Другой танк ринулся на пулемёт Ваганева. Он на окопе. В него тоже полетели бутылки, и танк загорелся.

Встретив отпор, немцы отступили.

Бойцы нашего взвода торжествовали. Ни одного убитого, трое легко раненых. На запыленных и закопченных лицах искрами радости сверкали глаза. А я словно летал по траншее и окопам, стараясь добрым словом благословить на стойкость каждого.

Но передышка не продлилась и полчаса. Новый обстрел из танковых орудий и миномётов, и немцы пошли на наши траншеи. Нам удавалось сдерживать цепи гитлеровцев на ближних подступах. Но вот они стали появляться с левого фланга, а потом появились справа. Нужно было срочно отходить, чтобы не попасть в окружение. Но нет приказа. Патроны на исходе. Пулемёт Зайченко уже молчит. Нечем стрелять. Приказал снять замок. Послал Ветрова на связь с командиром. И он как в воду канул. Шлю второго бойца. И он где-то пропал. Хорошо, что немцы откатились и пока молчат. Бойцы взвода, оставшись почти совсем без боеприпаса, стараются держаться кучнее. Собрались возле меня, с надеждой смотрят и ждут. Что пора отходить понимают почти все. Но нет приказа. Эти взгляды надежды и отчаяния сводят меня с ума. Но нет приказа отходить и связи нет. Куда делись остальные взводы нашей роты, так же, как мы, держатся из последних сил или уже отошли? И в те минуты я стал отчетливо понимать, как оказываются отрезанными от своих роты и батальоны. Полки, армии и целые фронты оказываются в окружении. Нет связи, нет приказа, нет взаимодействия.

Каким счастьем для меня, оставшегося за командира взвода, стало появление в окопе Ветрова. Он выдохнул: «Есть приказ отходить на соединение с ротой».

И мы пошли. Но было уже поздно: куда ни сунемся – везде немцы, везде их окрики и стрельба. А тут ещё появились в небе «юнкерсы». Они пошли в пике над взводом, а может быть и над бойцами всей роты. Воздух, казалось, сжался пружиной, в глазах ослепительно сверкнуло, голова будто оторвалась и полетела с грохотом в черный мрак...

Очнулся среди незнакомых и безоружных солдат... Ничего не слышу и не могу понять: я это или не я? Что происходит вокруг? Увидел немецких солдат. Они гнали группу безоружных советских солдат в изодранной окровавленной одежде. «Плен! – звонили в мозг колокола. – Плен! Как это случилось?!» Эти мысли томили сильнее боли, жажды и голода.

Николай Кузнецов

СОЛДАТ НА ВСЕ РУКИ МАСТЕР

Николай Николаевич Кузнецов родился в 1913 году. В Красную Армию был призван в 1939-м. Дорогами войны дошел до Берлина. Гвардеец. Демобилизован в 1946 году. Подполковник запаса.

Награды: два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны I-й степени, медали “За оборону Москвы”, “За взятие Кенигсберга” и другие.

Начало войны застало меня в действующей армии, в городе Чите. Ее, конечно, ждали, все говорили, что война неизбежна, но мы, на востоке, думали о нападении Японии. В составе вновь сформированной дивизии в первые же дни военных действий на Западном фронте мы прибыли на границу с Китаем. На станции Отпор началось строительство оборонительных сооружений. Шла военная учеба. Помнится, была жесткая установка – не поддаваться на провокации японцев. Они огня не открывали, но на наших глазах имитировали атаки на наши позиции.

Напряжение на Западном фронте нарастало невероятно, и в октябре 41-го нашу дивизию погрузили в вагоны и без остановок - до самого Омска. Здесь сводили в баню, переодели во все новое, вооружили автоматами, новой техникой и дальше, мимо родного дома, до Орехово-Зуева. Из вагонов мы видели, как тысячи людей, в основном женщин, рыли рвы вокруг Мос-

квы. Фашистские летчики разбрасывали листовки-агитки. До сей поры помню содержание одной из них: “Вы, московские дамочки, не копайте ямочки, придут наши таночки – заруют ваши ямочки”.

Первое боевое крещение наша дивизия получила, защищая деревни Кресты и Каменка. Мы сумели развернуться малозаметно. Гитлеровцы шли на нас с песнями, бой был сильный, держали оборону четверо суток. Мое противотанковое ружье невозможно было взять голой рукой – так оно раскалилось от частых выстрелов.

Многие мои товарищи сложили в этих боях свои головы, но этот путь на столицу мы закрыли. Особенно нас донимали фашистские самолеты-корректировщики, которые бойцы за двойное хвостовое оперение прозвали “рамой”. Висели эти сволочи, постоянно сменяя друг друга, высоко в небе. Стрелковое оружие – автоматы, винтовки – их не могли достать, а наших истребителей еще было мало. Стоит нашим частям немного скопиться, как по наводке “рамы” появлялись “юнкерсы” и начиналась бомбежка.

Скрытно началась подготовка к нашему контрнаступлению: новые части, техника, накапливался боезапас.

- Кузнецов, ты хорошо разбираешься в карте, ориентируешься на местности, - вызвал меня командир полка, - будешь моим замом. Приказываю обеспечить часть боеприпасами.

Я взялся за новое дело. Боезапас доставлялся на передовую круглосуточно. В этих поездках видел сибирские полки, и в декабре – рванулись!

Сам видел, как из подбитого немецкого танка выползали фашисты, в рванье и каких-то опорках, высоко поднимали руки, и я впервые услышал: “Гитлер капут”. Пленных гнали толпами, убитых гитлеровцев сваливали во рвы. Вот вам, враги, и “ямочки московских дамочек” пригодились.

Настроение было приподнятое, хотя и с печалью пополам – наши потери были тоже немалые. В одной из поездок рядом рванул снаряд, и в глазах моих потемнело – осколок попал в голову. В госпитале под Москвой меня “зашили” и в марте 42-го я догнал свою родную часть уже в селе Износки Смоленской области.

Был паводок, река разлилась, продукты и боеприпасы пере-

правлялись на лодках.

- Ребята, везите больше патронов, снарядов, - просили командиры и бойцы на передовых позициях, - хлеб, конечно, нужен, но боезапас в наступлении первое дело.

Но когда на полуторке я привез и хлеб, и консервы, и водку (паек солдатский) за одиннадцать дней – были рады все.

- Ну, услужил ребятам, – кратко похвалил командир.

Но особую радость вызвала передвижная солдатская баня, которую я буквально “вырвал” у тыловиков.

- Да ты, брат, мастер на все руки, - хлопали по плечу солдаты, - сейчас побанимся и ударим “фронтовые сто граммов”.

Выше похвалы я не мог себе представить.

В июне сорок третьего наша 11-я гвардейская армия первой пошла в прорыв на Курской дуге. После этого сражения фашисты под натиском наших войск уже отступали “скорым шагом” и кое-где бежали, оставляя танки, орудия, повозки, мотоциклы, оружие. Курск, Брянск, Витебск – дорогами солдатскими обмеряны сотни и сотни километров – деревни, поселки, города и бои, бои...

Уже в Германии мне было поручено новое дело.

- Майор, принимай под свое командование ветеринарную службу, - приказал комдив.

Под моим началом было более трехсот человек, и мы собирали угнанный фашистами скот. Сотни и сотни лошадей, крупного рогатого скота были отправлены в разоренные войной Ленинградскую, Витебскую, Смоленскую, другие области.

Вот за этим почти мирным делом и застала меня весть о Великой Победе.

Сейчас, на склоне лет, вспоминаю, что за военные годы испытал все – грязь и окопы, кровь и смерть своих однополчан, подбивал танки и ходил в атаки, таскал на горбу тяжеленные снаряды и закрывал своим телом хлеб для солдат, получал выволочки и награды. Убежден – наш российский солдат может и умеет все, если речь идет о жизни Родины!

И больно становится сейчас, когда иные политики и историки пытаются принизить подвиг нашего народа, “переосмыслить” итоги Великой Отечественной. Им ничего не удастся!

Записала З.С. Верхотурова

Екатерина Щербакова

В КОШМАРЕ

ЛАГЕРЕЙ

Екатерина Ивановна Щербакова родилась в 1919 году. Жила и училась в Кургане. Весной 1941 года окончила Курганскую медицинскую школу. Уже в первые дни Великой Отечественной войны фельдшер Щербакова была призвана в армию.

В августе 1941 года была ранена и контужена, взята немцами в плен. Освобождена из концлагеря в 1945-ом. После войны работала многие годы в баклаборатории и железнодорожной больнице г. Кургана.

Я была призвана в армию в первые дни войны. Вначале была медсестрой в медсанбате. Раненых было очень много.

Наши войска с тяжелыми боями отступали, попадали в окружения. Вместе с войсками отступали и мы. В этих условиях приходилось почти постоянно находиться “на колесах”, в дороге. Добиваться транспорта, грузить раненых в машины и вагоны. Было тяжело физически и еще тяжелей – видеть адовы муки раненых бойцов. Не хватало медикаментов, перевязочных материалов, операции проводились в полевых условиях, многие умирали, пока подойдет очередь на операцию.

Когда вышли из первого окружения, я из медсанбата попала в стрелковый полк. Раненых было много, работали без халатов, засучив рукава гимнастеров, руки по локоть в крови, перевязывали раненых и увозили на подводах в медсанбаты. А нем-

цы наступали и справа, и слева.

Опять попали в окружение – вышли с тяжелыми боями и большими потерями.

Под городом Торопец Калининской области из вышедших из окружения сформировали полк и снова направили на передовую. Опять кровопролитные бои, много раненых. Пришел приказ срочно эвакуировать раненых, мы снова находимся в “мешке”.

Я на машине повезла раненых в медсанбат, но медсанбата на месте уже не оказалось. Пока мы его искали, на дорогах появились немецкие танки, начали стрелять по нашей машине, рвались снаряды. Многих моих раненых еще раз ранило, меня тоже ранило. Около машины разорвался снаряд, меня контузило, выбросило из машины.

Когда я пришла в сознание, кругом были немцы и много наших солдат. Так я попала в плен.

Всех пленных пешком погнали в город Великие Луки, мы этот переход и город прозвали Великие Муки. Раненых разместили в лагере-госпитале. Когда я немного поправилась, стала ухаживать за нашими ранеными.

В палате у меня было 21 человек, все лежачие, только трое передвигались на костылях. Здесь я была и врачом, и санитаркой. Тут же в палате делала перевязки. В ранах гной, черви, вши. После перевязки стирала бинты, сушила и снова ими перевязывала. Выносила судна, мыла полы в палате, кормила раненых.

Немцы каждое утро делали обход, требовали, чтобы был чистый воздух и чистота, а раненые лежали на полу на собственных шинелях, а некоторые на носилках. Кормили скудно, выручало гражданское население. Люди приносили в ведрах на коромыслах суп из капусты, иногда забеленный молоком. Из окрестных деревень в лагерь привозили на телегах хлеб для раненых. У ворот госпиталя мы распределяли эти добросердечные подаяния и разносили по палатам. Раненые дорожили каждой крошкой.

Из Великих Лук лагерь перевезли в товарных вагонах в город Полоцк, в местечко Баравуха, там до войны был наш военный городок.

Нас собралось здесь 64 девушки. Часть девушек отправи-

ли в другие лагеря, а 24, в том числе и я, остались в этом лагере. Нас заставляли стирать грязное вшивое солдатское белье. Я заболела сыпным тифом. В холодном нетопленном помещении без лечения лежала целый месяц. Ухаживала за нами, тифозными, одна из наших девушек. Когда немцев погнали с нашей земли, нас загнали в товарняк и повезли в Ригу. В Рижском лагере нам предложили работать на военных заводах Германии.

С нами разговаривал немец на чистом русском языке. Я отказалась работать на военном заводе. Он сказал, меня отправят в концлагерь, что я не представляю себе, что это такое.

И опять в товарных вагонах увезли в Германию в концлагерь Равенсбрюк.

Из 24 девушек нас туда отправили семь.

Этот лагерь находится в 80 километрах от Берлина на берегу большого озера. Это огромный лагерь, обнесенный железобетонной стеной, или как ее называли электростеной, потому что вдоль нее и над ней тянулась колючая проволока в несколько рядов, через которую пропускался ток высокого напряжения, по углам расположены сторожевые вышки. Круглосуточная вооруженная охрана.

Через этот лагерь прошло 132 тысячи женщин и более 500 детей, из них 93 тысячи были замучены. В лагере 32 барака-блока, был штраф-блок, карцер-бункер, крематорий, который работал, не переставая.

Первыми узниками здесь были немецкие женщины, обвиняемые гестапо в преступлениях против рейха. Среди них жена и дочь вождя германских трудящихся Эрнста Тельмана. В лагере было много детей, они находились в таких же условиях, как и взрослые.

Первая партия советских военнопленных прибыла в Равенсбрюк в 1943 году. Были врачи, сестры, санитарки. Я попала в этот лагерь в начале 1944 года. Нас привезли ночью, привели в баню. Утром приказали раздеться донага, наши вещи увезли куда-то. Раздетые стояли на холоде, дожидались очереди в баню. В бане остригли нас наголо, потом душ. Выдали лагерную одежду – застиранное белье, чулки, деревянные башмаки, полосатые платья в серо-синюю полоску, косынки. Выйдя из бани, мы не узнавали друг друга. Нас поместили в барак на

карантин. Барак отгороженный от других, сообщения с лагерем не было. Просидели мы месяц в полной изоляции. В бараке нары в три этажа, на них матрацы и подушки, набитые стружкой, грязные одеяла.

Ранним утром выла сирена, начинался “апель” – поголовный пересчет заключенных. Ничто не могло нарушить заведенного порядка – ни дождь, ни снег, ни жара. На “апелье” никто не смел накрыть голову платком, прижаться друг к другу, чтоб хоть чуточку согреться. Нужно было стоять по стойке смирно.

После “апелья” был “завтрак” – кружка эрзац-кофе без хлеба. После завтрака сидели за столом весь день. Считалось за счастье попасть под стол, где можно прилечь и вытянуть ноги. Выходить из блока не разрешалось. Это многочасовое сиденье утомляло, отупляло, доводило до беспамятства. И так месяц – каждый день.

После карантина нас перевели в блок, где жили военнопленные. Нас здесь было 500 человек. В этом лагере томились польки, чешки, немки, француженки, бельгийки, цыганки – женщины 23-х национальностей. Узники не имели фамилий, все жили под номерами. Мой № 108695. Работали в мастерских – швейной и ткацкой, шили лагерную одежду и немецкое обмундирование, насыпали насыпь узкоколейной железной дороги.

За невыполнение нормы зверски избивали. Били, за что попало и чем попало: палками, кулаками, пинали сапогами.

Немецкие врачи проводили различные операции и опыты на людях. Эти клятвопреступники вырезали кожу, мясо, пересаживали надпочечники, надкостницу с частью мозга, стерилизовали женщин. Вырезали кости на руках и ногах для того, чтобы пересадить их раненым немцам. Опыты эти проводили на молодых и красивых польках, их называли “кроликами”. Заражали инфекционными болезнями – туберкулезом, брюшным тифом, после операции вводили гноеродные бактерии. Подопытных людей потом уничтожали, вводили под кожу яд эвинал и сжигали в крематории, травили в газовых камерах. О чудовищных издевательствах немецких врачей над людьми невозможно вспоминать без дрожи, но вспоминать надо, чтобы люди знали, что такое фашизм.

Крематорий в Равенсбрюке обладал малой пропускной способностью, поэтому ослабленных и престарелых узников от-

правляли в так называемые “черные транспорты” в Майданек, Люблин, где их травили в газовых камерах и сжигали.

В лагере была группа сопротивления, возглавляемая советскими подпольщицами и входящая в интернациональное кольцо лагеря. Женщины добывали сведения о том, что происходит в мире, о наступлении советских войск и рассказывали об этом узникам. Организовывали протесты против “черного транспорта”, против уничтожения “кроликов”, против “аппеля” для детей, объявляли голодовки.

По воскресеньям в лагере не работали. Всех узниц выводили из блоков и заставляли маршировать по лагерьштрассе с утра до половины дня. Однажды военнопленные выстроились и по-военному четким шагом прошли мимо трибуны, где стоял комендант лагеря и старшая надзирательница, и запели песню:

Пусть ярость благородная вскипает, как волна,
Идет война народная, священная война.

Песню подхватили и другие узники. Комендант лагеря в ярости закричал: “Убрать эту красную банду. Чтобы я их здесь больше не видел”. Так мы были навсегда освобождены от этого наказания по воскресеньям.

В лагере происходил отбор заключенных для отправки на работы в “филиалы” лагеря. Меня тоже отправили на запад Германии.

Нас было 18 военнопленных. Мы были лагерной командой – убирали нечистоты на территории, чистили туалеты, развозили пищу для тех, кто работал на заводах, убирали комнаты аузекрок, засыпали воронки после бомбежек, разгружали из вагонов песок, уголь.

Когда открылся второй фронт, нас снова увезли в Равенсбрюк. А когда русские взяли Берлин, немцы решили уничтожить лагерь. Узниц 29 апреля вывели из лагеря, оставив там больных, и погнали пешком на запад Германии. Колонну охраняли эсэсовцы с автоматами и овчарками.

Мы уже слышали канонаду наших орудий, немцы спешили. Когда стемнело, нам удалось бежать, спрятались в придорожной канаве и отползали на картофельное поле. Нас собралось 7 человек, потом стало 13. Добрались до леса, где просидели целые сутки. Через лес летели снаряды, а утром 1-го мая мы

услышали, что идут танки, наши танки, и вышли из леса.

Солдаты нас кормили хлебом, а мы плакали от счастья. Из Зауралья в этом лагере нас было трое: Наташа Рябкова из Далматова, Елена Сидорова из Челябинска и я.

Что помогало нам выжить? Выжить не только мне, но и всем нам помогли Вера и Надежда в Победу, мы стремились дожить до того дня, когда фашизм будет повержен, мы верили в это. Надежду дожить до победы укрепляло в людях подпольное интернациональное кольцо лагеря.

Все простые люди должны знать, на какие преступления и зверства способны фашисты, должны сделать все, чтобы это никогда не повторилось. Эта война самая тяжелая из всех войн на Земле, самая кровопролитная. Но не вспоминать о ней мы не можем. Нет у медицины средств, чтобы отпустила наши муки и сердечную боль за потери в этой войне. Через все прошли, всего хлебнули, но разгромили и вернули планете мир.

Принято говорить: “Вынесли войну на плечах”. Да если бы только на плечах, а какая тяжесть досталась сердцу?! Но не только было худо – раз одолели, победили. Высочайшее желание выстоять и победить позволило собрать все силы на фронте и в тылу, и победить.

Пятьдесят шестой раз пришел на нашу Землю светлый праздник Победы. Но в мире неспокойно. За мир нужно бороться. Поэт Роберт Рождественский написал: “Люди, покуда сердца стучатся, помните, какой ценой завоевано счастье, пожалуйста, помните”. И эти набатные строки не должны быть забытыми.

Сергей Осетров

НАМ БЫЛО ДЕВЯТНАДЦАТЬ

Сергей Данилович Осетров родился в 1923 году в деревне М.Арагуль Лебяжьевого района. С 1942 года до конца войны сражался на разных направлениях. Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями “За оборону Сталинграда”, “За взятие Будапешта” и другими. Педагог по образованию, “Отличник народного просвещения” свою жизнь посвятил обучению и воспитанию подрастающего поколения. После войны работал в Шумихинском районе.

Октябрь 1942 года. Холод, дождь, грязь. Немцы все еще предпринимают отчаянные, но безуспешные усилия захватить Сталинград и прорваться к Волге.

Полки нашей 252 стрелковой дивизии прибыли с Урала и были направлены на северный участок фронта. Ранним утром подразделения занимали позиции, пройдя по раскисшей дороге километров тридцать.

В километре или чуть ближе через морозящую серость дождя проглядывала высота. На ее склоне — немецкая оборона, а у подножья метрах в трехстах от высоты — наши окопы. Вправо и влево чернеют подбитые танки. Сквозь дождь и утреннюю мглу проступало десятка два изуродованных немецких машин, среди них четыре-пять наших. Видно, жаркими были бои, вынудившие немцев перейти к обороне.

Я, да и не только я, все, кто первый раз приближался к пере-

довой, заслышав свист летящего снаряда или мины, бросались на землю. А они проносились мимо и рвались далеко позади или в стороне. Это потом научились определять перелет или недолет. А в этот первый день казалось — каждый снаряд накроет. Шли быстро. Мокрые шинели стали еще и грязными.

Мне и еще трем солдатам командир взвода приказал расположиться под танком с разорванной гусеницей, непрерывно наблюдать за немецкими позициями и вести огонь, если покажется противник.

Под танком был окоп, но для четверых он оказался слишком мал. Пришлось копать сбоку от танка еще один и соединять их.

Офицеров вызвали к командиру батальона.

— Будем брать высоту. Начало атаки в одиннадцать после артиллерийской подготовки.

Еще на высоте гремели разрывы, как раздалась команда:

— В атаку! Вперед!

Повыскакивали из окопов и перебежками устремились вперед. Немцы сначала не стреляли. А когда мы отбежали метров шестьдесят-семьдесят, открыли очень плотный огонь. Пули свистят. Мины и снаряды рвутся. Грохот и свист сверлит уши.

И в этот первый раз сближения с врагом, и потом не раз, не страх за жизнь, об этом не думалось, притуплял сознание опасности. Наступало какое-то безразличие к себе. Только инстинкт самосохранения бросал тело на землю. И хотя она мокрая и раскисшая, но, прижимаясь к ней, казалось, набираешься сил. А воля, подчиняясь призыву и примеру товарищей, напрягаясь от жгучей ненависти к врагу, движет тело вперед, и бежишь с теми, кто еще поднимается.

Не удалось наше наступление в первый день. С потерями вернулись на свои позиции. И на второй не могли преодолеть больше половины ничейной земли.

Вечером заместитель командира роты по политчасти старший лейтенант Гуренко еще раз рассказал, как необходимо взять высоту. За ней километрах в трех железная дорога, по ней немцы подвозят войска к Сталинграду.

И вот под покровом темноты стремительная атака, и высота наша! За ее гребнем блиндажи, ровики для боеприпасов, ходы сообщения. Было приказано занять оборону и быть готовыми к

отражению контратаки.

Перед рассветом началась стрельба. Мы трое были в небольшом блиндаже. Выскочили. Метрах в сорока немцы. Когда вспыхивали ракеты, поблескивали надвинутые на глаза каски и короткие автоматы в руках. Они бежали и стреляли на ходу. Трассирующие пули рассекали темноту, и казалось, что блестящие нити опутывают нас. Очень красиво, если бы не смертельно опасно.

Заговорили два наших ручных пулемета. Захлопали винтовочные выстрелы.

— Гранатами их, гранатами, гадов! — сквозь выстрелы крикнул командир взвода. Загрохотали разрывы, среди них и двух моих гранат.

И немцы не выдержали, побежали назад, оставив в грязи трупы убитых. Но и у нас гранат не осталось, да и патроны были на исходе. Если атака возобновится — не выдержать.

Но тут в окоп спрыгнул солдат с катушкой телефонного провода и аппаратом, за ним младший лейтенант-артиллерист.

— Артиллерия подоспела, — сказал сосед. — Сейчас живем!

Через несколько минут началась пристрелка. Снаряды плотно ложились на немецких позициях. А уже через час мы преследовали отступающего врага и перерезали железную дорогу. Бой был выигран. Приказ командования выполнен. И мы, молодые солдаты, обрели уверенность и боевой опыт.

Только за эти дни многих недосчитались. Погиб командир полка майор Чмырь. Убит мой товарищ Петя Араксин. Мы были из одной деревни и вместе призывались в марте 1942 года. Курганских парней 1923 года рождения было немало в полку, но осталось немного. Были ранены Иван Гуляев и Петр Вортынцеv из Мокроусово, а Сараеву из Петухово перебило обе ноги.

Нам было тогда только по девятнадцать.

Через несколько дней дивизию сняли с этого участка фронта и перебросили южнее, в район станицы Клетской, пополнив на привалах по дороге поредевшие в боях роты.

19 ноября началось наступление войск Юго-Западного фронта, а полки нашей дивизии заняли важный опорный пункт немцев — хутор Вертячий. Немецкая оборона было разорвана.

Наступил новый этап в Сталинградской битве, а, вернее, во

всей Великой Отечественной войне: окружение 330-тысячной армии врага и сжатие огненного кольца.

КТО ВИНОВАТ?

Занималось утро. Едва ощутимый ветерок предвещал появление солнца, и река пригладила свои волны. Катера Дунайской флотилии причаливали к берегу. Мы один за другим прыгали в воду, неуклюже шагали в ней с поднятыми над головами автоматами.

Первые лучи выползающего из-за гор солнца озаряли стены стоящей на высоком холме Братиславской крепости. В разных концах города слышались выстрелы.

Наступление наших войск со стороны вокзала, крепости и с берегов Дуная было столь стремительным, что немцы не могли организовать оборону и поспешно отступали. Лишь отдельные группы оказывали сопротивление. Но и они не задерживались, огрызались автоматными очередями, да иногда слышны были тугие хлопки взрывающихся гранат.

Наш взвод отдельными группами продвигался по пустынным улицам, укрываясь у изгородей с нависшими ветвями деревьев. Город был безлюден. На окнах домов, притаившихся в глубине садов, опущены жалюзи, калитки и двери глухо закрыты, улицы пустынные: ни транспорта, ни пешеходов.

Нас догнал командир взвода лейтенант Савин. Он остановился, осмотрелся, вытер тыльной стороной ладони пот со лба, поправил фуражку и негромко позвал:

— Савельев, иди сюда.

Подошел Павел Савельев — сержант лет тридцати, с обветренным темным лицом, острыми черными глазами, в сдвинутой на правое ухо пилотке и вопросительно поглядел на лейтенанта.

— Бери своих ребят и осторожно двигайтесь улицей вправо. А ты, Осетров, — прямо, — обратился Савин ко мне и показал рукой направление движения моей группе и отделению Савельева.

— Держитесь ближе к домам. Спешить не надо. Внимательно все осматривайте. На следующем перекрестке берите вправо и догоняйте взвод.

Он махнул рукой, и мы побежали в указанном направлении.

Пока на пути продвижения взвода немцев не было. В отдаленных улицах потрескивали автоматные очереди, слышался топот солдатских сапог, да глухо позвякивало оружие.

Труден бой в городе. Каждый дом, каждое окно, подъезд могут брызнуть свинцом. Не угадаешь, где притаилась смерть, откуда следят за тобой глаза врага и ждут удобного момента, чтобы навсегда остановить твой бег, вырвать жизнь.

Я быстро, но осторожно шагал по чужому городу, а из глубины памяти как наяву вставали дали родного села: речка в голубой дымке. Такая близкая и родная, сверкающая гладью на солнце, заливной луг с запахом зеленой сочной травы и ласковым теплым ветерком. Родной мой край! Как далеко я от тебя!

Рядом со мной шли пожилой и грузный солдат Васин, мой одноклассник длинный тонконогий Соколов. Голенища кирзовых сапог у него были широки и потому издавали двойной звук: резкий от топота по камням и хлопающий — голенищами. Третьим был молодой солдат Петя Нечаев. Мы внимательно оглядывались по сторонам, осматривали задворки, сады и двигались пока без задержки.

Вправо между домами открылась узкая затененная улочка. Метрах в ста она обрывалась изгородью. Мне показалось, что кто-то в глубине ее пробежал.

— Быстро, ребята, проверить, кто там.

Васин и Соколов свернули в улочку.

Петя Нечаев все пытался вырваться вперед меня, заглядывал во все уголки, а лицо его выражало явное недовольство: нет противника и ничего не известно о нем. Признаться, это беспокоило и меня.

Мы двигались по улице. Я старался быть впереди Пети, то и дело показывая ему, а то и сердито приказывая — замедлить движение. Я боялся за него. Поспешность, а порой неоправданная лихость могли обернуться для него трагедией. На войне нельзя обойтись без гибели солдат, а осмысленность, осмотрительность, расчет, умение смело, но с обдуманном риском действовать в бою не сразу приходят солдату. Не только я, все во взводе старались помочь овладеть фронтовой солдатской мудростью этому чувствительному юноше. Разница в возрасте между нами была всего четыре года, но он казался мне

мальчиком. Он это чувствовал, не протестовал, но переживал.

Мы остановились, чтобы подождать Васина и Соколова. А Петя не хотел задерживаться. Ему надо было двигаться.

Наблюдая за Петей Нечаевым, стараясь понять других солдат взвода, я удивлялся человеческой природе. Чего же все-таки в людях больше: добра или зла, участия или безразличия, любви или ненависти, чувствительности или холодности? Скорее всего у каждого эти качества — в разной пропорции, а проявляются в связи с обстоятельствами. Вот и Петя. Как ни ожесточался лютой ненавистью к врагу в бою, после боя его сердце и весь он были открыты людям.

Мои размышления прервали Васин и Соколов, догнавшие нас.

— Какой-то мужчина бегаёт, стучится к соседям и сообщает, что пришли русские. Назвал себя профессором-скульптором, фамилию сказывал не то Майерский или Майорский. Разве разберешь, — доложил Васин.

— Приглашал нас в свой дом. Угостить вином хотел, — добавил Соколов.

— А вы что?

— Что мы? Спросили про немцев. Он сказал, что по центру города третий день идут машины, а на этих улицах не видели.

Васин достал из кармана бумагу и табак, не торопясь, скрутил самокрутку. Соколов и я тоже закурили. А Петя нервно поправлял автомат, недовольно поглядывал на нас и осматривался по сторонам.

Я потом ругал себя за это промедление. Может, все было бы по-иному, если б не эта остановка.

— Пошли, — растирая сапогом недокуренную папиросу, позвал я.

Все двинулись и молча шли пять-шесть минут. Виллы сменили большие дома. Мы приближались к центру города. Пора было поворачивать вправо и догонять взвод.

В полусотне метров из-за деревьев выскочили три грязно-зеленые фигуры и скрылись за соседним большим домом. Они не заметили нас, наверное, очень спешили.

— Немцы! — крикнул Петя и со всех ног бросился к дому. Я устремился за ним. Васин и Соколов метнулись наперерез с другой стороны дома. Все произошло очень быстро.

Петя, не оглядываясь, спешил к дому, завернул за угол и увидел бегущих немцев. Он вскинул автомат. Но на какое-то мгновение бежавший последним немец оглянулся, приостановился и опередил Петю. Протрещала очередь. Вскинутая с автоматом Петина рука на миг замерла в воздухе, он, как-то неестественно нагибаясь, приостановился и медленно осел на землю.

Я подбежал и наклонился над Петей. Он лежал, поджав правую ногу. Рука с автоматом вытянулась вперед, а левая, с вывернутым локтем, прижата телом. Казалось, тело напряглось, чтобы подняться и сделать стремительный бросок вперед, но сделать этого он уже не мог. Он был мертв.

Я был настолько ошеломлен и потрясен случившимся, что не слышал выстрелов Васина и Соколова, перехвативших немцев.

Я повернул тело Пети на спину. На гимнастерке пониже ворота у левого кармана были две маленькие дырочки. Вокруг них проступала кровь. Темное пятно медленно расплзлось по гимнастерке. Лицо побелело. Отчетливо проступили черные брови и темный пушок над верхней губой. В стремительном беге Петя закусил нижнюю губу. Она так и не высвободилась из-под плотно сжатых зубов. И даже мертвое лицо солдата выражало стремительный порыв.

Как-то во взводе зашел разговор о героях, о подвигах в боях наших солдат и офицеров. Припомнили много случаев из боевой жизни своего полка, когда по примеру отважных подразделений бросались на врага и решали, казалось, невыполнимые задачи. Петя внимательно слушал всех, а потом задумчиво и тихо сказал:

— А знаете, ребята, с чем можно сравнить подвиг солдата в бою?

Он поглядел на нас, помолчал, как бы раздумывая, говорить или нет, а потом продолжал:

— С пулеметной очередью трассирующими пулями. Как за яркими светящимися нитями трассирующих пуль следует невидимый дождь смертоносного свинца, так и за первыми поднявшимися в атаку героями следует стремительный натиск на врага солдатской лавины.

Мне тогда его сравнение показалось надуманным. А вот

сейчас перед его телом я понял, что этот скромный, незаметный и нескладный юноша был сильным, смелым и отважным, способным на подвиг, и только что в стремительном броске он думал об одном: не дать врагу уйти.

Подошли Васин и Соколов. Остановились. Молча сняли пилотки и склонили головы.

Смерть Пети потрясла всех солдат взвода. Лейтенант зло и грубо обругал меня за то, что я не уберег, не сдержал Нечаева. А разве можно в бою угадать, кого и когда могут убить, кого и как надо беречь? А что значит беречь? Петя не мог остаться позади всех и ждать, когда появившиеся немцы будут уничтожены мной, Васиным или Соколовым.

За годы войны я видел гибель многих наших солдат. Горечь, жалость утраты жгла. А вот смерть Пети Нечаева ошеломила. Я не мог, не хотел верить тому, что не блеснут синевой Петины глаза, не зазвучат в его устах лермонтовские стихи, не улыбнется он тихой застенчивой улыбкой, и никогда не будет его среди нас. Безжалостна война, а еще безжалостнее жестокие люди, по чьей вине она бывает.

В Петином вещмешке были тетради с его записями. А в кармане гимнастерки — письмо от матери, полученное накануне, на которое он не успел ответить. Петины вещи мы отправили посылкой матери, написали ей, каким солдатом был и как погиб ее сын. А материно письмо я оставил у себя и часто перечитывал его, находя в его словах новые дополнения к образу этого удивительного юноши, умного, доброго, внимательного, застенчивого и скромного.

“ — Милый Петенька! — писала мать. — Как мы рады твоему письму! Это хорошо, что твой командир строгий и чуткий, что товарищи твои добрые и отзывчивые. Дорожи дружбой товарищей. Береги ее. Будь сам бескорыстен и верен.

Перед твоими глазами, Петенька, не только кровь и разрушения, муки и страдания людей. Ты видишь жизнь людей другого мира. Среди них не так уж много врагов. Куда больше там наших друзей. Научись, Петя, их различать.

Ты, Петя, не беспокойся о нас. Девочки здоровы. Учатся. Оленька подросла, смешная и наивная. Во всех кинофильмах про войну все надеется увидеть тебя и огорчается после кино.

Любушка учится отлично. Только вот обувка у них поизноси-

лась да рукавички у пальто стали узковатыми и короткими. А купить новые трудно. Но это не большая беда. До победы недалеко. Только ты, Петенька, береги себя.

А тетради твои я храню. Ты не беспокойся. Все твои записки будут в сохранности. Я подбираю тебе книги для подготовки к экзаменам в институт. Кончится война, ты приедешь и будешь заниматься.

Петя, ты помнишь того пожилого работника редакции? Я его фамилию не знаю, а зовут его Илья Фомич. Он недавно встретил меня, остановил и спросил о тебе. Хвалил твои стихи, просил написать тебе, чтоб ты продолжал писать, просил присылать в редакцию. Он говорил, что у тебя талант. Я смутилась, даже растерялась и в замешательстве благодарила его.

Скоро закончится эта ужасная война. Ждем тебя, дорогой, ненаглядный наш.

Береги себя. Целуем и обнимаем тебя крепко, крепко. До встречи с Победой, родной Петенька!"

Как больно и горько было сознавать, что этой встречи не будет, что жизнь Пети Нечаева оборвалась так рано, а сделал он в ней так мало.

Война виновата в гибели Пети Нечаева. А кому они нужны, эти страшные войны? Что двигает теми людьми, которые готовят и начинают их?

Федор Попов

СЛУЖИЛ Я В АРТИЛЛЕРИИ

Фёдор Фёдорович Попов родился 9 июня 1923 года в селе Беляковское Частозерского района. На фронт ушёл из Гороховецких лагерей. Воевал в составе 44-го артполка 8-й Гвардейской Панфиловской дивизии. Был ранен, контужен. Награжден орденами и медалями. По возвращении с фронта работал механизатором. Поднимал целинные земли.

С женой Анной Ивановной воспитали двух дочерей и сына.

Детство моё закончилось слишком рано. Не успел я надышаться деревенским вольным воздухом, погонять вволю самодельный мяч, как отправили меня учиться в училище в Гороховецкие лагеря, что в Москве. Помнится мне, как приехали из этого училища люди в военном и стали отбирать самых крепких и смысленых мальчишек. На здоровье я не жаловался, да и в учебе не был последним, потому, видно, и удостоили меня такой чести - учиться в Москве. К тому времени мне исполнилось 16 лет. Родители мои были обеспокоены моим будущим, будущим военного, но выбора как такового у нас не было. Времена были не те, чтобы особо возражать или иметь свое мнение.

Люди из училища уехали, и спустя две недели нам пришло извещение о том, что меня принимают в спецучилище. Сборы были недолгими, много ли надо мальчонке. Привезли сначала нас в Чебаркуль. Таких, как я, нас было около двух тысяч. Сводили нас, как полагается, в баню, и после её посещения мы стали как один - головы бритые, еще по-детски угловатые плечи. Здесь же нас научили портянки наматывать на ноги, ремень за-

стегивать. И стали мы похожи на солдат, только маленьких.

Спустя несколько дней нас отправили в лагерь. И началась у нас жизнь, совсем отличная от той, что была в деревне. Мы также учились в школе, но уклон делали на географию и математику. Постепенно нагрузку увеличивали. Распорядок дня был строгим, и не все ребята выдерживали, уж очень хотелось поспать лишний часок. Среди нас был воспитанник, по национальности - татарин, так он все говорил: "Подъем как ишак кричит, а отбой как пташка поет".

В процессе учебы командир определил наиболеемышленых учеников, в их число попал и я. Нас стали обучать более углубленно артиллерийскому делу. За успехи в учебе мне дали значок "Отличный артиллерист".

Годы учебы незаметно летели. И вот к весне 1941 года в воздухе запахло войной. И мы были уже практически готовы к ведению боя. Помню, как на утреннее занятие мы долго ждали командира. Уже и волноваться стали, такого не было никогда. И вот он появился хмурый, озабоченный вид его встревожил нас. "Война началась", - сказал он.

Наш полк, сформированный большей частью из воспитанников училища, бросили под Вязьму. Молодые были, отчаянные, в бой шли, не жалея живота своего. Смелостью своей пугали врага. И в те первые дни схватки с ним мы хорошо дали ему по зубам.

Далее путь мой боевой продолжился в составе 8-й Гвардейской Панфиловской дивизии. Много полегло друзей моих боевых при защите Москвы. Не давали мы фашистам покоя. Перед нами ставили задачу - дезорганизовать врага, создавать видимость большого количества боевой силы. Надо заметить, что наше вооружение во многом уступало вражескому, и поэтому большие потери мы несли и по этой причине.

Помню, осень была. Наше подразделение стояло под Великими Луками. Время года было такое неуютное, дожди поливали без жалости. И вот в одну из таких ненастных ночей нас послали в разведку с боем. Передвигались мелкими перебежками, укрываясь в траншеи от врага. Но там мы наткнулись на немцев. Они прижимались к земле, укрываясь от страшной грозы. Молния разрывала небо на части, освещая до смерти напуганные лица врагов. Вот тут-то мы их и взяли "горячими".

Памятен мне бой на станции Насва. Здорово мы их там по-решили. Но и нам тоже хорошо досталось, немец сильным своим вооружением прижимал нас, особенно грозные были их танки. Прорваться им мешал овраг. Вот в нем-то мы и залегли. Здесь же были и старые строения. Я устроился поудобнее, вставил свой автомат между толстых бревен и стал спокойно целиться в фашистов. Сначала осторожно стрелял, опасался, чтобы меня не заметили, но потом, когда рядом падали убитые мои товарищи, мне уже было не до этого. Бил их уже очередью. Командир кричит мне, чтобы я сменил место, ведь немец заметит меня. Не успел он это сказать, как около меня просвистел снаряд, но достались мне только незначительные осколки. А попал он в моего соседа, и не жить ему, если бы не телефонный аппарат, что был у него на спине. Его разорвало в клочья, получил ранение и сам телефонист, но могло бы все закончиться гораздо трагичнее.

Долго мы еще отстаивали землю свою и смелостью оттолкнули немца назад. За этот бой меня наградили орденом Красной Звезды. В составе 8-й Панфиловской дивизии я воевал до 1943 года. Каждую деревушку или село мы отвоевывали у немца, неся потери, но и они уже понимали, что не быть им хозяевами русской земли. Думаю, что я родился в рубашке. Иначе как объяснить мое везение. За войну я побывал в таких ситуациях, когда была самая мизерная вероятность того, что я останусь в живых. Но всякий раз я как-нибудь отделялся и оставался жив, получая, конечно ранения, контузии. Случилось со мной и такое. Мы заняли оборону и перестреливались с немцами каждый из своего укрытия. Слышны были в основном автоматные очереди и поэтому свист летевшего снаряда, выпущенного из крупного орудия, сразу привлек мое внимание. Неразорвавшийся снаряд упал в наш окоп примерно в двух шагах от меня. Не раздумывая, я схватил смертоносный пятидесятикилограммовый груз и сколько было сил, двинул подальше от окопа и метнулся на землю. Ключья земли вперемежку с осколками засыпали нас, но мы остались живыми.

Все наши пути - дороги мы преодолевали пешком, своими силами тащили и свою артиллерию. Была весна сорок третьего. Мы зашли в одну из деревень Калининской области. Она была почти вся разрушена, немцы, уходя, все поджигали и взры-

вали после себя. Но один домик, такой добротный с виду, уцелел, правда, он стоял без окон. И мы, утомленные трудной дорогой, решили в нем расположиться и дожидаться приезда полевой кухни. Жители покинули селение, но хозяин этого дома остался и не бросил родной угол.

Мы поставили свои пушки, еле протащив их через разбитые весенней талицей и немецкими танками дороги, и зашли в дом. На печи лежал дед. Спрашиваем у него: “Почему не ушел, ведь немцы недалеко, вернуться и взорвут твой дом”. На что он нам ответил: “Я его построил, жил здесь и никуда не уйду, смерть приму на родине”. Поговорили с дедом о том, о сем, а тут и кухня подошла. Поделились с ним едой своей.

Взял я свой котелок и сел на подоконник, стеклов было, и я мог спокойно выглядывать на улицу. И вдруг вижу - летит вражеский самолет. Кричу: “Бомбы!” Но было поздно, снаряд угодил прямо в дом. Очнулся я, не могу понять, что к чему, сколько времени пролежал на земле и не знаю. Придя в себя, я огляделся – дома, как не бывало. Все 18 бойцов артиллеристов погибли, застигнутые врасплох. И лишь только мне повезло - спас меня подоконник. Ударной волной меня вынесло далеко от дома. И что самое удивительное - мой котелок стоял с кашей рядом со мной, но мне было не до еды.

Сильно меня в голову контузило. Все тело как будто бы цело, а голова гудит и плохо соображает. Подобрали меня санитары и определили в палаточную санчасть. Но тут по первости со мной приключился некоторый конфуз. Я думал, что я попал к немцам в плен, смутили меня кресты на их колпаках. После контузии зрение было нарушено. Ну, думаю, совсем пропал, как я допустил, что в плен к немцам попал. Лежу, мучаюсь в раздумьях, что же мне теперь делать. Медсестры подходят, я грублю им и все в толк не возьму - где это я. Наконец пришел доктор и стал разговаривать со мной, говорит с акцентом. Это еще более меня смутило, но внешность у него, как у кавказца. Наконец-то все мои сомнения он разрешил. Представился, объяснил, что к чему. И мы разговорились, нашли и общих знакомых. Дело в том, что он из Ташкента, а там жила моя родная тетя. И только после этого я доверился этим людям. А они подшучивают надо мной: “Ну, наконец, артиллерист разговорился, а то беда, не признает нас”.

Привели меня в норму и опять на передовую. Но, при переправе через реку Великая, что в Калининской области, меня здорово зацепило. На лошади меня с другими ранеными доставили в санчасть. Оказали первичную помощь, но ранение мое было серьезным, и потому отправили в госпиталь. Осколок пять на три сантиметра хорошо засел в моей ноге. И вынули его уже в другом госпитале, который находился в монастыре близ озера Селигер. Но лежать особо в госпитале мне было некогда. Мои боевые товарищи “чистят” страну от врагов, а я тут лечусь. Но на передовую я не годился, нога еще была совсем плоха. Костылей на всех не хватало, и поэтому я приспособил для помощи при ходьбе обыкновенный ухват, которым деревенские женщины ставят чугунки в печь. С ним и передвигался. Послали меня поначалу на кухню. Пришлось артиллеристу картошку чистить. А тем временем нога потихоньку заживала, но ранение и по сей день дает о себе знать. Затем меня после госпиталя распределили в резервный полк. После его окончательного формирования мы двинулись освобождать Прибалтику от фашистов. Били долго немца в городе Тарту. Здесь мы пробыли до последней весны, а затем освобождали Польшу и Германию. Уже шел сорок пятый год, когда мое подразделение вошло в Германию. Наша часть расположилась в резерве в городе Детерсдорфе. Здесь же встретил весть о победе. Но война в сорок пятом для меня не закончилась. После провозглашения победы я отправлен был в Польшу и попал во взвод “смерш”. Нашей задачей была борьба с бандитами, которых было предостаточно после войны. Их трудно было отличить от законопослушных граждан, но иногда их выдавала агрессивность. Проверяли как-то раз мы торговцев на рынке. Группа мужчин, внешне приличных, внезапно напала на нас, один из них бросил гранату в нашу машину, в результате погибло 5 наших солдат, мне осколок ранил локоть, раздробив кость. И так до 1947 года мы боролись с остатками фашистских прихвостней. Домой я прибыл только весной этого года, и началась моя трудовая мирная жизнь. И сейчас, вспоминая военные годы, я часто думаю: почему остался жив? В то горячее время я просто об этом не думал, не до этого было. Молодой был, мной двигало одно желание - очистить страну от захватчика. Моя учеба в артиллерийском училище помогла мне грамотно вести бой.

Николай Вагин

САМЫЙ ТРУДНЫЙ 41-й

Николай Георгиевич Вагин родился в 1920 году. Артиллерийский разведчик. Имеет осколочное ранение и две контузии. Награжден медалью “За отвагу” и другими медалями.

С конца июня 1941 года наш 562-й гаубичный артполк 73-ой стрелковой дивизии 20 армии вступил в полосу непрерывных боев с немецко-фашистскими захватчиками. Я служил артиллерийским разведчиком штабной батареи.

Помню, под городом Оршей наш третий дивизион был на марше с ходу атакован большой группой танков. Мы быстро развернули гаубицы и прямой наводкой открыли огонь.

Дым, грохот, взрывы тяжелых снарядов, стоны раненых, горят наши ЗИС-5-е. Бой был скоротечный. Враг отступил, потеряв много танков и мотопехоты. Но и у нас сгорели почти все средства передвижения, наши автомобили ЗИС.

В смоленской битве самые тяжелые бои были под станцией Гусино, за Смоленск, Дорогобуж и на Соловьевой переправе. Враг теснил наши части через Днепр. Переправляли раненых, хоронили убитых. Сколько этих могил оставили. Воспоминания. Они всегда с нами.

На станции Гусино пусто, только редкие прохожие. Раскрытые настезь магазины.

Немцы опять опередили нас и атакуют с тыла. Команда: “Занять оборону! Окопаться!”. Копаю ровик. Наш комбат во весь

рост ходит по позиции.

- Глубже, глубже закапывайтесь!

Пулеметный огонь все плотнее. Комбат не маячит больше, но команды его слышны. Ударил пулемет. Плотнее прижимаюсь к передней стенке ровика. Разрывные пули фонтанчиками брызжут по ней. Слышу голос комбата:

- Овсянников, снимите пулеметчика с березы! Халилов, посмотрите Вагина в ровике – жив он там? Пашкевич, помогите Овсянникову! Хизунов, прикройте их отсюда!

Пулеметчик снят, автоматчики перебиты, но бьет миномет. Ползем по ржи на край поля. У лесной опушки в придорожной канаве трое немцев у миномета. Бросаем гранаты и бьем прицельно из винтовок, вскакиваем, бежим с винтовками наперевес.

Двое убиты. Третий сидя поднимает руки. Это первый наш пленный фашист. Овсянников зачем-то ему связывает руки брючным ремнем. Фашист попал молодой, рыжий. Овсянников немного знает немецкий – был учителем немецкого языка. Немец храбрится, но до чертиков напуган:

- Хайль Гитлер! Рус капут! – хрипит он.

- Я вот покажу тебе капут. Еще не известно, кому капут придет! – ворчит Овсянников.

Немца отвели в штаб полка, который с трудом отыскали. Кругом шли бои, и мы находились в частичном окружении.

Смоленская битва. Наша военная молодость. Лиха этих лет хватило нам на всю оставшуюся жизнь.

В те дни враг впервые почувствовал силу ударов Красной Армии. Самые отборные войска врага были обескровлены и вынуждены перейти к обороне. Это дало возможность создать резервы для дальнейшей обороны, а затем и перехода в контрнаступление. Войсками командовали Рокоссовский, Конев, Жуков и другие прославленные генералы.

Мы уже пятьдесят шесть лет живем мирной жизнью. У нас есть свои удачи и неудачи, свои радости и огорчения. Но, живя всем этим, мы не можем забыть годы испытаний, особенно самый трудный – 41–й.

Петр Петунин

у

БЕЗЫМЯННОЙ

ВЫСОТЫ

Петунин Петр Семенович – 1923 года рождения, уроженец деревни Батырево Половинского района.

Имеет тяжелое ранение.

Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, медалями “За отвагу”, “За оборону Сталинграда” и другими.

На мою долю выпали самые громкие битвы Великой Отечественной. И первая из них – Сталинградская.

Первая попытка переправиться на правый берег на барже, буксируемой катером, была неудачной. С воздуха обстреляли нас фашистские летчики. Оставшиеся в живых попрыгали в воду далеко от берега, хватаясь за доски, а стервятники расстреливали нас из пулеметов. Переправу отменили, спустились вниз по течению Волги еще на несколько десятков километров, ночью переправились на правый берег в районе города Красноармейска и двинулись вверх к Сталинграду.

Не доходя до окраины города, в полутора – двух километрах до Кожзавода и поселка Купоросный, оседлали железную дорогу и шоссе Сталинград – Бекетовка, развернулись на север в направлении сильно укрепленной немцами высоты 145,5. С этой высоты враг буквально сковывал все переправы на Волге и обстреливал город. Склоны высоты были усеяны нашими подбитыми танками, ранее штурмовавшими ее.

Со стороны Волги на север шел глубокий овраг и балка Ку-

поросная. Чтобы скатиться в нее, нужно было преодолеть полтора – два километра открытой, хорошо простреливаемой местности. Сменив потрепанную обескровленную часть, мы заняли обвалившиеся, полузасыпанные окопы с разбитыми огневыми точками. Поступил приказ до утра вырыть окопы в полный рост и оборудовать огневые позиции. С рассветом немцы увидели, что перед ними новая, еще не обстрелянная часть: по выкинутой земле это хорошо было видно. Гитлеровцы начали изо всех сил и средств проверять нашу прочность. Артиллерийские и минометные обстрелы не прекращались весь день.

В первый же день пребывания в окопах наша вторая рота потеряла до 40 процентов личного состава. Раненых в медсанбат было доставить невозможно, многие гибли от ран.

На другой день мы начали вести ответный огонь и указывать цели для своей артиллерии, укреплять оборону, создавать запасные и ложные, отвлекающие позиции, делать боевые вылазки.

Обжились. Начали ходить в разведку и выставлять дозоры. В сильные морозы и бури забрасывали гранаты в траншеи и даже трубы немецких землянок.

Наступил ноябрь. Наши войска начали усиленно готовиться к контрнаступлению. Возвращаясь из тыла, наши солдаты рассказывали о все новых и новых орудиях, установленных в нашем тылу. Приедут пушкари, окопаются, создадут запас снарядов, раза два пульнут, пристреляются и как в воду канут до поры до времени. Поговаривали, что до 300 орудий было установлено на каждом километре фронта, и у каждого своя конкретная цель.

И вот в ночь с 18 на 19 ноября 1942 года во всех частях и подразделениях до каждого бойца было доведено обращение Сталина. В восемь часов утра по сигналу залпа “катюш” войска Сталинградского фронта перешли в наступление.

Артподготовка длилась час, все орудия вели непрерывный огонь, стволы пушек водой. К вечеру 20 ноября мы овладели высотой 145,5. После артподготовки она стала черной, снега на ней не осталось.

4 февраля 1943 года на площади Павших борцов, состоялся митинг защитников города, где выступил Хрущев и зачитал Указ о награждении всех нас медалью “За оборону Сталинграда”.

Впереди у меня были еще все боевые походы. Отсюда пролег мой путь на запад.

Алексей Каргаполов

В ПАМЯТИ

НАВЕЧНО

СТАЛИНГРАД

Алексей Константинович Каргаполов родился 30 марта 1922 года в деревне Толстуха Куртамышского района. Перед Отечественной войной жил в посёлке Северный Кетовского района.

В августе 1941 года добровольцем ушёл на войну. Был бойцом-лыжником, артиллеристом-истребителем танков, снайпером. Трижды ранен, контужен. Награждён орденами Отечественной войны, Славы, медалями “За отвагу”, “За боевые заслуги”, “За оборону Сталинграда” и другими.

Шёл август 1941 года. Началась страда. Я на комбайне “Коммунар” молотил рожь на поле между Круталями и Шмаково, что сейчас лежат на трассе Курган-Куртамыш. День был жаркий. Подъехал водовоз с бочкой. Я остановил агрегат, чтобы взять холодненькой водицы в лагушку для питья, а тракторист долил воду в радиатор.

И тут с нами порванялся обоз. Ехала команда мобилизованных на войну мужиков. Среди них были и мои товарищи – механизаторы Шмаковской МТС.

Разве утерпит настоящий хлебороб, чтобы не подойти, если знакомый ему человек хлеб молотит. Подошли ребята ко мне поздороваться, поздравить с началом страды. Часть из них были явно навеселе. Шутили, острили. Слово за слово... Кто-то из них взял да и предложил:

- Поехали с нами, Лёха, на войну. Ты ведь у нас “ворошиловский стрелок”.

- У него бронь. Ему некогда!

- Вот и хорошо, что с бронью да ещё “ворошиловский стрелок”. От такого немцы на фронте шарахнутся - не догонишь. Поехали. Или слабо?

- Да нет, не слабо. Сейчас вот штурвальному накажу, чтоб молотить продолжал, и поедем.

Через пяток минут я уже сидел на телеге. Ехали в Курган. Парни угостили меня бражкой. Появилась какая-то уверенность, что всё будет хорошо.

Районный военкомат в ту пору находился в Кургане на улице Урицкого. Приехали. Мужиков начали вызывать пофамильно, распределять по группам. Когда всех вызвали, очередь дошла и до меня.

- А ты кто такой? Откуда взялся? – спрашивают.

- Каргаполов я, Алексей, комбайнер из Шмаковской МТС. На войну хочу.

Нашли мои документы. А там записано, что “забронирован”. Вызвали к военкому.

- Почему здесь?! – строго спросил он. – У вас “бронь”, вы должны хлеб убирать, а не здесь околачиваться. Почему оставили рабочее место?! Кто разрешил?! Я сейчас вызову милиционера и отдадим вас под суд за самовольный уход с трудового фронта. Вы дезертир!

Я струхнул. Тогда не только за самовольный уход с работы судили, но даже за опоздание.

- Так я же на фронт хочу, товарищ комиссар...

- Мало ли кто куда захочет. Тебе поручено хлеб молотить. И ты должен быть на хлебном поле, страдовать. Хлеб нужен фронту. Понял?

И тут я увидел жену моего дяди Виталия Каргаполова, сам он работал в уголовном розыске городской милиции, а она в военкомате.

- Ты, что здесь делаешь, Леонид? – спросила она.

- Добровольно хочу на фронт.

- Вон что выдумал. Я вот матери нажалуюсь, она тебе фронт покажет!

Начались переговоры между моим дядей из угрозыска и

военкоматом. Закончилось все тем, что меня записали в команду, а “забронировали” вместо меня семейного комбайнёра из нашей же МТС.

Лейтенант Плотников построил команду и пешим строем повёл нас на Увал, где шло формирование 32-го запасного лыжного полка. На сердце у меня отлегло.

Думаю, небезинтересно сегодня знать, как проходило это формирование. Спали мы кто в палатках, а большинство прямо на земле. Были в гражданской одежде. Начался курс молодого красноармейца: строевая и боевая подготовка, изучение уставов, а затем работы до темноты на рытье землянок, походы на станции Камчиха и Утяк за досками и горбылём. Носили их на собственных плечах, на руках. Выматывались до чертиков. После отбоя только прилёт – и спишь. Только вроде глаза сомкнул – уже подъём, занятия. Все мечтали: быстрее бы на фронт.

В ноябре уехал на войну первый батальон. Счастливицков сводили в баню, переодели в военную форму. Люди сразу изменились, подобрались, подтянулись. Рассказываю об этом для того, чтобы сегодняшнее поколение лучше представляло через какие трудности и невзгоды мы шли, чтобы отстоять свою Родину.

За осень построили землянок-казарм 20 штук. В каждой на 3-х ярусных нарах размещалось по 250 человек. И клуб у нас был такой же, подземный. Меня, как местного, да ещё и механизатора, частенько посылали в соседние деревни к знакомым бригадирам тракторных бригад, чтобы ребята “отделили” хоть немного керосина для освещения наших подземных жилищ.

Мне служба давалась легче, чем многим ребятам. Я действительно был хорошим стрелком и спортсменом.

На фронт мы уехали в первых числах января 1942 года. После разгрома немцев под Москвой начались наступательные бои Красной Армии. Лыжным батальонам в них придавалась особая роль. Их рассматривали как высокоманевренные боевые единицы. Боевую экипировку и вооружение мы прошли в Ярославской области. Наш 149-й лыжный батальон был зачислен в состав Калининского фронта, мы погрузились в эшелон и отправились к месту назначения.

Уже проехали Калинин. Настроение у всех было мрачное. И не оттого, что фронт скоро, а от разрухи, что причинили селениям фашисты. Кругом развалины, сгоревшие дотла села, только

трубы печей среди закопченных снегов. Закипала ярость и ненависть к захватчикам.

Поезд остановился среди ночи на станции Кувшиново. Выгужались быстро в полной темноте. А затем ускоренным маршем на позиции севернее города Ржев. Батальону была поставлена задача - выбить гитлеровцев из деревни Мансурово. Она раскинулась вокруг озера. Атаку начали без артподготовки. С лесной опушки лыжники развёрнутой цепью начали наступление. Броска, как замышлялось, не получилось. Снег оказался глубоким, рыхлым. Немцы обнаружили нас и с чердаков, из укрытий начали плотный автоматный и пулемётный огонь. Мы понесли значительные потери и отступили.

Я вынес тогда из-под огня двух раненых земляков Валентина Никитина, с которым до войны учились на курсах комбайнеров в Кургане, и Григория Михалёва – из Кропаней. Много было убитых.

Настроение у всех нас подавленное, горькое. Конечно, много во время подготовки к бою командиры наши не учли: разведки глубокой не сделали, огневые точки немцев не выявили, не подавили. А может быть и времени на это у них не было. Приказ дали и выполняй. Теперь, вспоминая те дни, думаешь – каким “зелёными” мы были. Ведь кроме смелости на фронте ещё нужно многое знать и уметь, чтобы уцелеть, победить.

Через две недели в составе разведгруппы я ушёл за линию фронта, чтобы разведать оборону противника, нанести на карту важные огневые точки, опорные пункты немцев. С задачей мы справились. А кроме этого уничтожили ещё группу гитлеровцев, пьянствовавших в лесном доме: окружили их и забросали гранатами. Обошлось для нас это без потерь.

Перед возвращением из-за линии фронта решили передохнуть, обогреться в одной тихонькой деревеньке. Провели наблюдение, а затем вошли. Встретили нас радушно, но как часто бывает на войне, неожиданно сюда приехали на автомашине немцы, человек двадцать пять. Выхода не было. Мы их атаковали. Но один фашист заскочил в конюшню, открыл огонь и ранил меня. Товарищи его прикончили, а меня забрали с собой: где вели, где несли. Через линию фронта перебрались удачно.

Четыре месяца я пробыл в госпитале. Был зачислен в команду выздоравливающих. А оттуда направлен на курсы ар-

тиллеристов. Подготовку ужали, как только могли. Потому что немцы летом 1942 года начали мощное наступление на южном направлении, рвались к Дону и Волге.

После учёбы получил звание сержанта и был зачислен командиром орудия в 135-й отдельный истребительный противотанковый дивизион Сталинградского фронта. Вооружены мы были 45-миллиметровыми пушками – солдаты метко окрестили их “Прощай, Родина”. Это потому, что с этими пушками истребители танков находятся в первых рядах наступления и обороны. Почти всегда на прямой наводке. Если немецкий танк вёл прицельный огонь по пушкарям на поражение с дистанции 1200 метров, то у наших пушек поражающая сила была в два раза меньше, а губительный огонь против танков метров с 300-400. Поэтому приходилось маскироваться, выжидать, чтобы выстрелить наверняка, а гитлеровцы били по нам с дальних дистанций. Стрелять они умели.

Первоочередной задачей после назначения нужно было перебраться через Волгу в Сталинград. А это, надо сказать, не легче, чем форсировать под огнем мощную водную преграду. На левом берегу мы отыскали причал с числом 62, откуда шло пополнение в 62-ю армию, и стали ожидать баржу для переправы.

Она подошла наполненная эвакуированными женщинами с детьми, тяжело ранеными бойцами. Стоны, крики, плач, мат. Мы помогали людям выгрузиться. Спешили. Погрузились сами. За это время несколько раз над Волгой завязывались воздушные бои. У немцев было большое преимущество в самолётах.

Баржа не дошла до правого берега, когда немецкие лётчики штурмовали наш транспорт и потопили. Из моего расчёта выбрались на правый берег только трое из четырнадцати. Подобное положение было и с другими подразделениями. Тут же, на берегу, находились моряки 92-й Североморской бригады, они переписали всех выбравшихся на берег, стараясь за счёт этого как-то пополнить свои поредевшие ряды. Раненых отправили в медсанчасть, а нашу группу вооружили и провели на Сталинградский элеватор. Здесь шли тяжелые бои. На Сталинградской земле круглосуточно стрелял каждый дом. Даже глубоко под землёй ощущалось, как от боли она шевелилась, сжималась и стонала. Мне дали в подчинение отделение “подобранных” на берегу бойцов и определили участок обороны на 2-м этаже элеватора.

Здесь было трудно со всем: с оружием и боеприпасами, с питанием и водой. Нещадные обстрелы, нещадная жара, гарь от горевшей нефти на Волге и от миллионов выстрелов и взрывов снарядов и бомб, от горевшего хлеба на элеваторе.

Немцы много раз предлагали нам сдаваться, забрасывали листовками, уговаривали через радиостановки. Не помню случая, чтобы кто-то “клюнул” на эту агитацию. Наоборот, каждый раз эти увещевания заканчивались интенсивным огнём с нашей стороны, новыми ударами по врагу.

Тогда немцы начали решительный штурм. Начался мощный артобстрел, массированные бомбардировки, атаки пехоты при поддержке танков. Крошился в пыль камень, лопался бетон, горело зерно, мы задыхались в дыму, но отвечали огнем. Помню, как-то только за один день мы отбили семь яростных атак гитлеровцев, подбили шесть танков. На подступах к элеватору густо валялись трупы немецких солдат.

Но кончались патроны, гранаты, очень мало осталось и нас, защитников. Многие были ранены. Контузило и меня. Командование приняло решение прорваться к тракторному заводу. И мы ушли туда. И не сдали тракторный.

У бойцов-сталинградцев в ходе боев выковалась такая воля к победе, что никому ничего не надо было приказывать, мы самостоятельно действовали так, что никакому врагу было не удержаться в развалинах города. Мы уже стояли насмерть не по приказу командования, а по приказу собственного сердца. И за Волгу бы никогда не отступили. В этом я совершенно убежден.

Боевые дороги водили меня после Сталинграда по многим фронтам, ещё так много пришлось испытать и пережить, перенести лишения и утраты. Но путь к Победе я всегда меряю от волжских берегов, считаю себя - Сталинградцем.

Судьба подарила мне счастье защищать Сталинград, выжить и победить коварнейшего врага, а многие годы спустя побывать на тех огневых местах, увидеть возрождённый из руин красавец - город. И я как личный рапорт бывшего воина-защитника твердыни на Волге привез и сдал в Сталинградский музей 67 Почётных грамот и Благодарностей за мой достойный труд в послевоенные годы. Уверен – так же трудились после войны мои товарищи по боям и походам.

Максим Калугин

БОЕВОЕ

КРЕЩЕНИЕ

Максим Евгеньевич Калугин родился в 1909 году. Участник Великой Отечественной войны, с которой был демобилизован из-за тяжелого ранения в ногу. Младший лейтенант запаса. В мирное время трудился на железной дороге в Шумихе.

В июле 1942 года немцы рвались к Воронежу. Наша стрелковая дивизия еще в мае прибыла на фронт, но находилась во втором эшелоне. Шли напряженные тренировочные занятия: отрабатывалась тактика контрудара. Точно мы не знали, какая будет поставлена задача, но чувствовали, что дивизию готовят для нанесения внезапного удара.

Обстановка под Воронежем с каждым днем все усложнялась, и мы недоумевали, почему нас не выдвигают на передовую.

Но вот ночью наш 183-й стрелковый полк был поднят по тревоге. Ускоренным маршем мы без передышки прошли тридцать километров.

На непродолжительном привале комбат нашего третьего батальона кратко объяснил задачу. Полку приказано в течение трех суток совершить бросок на восемьдесят километров и к утру следующего дня занять исходные позиции.

Накормить бойцов на этом привале не удалось: кухни где-то застряли. Двинулись дальше.

Не дождались кухни и на следующем привале. Голодные, усталые продолжали движение, предстояло преодолеть еще

двадцать километров. Люди выбились из сил, некоторые стали отставать.

Только в вечерних сумерках батальон остановился на ночевку. Едва раздалась команда “Разойдись!”, как люди тут же ложились на землю и засыпали.

Не успел я разобраться, каково состояние людей во взводе, как по цепочке передали:

- Командира второго взвода третьей роты к комбату.

Приказ получил неожиданный:

— Возьмешь двух или трех надежных человек, пойдешь в разведку.

Где-то поблизости находилась наша танковая группа. Под прикрытием танков нам предстояло рано утром контратаковать противника. А сейчас надо разыскать танкистов.

— Будь осторожен,— предупредил комбат.— Немцы тут совсем близко.

Отыскать ночью замаскированные танки — задача не из легких. Но не менее сложный для меня вопрос: кого же взять с собою? По себе чувствую, что люди очень устали и уже спят.

Но приказ есть приказ, его надо выполнять. Взял с собой только сержанта Ткаченко, проверили автоматы и пошли. Через какое-то время дорогу нам преградил глубокий овраг. Нашли узкое место и решили прыгать.

Я перепрыгнул, а сержант оборвался, свалился в овраг и вывихнул ногу. Помог ему выбраться и дальше пошел один.

На пути большое поле, высокая, в рост человека, рожь. Идти трудно. Двигаюсь медленно, осторожно. Часто останавливаюсь, прислушиваюсь. Боюсь споткнуться, ибо чувствую, что если упаду, — вряд ли смогу подняться. Усталость такая, что под собой не чувствую ног, а идти надо.

Ночь ясная, теплая, тихая. Из жизненного опыта знаю, что тишина всегда обманчива, тем более на фронте.

Вот слева замаячили какие-то силуэты: кусты или копны сена? А, может, это танки?

Направился прямо на них. Вижу перед собой смятую рожь, это след танков. Но след ведет не в сторону видимых силуэтов, а повернул направо.

Иду по следу. Появилась надежда, что скоро достигну цели.

Тишина настораживает и пугает. Нервы напряжены до пре-

дела. До боли в руках сжимаю автомат. Зорко всматриваюсь во враждебную темноту. Весь превратился в зрение и слух.

И вдруг сзади схватили меня двое. Попытался вырваться — не получилось, держат крепко.

На какой-то миг сердце остановилось. Попал! Потом сильно-сильно забилося, аж стало слышно, как оно стучит с перерывами.

Схватившие меня молчат, присматриваются. Я тоже бросаю взгляд то на одного, то на другого. Понять по обмундированию невозможно: все мы в плащ-палатках.

Они обшарили мои карманы, но документы я оставил у политука. Эти короткие напряженные секунды мне показались вечностью.

— Кто ты такой и куда идешь? — спросили, наконец, по-русски. Значит, свои.

— Ведите к своему командиру, ему скажу, кто я и зачем иду.

— Старшина, — негромко позвал один из них.

Словно из-под земли появился старшина. Видимо, отдышал рядом во ржи.

Минут через пятнадцать мы были у командира танкистов.

- Передай комбату, — сказал он, — пусть ведет батальон сюда. Наши танки за рожью в кустарнике. За ночь окопаетесь вокруг танков, а утром решим, как нам действовать дальше.

...Июльская ночь коротка, и отдыхать некогда, стали окапываться. Выдали нам сухой паек. Кухни так и не пришли, как потом выяснилось, они попали под бомбежку.

Утром, чуть только рассвело, находившийся рядом со мной командир пулеметного взвода Афанасьев залез на танк и крикнул:

— Вот они, немцы-то!

Оказывается, те темные силуэты, которые я видел ночью, были кустами, а в них находилось боевое охранение немцев с минометной батареей.

Если бы я, разыскивая танки, не попал на их след и не пошел по нему, то попал бы прямо в лапы фашистов. Лишь случайность спасла меня.

А тут нас сразу обстреляли из минометов. Наши танки открыли ответный огонь. Батальон спешно развернулся в боевой порядок и двинулся за танками. Так, почти сходу, уставшие и голодные, мы пошли в бой, чтобы выбить немцев из поселка Каменка, находящегося в нескольких километрах от Воронежа.

Бой был исключительно упорный и шел с переменным успехом весь день. Только поздно вечером задача была выполнена: Каменка осталась за нами. Дальше продвинуться не смогли: не хватило сил, сказалась усталость от марша, бессонных ночей.

Поздно вечером подошли кухни. Настроение людей поднялось. Зная, что немцы попытаются вернуть утерянные позиции, ночью хорошо окопались.

На следующий день обстановка изменилась. Наши танки были переброшены в другое место, мы остались одни. На обороняемый батальоном участок двинулись десять фашистских танков. У нас вся надежда была на противотанковые ружья и ручные гранаты.

Первое время огонь противотанковых ружей должного успеха не имел. Когда, грохоча и изрыгая огонь, неумолимо движутся на тебя стальные махины — не у каждого выдерживают нервы. Не хватает выдержки, чтобы хладнокровно и расчетливо бить по наиболее уязвимым местам танка.

На участке обороны соседнего первого взвода танки подошли вплотную к окопам. В них полетели противотанковые гранаты и бутылки с зажигательной смесью.

Два ближних танка были подбиты, остальные повернули обратно. Это нас ободрило.

Шедшие прямо на нас танки замедлили движение, чем сразу воспользовались бронейщики. Метким огнем они подбили два танка. Но один упорно лез вперед.

Мой связной Файзуллин бросился навстречу ему со связкой гранат. Но танк вдруг остановился и дал задний ход.

Пехоту противника мы встретили огнем и заставили залечь, а потом она начала отходить.

Так была отбита первая атака. Появилась уверенность в своих силах. Это очень важно.

Вскоре фашисты бросили против нас авиацию. Пикируя, завывали и грозно ревели вражеские самолеты. Наши позиции окутались дымом, земля затряслась и вздыбилась от взрывов. Это стало новым тяжелым для нас испытанием.

Едва прекратила налеты авиация, снова ринулись танки и самоходные орудия, их численность удвоилась.

Но теперь мы встретили их более уверенно, убедившись на примере первого боя, что танки можно останавливать. Своев-

ременно подоспела к нам артиллерия и сразу вступила в бой.

Наиболее трудное положение создалось на участке обороны первой роты. Там гитлеровцам удалось прорваться и протюжить танками окопы. Однако пехота была отсечена от бронированных машин огнем пулеметов.

Поле боя осталось за нами.

Много еще пришлось изведать нам жарких сражений, но первый бой, боевое крещение незабываемы.

ПАМЯТНАЯ НОЧЬ

Декабрь 1942 года. Идут ожесточенные бои северо-западнее Сталинграда. Враг предпринимает отчаянные попытки вырваться из окружения.

Наш особый кавалерийский полк получил приказ уничтожить группировку немцев восточнее станции Чернышевская. Я тогда был в звании младшего лейтенанта и временно исполнял обязанности помощника начальника штаба полка по разведке и связи.

В ночь на 28 декабря мы впятером пошли в разведку. Необходимо было уточнить места расположения огневых точек фашистов и взять “языка”.

Первую задачу мы выполнили, но с “языком”, как говорится, пролетели. Взять гитлеровца мы взяли и даже доставили его в штаб полка. Но при захвате сержант Малышин перестарался и так ударил его прикладом, что в штабе полка немец несколько раз зевнул и отдал богу душу, ни слова не сказав.

— Малодушный попался,— смеясь, сказал сержант.

Но нам было не до смеха, настроение хуже некуда: вылазка оказалась неудачной. К тому же двое из наших разведчиков были ранены.

Рано утром гитлеровцы предприняли очередную ожесточенную атаку сначала на позиции соседнего полка, а немного позднее и на нас. Создалась трудная, угрожающая прорывом обстановка. Почти одновременно порвалась связь с соседями, а затем и со штабом полка.

Я получил приказ немедленно восстановить ее. Все связисты были в деле, послать или взять с собой некого. И я пошел один.

Участок непрерывно обстреливался. Передвигаясь коротки-

ми перебежками, мне все же удалось восстановить связь.

На обратном пути только я поднялся, чтобы сделать перебежку, как осколок разорвавшейся невдалеке мины ударил в автомат и заклинил диск. Второго взрыва я не услышал...

Очнувшись, попытался встать, но не мог. От сильной боли в правой ноге я снова потерял сознание...

Когда снова пришел в себя и огляделся, увидел группу автоматчиков, которые шли в стороне от меня примерно метрах в трехстах. Кто они, свои или враги? Схватился за автомат, но он неисправен. Сделал резкое движение и снова почувствовал сильную боль в ноге. Понял, что она перебита.

Впервые в жизни меня охватил ужас. Перед лицом неумолимо надвигавшейся опасности я был безоружен и беспомощен.

Сильный ветер взвирывал снег и остервенело бросал его в лицо.

Снежная пелена укрыла меня от автоматчиков, и они прошли стороной.

Я почувствовал, что совсем замерзаю и решил обнаружить себя. Будь что будет! Если это враги — добьют, свои — спасут.

Закричал. Кричал до хрипоты, но все было напрасно. Сильный ветер заглушал мой голос.

А по уходящим автоматчикам вдруг открыли огонь наши тяжелые минометы. Значит — враги.

Еще раз огляделся кругом и увидел в нескольких метрах большую воронку от авиабомбы. Но как до нее добраться?

Превозмогая страшную боль, пополз. Подобрал брошенную немецкую плащ-палатку и накрылся ею, когда опустился в воронку. Если гитлеровцы снова появятся, то не увидят — сверху меня быстро занесло снегом.

Более месяца почти непрерывных боев и ранение подорвали мои силы. Хотелось только одного — покоя, пусть даже ценой самой жизни.

“Скорее бы заснуть, — думал я. — Засну, замерзну и избавлюсь от этой страшной боли и невыносимых мук. Спасешь ли ты меня, воронка, или будешь моей могилой?”

Но заснуть не смог. Вдруг вспомнились боевые друзья, родные и близкие люди. Никто ведь из вас не знает, в каком критическом состоянии я нахожусь сейчас.

И страшно захотелось жить. Сделал попытку подняться, но

не смог. Словно ледяной панцирь сковал все мое тело. Понял, что замерзаю. Надо двигаться. Начал шевелить руками. И цей больших усилий сбросил с себя плащ-палатку.

Метель прекратилась. На небе ярко горели звезды. Вспомнилось детство и слова деда:

— У каждого человека есть своя звезда. И если человек умирает — звезда гаснет.

Не верил этому, а все же подумал: “Может быть сегодня звезды так ярко светят потому, что хотят помочь мне выжить?”

Вот одна из них покатила вниз, оставляя за собой яркую полосу. Не достигнув горизонта, погасла.

“Нет, это не моя звезда, — подумал. — Ведь я еще жив. Теперь немец мне не угрожает, а мороз можно преодолеть”.

Напрягая все силы, я сумел выбраться из воронки. Работая руками и здоровой ногой, пополз. Перебитая нога тащилась безжизненной плетью.

Прополз метров пятьдесят, опустился в овраг и обессилел. Сильно захотелось есть. Только теперь вспомнил, что с утра ничего не ел.

В овраге лежали убитые при бомбежке лошади. Они уже изрублены: их уже ели.

Однако мясо сильно застыло, не разжевать. Отрезаю внутренности: легкие, печень — и ем, они разжевываются лучше.

Наглотался мороженого мяса, и меня сильно зазнобило. Надо как-то согреться. Пополз было по оврагу, но сил нет.

Отполз в сторону, прижался к стенке оврага: надо передохнуть. И вдруг услышал — кто-то разговаривает.

Прислушался — говорят не по-русски. Неужели немцы идут по моему следу?

Вижу, в том же месте, где я спустился в овраг, идут двое. Остановились около лошади.

Кто они, свои или чужие? И куда идут? Что делать? Звать на помощь или скрываться?

Пытаюсь зарыться в снег, но это плохо получается: снегу-то мало.

Рука привычно нащупала пистолет. Но я тут же вспомнил, что вчера ночью при взятии “языка” разрядил его, осталось только два патрона. А когда пошел на восстановление связи, то забыл об этом.

Какое совпадение — их двое, и у меня два патрона. Но на выстрелы могут подоспеть другие, а у меня не будет патрона даже для себя. Будь хотя бы еще один, не надо было бы думать, что же делать - стрелять или нет? Но, может быть, они пойдут в противоположную сторону, а не ко мне? Или, может быть, не заметят?

Нет, направились ко мне. Решил: если это немцы — буду стрелять.

Поравнявшись со мной, остановились.

— Кто тут? — крикнул один. Значит, заметили. — Живой или нет? Если живой, то выбирайся, а то немецкие танки к нам в тыл на три километра зашли.

Это были раненые узбеки из соседнего полка.

— Живой, но идти не могу, — наконец откликаюсь я. — Возьмите меня с собой.

Но они сами едва плелись, поддерживая друг друга.

Я глядел вслед уходящим и думал: “Какие еще испытания приготовила мне судьба? Переживу ли я эту ночь?”

И снова захотелось жить, хотя бы еще раз увидеть рассвет, порадоваться восходящему солнцу.

И я снова пополз. Встретил на своем пути еще одного раненого. Жизнь в нем едва теплилась.

Хотел расспросить, кто он, узнать его адрес, но с трудом смог разобрать предсмертные слова:

— Хоть не забыли бы нас те, кто будет после нас жить...

В эту ночь мне пришлось проползти более трех километров. Уже на рассвете встретил еще двух бойцов. Они разыскивали своего раненого командира взвода.

— Если мы его не найдем, то на обратном пути тебя захватим. А на всякий случай, если сможешь ползти, запомни — тут недалеко наши пулеметчики. Они будут, менять свою позицию, и если успеешь — тебя увезут.

И я снова пополз. Наступил рассвет. Но долгожданного восхода солнца я в то утро так и не увидел: полз до потери сознания...

Пришел в себя уже поздним вечером в полевом госпитале на операционном столе.

Как я попал сюда, и кто был моим спасителем — не знаю. И буду всю жизнь сожалеть о том, что не могу отблагодарить спасшего мою жизнь.

Наталья Юрьина
**СТАЛИНГРАД,
ЛЕТОМ И
ОСЕНЬЮ
1942-ГО**

Наталья Юрьевна Юрьина прошла через войну достойно. Награждена за мужество в боях орденами и медалями. Вся послевоенная жизнь связана с работой в редакции газеты «Советское Зауралье». Сотни ее корреспонденций и очерков отобразили жизнь зауральцев в послевоенные годы. А мы публикуем сегодня одну из страничек ее фронтовой биографии, написанные ей самой.

В жизни каждого бывали, конечно, случаи, навсегда вре-
завшиеся в память. Фронтовики согласятся с этим без-
оговорочно: сколько б ни было нами пережито, ох, сколько
видано-перевидано – всего сейчас не припомнишь, не пере-
скажешь через 30 лет, но у каждого в эти 1418 фронтовых дней
(или меньше: сколь выпало повоевать) было что-то, что не за-
будется никогда...

Случай, о котором расскажу, произошел на Волге в октябре
1942 года. К этому времени мне не раз пришлось уже видеть,
как умирают под пулями, под бомбами... Что такое был Сталин-
град лета-осени 42-го, когда, начиная с августа, планомерно и
методично, каждый день город подвергался массированным
налетам «юнкерсов», в сентябре на его подступах шли уже бои,
а в отдельных районах – уличные бои за каждый дом, каждую
пядь – это может представить себе лишь тот, кто сражался там
в это время.

Наша летная часть, так же, как и другие авиаподразделения 8-й воздушной армии, в начале сентября из стратегических соображений передислоцировалась на левый берег; военные аэродромы не должны были находиться в непосредственной близости к передовой. Авиаполки и эскадрильи вылетели, естественно, по курсу, а наш батальон аэродромного обслуживания – технические мастерские, обслуга, шоферы со своими машинами – переправился через Волгу на понтонах ночью под шахматным минометным огнем. Сказать, что это было страшно, значит, ничего не сказать...

И все же не этот ночной смертоносный фейерверк, когда сталкивались в воду вспыхнувшие бензовозы, тонули люди, стонали раненые, стоит сейчас у меня перед глазами. И не то, как ближе к рассвету двинулись мы на машинах своим ходом сквозь отягощенные плодами яблоневые сады Ахтубы, обгоняя бредущих по обочинам запыленных и усталых, растерянных женщин, детей, стариков, подростков, толкавших перед собой велосипеды, детские коляски, тележки с житейским скарбом. Это жители покидали находившийся на последней грани опасности город, и сердце разрывалось от горя, видя это...

Да, все это я видела, но промелькнуло тогда передо мной все это, как сейчас – кадры документальной хроники, некогда было задерживать внимание, время не ждало – надо было как можно скорее добраться до места, чтобы летчики могли продолжать боевые вылеты.

В тот же день личный состав нашего полка был расселен по глинобитным домишкам небольшого поселка (километров 200 от Волги), закамуфлированная летная и наземная матчасть укрыта. И в ту же ночь начались вылеты, вылеты, вылеты в сторону Волги, над которой шли уже непрерывные воздушные бои. Далеко не все из тех, кого мы, «наземники», снаряжали, возвращались обратно...

Здесь надо сказать, что первую половину своей фронтовой жизни – до ранения, я провела на спецмашине «бензозаправщик»: заправка самолетов горючим перед вылетом. Но поскольку нас, девушек, учили на шоферов в запасном полку скоростным методом – буквально полтора месяца, технические наши навыки были отнюдь не твердые: «Шоферы, пока колеса крутятся», - смеялись над нами в автороте. И некоторых

девчат вскоре перекинули на другие работы: в штаб, хоззвезд, полевую почту. Меня же «придали» в качестве стажера к опытному и, как тогда казалось, пожилому (около 30-ти!) шоферу с Украины Семену Бабяку. Вот с ним-то мы ежедневно и еженощно заправляли боевые машины – то вместе, то поодиночке, то на основном летном поле, то на «пяточках» – отдаленных аэродромах на 5-6 боевых машин. Так прошли сентябрь и большая часть октября. Затем из штаба фронта был дан приказ: всем без исключения левобережным частям направить в Сталинград все автобензоемкости для эвакуации горючего. Реальная угроза захвата города врагом, чуть ли не ежечасная вероятность, что тысячегекталитровые склады горючего взлетят на воздух с устрашающей силой взрывом, продиктовали такой приказ.

И вот по всем дорогам десятки автоколонн – сотни емкостей на колесах - двинулись к Волге. В том числе и мы с Бабяком на своем «БЗ». В пути не раз попадали под бомбежку, были обстреляны пулеметами с воздуха. Впереди и сзади колонны выходили из строя машины – успевай только объезжать воронки, обломки... Мы – доехали. Семен был, действительно, очень опытный шофер, но на редкость молчаливый человек: казалось, ничто не выведет его из равновесия!

И вот переправа... Собственно, их было пять или шесть с разрывом в 400-500 метров между ними. А по берегу – тысячи рассредоточенных машин, кое-как замаскированных под теряющими листву деревьями! И вдвое больше людей ждут очереди, чтобы загнать машину на переправу: многочасовое ожидание на пороховой, можно сказать, бочке потому, что по берегу то и дело проносится привычная уже команда: «Воздух!». А куда, в какое укрытие побежишь, если на километр в округе одно и то же: машины, машины, машины... Так что к команде этой, в конце концов, стали относиться только как к констатирующей, тем более что было ясно: основной объект внимания бомбардировщиков – переправа, въезжать на нее рано или поздно подойдет наша очередь, и тогда уж... будь что будет!

А над городом – на том берегу – сплошное море пожара, розовато-черные тучи пыли, непрерывный грохот... Над каждой из переправ (наше внимание приковано, понятно, к той, на которой предстоит...), буквально над каждой роятся самолеты. Если б не знать, что это сошлись в бою две смертельно враж-

дующие стороны, не видеть алеющих звезд на крыльях наших истребителей, закрепленных свастикой «юнкерсов», если бы не фонтаны воды от сброшенных в воду бомб, не прямые попадания то вправо, то влево от нас... Если б не это, можно подумать, что летчики ведут в воздухе какую-то захватывающе азартную игру, взмывая машины ввысь, падая коршуном, заходя друг другу в хвост, догоняя, кружась... Глаз не оторвать, а душа мрет от страха за наших! Молча смотрим и час, и два...

И до этого часа (я уже говорила) не все экипажи возвращались после боя на нашу базу, но этот бой происходил где-то там, а вот когда на твоих глазах стремительной траекторией падает в воду самолет: глухой взрыв со дна и сноп воды вверх!.. Я и сейчас иногда думаю, каков он был, тот парень, сбитый при нас над Волгой?

Когда это произошло, наша очередь заезжать на переправу приблизилась. И тут мой Семен Бабяк молча вынимает из кармана гимнастерки фотографию женщины с двумя девчушками, как сейчас вижу – в коричневых тонах, резким движением подносит к губам, затем неуклюже как-то проводит рукавом по глазам, говорит: «Пора!» и нажимает на стартер.

Опять повезло: мы переправились на правый берег. По городу, если это еще можно было считать городом – ни одного целого дома, лишь закопченные полуразрушенные коробки и груды кирпичей, – по заваленным руинами улицам мчались с распахнутыми настежь обеими дверками кабины. Семен правой рукой рулил, а левой ногой стоял на подножке во весь рост, глядя в небо. То же приказал и мне: на случай, чтобы успеть выскочить, когда сверху засвистит бомба.

С риском простояли еще четыре часа в хвосте машин у огромных бензоемкостей на складе. Но наши славные «ястребки» не пропустили ни одного «юнкерса» в этот район! К ночи мы вернулись в часть.

«Советское Зауралье» 14 марта 1975 г. № 61.

К печати подготовили специалисты Курганского госархива Р.Насырова и А.Сущевская.

Алексей Лачко

**ОДНОЙ
СУДЬБОЙ
ПОВЕНЧАННЫЕ**

Алексей Григорьевич Лачко родился 15 февраля 1925 года. Участвовал в боях в составе 56-й мотострелковой бригады 23-го танкового корпуса, инвалид войны. Награжден орденами Отечественной войны I степени, Славы III-й степени, медалями “За отвагу”, “За боевые заслуги” и другими.

Живет в селе Светлый Дол Белозерского района.

В сентябре 1943 года в Васильковском районе Днепропетровской области на формировке находилась 56-я мотострелковая бригада 23-го танкового корпуса. Вместе с новым пополнением в неё попал и я. Меня отправили в полковую школу по подготовке командиров расчетов станковых пулеметов. Окончить школу не удалось. Начались бои за город Запорожье, и наш корпус вступил в боевые действия. Бригада преодолела реку Днепр по понтонному мосту под артиллерийско-минометным обстрелом и непрерывными налетами фашистских самолетов, но меня разрывы миновали.

В октябре участвовал в первом бою. Когда пошли в атаку на село, часто шлепался на землю, казалось, что все мины и пули летели в меня. А потом стал действовать так, как бегущий рядом пожилой солдат. После боя от него и узнал, что солдат свою смерть не услышит. Если провела мина или просвистела пуля, то они полетели за жизнью другого.

В марте 1944 года наша бригада вместе с другими частями

23-го танкового корпуса наступала от Кривого Рога на Николаев, с задачей отрезать пути отступления шестой немецкой армии, окружить её и уничтожить. Мне запомнилась непролазная грязь, когда машины не могли передвигаться по дорогам, изрезанным глубокими колеями. Пехотинцы барахтались по колёно в грязи, своими руками вытаскивали машины и орудия.

В ночь на 14 марта противник, решил пойти на прорыв линии окружения. Тысяч шесть немцев вырвалось из “котла” и начали быстро отходить на запад, где у них на берегу реки Ингул был подготовлен оборонительный рубеж.

Командиру нашей бригады Штанько было приказано вместе с одной из танковых бригад форсированным маршем на машинах опередить вырвавшегося противника. Выйти на реку Ингул, захватить мост, отрезать путь отхода немцам. И нам это удалось. Разведка, высланная на бронетранспортерах, с рассветом донесла, что колонна противника, не подозревая о задаче, приближается к мосту. Когда немцы подошли к реке на 300 метров, по ним открыли огонь танки, артиллерия и мотострелковые батальоны. Немцы минут через тридцать начали сдаваться. Было пленено более четырех тысяч гитлеровцев, взято семь танков, около двух десятков бронетранспортеров, целый артиллерийский полк и до сотни автомашин. За этот бой бригада была награждена орденом Красного Знамени. Многим солдатам и офицерам вручили награды. Мое участие в этом бою осталось не замеченным.

Вспоминается село Стрюково, которое наш батальон внезапно занял ночью. Немцы не ожидали нашего появления и высказывали в окна в одном белье. Такое “представление” я видел только раз. В этом бою мне удалось взять в плен двух немцев.

На станцию Веселый Кут мы ворвались тоже неожиданно. Немцы бежали, оставив в домах горячие закуски, выпивку. В бою уничтожил восемь немцев. Мне присвоили звание младшего сержанта и наградили медалью “За отвагу”.

Хочу рассказать еще об одном случае. В бою под станцией Ново-Полтавка, где находился большой склад артиллерийских снарядов. Мы окопались на озимом поле. Немцы же были остановлены на неубранном кукурузном, прилегающем к озими. Ночью они предприняли еще две атаки, но были отбиты. После еще одной непродолжительной перестрелки наступило затишье.

В обороне немцы обычно освещают местность ракетами. А здесь не было ни ракет, ни выстрелов. Прошло три часа. Комбат послал меня и еще одного солдата - выяснить обстановку. Мы повторили приказ и тихо выбрались из своих окопов. Признаюсь, все похолодело внутри, когда, мы поползли в сторону немцев.

Здесь необходимо сказать, что на фронте всегда существовало простое и святое понятие “надо”: надо идти в атаку, надо пробираться в неприятельский тыл, ежесекундно рискуя напороться на вражескую мину или быть обнаруженными и обстрелянными противником, не перечесть этих “надо” на войне! Но воспринималось это нами, как категоричная боевая необходимость, как железное требование военной присяги. И это “надо” заставляло каждого из нас выполнять приказ даже тогда, когда он казался невыполнимым или верной гибелью.

Пробираясь к кукурузному полю, мы ожидали напороться на выстрелы из немецких окопов. Но была тишина. Это придавало нам смелости, и мы двинулись вглубь поля. Через несколько метров наткнулись на окопы. Они были пустыми. Проползли все поле. За ним виднелось село. Здесь мы стали действовать смелее. Пробравшись в одну хату, от хозяйки узнали, что немцы после стрельбы на кукурузном поле вынесли много раненых и убитых, а ночью ушли из села.

С хорошей вестью мы вернулись в батальон и доложили результаты разведки. Утром мы вошли в село, за ним сбили несколько немецких заслонов и буквально на их плечах продвинулись на 20 километров.

В августе 1944 года наша бригада участвовала во взятии румынских городов Роман, Бакэу и других. Мотострелкам было приказано ликвидировать укреп район и обеспечить дальнейшее наступление наших войск. Чтобы выявить огневые точки противника, наша пятая рота, усиленная станковыми пулеметами, была брошена на разведку боем. В ходе её мы понесли большие потери. Тяжело был ранен и я.

Боевые действия бригада закончила в Чехословакии, недалеко от города Брно.

В нашем корпусе достойно воевали курганцы Плотников Н.И., Алексеев В.И., Биткин В.С., Васильев П.П., Кузнецов А.Н., Мохирев И.П., Никифоров В.Н, Неустроев А.Г., Пахомов А.М., которых я помню.

Алексей Переверзев

Я ПОМНЮ

ВОЙНУ

КАЖДЫМ

НЕРВОМ

Алексей Григорьевич Переверзев житель села Степное Макушинского района.

В июне 1942 года нашему танковому десанту был дан приказ: «Освободить 2-ю ударную армию генерала Власова». Приказ-то дали, а оружия дать почему-то забыли.

«В бою достанешь», - рявкнул на меня командир батальона, когда я спросил его про оружие.

Подбегая к танку, я увидел брошенную кем-то противотанковую гранату. Схватил ее и прыгнул на броню танка. Ребята подняли меня на смех, граната-то оказалась учебной. Хотел бросить, но что-то помешало, так и осталась она у меня, в руке.

На полной скорости танки проскочили вражеские заграждения. Фашисты растерялись, не ожидая нападения с этой стороны. Внезапно танк накренился, и мы слетели с брони прямо к немецким окопам. Балансируя руками, я еле удержался на ногах. А немцы вдруг подняли руки. Я остолбенел. И только потом понял, что в руке была та самая учебная граната. Связной Саша заорал: «Хенде хох!» и давай стаскивать с фашистов автоматы. Так мы вооружились, да еще немцев в плен взяли, человек 70.

В этом бою меня ранило. И после госпиталя догнал свою часть на Волховском фронте. Здесь меня назначили начальником разведки 305-го Краснознаменного полка, 44-й дивизии, 4-й армии. В этот день с одним бойцом я возвращался с переднего края после изучения местности. Поравнялись с воронкой, возле которой чуть раньше был убит командир взвода разведки. Вдруг выстрел. В этот раз пуля попала в меня. Я упал. Очнулся уже в госпитале. Оказывается, пуля попала мне в голову. И я находился без сознания три с половиной месяца. И все это время врачи боролись за мою жизнь. Жизнь мне они спасли. А вот пулю извлечь из головы не смогли, побоялись. Так и осталась она у меня в голове навечно. Конечно, особенно сейчас, она напоминает о себе все чаще и чаще. Это было последнее мое ранение. А всего их было пять. За годы войны был отмечен орденами: Отечественной войны 1-й и 2-й степени двумя орденами Красного Знамени и орденом Александра Невского.

Иван Щербаков

**Пусть
память
живет...**

Иван Павлович Щербаков родился в 1925 году в деревне Глисница Ярцевского района Смоленской области. Весной 1942 года шестнадцатилетним парнем ушел к партизанам, был в отряде известного командира В. Т. Прудникова, затем связным в разведке Вадинской партизанской бригады. Воевал в составе 36-й артдивизии Резерва Главного командования в звании сержанта, дошел до Кенигсберга. С 1950 года живет в д. Столбово Шумихинского района.

Награды: орден Отечественной войны I-й степени, медаль “За взятие Кенигсберга” и другие.

Война пришла на Смоленщину в августе 1941 года. Все мои родные – отец, мать, сестра, два брата и я - работали в мирное время в совхозе “86-й конезавод” и в эти дни эвакуировали скот в тыл. Добрались до моста через Днепр недалеко от города Вязьмы. Ночью через этот мост шли наши части, а днем перегоняли скот. На лугу, ожидая переправы, скопились тысячи животных, много людей. Это утро на всю жизнь осталось в моей памяти...

Немецкие самолеты часа четыре, группа за группой, налетали и бомбили нас, расстреливали из пулеметов. Спасались в воде, под берегом. На лугу образовалось кровавое месиво. Это был первый пережитый мной ужас войны.

Немецкие войска заняли наш район в октябре 1941 года. В

декабре я ушел к партизанам, а в феврале 42-го меня легко ранили в ногу. Старшие товарищи привезли домой, к маме. Сорок пять дней пролежал в “голбце”. Мать лечила, как могла, делала примочки, перевязывала. Когда рана зажила, ушел обратно в отряд.

В это время разрозненные партизанские отряды соединились в Первую Вадинскую бригаду. Меня определили связным в разведку. Разведчики зашивали в одежду донесения, и я доставлял их в штаб бригады. Приходилось проходить по 80 километров, спал в поле, в лесу.

В деревнях Крапивня и Приселья находилась перевалочная база немецких войск, складировались боеприпасы, питание. Штаб нашей бригады получил приказ уничтожить эту базу. Подошли к домам ночью, было видно, как стоят часовые. Лежу на снегу, бьет озноб, не знаю, от чего больше – от холода или страха. По сигналу пошли в атаку, забросали дома гранатами. Немцы выбегали в нижнем белье, началась паника. Задание партизаны выполнили, было уничтожено много техники, боеприпасов, сожжены склады, захвачены пленные. Это было по сути первое мое боевое крещение.

В декабре участвовал еще в одной большой партизанской операции по уничтожению немецкого гарнизона у деревни Каменные рвы. Когда немцев погнали от Москвы, они шли в направлении Смоленска и Витебска. В это время и принимал участие в засадах, в подрыве мостов, железнодорожных путей. Помню, возле деревни Репино наш отряд из засады уничтожил конный обоз в 50-60 повозок, который шел в направлении фронта, отбил большие трофеи.

Активная деятельность партизанских соединений в тылу вынудила немецкое командование бросить против них большие силы. Наша бригада попала в окружение и была фактически уничтожена. Оставшиеся в живых выходили мелкими группами на запасные базы. В лесу возле деревни Плонтровка в землянках прятались наши родные. Карательный отряд немцев обнаружил их. Расстреляли всех. Здесь я потерял своего отца Павла Емельяновича и сестру Антонину Павловну. Уже после блокады партизан мы похоронили 59 человек в деревне Глисница в братской могиле. Тетю мою живой сожгли в доме. Погибло очень много как партизан, так и мирных жителей. Были

уничтожены целые деревни. Многих оставшихся в живых угнали в плен в Польшу, Германию.

В марте сорок третьего в бою меня ранили, попал в госпиталь. Через неделю наш район освободила наша армия...

В госпитале пролежал три месяца, потом меня выписали, и я добрался до дома. Живой я нашел только маму. Ее тоже допрашивали немцы, она в открытую сказала, что да, мой сын в партизанах. После гибели родных ей не хотелось жить. Для меня до сих пор остается загадкой, почему фашисты ее не расстреляли. Дом наш сожгли, не осталось даже ложки. Питались травой, листьями липы, вообще всем, что можно было проглотить.

Через полтора месяца, в августе, меня взяли в армию, пошел возраст. Сначала был в училище, а в октябре в звании сержанта-артиллериста прибыл на фронт. Освобождал Литву, Латвию, Эстонию.

До Кенигсберга дошел уже командиром отделения артиллерийской разведки. 36-й дивизией Резерва Главного командования в звании полковника командовал сын легендарного комдива В.И. Чапаева. Он остался в моей памяти как замечательный командир.

Двадцать третьего февраля 1945 года на окраине Кенигсберга я получил осколочные ранения в ногу и руку. Опять много месяцев госпиталя и только в сентябре я вернулся в свою деревню на костылях, со второй группой инвалидности.

В это время попала мне в руки книжка про Маресьева. И так его подвиг задел за живое! Стал усиленно заниматься. Через 1,5 года бросил костыли, а еще через год палочку.

Будучи инвалидом войны, 38 лет отработал в колхозе, занимался физическим трудом. Имею разные знаки трудового отличия, был участником ВДНХ, победителем соцсоревнования.

Сейчас мне 76. Стараюсь жить с пользой, по мере сил участвую в работе ветеранской организации. Могу, не посчитайте за нескромность, сказать, что знаю цену жизни и войны. Поэтому приложил все усилия, чтобы увековечить память сельчан-столбовцев, вернувшихся с фронтов Великой Отечественной и ушедших из жизни в мирное время. На деревенском кладбище воздвигли стелу с именами умерших участников войны.

Пусть живет память...

Николай Балашенко

В ОККУПАЦИИ

Николай Иванович Балашенко живет в Кургане с 1961 года. Работал в строительном училище мастером производственного обучения и преподавателем. Был мастером, прорабом, начальником РСУ Управления торговли. А детство и юность его прошли в Белоруссии. На рубеже веков снова побывал на родной земле и память воскресила...

Наша семья до войны жила в городе Могилеве, в доме, который в конце 20-х годов купил мой дед по матери – Ермолай Ильич. Дом был на две половины. В большей половине жила наша семья, а в меньшей – мамина золовка с детьми. Дом стоял на улице, которая проходила по дну огромного оврага. По середине улицы протекал ручей. По склонам росли клены, черемуха и фруктовые деревья.

Когда началась война, отец перевез нас на телеге из города в деревню Стайки, к своей матери бабе Ульяне. Выкопал на огороде блиндаж и ушел на фронт. В первые же месяцы войны он попал в плен. И по иронии судьбы оказался в концлагере в своей родной деревне, под который немцы приспособили школу, обнеся ее колючей проволокой. Кстати, в этой школе отец когда-то учился.

Еще до этого мама оставила нас с сестрой под присмотр бабы Ульяны и уехала за своей старенькой матерью. Могилев был оккупирован уже 22 июля.

Мама не было очень долго. Они с бабой Таней шли пешком, пробираясь через деревни и немецкие посты. Мама рассказывала, когда вернулась, что их несколько раз задерживали и подолгу выясняли, не партизанки ли. Бабе Тане тогда было 78 лет. Они пришли только к осени.

Немцев в деревне было немного. Их комендатура находилась в здании правления колхоза. Комендант деревни, немец, говорил по-русски. Он ездил на небольшом мотоцикле. Были в деревне староста по имени Мина и полицей Луаш. Позже я учился в школе с сыном этого Лукаша, Костей. Но это уже был 50-й год.

Жители старосту не бранили, но и называли “проститутка”. Я спросил как-то у мамы, почему его так зовут. А мама, улыбнувшись, ответила: “Он и немцам подмажет, и жителям поможет”. Если немцами готовилась какая-то операция, он тайно от них предупреждал селян.

А полицей был зверь. Когда наши пришли, Мину и Лукаша забрали. Но Мина вернулся в деревню через полгода и работал учетчиком в колхозе, а Лукаш пришел через 25 лет. И то грозился наделать кое из кого “котлет”. Семья его не приняла, сказав, что от прежнего позора не может оправиться. И он куда-то уехал.

Когда немцы заняли деревню, мы бегали смотреть на их машины. Тогда я впервые увидел автобус, который никак не мог развернуться на деревенской улице. И еще нас забавляло тогда, как немцы, с хохотом гоняя на мотоциклах, ловили курей. Уже после войны я видел в кино такую же сцену и удивлялся: будто в нашей деревне это снимали. Детская память удерживает яркие события всю жизнь. И никуда от них не деться.

КРАСНЫЕ ЛЫЖИ

Было очень жарко. Я во дворе стерег курей, чтобы они не лезли в огород. От жары я забыл про свои обязанности и забрел в клеть для хранения зерна, муки и испеченного хлеба. И там увидел какие-то красивые красные доски с загнутыми заостренными концами. Я к маме.

- Мама, а в клетки красные доски стоят.
- Это, сынок, не доски, а лыжи.
- А для чего они?
- Чтобы кататься.

- Дай мне покататься.

- Глупенький, на них катаются, когда земля станет белая.

Помню, уже при немцах, на улице кружила метель. Мы были дома. Мама лежала на большой русской печи, а баба Таня на палатках. Мы с сестрой во что-то играли. Вдруг раздался громкий настойчивый стук в сенную дверь. Мы испугались, а мама сказала:

- Шура, сходи, открой, только спроси, кто там?

Шура вышла и спросила:

- Кто там?

- Свои.

Шура и открыла. Не успели мы заскочить на печь, как хата наполнилась мужиками с пилами и топорами. Мама всполошилась:

- А кто вы будете?

- Мы власовцы.

Нам тогда это ничего не говорило. Мы так и просидели до вечера на печке.

Часа через два власовцы уже пили чай на двухъярусных нарах, которые соорудили из досок, разобрав забор. Они вели себя так, будто нас в доме не было.

Утром мама начала упрашивать, чтобы они съехали с квартиры, говорила, что бабка болеет, возможно, тифом.

Командир этих “гостей” быстро принял “соломоново” решение. Чтобы бабка их не заразила, выселили нас всех в полуземлянку, с окошком в одно бревно, как в деревенской бане, где хранились у нас овощи и соленья в зимнее время. В сильные морозы ее подтапливали “буржуйкой”, чтобы овощи не замерзли.

Однажды, выйдя на улицу, я увидел красные лыжи на ногах “колонийцев”, как называла власовцев почему-то мама. Солдаты с хохотом ездили на них по очереди. Вскоре часть наших жильцов куда-то отправились. Они уложили лыжи в сани и укатили. А я стоял возле забора и всхлипывал. Мне было жалко красные лыжи, что я на них так и не покатался.

ГОРОХОВЫЙ СУП

Наша с сестрой территория для жизни была заключена про-

странством землянки, двора и навеса, где стояли телега без колес и разошедшаяся бочка. Мы бродили по двору, переходили под навес, лазили по сугробам. А ближе к обеду вертелись у дверей хаты, откуда так вкусно пахло гороховым супом. От этого запаха сводило живот, и кружилась голова. Мы шли к маме и канючили:

- Мама, ну дай что-нибудь поесть.

- Деточки, - чуть не плача говорила мама, - что же я вам дам? Подождите вечера. Получите по две картошинки.

Рацион у нас был прост: по две картошки утром и по две вечером, щепотка соли и кипяток. Картошины те были по голубиному яйцу. И мы канючили снова:

- Мама, ну хоть одну картошинку.

- Детки, сходите к "колоницам", они сейчас обедают, попросите, может, что-нибудь дадут.

И мы пошли. Долго не решались. Потом я постучал.

- Кто там? Заходи.

Мы робко переступили порог и молча остались стоять у двери.

- Ну, что скажете? – спросил белобрысый власовец с пухлыми щеками. Он сидел ближе всех к нам на нижних нарах. Мы почти в один голос попросили:

- Дяденьки, дайте немножко супчика.

Он ухмыльнулся.

- Сейчас. – Приподнялся и плеснул мне в лицо остатками супа. Все захохотали.

Мы выскочили. Я от обиды плакал и вытирал лицо рукавом. У меня и сейчас не прошло то унижение, та боль.

МИСКА ХОЛОДЦА

Власовцы бесчинствовали и пьянствовали, как перед концом света. Наверно, это было у них от безысходности. Пьянствовали с утра до вечера. Ночами ходили по хлевам и забирали у кого что можно, не брезговали никакой живностью. Забивали, разделывали и опять пир горой.

Однажды, когда очередная свинья была съедена, к нам в землянку ввалился белобрысый. Мы с сестрой прижались к бабушке, а она закрыла нас руками: "Не бойтесь, детки, он вас не тронет".

Белобрысый обратился к маме:

- Хозяйка, нам сказали, что ты лучше всех варишь холодец. Вот тебе свиная голова и ноги, чтоб завтра холодец был готов.

- На нашей буржуйке и за неделю не успеть.

- Тогда иди в хату и вари в печке. А чтоб завтра холодец был.

Мама вымыла свиные ноги и голову, сложила в ведерный чугунок и сварила. Два “колонийца” принесли чугунок в землянку для разделки и разлива.

Когда холодец застыл, мама одну миску оставила для нас.

Ни свет, ни заря появились белобрысый с напарником. Мама выставила им шесть мисок.

- Забирайте.

- А где еще? Сожрали?

Грязно матерясь, они забрали холодец и ушли.

Через какое-то время мама пошла за водой, да не тут-то было. Дверь заперта снаружи. Пришлось тяжелой скамейкой выбивать дверь. Сломали дверь и скамейку.

И тут явился белобрысый. Он тащил маму из землянки и матерился. Он был пьяный, с винтовкой в руке. Из ругани мы поняли, что это из-за холодца.

Он поставил маму к стенке, а сам отошел метров на пять. Лязгнул затвор. Мама только и сказала:

- Ну, что ж, стреляй, сволочь.

И быть бы беде, но неведомо откуда вывернулся власовец Иван, который один из всех не пьянствовал и всегда ходил задумчивый. Он ударил под ствол винтовки, и выстрел пришелся выше крыши. Мама начала медленно опускаться на снег. Мы подбежали и, вцепившись в рукава ее пальтишка, с ревом старались помочь маме подняться. Она села на снег и долго плакала, прижимая нас к себе и повторяя: “Деточки, деточки...”

Иван кричал на белобрысого:

- Вам, что мало крови? Не настрелялись? Марш в дом, пьянь проклятая!

ПУЛЕМЕТНЫЕ ЯЩИКИ

Пришло лето. Из нашего палисадника власовцы сделали площадку. Сирень вырубил, остатки забора снесли. И получилась открытая площадка. Те же самые власовцы привезли на

телеге доски, бруски и начали сколачивать какие-то большие ящики. Маму угнали рыть траншеи. А я вертелся возле этих мужиков и спрашивал, что они делают? Один сказал, что пуле-метные ящики. Но что это такое я не знал. Я, видно, шибко надоел, и белобрысый посадил меня в готовый ящик и заколотил крышкой. Я долго плакал и просил выпустить. И все смотрел в щели, что они делают и собираются ли открыть меня. Вдоволь наредеввшись, я уснул. Когда проснулся, мужиков не было, а солнце уже повернуло к западу. Я снова принялся плакать. И тут в щель заметил на улице двух женщин с грудными ребятишками на руках. Я громко закричал: “Тетеньки, откройте меня, я здесь, в ящике”. Женщины были не наши деревенские, беженки. Они услышали и еле открыли ящик. Я побежал к землянке, а там закрыто. Вернулся, взял в руки деревянный брусок и, любуясь им, уселся у тропки ожидать маму.

Вдруг услышал треск мотоцикла, который нарастал и шел от шляха в нашу сторону. Ехал комендант деревни. И сам не пойму, как мне пришло в голову, но когда комендант поравнялся – я сунул брусок в спицы заднего колеса. Мотоцикл затрещал и остановился. Я, испугавшись, бросился домой. Дверь была на замке. Я от страха вцепился в ручку обеими руками. Немец подошел ко мне, я был ни жив, ни мертв. Он схватил меня за руку и дернул, но оторвать не смог. Тогда он ударил меня кулаком. Я кричал от боли и страха. Он начал пинать меня сапогом. При каждом ударе я взлетал вверх, как мячик, и падал вниз. И снова удар, и снова – вверх. Я перестал кричать. Наступило какое-то оцепение. Во дворе, напротив входа под навес, стояла толпа женщин, но они молчали. И вдруг кто-то из них закричал: “Серафима! Серафима! Твоего Кольку убивают”.

И когда комендант расстегивал кобуру (а я тогда уже понимал, что это такое), появилась мама. Она рухнула перед немцем на колени. Сложила перед собой ладони, как перед молитвой и заплакала: “Пан, пан комендант, он же маленький, глупый, он не понимает. Прости его”.

Комендант что-то забормотал по-немецки, сунул пистолет в кобуру и ушел.

Мама уложила меня на лавке под образами. Недели через две мне полегало.

КАРАКУЛЕВЫЙ ВОРОТНИК

В одночасье собрались и уехали власовцы. И мы снова перебрались в свою хату.

Мама с тетей Верой стали веселее. “Скоро, деточки, конец войне, коль эти гады тикают”, - сказала однажды мама. После ухода власовцев к нам перебралась двоюродная сестра отца - тетя Вера со своими детьми. Вместе было сподручней справляться с тяготами той жизни.

Как-то зимой мама, вернувшись со свидания с отцом, печально сказала, что пленных завтра угонят на станцию и отправят в Германию. А надо сказать, что все добрые вещи мама поменяла то на соль, то на керосин, на спички, а отцовское драповое пальто с каракулевым воротником где-то прятала. И вот перед отправкой решила отнести пальто отцу, чтобы в дороге не замерз: погода как раз стояла морозная, вьюжная. На другой день она отнесла его и вернулась вся в слезах и все шептала “Ой, что будет? Что же будет? Помогите Ване, Господи!”

Отец ей шепнул, что все равно убежит.

К вечеру, оказывается, их угнали. К счастью, в этот день разыгралась такая пурга, что свету божьего не видно, как говорили опосля бабы...

Только после войны мы узнали продолжение той истории. А случилось вот что. Отец убежал между деревнями Стайки и Дашковкой. В своих краях он знал каждый куст и каждую кочку. По его рассказу, метель была такая, что за три метра ничего не видно. Конвой был без собак. Отец уговаривал односельчанина Герасима убежать с ним, но тот отказался. Отец нырнул в клубы налетевшего снежного вихря. И только через какое-то время услышал выстрелы. Да где там! Ищи ветра в поле. Бежал сколько было сил и только глубоко в лесу упал под ель совсем обессилен. Отдышавшись, бродил по лесу в поисках партизан. Вдруг услышал негромкий разговор по-русски. Обрадовался. И начал кричать: “Мужики, я здесь”. Подошли мужики с автоматами.

- Кто такой?

- Я из плена бежал. Я из Стаек.

Мужики заулыбались.

- Мужик, в таком пальто из плена не бегают. А ну, руки

подыми!

Никакие объяснения не помогли. Связали отцу руки за спиной и в отряд. И в отряде не поверили. “Полицай, предатель – расстрелять!” Поставили к сосне, щелкнул затвор.

И свершилось чудо.

- Мужики, мужики, а ну погоды! Это же наш Иван. Сосед мой деревенский. Да я его как облупленного знаю. Наш он. Свой.

В отряде оказался мужик из Стаек, чуть ли не приятель отца по юности. Отправили в Стайки разузнать об отце. Все подтвердилось, как говорил отец. И он партизанил до воссоединения с регулярными войсками.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Это был теплый августовский день. Мама сказала, что сегодня из-за Днепра придут наши.

А в сторону Днепра катила немецкая техника, шли солдаты. Немцы занимали удобную позицию на взгорке. Перед ними, как на ладони, Днепр и пойменные луга, по которым должны пройти наши войска. В деревне полная неразбериха. К полудню движение прекратилось. И стало тихо, как перед грозой. Мы с мамой тоже готовились к наступлению, воду, еду, одеяла и подушки мы затащили в блиндаж.

Наши соседи, да и все в деревне, делали то же самое – искали безопасные места.

Когда закончили все приготовления, мама сказала: “Детки, позовите бабу Таню и бегите быстрее в блиндаж – скоро начнется”.

Наша баба Таня сидела все это время на завалинке: руки на коленях и смотрит в землю. Думает о чем-то своем. Мы подбежали к ней.

- Бабушка, иди быстрее в блиндаж, а то тебя здесь может убить.

Подняла она голову, смотрит. Не забыть мне ее взгляд и ее голос.

- Внучки, я уже старая, мне и помирать пора, а вы еще молоденькие, вам еще жить, да жить. Бегите быстрее в землянку, а я здесь посижу.

Мы и побежали.

- Мама, а баба не хочет идти.

- Залезайте быстрее, я сама за ней схожу.

Да, видно, не судьба была. В следующее мгновение так заухало, что мы кубарем скатились в блиндаж. Лаз закрыли большой подушкой, я сел к ней спиной, а мама зажгла свечку. Сидим. Только слышно: та-та-та-та, словно камушками по дощатому фронтому. И вдруг, как ухнет. И я с подушкой улетел к противоположной стенке блиндажа. Посыпалась земля. Свечка погасла. И слышим сквозь этот визг и грохот: а-а, а-а, а-а...

- Наверное, бабушку убило, - крикнул я.

- Да нет, это наверно, к соседям попало. У них лаз от Днепра.

Я все-таки выполз и посмотрел – бабушка лежала на земле. Мы выскочили и побежали к дому. Снаряд разорвался посредине, между домом и блиндажом. Деревня со стороны шляха польхала сплошь. Немцы, отступая, стреляли зажигательными пулями по пересохшим соломенным крышам. И дома горели, как свечи.

Мы подбежали к бабушке. Она стонала и просила пить. Мама ее осмотрела. Бабушку ранило четырьмя осколками. Два по коленям и два по локтям. И больше ни царапины. Одна рука была отрублена осколком и болталась только на локтевой коже. Мама сбегала за одеялом. Мы как могли, уложили бабу на одеяло и хотели нести в блиндаж перевязывать. Но баба Таня распорядилась нести ее в дом.

- Ты же сгоришь – вон, какой пожар, - сказала мама.

- Если ты не выполнишь мою волю - я тебя прокляну.

Мы занесли ее в дом. Мама осталась ее перевязывать, а мы убежали в блиндаж. Ближе к закату пронеслось резкое, как шквал:

- Ура-а-а.

И это Ура-а-а ушло волной на запад. И стало тихо.

Я выскочил из блиндажа и чуть ли не столкнулся с солдатом.

- Мальчик, раненные есть?

- У нас бабушку ранило, она в доме.

В это время показалась и мама.

Это был санитарный взвод, который зачищал местность после боя, оказывал первую помощь раненым бойцам и местному населению. Нашу бабушку перевязали и пообещали, что завтра будут проходить наши войска и бабушке сделают вторую

перевязку. Оставили для нее вату и бинты.

Утром пошла кавалерия. Мы с ребятами встречали конников у колодца, помогали поить лошадей. Подъехал к колодцу командир. Рядом с ним на лошади в седле и в полной кавалерийской форме ехал мальчик лет 10-12-ти. Как мы ему завидовали!

Мы с другом Гришей побежали смотреть пепелище от их дома. Они жили ближе к шляху и их дом сгорел. До нашего - пожар не дошел. Когда мы прибежали к тому месту, где стоял их дом, там была только печь с трубой да дымилась головешки. И так вся половина деревни. Нам стало очень жаль яблоню, ближнюю к дому, которая обгорела, а яблоки на ней запеклись. А про дом мы как-то не думали. Вот детский рассудок.

Больше никаких войск через нашу деревню не проходило. Бабушка через неделю умерла.

На другой день после освобождения мы бегали на Днепр. По Днепру плыли трупы, как бревна. Весь пойменный луг был усеян трупами. Работала бригада по захоронению. Возглавлял ее наш учитель Старостин, человек уже пожилой и на костыле. Еще долго мы натывались в лесу на склады мин и снарядов. Даже несколько лет спустя можно было найти в лесочке возле деревни, что-нибудь из оружия. Так что у деревенских парней этого добра хватало. А сколько домов сгорело и сколько ребят погибло и покалечилось уже после войны от неумелого обращения с оружием или взрывчаткой.

Сразу после освобождения в деревне возродился колхоз "Чирвоная зорка". Что по-русски "Красная звезда". Председателем назначили человека военного и не из местных. В первый же год чуть не все погорельцы отстроились. В крайнем случае, из землянок вылезли. Жизнь входила в мирное русло. Люди работали от зари до зари и млад, и стар. А первого сентября 1945 года мы с сестрой пошли в школу. В первом классе были ребята от 7 до 12 лет. И что самое примечательное, 1 сентября нам выдали по 2 тетрадки и по одному карандашу. Радости не было предела. Хотя потом приходилось писать и на немецких листовках, которые мы собирали по траншеям уже выцветшие. И делать чернила из крушины. А в 1952 году наш колхоз стал миллионером.

Что было – то было. И я это не забуду до конца дней моих.

Тимофей Михайлов

Подлость фашистов

Тимофей Михайлович Михайлов родился в 1910 году. Воевал с декабря 1941 года в составе Северо-Западного, Брянского, 1-го и 2-го Белорусского фронтов, был контужен. Награжден орденом Красной Звезды, медалями “За оборону Москвы”, “За боевые заслуги”, “За взятие Кенигсберга”, “За взятие Берлина” и другими.

В августе 1941 года я был призван в ряды Красной Армии и направлен в санитарный взвод стрелкового батальона. Боевое крещение получил около Теряевой слободы, южнее города Клин. Были в этих местах сожженные села, груды золы, кое-где уцелевшие дома, но не клубился над ними легкий дымок. Все вымерло.

На войне как на войне. Не успели выйти из одного боя, вступили в другой не менее важный и не менее жестокий. Обо всем не расскажешь, но один из боев никогда не уйдет из моей памяти.

28 июня 1944 года гром артиллерийской канонады возвестил о начавшемся наступлении наших войск за освобождение Белоруссии, началась операция, получившая условное наименование «Багратион». Наш полк двигался передовым, нам предстояло форсировать реку Березину около деревни Шатково. Наша задача была захватить переправу. Противник непрерывно обстреливал реку, в небе, словно огненные шары, висели ракеты. Огонь не прекращался ни на минуту.

Наш десант начал переправу, используя доски и бревна, благополучно высадился на другом берегу. Начались вражеские контратаки, но мы прочно удерживали свои позиции. Это позволило успешно форсировать реку остальным. Мост через реку был нами взят без повреждения. Когда основные силы переправились на другой берег, командир дивизии Панчук, обращаясь к солдатам, сказал: «Молодцы! Вы сделали не только то, что могли, но даже невозможное!»

Деревня Шатково была освобождена 29 июня. Мы зашла в тыл врага, и противник оказался в окружении, из которого предпринял отчаянную попытку выйти, сосредоточив для этого три пехотных и танковой дивизию.

Гитлеровцы с иступленной яростью, поголовно пьяные, лезли напролом. На них был обрушен шквальный огонь наших солдат, которые забрасывали немцев гранатами, били из автоматов, пушек. Содрогаюсь от ураганного огня, дрожала земля, вспышки сверкали, как молнии, раскалявая небо. Дым, подхваченный ветром, стлался по земле. Немцы не выдержали и отступили. Однако 29 июня в 2 часа ночи на окраине деревни Назаровка услышали мы шум моторов и странные звуки - плач, вопли, стоны, крики... С правого берега реки Березины двигалась плотная масса: старики, женщины, дети. Вслед за ними следовали гитлеровцы с танками и штурмовыми орудиями. Озверелые фашисты гнали наших людей вперед, чтобы под их прикрытием выйти к переправе. Подразделение старшего лейтенанта Лысенко развернуло орудия и вступило в бой с танками. Стрелки огнем пушек и пулеметов отсекали немцев от мирного населения. Дорога, по которой могли отступить гитлеровцы, была перерезана, и атака врага захлебнулась. Так удалось сорвать преступный замысел врага и спасти гражданское население от гибели. Раненые находились в это время в овраге. Все, кто мог держать оружие, врачи, сестры, фармацевты, приняли участие в этом бою. 129-я стрелковая дивизия за эти бои под Бобруйском награждена орденом Кутузова.

Перед днем Победы на реке Эльба, в городе Бурге, состоялась у нас встреча с 9-ой американской армией. Советские воины братались с американскими солдатами и офицерами. Все радовались миру.

Николай Постовалов

**Я ШЕЛ ПО
БРУСЧАТКЕ
В ПАРАДНОМ
СТРОЮ**

Николай Петрович Постовалов родился в селе Михайловка Мокроусовского района. На фронтах Великой Отечественной войны с декабря 1941 года. Автоматчик, сержант. Был трижды ранен. Награжден орденами Славы 3-й степени, Красной звезды, Отечественной войны, двумя медалями “За отвагу” и другими, имеет 18 благодарностей Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина.

После войны вернулся в родную Михайловку, трудился бригадиром, председателем колхоза, лесником. Трудовой стаж, включая войну 65 лет.

В 1940 году я окончил курсы трактористов и с весны стал работать на колесном тракторе ХТЗ. Приходилось работать по 16-18 часов в сутки. Но мы, молодежь, работали с огоньком, по-ударному. За сезон мне удалось выработать 870 гектаров в переводе на мягкую пахоту и быть участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве.

Молодежи в бригаде было много, жили мы на полевом стане очень дружно и весело. В вагончике были патефон, гармошка, шашки, домино и бильярд. Война оборвала наш мирный труд. Трудовая закалка, которую я приобрел в тракторной бригаде колхоза “Коминтерн”, очень пригодилась на фронте.

15 сентября 1941 года я был призван в армию. Наша дивизия формировалась на Урале. В декабре 1941 года вступила в

бой на Калининском фронте, штурмом овладела городом Калинин, а также городом Старица, освободила много населенных пунктов. Нашему отдельному лыжному батальону, где я служил автоматчиком, была поставлена задача зайти в тыл врага, взрывать его склады с боеприпасами, громить штабы. Задача была выполнена, но с очень большими потерями.

Зимой 1941-1942 годов вели ожесточенные бои под Ржевом, населенные пункты по несколько раз переходили из рук в руки. В этих боях я потерял много земляков-друзей: из Михайловки - Гончаровых Гавриила, Михаила и Андрея, из Новотройки - Петрова Вениамина и Панкратова Серафима, из Маломостового - Ежова Николая, из Осиево - Булатова Василия и многих других.

Мой командир взвода Сергей Андрианович Коростелев и я договорились в случае гибели одного из нас вытащить с поля боя, похоронить и сообщить на родину. Много раз мы ходили вместе в атаку, бывало и по два раза в день, но оба остались живы. Сергей Андрианович вернулся домой в Дмитриевку инвалидом.

В первых числах мая 1942 года нас отвели на пополнение, а в конце месяца снова заняли боевые позиции. Бои разгорались еще ожесточеннее. Появился лозунг "Вперед, поможем Харькову!" Там наши войска были в трудном положении. Наш удар на Ржев должен был отвлечь немецкие дивизии на себя.

Ржев был хорошо укреплен. Когда мы взяли аэродром и через сосновый лес пробились к городу, перед нами стояли четыре казармы, превращенные в доты. Легкие и средние пушки их разбить не могли, наше продвижение остановилось. На помощь нам два трактора доставили 203 миллиметровую пушку, ее установили на прямую наводку. Пушка сделала 15 выстрелов 90-килограммовыми снарядами, доты были разрушены. Мы ринулись вперед, заняли несколько кварталов, но были остановлены вторым эшелоном обороны врага. Нам пришлось перейти к длительной обороне. Под ураганным огнем противника нельзя было поднять голову. Продукты и боеприпасы подвозили нам только в ночное время на танках или бронетранспортерах, а в обратный путь забирали раненых.

В конце декабря 1942 года нас отвели с фронта. Нашу часть пополнили хорошими ребятами с Урала, Сибири и Дальнего

Востока.

В начале 1943 года меня направили в батарею 120-миллиметровых минометов разведчиком. Неохотно я покидал своих друзей, но на войне службу не выбирают.

В короткий срок я освоил новую специальность. В обязанности разведчика входило обнаружение огневых точек, наблюдательных и командных пунктов врага, знание плотности боевых порядков врага перед нашими войсками. Приходилось ходить в разведку, брать “языка”. Я в большинстве случаев был в группе прикрытия.

В марте 1943 года нашу дивизию перебросили на Курское направление. Мы шли пешком по раскисшим от весенней распутицы дорогам в зимнем обмундировании, шлепали по воде и грязи валенками. Марш продолжался шесть дней без привалов и отдыха, спали на ходу, продуктов было мало, но никто не роптал, не было и отставших. Все понимали: сколько пройдем маршем - столько не идти с боями. Знали, что немцы вводят новые силы, чтобы взять Курск.

Дивизия не дошла до Белгорода 12 километров и заняла оборону. Окопы делали на двоих: когда один ведет наблюдение и стреляет, другой котелком отчерпывает воду. Утром 17 апреля в нашу оборону проникла немецкая разведка - 8 человек. Нам удалось ее схватить без выстрела. Через 30 минут появилась колонна немецкой пехоты, человек пятьсот.

Подпустив немцев метров на 200-300, открыли шквальный огонь из всех видов оружия. Немцы залегли... и навечно: ни один не смог продвинуться ни вперед, ни назад.

Вечером фашисты повторили атаку, пошли развернутым фронтом, но получилось то же, что и утром.

На следующий день враг пошел в наступление с поддержкой танков и артиллерии, но успеха не имел. Установилась передышка. Обе стороны перешли к обороне, готовились к предстоящим боям. Каждую ночь разведчики вели поиск, прощупывали оборону противника, иногда брали пленных. Подтягивались резервы, строилась эшелонированная оборона. Так продолжалось до июля.

1 июля разведка нашего полка получила приказ и большую просьбу взять “языка”. С наступлением темноты мы осторожно двинулись ползком по заранее изученному пути. Не доходя до

переднего края противника около ста метров, обнаружили минную полосу.

Немцы вели непрерывный огонь из пулеметов для остротки, но он был для нас не опасен, так как велся не прицельно. Меня с двумя солдатами оставили перед минной полосой, чтобы в нужный момент вызвать огонь двух батарей и корректировать их стрельбу. Все было тихо.

Вскоре вернулись три наших разведчика, так как оторвались от передовых и потеряли ориентировку. Я окопался и ждал остальных.

Наступил рассвет. Озимая рожь, выросшая до метра, хорошо нас маскировала. За действиями нашей группы вели наблюдение три наблюдательных пункта, дежурила батарея 76 миллиметровых пушек и батарея 120 миллиметровых минометов. Нам приказано было лежать в засаде, действовать по обстановке и ждать возвращения наших двух разведчиков. Эта операция рассчитывалась не более как на трое суток.

3 июля на рассвете мы услышали серию взрывов гранат. Это действовали наши разведчики. Через несколько минут они приползли, волоча с собой пленного. В этот момент я дал сигнал батареям открыть огонь и прикрыть наш отход.

Пленный офицер сказал, что 5 июля в пять часов утра немцы пойдут в наступление, чтобы отомстить нам за Сталинград. Высшее командование еще раз узнало о намерении фашистов. Мы получили приказ: в 24 часа 4 июля артиллерии всех калибров расстрелять половину боезапаса мин и снарядов по заранее пристрелянным целям. В назначенное время позиции немцев накрыли тысячи разрывов мин и снарядов.

Через тридцать минут после огневого налета запасы мин и снарядов были полностью восстановлены.

В три часа утра 5 июля снова последовал приказ расстрелять половину боезапаса. Каждый огневой налет длился по два часа. Грохот выстрелов сливался в один гул, над позициями врага стояло сплошное зарево разрывов. Человек человека не мог слышать даже на самом близком расстоянии.

В результате этого упреждающего удара артиллерии было выведено из строя много живой силы и техники противника, нарушено управление войсками. И самое главное, мы дали знать: это вам, господа фашисты, не сорок первый год!

Еще не успели отстреляться некоторые наши батареи, как на нас обрушился шквальный огонь артиллерии и минометов противника. Артподготовка продолжалась два часа, после чего появились четыре колонны танков. Конца им не было видно. Головными шли “тигры” и “пантеры”, новейшие танки, введенные в бой впервые. Затем двинулось несколько тысяч вооруженных до зубов фашистов. Сотнями и сотнями налетали на нас немецкие самолеты, сбрасывая смертоносный груз. Началось небывалое сражение. Но мы держались.

Во второй половине дня на узком участке соседней дивизии немцы прорвали оборону и продвинулись до 10 километров в район Прохоровки в направлении Курска. Наша стрелковая дивизия не отступила ни на метр. Только правый фланг пришлось развернуть и 6 июля принять удар немцев по этому флангу.

Нашей батарее пришлось перенести огонь вправо, совершенно в другом направлении. Надо было выбрать новый наблюдательный пункт, это входило в мои обязанности. Однако в дыму и огне, когда всюду слышится гул моторов и разрывов, трудно определить переднюю линию обороны, особенно ночью. Но мы различали скорострельность и звук выстрелов своего и немецкого оружия, работу моторов самолетов и танков, это помогало. Бывали и трудности: узнаем огонь немецкого оружия, а разговор русский. Это впервые действовали против нас предатели-власовцы.

За семь дней и ночей ожесточенных боев я потерял многих своих товарищей, а те, кто остались, с трудом узнавали друг друга - так почернели, обгорели, охрипли, изменились в лице.

12 июля в районе Прохоровки разгорелось самое крупное в прошлой войне танковое сражение, в котором участвовало с обеих сторон более тысячи танков. Это было справа от нас. Мы могли бы помочь огнем своих батарей, но в дыму и огне было очень трудно отличить наши танки от чужих. Наша задача была отсекал от танков пехоту противника и уничтожить ее. И мы ее выполнили. Сражение закончилось в нашу пользу.

За остановку наступления и разгром немецко-фашистских захватчиков под Белгородом приказом Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина 23 июля 1943 года нашей дивизии, как и многим другим, была объявлена благодарность, а 5 августа была снова объявлена благодарность, и Москва впервые

сальтовала победителям артиллерийскими залпами.

Сломив сопротивление противника, наша дивизия развивала наступление на Харьков и 23 августа, зайдя с фланга, овладела Харьковом, за что получила благодарности Верховного Главнокомандующего. Так завершилась Курская битва, продолжавшаяся пятьдесят дней.

Спустя месяц мы освободили Полтаву, 29 сентября - Кременчуг и левее города форсировали Днепр. Копать окопы глубже метра было опасно, были обвалы и жертвы. Переправлялись через Днепр ночью - на бревнах, воротах, столбах от забора. Было несколько лодок, но они использовались для транспортировки боеприпасов, а на обратном пути забирали раненых.

Наш наблюдательный пункт находился очень близко от немецкой обороны. Артиллерийский огонь противника нам был не опасен, зато пулеметы и снайперы держали нас на прицеле постоянно. Наблюдение вели при помощи стереотрубы и перископа. Батарея вела огонь по противнику по нашим сигналам. Связь была нарушена, телефонисты ранены. Через две ночи командир батареи послал меня на огневую позицию батареи, которая находилась сзади нас в пятистах метрах. Надо было узнать обстановку, взять боеприпасы и продукты.

Прибыв на место, я увидел страшную картину: вокруг батареи на брустверах окопов лежало несколько десятков убитых фашистов, здесь же погибший в схватке командир дивизии генерал-майор Говородненко и много моих боевых товарищей, среди них мой хороший друг, земляк, с которым я воевал с декабря 1941 года, Константин Кунгурцев из деревни Малосередкино. Сердце мое сжалось от боли. Подвел грустный итог: нас в одно время было призвано в армию Мостовским военкоматом 176 человек, а сейчас, после гибели Кунгурцева, осталось всего четверо.

Как оказалось, нашу батарею штурмовала группа фашистов с задачей закрепиться, создать плацдарм на нашем берегу. Враг понес большие потери, а продвинуться не смог.

Тем временем левее нас был построен большой понтонный мост. По нему переправились войска и отбросили противника на запад.

10 февраля 1944 года нашу часть ввели в прорыв на Корсунь - Шевченковском направлении, при этом освободили рай-

онные центры Звенигородка и Шпола. Передовые танковые части нашего 2-го Украинского фронта, которым командовал генерал И. С. Конев, соединились с войсками 1-го Украинского фронта в районе Белая Церковь. Таким образом, завершилось окружение Корсунь-Шевченковской группировки противника. Здесь было уничтожено 55 тысяч гитлеровских солдат и офицеров, 18 тысяч попали в плен.

Наступление мы вели в исключительно тяжелых условиях. Была весенняя распутица. Солдаты помогали лошадям тянуть пушки, повозки. Гражданское население просили помогать переносить боеприпасы, и никто не отказывался. Вместе с нами, по колено в грязи, несли груз девушки, молодые и пожилые женщины, старики. Все хотели скорейшего разгрома врага. Я видел девушек и женщин, у которых на первом километре разваливалась обувь, но никто не бросал груз. Обматывали тряпками и веревочками ноги и шли вперед, утопая в грязи, перемешанной со снегом.

Преодолевая все, мы упорно шли вперед. 26 марта 1944 года с ходу форсировали Днестр, стремительным броском освободили город Бельцы и первыми из войск фронта вышли на государственную границу.

За рубежом нашей Родины враг стал сопротивляться еще яростнее. Дивизия участвовала в уничтожении Яско-Кишиневской группировки противника, а затем развивала наступление в направлении на Бухарест. 31 августа 1944 года мы были в Бухаресте. Дивизии было присвоено звание Бухарестской.

Город за городом освобождая Румынию, 9 декабря форсировали Дунай. Так закончился 1944 год.

В 1945 году мне в составе 375-й пехотной дивизии пришлось с тяжелыми боями продвигаться через Малые Карпаты, Альпы. Преодолевали один рубеж за другим, ломали сопротивление врага. 13 февраля 1945 года фланговым ударом овладели Будапештом - столицей Венгрии.

Вспоминаю такой случай на подступах к Будапешту.

10 февраля 1945 года по указанию командующего 2-го Украинского фронта Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского была создана группа разведчиков - артиллеристов для того, чтобы пробраться болотом в тыл врага и корректировать огонь наших батарей, нацеленных на уничтожение немецкой артил-

лерии, мешавшей нашим войскам совершить маневр в обход Будапешта. В эту группу из 15-ти человек входил и я. Командовал группой командир 932-го артполка майор Фустич.

11 февраля на рассвете мы благополучно достигли намеченного места, расположенного на опушке леса в пятидесяти метрах от дороги. Вот по дороге прошла кухня, затем несколько повозок с боеприпасами в сторону переднего края обороны немцев. Когда совсем рассвело, мы засекли все подходы к фронту, командные пункты, батареи противника. Все тылы были видны, как на ладони, такое нечасто бывает на войне. Затем заняли круговую оборону, так как прекрасно знали, что немец должен засечь нашу рацию. Мы также знали, что через час после выхода нашей рации в эфир пойдет пехота штурмовать высоту, мешавшую нашему продвижению.

В пять часов утра вызвали огонь наших батарей по огневым точкам противника, сделали небольшую корректировку - снаряды и мины стали ложиться точно по целям. Скоро услышали дружное "Ура!" нашей пехоты. Немцы, не выдержав удара пехоты, обратились в бегство. Первая группа фашистов, человек 20-25, бежала в мою сторону. Вскоре шестеро из них свернули в лес. Подпустив бегущих метров на 15-20, мы с другом выскокили из укрытия с криком:

- Хенде хох!

Немцы опешили. И огня не открывали, и руки вверх не поднимали, а смотрели на моего друга. Я обернулся по направлению их взглядов и увидел, что мой друг убит, очевидно, выстрелами из леса. Это действовала та шестерка, что отделилась от группы. Я оказался между двух вражеских групп. Спасти меня могли только решительные действия. Я дал короткую очередь над головами немцев, они побросали оружие. Только один с пулеметом сверлил меня глазами бешеного зверя. Пришлось его срезать из автомата. Пленные успокоились. Прикрываясь ими, я повел фашистов в лес.

Спустя 10-15 минут появились те шестеро немцев, что убили моего товарища. Нарушая правила и законы войны, я без предупреждения разрядил по ним весь диск из автомата: "Получайте, гады!".

В течение последующих двух часов я встретил еще несколько групп фашистов. Большое поле, где рвались наши мины и

снаряды, было усеяно трупами гитлеровцев. Было много уничтожено техники. Все пушки и минометы врага были разбиты или подавлены. За эту операцию многие из нас были представлены к наградам. Я был награжден орденом Славы III степени.

Победу встретил в Праге. А многие мои товарищи не дожили до этого дня.

Когда было решено провести в Москве парад Победы, начался отбор его участников. По представлению командиров дивизий кандидатуры утверждались командующими фронтами. Из состава нашей дивизии было отобрано семь человек, наиболее отличившихся в боях и имевших не менее четырех боевых наград. В это число попал и я. Нас лично проверяли командующий фронтом Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский и начальник штаба фронта генерал М. В. Захаров.

27 мая нас под звуки духового оркестра усадили в вагон. Радости не было предела, мы как будто заново родились. Ведь позади было более 1000 огненных дней и ночей.

На границе нас приветствовал духовой оркестр Московского гарнизона. 2 июня поезд прибыл в Москву. Тысячи москвичей встречали нас. Нашему сводному полку 2-го Украинского фронта отвели место для занятий в парке культуры и отдыха Сокольники.

3 июня в шесть часов утра мы вышли на первое строевое занятие. Не прошло и получаса, как наш полк попал в окружение... тысяч москвичей. Восторженные люди поломали наши ряды, стали обнимать и целовать нас, как самых близких родственников. Со слезами признавали в нас то сына, то брата, то отца, то мужа, хотя мы были только их товарищами по борьбе. Занятие наше было сорвано, но никто об этом не жалел. Плакали не только гражданские, но и мы, разучившиеся плакать за войну. Мы понимали, что этим людям Гитлер нанес такую рану, которую никогда не залечить.

После этого строевые занятия перенесли на два часа ночи. Занимались лишь по два часа в сутки. Остальное время было отведено для встреч с трудовыми коллективами.

Общее построение и проверка всех сводных полков были проведены на одном из аэродромов Москвы, а 22 июня - на Красной площади.

И вот настал день парада Победы - 24 июня 1945 года. Крас-

ная площадь видела более ста различных парадов, но этот был единственным в своем роде. И я хочу, чтобы он и остался единственным, чтобы никогда больше не было войны.

Мы шли торжественным маршем мимо мавзолея В.И. Ленина и рапортовали правительству, народу, что враг разбит, победа за нами. Мне в то время было 23 года. Во главе нашего сводного полка шел Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский. А уж к параду готовились, как женихи к свадьбе. Каждая складка мундирчика устранена, все пуговицы, медали и ордена до зеркального блеска надраены, сапоги словно лаком отполированы. От волнения и не упомню, как по брусчатке каблукми простучал. Помню, что шел я в роте автоматчиков, представителей нашего фронта, в третьем ряду и третьей шеренге. Да и то лишь потому, что места эти были много раз оговорены накануне, а во время репетиции отработаны. Словно во сне, пропечатал шаги, возле Мавзолея, вглядываясь в лица членов правительства...

Ну а об остальном, теперь, каждый школьник знает. Парадом командовал Рокоссовский, принимал парад Маршал Жуков.

Но мало кто знает, что после парада был организован торжественный прием фронтовиков у Иосифа Виссарионовича и в других местах, с другими видными деятелями партии и правительства.

После этих торжеств каждому из нас был предоставлен месячный отпуск.

Вот уже 56 лет минуло с той исторической даты, а Парад Победы, послуживший предтечей мирной, созидательной жизни советских людей, не перестает волновать не только нас его непосредственных участников, но и всех, кто нес эту победу для будущих поколений на всех фронтах и в тылу.

Я уже не надеваю парадный китель, в котором шел по брусчатке столицы – он хранится в районном музее – из бывшего юноши превратился в отца, деда и прадеда.

Горжусь и тем, что вырастил двух дочерей и сына, которые подарили мне трех внучек и внука. У меня уже и правнучка появилась. Одним словом – жизнь продолжается и будет продолжаться вечно, если не будет больше все уничтожающих битв на планете.

Михаил Алексеев

МЫС ЛЮБВИ

Михаил Петрович Алексеев родился в 1922 году в д.Б.Дюрягино Шумихинского района. В рядах Советской Армии с 1940 по 1945 год. Воевал на Северо-Кавказском фронте, 1 Белорусском, в Заполярье. Был дальномерщиком береговой артиллерии, автоматчиком, командиром отделения топографической разведки легендарных «катюш». Тяжело ранен. Награжден орденом Красной звезды, Отечественной войны I степени, медалями «За оборону Кавказа», «За оборону Советского Заполярья», «За взятие Берлина». 37 лет отдал педагогической работе в Благовещенской школе Шумихинского района.

Пробыв положенное время в сочинском санатории, взял билет на автобус до конечной остановки. Дорога мне знакома ещё по военным годам. По ней уже дважды приходилось ездить. Первый раз - на фронт, потом обратно - в госпиталь. Длинная дорога, извиваясь, идет у самого берега моря. Справа отвесные скалы, близко подступающие к берегу моря, слева - голубое, ласковое в тихую погоду море. В некоторых местах из-за высоких деревьев и кустарников береговая линия не видна.

Вот и станция Лазаревская. В апреле 1943 года нас, раненых, везли в госпиталь, подальше от фронта. Здесь делали небольшую остановку. Запомнилось раннее утро. Женщины, проводив скот в табун, возвращались по домам. Увидев нас,

перевязанных бинтами, покачали головами, поговорили между собой и разошлись. Но вскоре вернулись с бутылками парного молока. Как вкусен и целебен был для нас этот напиток! Как благодарны были мы этим пожилым женщинам!

Плавно бежит автобус, а память то и дело возвращает к давно минувшим дням.

Рядом со мной сидит женщина. Разговорились. Она - жительница Новороссийска. Рассказал, что я - защитник города в годы войны. Там находилась наша зенитная батарея. Недолго думая, она сказала:

- А, это на Мысе любви.

Это насторожило меня, но расспрашивать об истории названия не стал, посчитав это неудобным. И мысль мелькнула: «Буду на месте, там и разберусь».

Уже в сумерках проехали курортный город Геленджик, станцию Кабардинку. С ними тоже связаны воспоминания давно минувших дней.

Но вот и знакомая Цемесская бухта: спокойная и ласковая в тихую погоду, грозная, разъяренная, как дикий зверь, когда с гор подует холодный ветер-бора. Вдали множество огней: в городе и на кораблях в порту.

Они отражаются в море. С высоты перевала, по которому идет автобус, зрелище прекрасное. Его чарующая красота, прилив воспоминаний - кружат голову.

Рано утром берегом бухты иду на дорогой мне маленький кусочек земли. Вот городской пляж, а за ним и мыс, место расположения нашей батареи. Сердце учащенно бьется, ног не чувствую. Быстрее хочется к желанному месту. Но картина совсем другая. Нет двухэтажного кирпичного здания, нет складов, да и прилегающая улица изменилась. Все объяснимо, ведь здесь же были упорные бои. Рядом проходила линия обороны десантников «Малой земли».

Оглядываюсь во все стороны в надежде отыскать признаки того, что здесь была батарея в годы войны. Но никаких следов. Настроение падает.

Становится теплей и людней. Прихожу понемногу в себя. Гляжу внимательно по сторонам. К памятнику погибшим рыбакам, что стоит здесь, сходятся дорожки, и на всей площади мыса растут невысокие декоративные кустики, стоят скамейки

для отдыхающих. Рядом - море. А над всем этим ласковое южное солнце. Картина прямо противоположная той, какая мне была знакома в годы войны. И все встает на свои места. Не надо никого расспрашивать об истории названия этого места. Молодые люди, видимо, облюбовали этот мыс, и он стал любимым местом их отдыха, местом встречи влюбленных. А отсюда и название - Мыс любви.

Жадно всматриваюсь в лица пожилых мужчин: не пошлет ли судьба знакомого человека? Увы. Война, годы вряд ли кого оставили в живых. Подхожу к набережной. Какое-то непонятное чувство овладело мной: и радость, что вновь я здесь, и неудовлетворенность, что не с кем разделить свою радость.

Облокотившись на парапет, всматриваюсь в голубые воды бухты. Стоит редкая для этих мест тишина. Проходят мелкие суденышки. Вдали виднеются рыбацкие шлюпки. Слева городской пляж, много отдыхающих. Да и здесь, прямо внизу у берега, купаются дети, подалее от берега заплывают взрослые. Некоторые, раздевшись, просто греются под жаркими лучами южного солнца. Все тихо, мило, приятно. Кажется, вечно было так. Но нет, память возвращает меня к временам далекого 1941 года.

Шёл июль. Мы, молодые краснофлотцы из многих береговых батарей Новороссийской военно-морской базы, в один яркий солнечный день появились здесь, чтобы как можно быстрее построить зенитную батарею. Нужно было вырыть котлованы для установки пушек, командного поста, для дальномера, прибора ПУАЗО, артсклада.

Грунт - сплошной камень. Ломами, кирками, клиньями вгрызаемся в него. Работаем почти световой день. Подъем в 5 часов. До завтрака успеваем хорошо поработать. Никто не говорит о трудностях. Время-то какое. Враг идет по Украине. Сводки Совинформбюро не радуют, но трудимся на совесть. Южное солнце нещадно палит. В короткие минуты отдыха бросаемся в воды моря. Смыв пот и грязь, вновь за работу.

К началу сентября работы закончили. Установлены корабельные трехдюймовые пушки. Батарея вступила в строй действующих и получила полное название: 40-я зенитно-противокатерная батарея.

Когда шло строительство батареи, а их много устанавливалось по берегу бухты и на склонах гор, фашисты делали только

разведывательные полеты. Но вот появились над городом «юнкерсы». Ночью и днем бомбят они заводы, порт, город. В одну из ночей как факел сгорел от зажигательных бомб драматический театр. Разрушены корпуса цементных заводов. Злость на врага сжимает сердца.

Наша батарея очень заметна. Мыс углом вдается в бухту - ориентир, хороший. В яркий солнечный день, зайдя со стороны солнца, стая самолётов набросилась на батарею. От фюзеляжей отрываются чёрные болванки смерти. Проходят считанные секунды, и мощные взрывы сотрясают батарею. Некоторые бомбы рвутся у самого берега в воде, и фонтаны поднимаются как водяные столбы. Брызги воды недолго держатся в воздухе, а вот пыль и гарь в безветренную погоду быстро не рассеиваются.

Но вот налет закончен. Осматриваем батарею. Одна из бомб разорвалась не более чем в четырех метрах от первого орудия. Никто не пострадал, и орудие уцелело. Не зря трудились: орудия в котловане не так-то просто уничтожить.

В другой раз с самолета было сброшено взрывное устройство. Прогрохотал взрыв огромной силы. К счастью, опять не было прямого попадания. Этот «подарок», видимо, предназначался для корабля, но, не найдя цели в бухте, фашистский летчик сбросил его на нас.

Попадания не было, но пострадало здание, в котором мы жили. Побило часть бойцов, которые не принимали участия в отражении налета. Территория батареи покрылась слоем черного пепла.

С приближением линии фронта налеты авиации участились, шли и днем, и ночью.

В мае 1942 года четыре человека с батареи, и я в том числе, были направлены в школу младших командиров. Недолгие минуты прощания. Наше дружное отделение дальномерщиков состояло из пяти человек, и трое - с курганской земли. Один из нас, Венедикт Маркович Андреев, позднее стал знаменитым разведчиком. Как ни трудно, ни опасно было, а грустно расставаться с друзьями, сплоченными тяжелым трудом, опасностью и общей целью.

Учеба в военной школе, затем фронт, теперь уже в составе 81-й бригады морской пехоты. Пришлось отбиваться от насе-

дающих немцев на северных склонах Кавказских гор. Уже больше месяца шли изнурительные бои местного значения. Апрель пришел в долины с солнцем, порадовал солдат теплом и первой зеленью. В природе все пробудилось к жизни. А наше командование готовило очередное наступление.

Ротный приказал мне взять с собой бойца и ползти к немецким окопам. До них метров триста. Где-то там, напротив роты, немцы замаскировали пулемет: надо вызвать огонь на себя, чтобы засечь его координаты.

— Шумите, не стесняйтесь, — советовал командир. — Ползайте вдоль траншей, пока фрицы по вам стрелять начнут. Услышите пулеметные очереди — возвращайтесь, идите прямо на ужин и отдыхать. — Говорил ротный спокойно. Такая «игра» со смертью на войне — обычное дело, как и сама смерть.

Преодолели овраг короткими перебежками. Ящерицами выскользнули из него в низкорослый кустарник. Вот они, немецкие окопы. Сторожко молчат. Все сжалось в груди. Земля, как магнит, притянула к себе, не пошевелиться. Тепло под солнцем. Жиденькая зелень листочков над головой. И тишина. Но это притяжение жизни надо преодолеть. И исполнить приказ — вызвать огонь на себя. Значит, надо ползти. Ползти так, чтобы услышали! И разум побарывает тяжесть страха в теле. Ползем вдоль вражеской линии обороны, позвонкивают котелки, стволы автоматов царапают кустарник. И немцы услышали. Вот уже стволы винтовок и автоматов ложатся на бруствер. Пулеметный рык разрывает напряжение. Пули режут над головой молодую зелень кустарника. «Так вот ты где окопалась, скорострельная смерть! Теперь берегись!»

Скатываемся в овраг. А немцы всполошились, ударили из минометов. Густо ложатся разрывы. И чувствую: теперь безнаказанно не уйти. Вой над головой вжимает в землю, а близкий разрыв подымает и несет.

Очнулся, боль и звон в голове. Перед глазами все плывет и кружится. Собрав все силы, поднялся и, волоча автомат, побрел к своим.

Из полевого госпиталя на станции Кабардинка повезли машинами в Геленджик. Каждый ухаб дороги выбивал из сознания. Очнулся, когда началась выгрузка. Госпиталь находился в каком-то бараке на взлобке у моря. Попросил, чтобы поддер-

жали. Солнечные лучи миллионами искр разбивались на морской глади. Они, кажется, светили мне и когда шла операция.

Город и порт бомбили по несколько раз в день. Раненых увозили на кораблях в другие, наверное, тихие города. Десятого апреля грузили раненых на огромный транспорт. Санитары подошли к моей койке и не решились брать. Оставили, как безнадёжного, чтобы место на корабле досталось другому. Уходя от боли в беспамятство, все же услышал прощальный гудок парохода.

А через день в госпиталь привезли несколько десятков раненых, подобранных в море. Те рассказали, что немецкие “юнкерсы” потопили транспорт. Несколько тысяч беспомощных людей ушли на дно.

А я все-таки победил безнадёжность и смерть. Месяца через два вышел из больничной палаты на взлобок к морю. Оно, как и прежде, искрилось миллионами солнечных улыбок и звало к себе.

Теперь каждый раз при встрече с морем я слышу тот протяжный корабельный гудок, все во мне замирает, и слезы невольно прожигают ресницы.

Венедикт Андреев

В ОТРЯДЕ МОРСКОЙ РАЗВЕДКИ

Венедикт Маркович Андреев родился в рабочем посёлке Лебяжье в 1921 году. Весной 1940 года призван служить на Черноморский флот. Был артиллеристом береговой обороны города Новороссийска. С 1942 года воевал в составе особого отряда разведки Черноморского флота “Сокол”, затем в отряде разведки Дунайской флотилии.

За мужество и доблесть в боях награжден двумя орденами Красного Знамени, орденами Красной Звезды и Отечественной войны 1-й степени, медалями “За отвагу”, “За взятие Будапешта” и другими.

После войны работал директором Дворца культуры строителей, а с 1962 года возглавлял объединенный комитет профсоюзов треста “Курганпромстрой”

В память о его боевых подвигах один из кораблей дизель-электрочудов класса река-море носит имя “Венедикт Андреев”.

Военная служба забросила меня, паренька со станции Лебяжья-Сибирская, в прекраснейший город Новороссийск. Попал в береговую оборону Черноморского флота. Нравилась служба и город, да война все смешала вдруг, смерчем закружила над страной и над нашими головами. По прошествии многих лет самому кажется невероятным, как удалось пройти через этот ад – и уцелеть.

Когда нашу батарею немецкие летчики буквально изгвозди-

ли бомбами, попал я в особый разведотряд Черноморского флота “Сокол”. В его составе прошел через всю войну, пришлось участвовать во многих десятках сложнейших разведывательных операций. Например, мы готовили разведданные для высадки десанта Цезаря Куникова на Мысхако, на так называемую “Малую землю”. Семь раз переправлялись туда, чтобы подробно выяснить систему немецкой обороны, места, где безопаснее высадиться морским пехотинцам, и десант удался.

Затем в районе “Соленых озер” обнаружили и уничтожили сверхдальнобойные пушки фашистов. Десантировались с самолета в район Ялты и несколько месяцев осуществляли радионаводку нашей авиации на немецкие военно-морские транспорты и береговые укрепления.

Можно много рассказывать, сегодня, может быть, читать об этом даже интересно. О том, как мы в Будапеште, например, из-под земли “добыли” и доставили в штаб флотилии важного гитлеровца. Об этом случае даже снят кинофильм. Когда же мы, участники этой операции, вспоминаем про этот поход под Буду, то и сейчас в дрожь бросает.

А дело было так. В декабре 1944 года мы стояли в пригороде Будапешта. Шли жесточайшие бои. Город был исключительно подготовлен немцами к оборонительным боям. Гитлеровцы считали его неприступным. Они создали свыше ста мощных узлов сопротивления.

Под новый год гитлеровское командование, стараясь поднять дух офицерства, запланировало для них в ресторанах, барах и казино города торжественные вечера. А нам удалось захватить одного из офицеров-интендантов, у которого оказался перечень этих “злчных” мест, отведенных для торжества. На карты обстрела наших артиллеристов были нанесены эти объекты, и за пять минут до момента начала нового года они послали туда новогодние “подарки”. Сотни гитлеровцев были уничтожены.

Бои за Будапешт осложнялись и тем, что советские войска получили задание не только освободить от гитлеровцев столицу Венгрии, но и сохранить по возможности уникальные архитектурные памятники этого красивейшего города. А для этого нужно было точно знать места важных узлов обороны и сопротивления фашистов. Разведчики многих частей пытались проникнуть за передовую линию обороны немцев, но это не удава-

лось. Круглосуточно просматривался и находился под прицелом каждый метр местности.

Задание возложили на нас, на разведчиков отряда “Бороды”. Наш командир Виктор Калганов носил роскошную бороду, поклялся не брить до полной победы над врагом. В задачу нам ставилось: проникнуть в район Крепостной горы, где находился штаб немецкой группировки, взять там “языка”-штабиста, знающего замыслы гитлеровцев на перспективу и расположение узлов обороны города.

Уже несколько суток мы, матросы “Бороды”, сменяя друг друга, вели наблюдение за противником, замаскировавшись у танка, подбитого на ничейной земле. Но нащупать лазейку никак не удавалось. Идея родилась неожиданно. Разгребая снег у танка, Виктор Калганов вдруг наткнулся на канализационный колодец, прикрытый люком. “А что если попробовать пойти “в гости” к немцам не по земле, а под землей, через канализационные трубы?” – мелькнула у него мысль. Командир сбросил чугунную крышку и опустился в колодец. Труба диаметром чуть больше метра уходила в сторону противника.

Идею “Бороды” одобрили в штабе. Но нужна была схема коммуникаций канализационной системы. Пришлось искать специалиста. Надо сказать, люди откликались на наши просьбы, когда речь шла о сохранении города. Через венгерских товарищей нашли старичка, бывшего инженера управления канализационных систем города. Он нанес на карту схему труб и смотровых колодцев. Два из них располагались в нужном районе, близ Королевского дворца.

Шестого февраля в десять часов вечера две группы спустились через смотровой колодец и по канализационной системе ушли под Буду. С командиром отряда Виктором Калгановым шли Малахов, Никулин и югославский партизан Любиша Жоржевич. В мою группу вошли Глоба, Чхеидзе и Коцарь. Более трех часов пробирались мы по колено в холодной вонючей жиже, где согнувшись, где на четвереньках, чуть высвечивая дорогу электрическим фонариком, задыхаясь от смрада даже в противогазах. Ломило спины, сводило ноги, тошнило. Казалось, этому аду не будет конца. Мы выбивались из последних сил, шли, чтобы хоть где-нибудь разогнуться.

Наконец, вышли к намеченному колодцу. Выпрямились в

рост, сбросили противогазы. Чтобы не упасть от головокружения и потери сил, поддерживали друг друга. Передохнув, попробовали открыть люк. Крышка примерзла и не поддавалась. Пришлось на приклад автомата надеть шапку, чтобы приглушить стук и попытаться сбить чугунную плиту с места. На наше счастье от ударов она поддалась.

Я приподнял крышку и осмотрелся. Шел крупный, пушистый снег. Перед глазами маячила церквушка, чуть в стороне какой-то памятник. Да, это была площадка у церкви Магдалины. Труба привела нас к цели. Поблизости никого. Мы друг за другом выбрались из колодца и скрылись в подъезде дома.

Больше часа длилось ожидание. Промокшие в трубах, мы начали замерзать теперь от холода. Наконец, показались два немца. Они шли спокойно и разговаривали. Один высокий в длинной шинели и офицерской фуражке, второй – среднего роста, полнеющий, в кожаном пальто и форменной шапке с козырьком.

Удар приклада Василия Глобы пришелся длинному по затылку. Второго я подмял под себя. Подоспел Алеша Чхеидзе и забил в рот фашисту мокрую варежку. Подхватив добычу, мы бросились к люку.

Когда на дне колодца осмотрели пленных, оказалось, что длинный мертв. Взяли его документы. Это был оберштурмфюрер Вейс из мотодивизии СС “Фельдхернхалле”. Вторым был майор из штаба 239-й бригады штурмовых орудий.

Пленный никак не хотел лезть в трубу. Пришлось крепко дать ему по загривку, силой нагнуть голову и втолкнуть в трубу, потом постоянно подталкивать сзади. Через сотню метров фашист стал задыхаться, впадал в беспамятство. Пришлось Алеше Чхеидзе пожертвовать ему свой противогаз. Теперь матрос сам стал задыхаться и терять сознание. Глоба и Чхеидзе шли в противогазе поочередно.

Дорога домой была ещё трудней. Пришлось собрать все оставшиеся силы. К люку у танка добрались лишь к утру.

С удачей вернулась и группа Калганова, взявшая в плен обер-лейтенанта из оперативного штаба Вильденбруха.

В штабе флотилии фашисты клялись рассказать все, но чтобы только им немедленно предоставили ванную и чистое бельё. Майор то и дело восклицал:

- Неужели я выбрался живым из этого ада! Нет, это хуже,

чем преисподняя! Лучше застрелиться, чем испытать такое!

Отмылись в бане и мы. Всю нашу одежду и все “доспехи” тут же сожгли, чтобы не затащить в отряд заразу. Напаренные и натертые тройным одеколоном, выпившие свою боевую норму, мы спали богатырским сном в своей землянке целые сутки.

Пленные оказались на редкость ценными “языками”. Оборона фашистов, их дальнейшие планы и намерения больше не были секретом для нашего командования.

Тринадцатого февраля, после мощного удара авиации и артиллерии по опорным узлам обороны немцев, штурмом был взят Будапешт, разгромлена почти двухсоттысячная группировка противника.

К середине марта весна окончательно взяла власть в свои руки. Парила под солнцем земля. Дунай качал на своей груди последние льдины. Война, несмотря на распутицу, катилась к границам Австрии. На башнях танков и самоходок, на бортах катеров появились надписи: “Даёшь Вену!”. Но до австрийской столицы было ещё далеко.

Чтобы лишить наступающие советские войска поддержки Дуная, гитлеровцы густо начинили реку минами и в довершение ко всему взорвали железнодорожный мост близ Эстергома. Рухнувшие фермы стальным забором перекрыли Дунай. Немецкое командование считало, что эту преграду краснофлотцам не перескочить, и все внимание сосредоточило на суше.

Наш отряд получил задание штаба флотилии найти в преграде брешь. Две ночи “купались” мы между стальными фермами, согреваясь спиртом, и снова лезли в ледяную воду. И все-таки нашли проход между третьим и четвертым быками. Сорванный взрывом с четвертой опоры моста конец фермы, упав, ушел на большую глубину. Между ним и бетонным быком образовалось небольшое, но достаточное расстояние, чтобы прошел бронекатер. Надо было только очень искусно и точно вести корабль.

Калганов нарисовал схему прохода и передал ее командованию. А сами мы в ночь проведения операции пробрались на фермы взорванного моста. Когда корабли приблизились к завалу, разведчики карманными фонарями высветили точное место прохода. Десант успешно миновал стальную преграду и высадился в тылу обороняющейся немецкой группировки. Сопровождение фашистов было сломлено, дорога на Вену открыта.

Стремительно продвигались моряки-дунайцы на запад. В словацкий город Комарно наши разведчики ворвались в тот момент, когда фашистские саперы уже подожгли бикфордов шнур, ведущий к фугасам, заложенным под мостом, соединяющим Комарно с венгерским городом Комарно. Под градом немецких пуль разведчики оборвали горящий шнур, спасли мост от взрыва.

Зато как горячо встречали нас словаки! Матросов буквально несли на руках. Каждому хотелось поздороваться, угостить братушек из собственных рук, подарить что-нибудь на память или хотя бы несколько шагов пройти рядом. Энтузиазм комарновчан превосходил все высоты возможного гостеприимства.

В начале апреля началось наступление на Вену - последний оплот фашистских войск на Дунае. Решено было высадить флотский десант в центр города, у моста Рейхсбрюкке, чтобы парализовать оборону немцев, не дать им взорвать эту единственную артерию, соединяющую берега могучей реки. Мост надо было сохранить как стратегическую переправу для дальнейшего продвижения наших войск на запад и как уникальный архитектурный памятник, гордость и украшение Вены.

После нашей разведки десант моряков среди белого дня был ошеломляющим и непредвиденным для фашистов. Катера прорвались к цели, ведя огонь из всех видов оружия. Они высадили матросов и пехотинцев на мост и оба берега Дуная, буквально на головы фашистов. И пришли на выручку вовремя. Немцам не удалось сбросить с моста десантников или взорвать его. Этот подвиг моряков-дунайцев и сегодня помнит благодарная Вена!

Боевой поход нашего разведотряда закончился близ немецкой границы, в городе Линце. Был пройден путь Измаил-Линц – более 2200 километров жестокой войны.

Война навсегда вписалась в мою судьбу. Здесь я обрёл много верных боевых товарищей, встретил свою любовь Марию Степановну – медсестру 369 отдельного Керченского батальона морской пехоты, испытанную войной, награжденную орденами Красной Звезды, Отечественной войны и многими медалями. С ней мы создали семью и вырастили наших добрых и благодарных детей.

Рассказ записал Геннадий Устюжанин, 1967 год.

Николай Иванов

**ЭТО БЫЛО
ПОД
БЕЛГОРОДОМ**

Иванов Николая Семёнович родился в крестьянской семье 19 декабря 1925 года в деревне Осиновка Притобольного района. Участвовал в боях. Был тяжело ранен, имеет награды.

В Красную Армию призвали меня в январе 1943 года. Я окончил 7 классов, что по тем временам считалось солидным образованием, и был направлен на учёбу в Урюпинское военно-пехотное училище, находившееся в Красных Казармах Перми. По плану после шестимесячного обучения должен был выпуститься лейтенантом и идти служить в действующую армию. Вышло всё иначе.

20 июня весь курс по тревоге построили и объявили об отправке на фронт. Прибыли в Белгород. Здесь пополнили одну из дивизий, воевавшую и понёсшую большие потери под Сталинградом. При распределении попал в противотанковую роту.

Прибыли к месту боёв пешком. Старослужащие бойцы встретили пополнение по-братски, опекали нас, по-своему охраняя жизнь несмышлёнышей. Прямо с марша пришлось рыть окопы. "Если требуется перекусить или воды попить только, - учили они. - Никакого отдыха, пока окоп в полный рост вырыт не

будет”. - И помогли в этом.

Я, 2-й номер противотанкового ружья, должен был по самые плечи врыться в землю, сам под два метра ростом, добрую окопину рыть пришлось. И как в воду старички глядели. Закопались - и немцы тут. Потом эти окопы не раз жизнь спасали.

После этого боя бросали нас снова на танковое направление. Окопались перед балкой. Ждём. Вскоре попёрли на нас танки, а следом пехота на бронетранспортерах пошла через балку. Только станут подниматься на наш склон, брюхо покажут – бьём из ружей всей ротой да ещё из трёх пушек “Прощай, Родина” – так сорокапятки называли. Поколотили немцев, что подбить не успели – отошли, и я стрелял. А от чьих выстрелов танки горели, сказать трудно. Все стреляли. И все радовались, если танк был подбит.

17 августа меняли мы позицию. С самолета немец нас обнаружил, накрыли гады миномётным огнём. Сзади меня мина разорвалась и осколками всего меня иссекло от затылка до пят. Целый день лежал на жаре под огнём, не могли вынести, подняться гитлеровцы товарищам не давали. Только ночью вынесли. Потом в госпиталях больше полугода лечился. Всё же одну ногу спасти врачи не смогли. Так и стал инвалидом ещё до своего 18-летия.

Мы, ветераны, особенно чутки ко всякой войне, ко всякой беде. Меня, например, до негодования возмущает, что в армии сейчас царит какая-то “дедовщина”. От чего это? Раньше нас, молодых, старослужащие всегда оберегали, учили воевать и уму-разуму. Ведь только в дружбе и взаимовыручке можно победить любого врага.

Алексей Галушкин

НА ФРОНТЕ БЕЗ ПЕРЕМЕН

Алексей Алексеевич Галушкин родился 28 марта 1917 года. Летом 1939 года работал на строительстве Сафакулевской школы, а 1 сентября был призван в ряды Красной Армии. Служил в 60-й танковой дивизии. На фронте с октября 1941 по декабрь 1942 года. Тяжело ранен, контужен, инвалид войны.

В первой половине октября 1941 года наша танковая дивизия была переброшена из Хабаровска под Тихвин и вошла в состав 4-й армии Северо-Западного фронта. Через три дня приняла первый бой. За месяц боёв дивизия потеряла три четверти личного состава и танков. Оказалась расчленённой на три части. Основная группа вела бои южнее Тихвина под станцией Неболичи, здесь находился штаб дивизии. Другая группа сражалась под Тихвином, третья – у Волхова.

Я при штабе дивизии обеспечивал взаимодействие штаба с подразделениями и соседними частями. В моем подчинении находились 5 посыльных. Для доставки пакетов использовали мотоциклы, но чаще всего отправлялись пешком.

Во время одного из отступлений часть дивизии со штабом оказалась в окружении. Девять дней, ведя оборонительные бои, танкисты пробивались сквозь авангарды противника. Линии фронта, как таковой, ещё не существовало, и нам удалось выйти к своим. В те дни впервые пришлось испытать голод и холод, испробовать мёрзлой сырой конины и такой же картошки, най-

денной в сгоревшей деревне. Зато при встрече, на радостях, съел полведра пшённой каши без всяких последствий. Мог бы ещё, но ведро отняли. Товарищи тоже не отставали.

Как ни печально, но нами тогда был оставлен город Будогощь, а 8 ноября без боя сдан Тихвин.

Вступивший в те дни командующим 4-й армией Мерецков сумел приостановить отступление. Месяц шли непрерывные бои за Тихвин и 9 декабря его освободили. Город лежал в развалинах. 21 декабря был освобождён и Будогощь.

В начале 1942 года наступление наших войск остановилось. Стало понятно, что немцев можно бить, но надо накопить силёнок. Теперь наш штаб находился в районе между населёнными пунктами Кириши-Оскуй. Обеспечивая постоянное взаимодействие подразделений со штабом дивизии, мои посыльные нередко погибали или выбывали по ранению.

Лето и осень 1942 года выдались ненастными. Зачастую для продвижения танков и техники строили дороги из подручных средств, мостили гати из брёвен. Землянки теплы. Чтобы поспать одним, дежурным приходилось откачивать воду из вырытой в полу ямы. Постоянные обстрелы, бомбёжки – фронтальная “норма”, затишье вызывало подозрение. Бытовые условия на фронте специфичны. Если с едой из котелка, раз-два в сутки или всухомятку можно смириться, то с отдыхом и вшами дело обстояло гораздо сложнее. Один раз в нашу землянку попал снаряд, к счастью, там в это время никого не было.

Все 14 месяцев, проведенных мной на фронте, судьба была благосклонна ко мне. Однажды лишь был сильно контужен, да снайпер во время доставки пакета прострелил мне валенок, слегка задев большой палец правой ноги. В тот день попали мы с посыльным под миномётный обстрел. Хотели укрыться в лесу, но не смогли. Пролежали с полчаса, а когда обстрел закончился, леса не узнали. Вместо деревьев торчали стволы без сучьев и вершин.

Однажды вручал пакет командиру батальона. Помню, он был в белом новеньком борчатом полушубке. Рядом разорвался снаряд. Осколок попал в спину комбату, от которого он тут же скончался, меня не задело.

Как-то над расположением штаба дивизии завязался воздушный бой. Его наблюдали минут десять. Нашему истребите-

лю удалось сбить немецкий самолёт, из которого выпрыгнул лётчик. Командир дивизии находился тут же и отдал приказ: “Взять живым”. Ловить парашютиста бросились оказавшиеся возле комдива офицеры и несколько человек из числа охраны штаба. Два человека в перестрелке погибли, двое или трое были ранены. Лётчика пленили.

Было немало курьёзных случаев. Ночью с сопровождающим доставляли пакет на передовую. В темноте не сориентировались и наткнулись на проволочное заграждение. Сработала “сигнализация” из пустых консервных банок, подвешенных на проволоку. Началась стрельба. Угодили в замаскированный окоп с заснувшим дозором. Сначала намяли друг другу бока, потом разобрались и разошлись с миром, в качестве доказательства предъявили пакет.

Пакет доставлять разрешалось только вдвоём: посыльный и сопровождающий. За нарушение я чуть было не угодил под трибунал. Срочно требовалось доставить донесение в соседнюю часть, но ни посыльных, ни сопровождающих не оказалось. Понёс один. По месту доставки офицер штаба заметил, что я без сопровождающего, за что меня тут же взяли под стражу. Только заступничество самого командира дивизии Попова спасло меня.

Как ни тяжелы были условия фронтовой жизни, но люди не болели. Случалось, замерзали, а болезни не брали. Правда, самому мне пришлось испытать нечто вроде депрессии. Пропал сон, аппетит, мучили головные боли. Вылечился просто: начальник штаба дивизии предоставил 3-х дневный отпуск при части. Отоспался вволю, отдохнул и хандры как ни бывало.

Война войной, было порой страшно, но и мальчишества, любопытства хватало. Как-то немцы сбили наш истребитель. Побежали с сопровождающим посмотреть, что с ним стало. Самолет упал в болотце и не взорвался. Он полностью ушел в грунт, сверху торчал пропеллер, за который мы попытались вытянуть самолет из ямы. Чудаки!

Возвращаясь однажды с доставки, угодили под артобстрел. Залегли. После окончания обстрела в нескольких шагах заметили блестящую болванку, размером с трехлитровую банку. Подошли, дотронулись до неё – снаряд был ещё горячий.

На фронте самые заветные для солдата желания: поесть, досыта выспаться и попариться в баньке – трудноосуществи-

мы. Но батюшка случай дал нам шанс. С посыльным возвращались на мотоцикле от соседей. Только что немцы бомбили село. Из всех построек уцелела только баня. Остановились посмотреть. Баня была только что протоплена, но ни одной души вокруг. Сказочно помылись, сменив бельё, заботливо припасенное чьим-то добросовестным каптенармусом.

На нашем участке фронта в мою бытность крупных операций не предпринималось ни с той, ни с другой стороны. До нового 1943 года оставались считанные дни. . . Варили на ужин с посыльными в котелке пельмени из фронтowej посылки. Непроизвольно произнес: “Придётся ли ещё когда пельменей отведать?” И как в воду глядел, 21 декабря штаб дивизии менял место дислокации. Немецкая “рама” засекала движение техники, и тут же начался обстрел. Снаряд разорвался недалеко. Взрывной волной мой мотоцикл ударило о проходящий танк. Очнулся только на другой день в холодном сарае. Кругом раненые и умершие. Кто просит пить, кто материт Гитлера, кто Сталина. Санитаров нет.

Долго ждали помощь. Наконец раненых погрузили в машины, повезли в тыл. Дорогой попали под обстрел. В шедшую впереди машину попал снаряд, долго переживали. Ехать тоже пришлось долго. Попал в госпиталь в город Люберцы. У меня оказалась сломана левая нога в голени, травмирована левая рука и самое страшное – пробита голова в основании черепа. Здесь меня поначалу признали дезертиром. Сделали снимок ноги, но, видимо, намного выше. Обозвали симулянтом, заставили встать. Тогда я согнул ногу в месте перелома, а очнулся уже в гипсе.

Нога под гипсом долгое время невыносимо чесалась. Настоял снять его. В этом месте кожи на ноге не было – всю съели вши. Сделали дезинфекцию и снова загипсовали. Лечить отправили в Кировскую область. Долго не мог пойти на поправку. Сильно болела голова, исчез аппетит. Так бы и не выкарабкался, но как ни странно, захотелось перед смертью выпить. Упрямил медсестру купить чекушку водки. Выпил и проспал около суток. После чего страшно захотелось есть. Кризис миновал. Зато замполит пытал меня, кто принес спиртное, пришлось отмалчиваться.

Выписали меня из госпиталя только в октябре 1943 года. Дали обмундирование 3-ей категории, новенькие английские ботинки, костыли и отправили долечиваться домой.

Сергей Чечулин

В ЕДИНОБОРСТВЕ С ТАНКАМИ

Сергей Яковлевич Чечулин родился 1 июля 1922 года в селе Сычево Кетовского района. Призван в армию в марте 1941 года. Воевал в истребительно-противотанковых частях. Прошёл дорогами войны от Волги до Праги. Был дважды ранен. Освобождал Венгрию, Чехословакию. После войны участвовал в операциях по разгрому бандеровских бандформирований.

За мужество в боях был награждён орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны 1 степени, медалями “За отвагу”, “За боевые заслуги” и другими.

Вся атмосфера в нашей стране в конце тридцатых годов была пронизана предчувствием войны с фашистской Германией. Но это не тревожило нас, молодых. Мы были уверены, что если враг посмеет развязать войну, он будет разбит малой кровью, могучим ударом. С таким настроением и душевным подъёмом я уходил на службу в Красную Армию в марте 1941 года.

Зачислили меня курсантом в 73-ю авиаэскадрилью, которая находилась в Кургане. Учились мы на лётчиков с большим желанием, в надежде при случае нападения на нашу Родину сражаться с врагом достойно, как это делали наши земляки лётчики, первые дважды Герои Советского Союза Григорий Кравченко и Сергей Грицевец, о подвигах которых в небе Монголии много тогда писали и рассказывали на политзанятиях. В таком

душевном настрое и застала нас война.

Всё круто изменилось. Курс учёбы в школе уплотнили. В августе мы уже сдали выпускные экзамены и были направлены в знаменитую в то время Качинскую Краснознамённую военно-авиационную истребительную школу имени Мясникова. Но окончить её мне не пришлось. Видимо, помешала обстановка на фронте. В числе большой группы курсантов я был направлен в 27-й запасной артополк. Там мы прошли очень ускоренную артиллерийскую подготовку. Старшим сержантом, командиром орудия я был зачислен в 14-ю истребительную противотанковую бригаду и в июне 1942 года попал на Воронежский фронт, где шли тяжёлые оборонительные бои, а немцы рвались к Волге, к Сталинграду.

Фронтовики знают, что такое артиллеристы-истребители танков. Это, чаще всего, прямая наводка, противоборство с танками и огонь – кто кого. У танков броня, маневр, у нас же – умение, хладнокровие, расторопность.

В одном из боёв в январе 1943 года меня ранило. Три месяца был на излечении в госпитале, а потом в составе 8-й истребительной противотанковой бригады участвовал в жесточайшем бою под Прохоровкой. Это сражение вошло в мировую военную историю, как жесточайшее. Здесь каждый, кто уцелел, считал себя счастливым, а я ещё за стойкость и мужество получил первую медаль “За отвагу”. Потом были бои по освобождению Белгорода. 5 августа мы его отвоевали. Был дан первый салют в Москве за всё время войны в честь этой славной победы. Радостно было оттого, что уцелели, не попятились перед напором гитлеровцев, да ещё перед строем товарищей награды нам вручали. Настроение у бойцов стало совсем иное. Поверили, что теперь мы немцев погоним.

В составе 7-й гвардейской армии генерала Шумилова мы теснили немцев к Днепру, а 25 сентября начали его форсирование у села Бородиевка. Наша батарея в числе первых была переброшена на правый берег вместе с пехотой. Окопались прямо под огнём противника. Несколько дней шли тяжёлые бои, немцы стремились столкнуть нас с занятого пятачка в воды Днепра, но не смогли. Много раз их пехота при поддержке танков и самолётов штурмовала наши позиции, но мы стояли насмерть. Да и куда было деваться? Меня ранило в тех боях, но

батарею я не оставил, ведь каждый из нас понимал, что по-другому просто нельзя. Большинство бойцов, участвовавших в первом эшелоне форсирования, были награждены. Я получил орден Красной Звезды.

За Днепром, после разгрома пресловутого Восточного вала мы снова с тяжёлыми боями двигались к нашей государственной границе. Форсировали Южный Буг, Днестр, вышли на реку Прут. Особенно тяжёлыми были бои по разгрому Яско-Кишенёвской группировки немцев. Бригада за умелые действия и напористость была удостоена ордена Красного Знамени, а за взятие города Клуж в Трансильвании получила почётное название “Клужской”.

Пришлось участвовать во многих боях на территории Венгрии, при освобождении Чехословакии. Чувствуя, что за спиной Германия, немцы упирались насколько могли. Но и у нас теперь был богатейший опыт в проведении войсковых операций и уверенность, что теперь мы точно загоним их в угол. После тяжелейших боев за город Брно мы освобождали Милгаву, Немецкий Брод. Известие о капитуляции немцев застало нас в 100 километрах от Праги. Но на нашем участке фронта и после 9 мая шли упорные бои. Крупная группировка немцев пыталась уйти в западные районы, которые были в руках наших союзников. В этой обстановке было особенно тяжело переживать каждую потерю товарищей. Но гитлеровцев мы всё-таки сломали”. Они 13-го мая сложили оружие.

Осенью 1945 года нашу бригаду вывели в район Львова. Пришлось участвовать в разгроме бандформирований бандеровцев. Трудные это были бои, с внезапными наскоками бандеровцев на мелкие наши гарнизоны и подразделения, с выстрелами с чердаков домов и из лесных массивов. Борьба эта чем-то напоминает нынешнюю обстановку в Чечне. Но со временем мы их “дожали”. Думаю, так случится в скором времени и на Кавказе. Нормальной человеческой жизни нет альтернативы. Люди хотят мирно жить, трудиться, растить детей. И эти простые желания людей необоримы.

Иван Киш

НА ВОЙНЕ ВСЁ БЫВАЕТ

Иван Александрович Киш родился 2 января 1921 года в деревне Мало-Мартино Макушинского района. Перед Отечественной войной был призван на службу в Красную Армию. Воевал на Северо-Западном, Карельском, Волховском, Ленинградском и 1-ом Белорусском фронтах. От рядового бойца 578-го саперного батальона дослужился до старшины, командира взвода 17-ой отдельной саперной штурмовой бригады. Был дважды ранен, контужен. Награжден орденами Красной Звезды, Славы, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, медалями “За отвагу”, “За боевые заслуги”, “За освобождение Варшавы”, “За взятие Берлина” и многими другими.

Прочитал в газете о пятерых братьях Мироновых, чьи имена вечной памятью вписаны на обелиске села Чинеево Юргамышского района, и озноб загулял по спине. Антон, Аким, Ефим, Иван и Михаил ушли на войну и пали там в жестоких боях. Ходить бы им по улицам села, детей растить. А буквы, запечатлевшие их имена, как живые души. Над обелиском голубое небо..., в домах живут люди, которых братья заслонили в смертельных схватках с врагом.

Размышляю об этом как фронтовик, как сын своей мамы, провозжавшей своих сыновей защищать от врага родную землю. Нас пятеро братьев — Афанасий, Василий, Семен, Виктор и я — провоевали на фронтах Отечественной войны “от звонка

до звонка” и все вернулись домой. Случай почти невероятный.

Мне довелось защищать Ленинград, Москву, многие города и посёлки, форсировать Ловать и Свирь, Вислу, Одер и Шпрее, участвовать в штурме Берлина. Но, кажется, никогда не было так тяжело, как в первые дни войны, в период отступления.

...Это было под Ленинградом. Наш батальон в течение дня отбил шесть атак фашистов. Атакуя в последний раз, немцы бросили на наш участок танки. Непросто, совсем непросто было подниматься из окопов и идти на ползущие чудовища с бутылками горючей смеси и со связками гранат. А ведь и поднимались, и шли, и поджигали танки...

...Навсегда врезался в память один из эпизодов большой войны. Нашему подразделению было приказано отбить у немцев мост через реку Ловать. Командир роты капитан Воробьев напутствовал нас: «Ваш успех - в скрытности и внезапности удара».

И вот мы, плотно прижимаясь к земле, ползем к мосту. Тихо. Чертова тишина, кажется, слышно вокруг, как колотится сердце. Нервы на пределе, дрожат пальцы. Томительно тянутся такие долгие минуты.

Но вот сдавленный вопль - часовые сняты. Стремительным броском блокируем два блиндажа. Взрывы гранат, сухой треск автоматных очередей. Ничего не подозревавшие немцы растерялись, выскакивают из блиндажей в одном нижнем белье, бегут...

Мост наш! По нему уже ринулись техника, пехота...

Вообще, внезапность на войне - большое дело. Помню, при наступлении на станцию Нарва наше подразделение было прижато к земле плотным огнем противника. Укрывшись в блиндаже, гитлеровцы вели по нам прицельный огонь. Появились убитые, раненые. Что-то надо делать. И тут мой земляк Саша Стеников (он родом из деревни Казарки Макушинского района) крикнул мне: «Земляк, за мной!»

Под прикрытием своих мы с ним скрытно подползли к блиндажу и забросали его гранатами. Путь был открыт. Наши ринулись в атаку. А я перевязывал раненого друга возле дымящегося блиндажа...

Собрались мы, прошедшие через войну, братья в 1946 году в Кургане, на квартире Афанасия. Сколько тут было и радости, и воспоминаний! Ну, как, к примеру, было не вспомнить, что два раза за войну совершенно случайно мы встречались с бра-

том Василием на фронтовых дорогах. Он был шофером в автобате. По письмам мы поняли, что воюем где-то рядом. Он мне написал: “Смотри, Иван, машину с надписью “Водитель-отличник”, может и повезет, меня увидишь”.

И вот в сорок втором, где-то под Старой Руссой наш батальон следовал по болотистой гати в лесу клинии фронта. Слякотно под ногами, пусто в желудке, тяжело на душе. А навстречу движутся в тыл солдаты, автомашины, не зевай, то и смотри: под колеса попадешь. Понуро бреду. Слышу, рядом урчит машина. Поднял глаза, а на кабине: “Водитель-отличник” и за рулем — Василий! Глазам не верю.

— Вася! Браток!

Он резко затормозил — и из машины рванулся. Сцепились в объездах. А рядом уже начальственный голос:

— Почему машина остановилась?! Мать вашу так!

— Да братья тут встретились, обнимаются!

— Нашли место! Вперед! Пока немец обстрел не начал!

Разжались руки. Я к комбату. Отпустил на час, с условием, что догоню. За гатью Василий отъехал в сторону, под березы, остановил машину. Сели. Он хлеба достал, банку консервов, сахар. И есть хочется, и наговориться не можем. Времени-то час на весь отпуск. В общем, продукты “перекочевали” в мой вещмешок. Василий сбегал к товарищам еще буханку принес. И побежал я своих догонять. А тут обстрел из дальнобойных немцы начали. Швырнуло меня в воронку. Очухался — Василий рядом. Он меня из болотной ямы и вытащил. Увидел, что там, где я только что скрылся, снаряды стали рваться. После обстрела пошел проверить и нашел.

А весной сорок третьего снова на дороге встретились. Вот ведь как повезло.

На войне много случайностей происходит. Получил я как-то задание с бойцом доставить линолеум и сделать настил в блиндаже, где размещался штаб Северо-Западного фронта, которым тогда командовал генерал Павел Алексеевич Курочкин. Работу выполнили, вышли, курим. К штабу подкатил “виллис”. Из него выпрыгнул маршал Ворошилов. Был он в комбинезоне, но я его легко по сходству с портретом. Из-за руля “виллиса” в таком же комбинезоне вышагнул здоровенный мужчина. Я с восхищением шепнул своему напарнику: “Вот это шофер!” А

оказалось: это был маршал Тимошенко.

Маршала Жукова увидел первый раз в траншеях перед Вислой. Хорошие были траншеи, в полный рост, стенки прочные, глинистые. Стоим, отдыхаем после работ, а Жуков, откуда ни возьмись — с командующим нашей пятой ударной армии генералом Берзариним и целой свитой начальства. Прошли мимо нас. Несколько раз останавливались, рассматривали местность в сторону немцев, говорили.

— Ну, братва, будем наступать, — сказал тогда ротный.

И, правда, через день или два мою группу минеров-подрывников придали штрафной роте. Ночью начали разминировать проходы в сторону немцев. Еле выбрались из траншеи. Солдат, которые поменьше ростом, подсаживать приходилось. Сделали проходы, обозначили их бинтами, чтобы видно было в ночи, и вернулись. А тут три зеленые ракеты одна за другой в небо взлетели. И штрафники пошли в атаку. Как ветром их из траншеи выдуло. Такой отчаянной стремительности я не видел за всю войну, ни до, ни после. С их броска и началось наступление.

Вторая встреча с Георгием Константиновичем случилась уже в Берлине. Со своей группой минеров-подрывников мы обеспечивали проходы войскам. Приходилось взрывами пробивать стены домов и подвалов, чтобы продвигаться к центру немецкой столицы с меньшими потерями. Шли и канализационными трубами. Часто в этом нам помогали гражданские немцы. Они приходили, показывали открытки Тельмана или Ленина, показывали пальцем себе на грудь и говорили: “Я коммунист”, — и вели нас только им известными проходами.

Взяли мы дом Геринга — так называли здание министерства военной авиации гитлеровцев. Прокоптелые, ободранные, в известке и кирпичной пыли стоим во дворе недалеко от проема взорванной стены, ждем поваров с обедом. Через проем видны огромный круглый стол, стулья, карты на стенах. Глазеем. Вдруг во двор вкатились две бронемшины и остановились около нас. Из них вышли маршал Жуков, генерал Берзарин и еще группа генералов. Подошли. Георгий Константинович похлопал меня по плечу и спросил:

— Ну, как, Иван, самочувствие?

— Нормальное, товарищ Жуков!

Маршал заулыбался.

— Так и должно быть. Еще один рывок — и Победа! А там по домам.

Георгий Константинович и его свита прошли в здание министерства, а меня окружили солдаты.

— Иван, откуда тебя сам Жуков знает?

А я в себя прийти не могу от этой встречи и такого поворота. Бойко отвечаю:

— Знает, да и всё. Встречались на военных дорогах.

Думаю, что Георгий Константинович вложил тогда в это обращение — “Иван” весь смысл и дух русского воинства. Ведь на Руси исстари говорят, что земля не на китах, на Иванах держится.

Эта встреча и это обращение маршала Жукова живут в моей памяти все эти годы. И останутся со мной навсегда.

Правда, до победного штурма рейхстага мне пришлось еще попотеть, сделать не один бросок и не через один бой пройти.

И уцелеть! Многие бойцы форсировали кровавую реку Шпрее один раз, а мне пришлось сначала под огнем фашистов соорудить на ней из лодок паром, а потом переправлять через реку подразделения полка.

Восемь весел на пароме, за каждым — гребец. Сходим туда и обратно — нас из девятки остается в живых два-три бойца. И так много раз. Пронесло. Уцелел.

После победы полк расквартировался в казармах одного из военных училищ Берлина. Началась кропотливая работа по разминированию, по демонтажу фашистских военных объектов.

И снова непредвиденный счастливый случай. Демонтировали мы тогда оборудование химического завода. Слышу шум у проходной. Часовой кого-то не пускает. Подхожу, а там мой брат Семен рвется на объект, убеждая часового, что здесь должен находиться его брат Иван.

Какая это была встреча! Целую неделю мы жили вместе. Семен как учитель демобилизовался в первую очередь. Разыскал меня через Берлинскую комендатуру.

Потом я провожал его по этой же Шпрее на самоходной барже, забитой до отказа радостными бойцами. Они ехали домой. И среди них я один, провожающий брата.

Я верю в удачу, в судьбу. Считаю себя счастливым. И, тем не менее, мне хочется сказать, что подвиг солдата на фронте

был буднично скромно. Потребность защитить, заслонить собой друзей, спасти их от гибели, вероятно, самая человеческая из всех существующих движений души и она заслуживает нашей глубокой и вечной благодарности, ибо мы живы потому, что они нас заслонили, защитили.

До сих пор вспоминаю, какое нечеловеческое напряжение выдерживали мы не только во время боёв, но и после них. Снова надо было рыть окопы, хоронить убитых товарищей, держать оборону по пояс в воде или по грудь в снегу. Перед каждым боем, атакой проделывали проходы в минных полях, а разминирование - это опаснейшая ювелирная работа. Минёр ошибается только раз.

Особенных героических подвигов я не совершал, я защищал Родину, выполнял наказ народа, служил честно и добросовестно. Мои ежедневные фронтовые будни были для меня тяжёлой, но необходимой работой. Я был минёр, ошибаться было нельзя.

Пролетают годы. Память многое сгладила, но никогда не забудется в наших сердцах память о тех, кто отдал свою жизнь для защиты Родины. Да и история этого не должна забывать, если историки не исказят её и не уведут в сторону народ от правды-истины.

Как участник Великой Отечественной войны я обращаюсь к молодёжи – изучайте, не забывайте нашу историю, не забывайте тех, кто в трудных нечеловеческих условиях спас Родину от фашизма, кто самоотверженным трудом в тылу помогал в достижении Победы, не верьте фальсификаторам истории.

Хочу верить, что никогда не повторится трагическое 22 июня 1941 года.

Федот Елисеев

ВЫРУЧАЛА

СМЕКАЛКА

Федот Васильевич Елисеев родился 1 марта 1915 года в деревне Елисеевка в Башкирии. После действительной службы, в 1940 году был снова призван в Красную армию. Войну начал командиром стрелковой роты, закончил ее командиром полка.

Был ранен. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I-й и II-й степени, Александра Невского, многими боевыми медалями.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 октября 1943 года Федоту Васильевичу Елисееву присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали “Золотая Звезда”.

Федот Васильевич с 1952 года десять лет был военным комиссаром города. Он Почетный гражданин Кургана.

Мне пришлось участвовать в боях с первых дней войны. Это было не просто трудное – отчаянное время. Против отлично вооруженных и отмобилизованных гитлеровцев мы противопоставляли свою любовь и преданность своей Родине и то, чему могли научиться для защиты Отечества в предвоенные годы. Спасибо командирам, научившим меня на действительной службе приемам рукопашного боя и штыковой атаки. Эта наука не раз выручала меня вначале войны и помогала не только выжить, но и обращать немецких захватчиков в бегство.

Но все равно под ударами танковых частей, налетов фашистской авиации мне и бойцам нашей части пришлось отступать и прорываться из окружения. Был ранен, лечился в госпитале, учился на курсах повышения командного состава.

Снова попал на передовую в 1943 году под Прохоровкой. Хотя и здесь начал с командира стрелковой роты, но был уже другим командиром, многому наученным в боях.

Помню в ночь перед самым наступлением немцев, мы, оставив свои “насиженные” окопы, вновь окопались на кукурузном поле. Перед своими новыми позициями скопили кукурузу, создали зону видимости шириной метров 40, а за спиной оставили кукурузу нетронутой: в нее могли уйти при надобности, унести раненых, доставить боезапас.

Когда немцы пошли в наступление, наша выкошенная полоса была для них неожиданностью. Выскочит на эту прогалину гитлеровский танкист и понять не может, откуда подстерегает опасность, а наши пехотинцы в это время кидали в них гранаты, бутылки с зажигательной смесью, били из противотанковых ружей. Тоже до отчаянности жестокие были здесь бои, но совсем уже другие, чем в начале войны. В этом бою комбат возложил на меня обязанности по командованию, ушел на связь с командованием полка, да так и не вернулся. С тех пор я стал командовать батальоном.

Сбив гитлеровцев с позиций на Курской дуге, мы начали теснить их к Днепру. Сильное сопротивление при продвижении вперед нашей дивизии они оказали в городе Бахмач. Разведчики батальона доложили, что восточная окраина города ими сильно укреплена. Тогда возникла идея найти обходные пути... И они были обнаружены. При отвлекающей стрельбе с фронта одной из рот, две другие обошли Бахмач и ударили с тыла. Освободили город от гитлеровцев без больших потерь. За эту операцию я был награжден орденом Александра Невского.

Батальону удалось форсировать Днепр без потерь, используя дождливую темную ночь. Появление бойцов батальона на правом берегу Днепра было для гитлеровцев полной неожиданностью. Без лишнего шума нам удалось уничтожить дежуривших здесь немецких солдат и сходу захватить село Домантово, где отсыпался их основной гарнизон. На утро выставленные за селом дозоры доложили мне, что в сторону Домантово

движется колонна немцев, но по всем признакам, она даже и не подозревает, что село уже занято нами.

И действительно оказалось так, строительное подразделение немцев, посланное для возведения укреплений, было разгромлено в скоротечном бою.

Очень необычной и удачливой была операция по захвату важных высот на правом берегу Днепра в районе рокадной дороги Чернобыль-Киев, в месте, где скрещивались еще две прифронтовые дороги. Разведчики вывели ночью тайными тропами бойцов батальона. Пока бойцы концентрировались в лесу близ опушки, разведчики засекли, что по ближайшей дороге проследовала колонна до роты немцев.

У меня родилась идея двигаться к цели по немецким тылам походной колонной: кто ночью враз разберет, чье это подразделение. Только мои бойцы вышли к дороге, как к ним, приняв за своих, примкнула группа немцев, человек пятнадцать, с походной кухней и хозяйственной повозкой. Один из немцев попытался даже что-то спросить. Его задержали в строй и заткнули рот. Но крикнуть он все-таки успел. Часть немцев мы захватили, несколько человек удрали в лес. На козлы кухни сели наш боец с переводчиком. Дорога привела нас на поляну, где стояла немецкая батарея. Часовой обрадовался "пополнению". Ему и в голову не могло прийти, что это русские. В считанные минуты гитлеровцы были перебиты, а орудия выведены из строя. На рассвете колонна под прикрытием кухни и хозяйственной повозки также уверенно заняла и указанную командиром полка высоту, захватив при этом богатые трофеи. Мы организовали круговую оборону и надежно оседлали перекресток дорог. Так мы парализовали здесь передвижение противника. Надо сказать, что уже за первое утро мы уничтожили три группы фашистов, беспечно маршировавших, как у себя дома.

Немцы, зная обустройство позиций на высоте, при первых атаках обстреливали именно их, а мы основные позиции обороняли уже у подножья высоты, и с них наносили гитлеровцам чувствительный урон.

И моральный дух после великих битв под Сталинградом, на Курской дуге и после форсирования Днепра был у наших бойцов совершенно другой. Мы знали и чувствовали, что гитлеровцы нас боятся. И эта уверенность прибавляла силы.

Федор Кириллов

ВСТРЕЧА

Федор Иванович Кириллов родился в 1924 году в селе Усть-Уйском Целинного района. Воевал в составе воздушно-десантных войск особого назначения Ставки Верховного Главнокомандования. Ранен. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны, многими медалями.

После войны работал бухгалтером районного отдела народного образования Целинного района.

Поезд отстукивал километры. И чем меньше их оставалось до города Киржач, где должны были собраться на праздник дня Победы ветераны-десантники, тем больше и больше сомневался в себе, раздумывал: «Куда это тебя, Федя, понесло? Будешь со своим протезом помехой для людей. До работы добираться с трудом, а туда же норовишь, где здоровые соберутся».

Думки такие скребли душу не впервой. Когда получил от оргкомитета приглашение на встречу, сразу такие сомнения и появились. Долго решал идти или нет к заведующему району со своим вопросом?

А заведующий даже будто обрадовался.

- Какие сомнения могут быть, Федор Иванович. Конечно, надо поехать. Бухгалтерия ваша не убежит. А фронтовое товарищество - это же святое дело.

Отпустил. Даже приказ написал - поездку оплатить.

А теперь снова сомнения: «Встречу ли кого из однополчан. Немногие, наверное, вернулись домой с войны».

Вспомнил, как в сентябре 1943 года нашу 5-ую гвардейскую воздушно-десантную бригаду забросили к немцам в тыл. Тогда началась операция по форсированию Днепра.

В небе, словно растревоженный улей гудит, тесно от самолетов. Двенадцать тысяч бойцов-десантников свалились с ночных небес на головы гитлеровцев. Понаделали паники у врага, диверсионными группами оседлали дороги. Но и самим тяжело пришлось. Не все приземлились там, где намечалось. Коекому и в Днепре «купаться» довелось. Грохотали земля и небо. То там, то тут расчеркивали темноту разноцветные ракеты, ссылая нас к местам сосредоточения.

Это была моя первая десантная операция. Бегу на зов двух зеленых ракет. В руках ПТР, за плечами как гиря, рюкзак с патронами. Товарищ по взводу, испытавший на себе лихо немецкого окружения, перед вылетом советовал:

- Не зарься, Федор, на провиант. Главное, боеприпасов побольше бери. Каждый патрон - это надежда выжить.

Именно - надежда! Две недели группа, к которой я примкнул, сковывала движение немцев на дороге Канев - Киев. Бои были жестокими. Насмерть. Из всего десанта только каждый восьмой вернулся...

Доехал до Киржача около полуночи. Никто не встретил. Снова принялся ругать себя: «Утром праздник начнется, а ты только тащишься! Так тебе и надо. Не опаздывай!»

До гостиницы добрался, когда уже за последними подгулявшими десанниками швейцар закрыл двери ресторана.

Утром бывшие фронтовики пошли на парад, а мне не до строя: с тростью тихонько бреду по тротуару на площадь, всматриваюсь в лица проходящих шеренгами ветеранов. Знакомых не увидел. На площади тьма людей, звучат волнующие речи. Но не ради же их приехал сюда. Снова в сердце начало закипать недовольство собой и чем-то еще. Ну, хоть бы одного товарища Бог послал.

Торжества закончились. Предложили сесть в автобусы и поехать к месту гибели Юрия Гагарина. Пристроился у окна и пристально смотрю, как рассаживаются по автобусам люди, И снова знакомых не увидел.

У памятного обелиска в разных местах формировались группы. Щелкали фотоаппараты. А я стоял на отшибе, смотрел. И вдруг до боли знакомый еврейский говорок залетел в уши. Меня словно током ударило. Аж, мурашки по спине. Неподалеку высокий, рыжеватый мужчина просил соседа подержать саквояж, а сам прицеливался и щелкал фотоаппаратом.

«Да это же Левка Морельбаум! Неужели живой?!» - рванулся было к расторопному фотографу, а нога не слушалась. Нервы сдали. Рубашка взмокла от напряжения. А мужчина, закончив снимать, закинул саквояж на плечо и зашагал в мою сторону. Когда поравнялся, положил руку поплотней на его плечо и сказал:

- Сфотографируй меня на память, Левка.

Тот повернул голову, посмотрел и недовольно бросил:

- Я - тебе не Левка.

- А кто же еще?

Теперь я уже не сомневался. Это был не только однополчанин, а сосед по койке, человек с которым мы побывали не в одном бою.

Мужчина повел плечом. Но моя рука лежала крепко, по-мужски.

И вдруг у Лёвки зрачки расширились, фотоаппарат чуть не выпал из рук.

- Федька!? Неужели это ты?! Живой! Федька! Браток!

Он схватил меня, приподнял и бешено закружил вокруг себя.

- Осторожней, дьявол! Протез к чертям улетит!

- Нет, я теперь тебя не отпущу, Федор! Едем со мной в Киев.

Таких дорогих гостей мой дом еще не видел. Сколько раз я рассказывал родным, как ты погиб, а теперь живехонького привезу! Я тогда долго тебя искал. Вышел к своим один....

- А было это весной 1944 года. Наши части прижали немцев на Буге. Здесь у гитлеровцев скопилась масса техники и войск. Надо было не дать отступающим фашистам перебросить все это на правый берег. Немцы навели мощную переправу. Основой ей стали затопленные баржи, на которые фашисты уложили многослойный настил. Переправа работала круглосуточно. Попытки разбомбить ее с воздуха не дали успеха. Уж очень мощными были береговая оборона немцев и прикрытие с воздуха.

Тогда командованием было принято решение: для уничто-

жения переправы гитлеровцев бросить десантный дивизион особого назначения резерва Ставки Верховного Главнокомандования, где мы с Лёвкой Морельбаумом служили и прошли особую подготовку. Нам и предстояло в специальной экипировке пройти под водой полтора километра, заложить взрывчатку под переправу, а с кабелем для взрыва вернуться к месту высадки.

Ночью с разных точек одновременно на задание ушли несколько групп. В паре со мной, с казаком из Усть-Уйки, шел еврей киевлянин Лева Морельбаум. Несколько часов мы брели под водой. Заряды установили рядом. А на обратном пути я потерял друга, весельчака и заводилу Левку Мерельбаума, знавшего массу еврейских анекдотов, хохмача и любимца всего дивизиона десантников. Прождал его на берегу до рассвета. Левка не появился.

Утром переправа фашистов взлетела на воздух. Надо было немедленно уходить. Из 85 десантников, участвовавших в операции, вышли к своим вместе со мной только шесть. Мы попали в 237-й полк 5-ой Ператинской стрелковой дивизии. И когда попросили отправить нас в свой десантный дивизион, комполка готов был встать на колени, чтобы мы остались. Из его полка едва ли можно было сколотить полнокровный батальон, а немцы отчаянно контратаковали. Здесь-то я и получил тяжелое ранение и остался на всю жизнь без ноги.

А у Лёвки тогда погостил. Ко мне в его доме относились, как к родному брату.

Записал Геннадий Устюжанин.

Александр Анферов

ФРОНТОВЫЕ

БУДНИ

Александр Николаевич Анферов родился 21 декабря 1919 года в деревне Верхне-Полевой Шадринского района. В армию призван весной 1939 года. В боях участвовал с июля 1941 года в составе 69-й стрелковой дивизии. Был ранен. Контужен. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 1-й степени, двумя медалями “За отвагу” и другими.

Начал служить в 1939 году на Дальнем Востоке. Помню, как нас еще в разношерстной гражданской одежде старший сержант Какшаров вел от вокзала по городу Благовещенску в часть, а ребятишки бегут рядом и кричат: “Дяденька, ты один столько шпионов поймал?” Тогда было “модно” ловить шпионов.

В 1941 году нас должны были демобилизовать. 22 июня был выходной день, все занимались своими делами: кто играл в футбол, кто купался в речке.... Вдруг прозвучал сигнал боевой тревоги, и все разбежались по своим местам. На танках, на автомашинах проехали километров 60 и остановились. Так простояли часа три. И тут по радиции узнали, что началась война.

Нас вернули в лагерь, приказали палатки снять, танки закопать и замаскировать. Ждали, что японцы нападут.

Через несколько дней нас погрузили в эшелоны и повезли на запад. Через 11 дней мы были на станции Бологое. В тот день я установил первую боевую связь дивизии со штабом 107-й танковой дивизии, с которой мы позднее вместе участвовали в боях.

Первый бой произошел в августе у деревни Крапивня Смоленской области. Много земляков там полегло, в том числе мои земляки Александр Соколов и Анатолий Нечаев. Мы, телефонисты, дежурили на линии между штабом дивизии и танковым полком: Александр Соколов – в полку, я – на контрольной. Встретились на порыве. Посидели, покурили, пошли по своим местам. Когда я пришел, мне сказали, что Соколова убило. Низко пролетел вражеский самолет и сбросил бомбу. Саше попал осколок в голову, даже каска не спасла.

В другой раз мы дежурили по связи. Подошел командир роты старший лейтенант Краснов, поинтересовался, как дела, попросил поесть. Мы дали ему котелок каши, он сел, начал есть. А на лесной дорожке в это время появился трактор, который вез тележку снарядов. Из-за его шума мы не услышали, как подлетел немецкий самолет и сбросил бомбу. Рвануло метрах в 30 от нас. Меня оглушило. Осколком перебило шнур телефонной трубки. А командира осколком зацепило. Очнулся, вижу – повозка со снарядами горит. Мы с лейтенантом перебежали в другой окоп подальше метров на 15. Тут снаряды как начали рваться, весь край леса стал черным.

В сентябре нас отвели во второй эшелон. Здесь дивизион позже попал в окружение, только часть людей уцелела и вышла из него под Москвой. Меня же ранило при ночном авианалете.

В мае 1942 года возвратился на фронт. Меня назначили инструктором в санроту. Потом, как опытного служаку, перевели в конную разведку. Там я прослужил месяцев шесть и повидал немало. Однажды командиру нашего взвода конной разведки было приказано проверить, есть ли немцы в двух селах. Поехали: командир взвода, я и два солдата. Ехали какими-то логами, подъехали близко к селу и пошли пешком. Подходим к одному домику, командир стучится. Открыла старушка. Он спрашивает ее: “Немцы в селе есть?” Она сказала, что ушли вечером, но в следующем доме должен быть немец, она его видела вечером. Стучимся. Открывает хозяин. Заходим в хату. Командир спрашивает: “Где у вас немец?” Хозяин божится, что никого нет. Мы с одним солдатом проверили ларь. А там под тряпками скрывался здоровый немец. Командир застрелил хозяина, хотел и хозяйку, но я его удержал – все-таки двое детей.

Забрали мы немца и отвезли в штаб. Важный оказался стервец.

Александр Хвостовский

ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ

Хвостовский Александр Митрофанович , родился 23 ноября 1908 года Призван на фронт в октябре 1941. Участвовал в обороне Ленинграда, в боях под Тихвином. Трижды ранен. Комиссован по ранению в марте 1943 года. Награжден орденами и медалями. Жил в селе Сафакулево.

На Волховском фронте затишье. Идут бои местного значения; то немцам вздумается прощупать наш стык с соседями, то наша разведка напорется на немецкий секрет. И до утра не спят обе стороны. Темноту ночи прорезывают светлячки трассирующих пуль, да с немецкой стороны постоянно взлетают ракеты, а то по случайному шороху начинают бить немецкие минометы. В общем, – фронтовая тишина.

Солдаты используют это время для ремонта одежды, обуви, в бесконечных разговорах о доме чистят оружие, подгоняют сбрую, пишут письма.

Меня же, как бывшего кузнеца, задействовали по ковке лошадей, расчистке и обрезанию копыт. Ведь фронтовая лошадь не ходит по дорогам, она не выбирает путь движения, как правило, для нее уготованы самые тяжелые пути по кустарнику, корням деревьев да бревенчатой гати.

Ближе к обеду к местуковки лошадей подошел командир нашего взвода Нечаев и сказал: “Хвостовский, заканчивай работу, отдыхай, а вечером готовь свою лошадь и моего коня -

поедем в разведку”.

От слов взводного как-то сразу стало неуютно, померкли и пропали все краски дня, ведь я уже на передовой находился более полугода, был дважды ранен и что такое разведка знал хорошо. Но в армии, тем более во фронтовых условиях, сам судьбу себе не выбираешь, твоей жизнью полностью распоряжаются командиры и начальники. А потому, ответив “слушаюсь”, завершил работу и пошел в свою землянку отдыхать.

Не спалось. Перед глазами появилась и долго не исчезала жена с детьми. Не шутка, пятерых оставил. Постепенно забылся в чутком сне, но и здесь семья не отпускала от себя. Прорвался от крика дневального, принесшего котелки с кашей: “Саша! Есть будешь?”

Взял из рук дневального котелок, основательно поел, тщательно вытер его свежей травой, а кусочек хлеба, по давней привычке, спрятал в карман. Этому научила не раз и не два часто меняющаяся обстановка. Вышел из землянки и увидел, что вечерняя темнота уже почти полностью затопила лес, смазала очертания далеких и близких предметов, а на небе тускло вато зажигались звезды.

Прошел к коновязи, где среди лошадей отыскал свою “монголку” и статного, черного жеребца взводного. Заседлал, подтянул подпруги, проверил свой карабин. Задумался. От неожиданности вздрогнул, когда рядом раздался голос: “Готов?”. Узнав взводного, утвердительно ответил.

Сели на лошадей и шагом углубились в лес. Под копытами лошадей чавкала болотная жижа, да с сухим треском ломались попадавшие под ноги лошадей сучья. Нечаев ничего не объяснял, и это тревожило еще больше, хотя, по моему отсчету, мы, дав крюк, должны были уже приблизиться к передовой.

Не успела погаснуть в сознании эта мысль, как в нескольких метрах от нас блеснул разрыв и с противным мяуканьем прогремел взрыв мины, затем второй, третий... Немцы били “на звук”.

Мы скатились с лошадей и залегли в противную жижу и холодный от сырости мох, пережидая обстрел. “Привяжи лошадей, подтяни им выше головы”, – бросил шепотом взводный. Я быстро исполнил приказание и лег рядом с ним. Присмотревшись, в десятке метров от себя увидел колючую проволоку. Значит, мы находились перед немецким передним краем.

– Жди меня здесь, до утра не вернусь, уходи, – сказал Не-чаев, а сам ящерицей скользнул вперед. Через несколько минут что-то звякнуло впереди. Тут же протрещала пулеметная очередь, а мгновением позже ударили две мины. Конь взводного рванулся, оборвал повод уздечки и, храпя, упал, задними ногами судорожно ударяя в толстую сосну и производя громкие звуки. Тут целый огневой шквал навалился на меня. Понял, надо где-то спрятаться, отползти от этого огневого ада.

Взял влево и через десяток метров обнаружил, что нахожусь перед землянкой. Обрадованный юркнул туда, но почувствовал, что попал в воду. Землянка наполовину была затоплена болотной водой. Шаря перед собой руками, в стороне нащупал что-то круглое: “бочка!”. Подтянул ее к себе и прилег на нее. И хотя бочка подо мной вертелась, а ноги мои выше колен находились в воде, я был в сравнительной безопасности. Сколько я пробыл в землянке – не знаю, часов у меня не было, но вылез оттуда только когда прекратился обстрел.

Вылез и не узнал места: все ветви были срублены осколками, деревья белели свежими затесами и были забросаны грязью и мхом. Лошади, иссеченные осколками, валялись у сосны, к которой я их привязывал. “Придется нести седла на себе”, – подумал я: в кавалерии жесткое правило – убило лошадь, седло должен принести и сдать старшине. Но снимать их из боязни поднять шум, не стал. “Сниму перед уходом”, – подумал я, переживать второй раз такой огневой налет не хотелось.

Ночь тянулась медленно. Заметно похолодало. Меня бил озноб, наверное, больше нервный, нежели от холода. Хотя лежать в мокром мху и жидкой грязи тоже не совсем приятно. Где-то что-то потрескивало, вздыхало, а порой и булькало. На ум ничего, кроме случая с нашим часовым, взятым два дня назад немцами ночью, не шло. Невольно руки сжимали все сильнее карабин, а глаза выискивали в темноте немцев.

К утру, я это определил по расположению звезд да ветерку, который своим вздохом как бы начинает новый день, окончательно замерзший решил снимать седла. При повороте на бок почувствовал что-то жесткое, сунул руку в карман шинели и обнаружил там размоченный болотной водой кусочек хлеба. Взяв в горсть эту холодную кашицу, с удовольствием стал сосать. Желудок на это ответил громким урчанием. Небо начина-

ло бледнеть. Пора, иначе будет не уйти. Немецкие наблюдатели засекут.

Быстро отстегнув подпруги, с великим трудом вытащил их из-под лошадей. Связав подпругами седла, перекинул их оба на спину и осторожно стал отползать назад. И только углубившись в лес, встал. Пригибаясь и обходя воронки, пошел в свое расположение.

“Стой, стрелять буду! Кто такой?” – услышал я испуганный голос часового. Назвал пароль, но часовой, напуганный моим громоздким из-за седел видом, звал напарника. Наконец, разобрались. Оказывается, я вышел в расположение соседней роты нашего полка.

Меня накормили, проводили до тропинки, ведущей в мою роту.

Захожу в свою землянку, навстречу с нар поднимается лейтенант Нечаев. “Живой? Молодец, что шумнул. Пока немцы занимались тобой, я под этот шум и грохот удачно проник к ним и выполнил то, что было приказано”.

На столе лежала карта с нанесенными на ней огневыми точками немцев. А это значило только одно: значит, скоро – вперед, в наступление...

Семен Данилов

С АПТЕКОЙ ЧЕРЕЗ ВОЙНУ

Семен Васильевич Данилов родился в 1923 году. В июле 1941 года добровольцем ушел на фронт. Воевал в составе Западного и 2-го Белорусского фронтов. Награжден медалями “За боевые заслуги”, “За оборону Москвы”, “За взятие Кенигсберга” и другими.

После войны окончил Московский фармацевтический институт. Свыше четверти века возглавлял аптечное управление области. Награжден орденом “Знак Почета”.

Я был учащимся (или как тогда говорили “студентом”) Тамбовского фармтехникума, оставалось сдать экзамен 23 июня, который я и сдал. Меня призвали и направили в город Воронеж, в 303-ю стрелковую дивизию. Явившись по назначению, я был направлен в 309-й медсанбат, в аптеку, где начальником был Александр Сергеевич Колстун, пожилой, коренастый интендант 3-го ранга. Так я стал солдатом-санитаром, причем сомневался, справлюсь ли с этой службой. Тогда я еще не знал, что санитар - это солдат с обязанностями грузить ящики с медикаментами, мыть посуду для аптеки, полы, а если находились в палатке, то и топить печку, и поддерживать чистоту. Кроме того, как фармацевт, я должен был делать лекарства.

Через несколько дней нас погрузили в эшелон и направили на запад. Выгрузились в Спас-Деменске – это недалеко от Воронежа. На второй или на третий день нам показывали воронки

от бомб, мы еще не видели самолетов противника.

По пути на фронт остановились дня на 2-3 в лесу, в километре от какого-то железнодорожного разъезда. Тут весь наш медсанбат услышал впервые гул немецкого самолета, свист и взрывы бомб. Это происходило ночью и мало кто спал. Как ни велико было мое сожаление, но ни того, ни другого я в этот раз не услышал – крепко спал.

Наша дивизия заняла позиции на подступах к городу Ельне. Утром в день наступления я выглянул наружу и глазам не поверил - все поле и лес были белыми от бинтов раненых солдат, крепко пахло йодом, хотя дело происходило, повторяю, в лесу, где я уловил ранее сильный запах хвойных деревьев (сам я из степной зоны Тамбовской области). Здесь я впервые услышал свист и взрывы снарядов и впервые услышал (не увидел) рев “Катюш”, про которые ходили довольно фантастические слухи: это, мол, секретное оружие, которое во время залпа расходует 2-3 тонны бензина.

В аптеке было невпроворот работы, я наряду со своими прямыми обязанностями непрерывно измельчал куски сахара в мельчайший порошок, который затем смешивали со стрептоцидом белым (был тогда стрептоцид красный) или хлороминном для засыпки ран, готовил также в больших количествах раствор неопантоцида для обработки ран. Эти препараты были тогда новинку, но больше ни разу мне не приходилось готовить их. Я также впервые из дивизионной газеты узнал, что город “Е” снова свободный, интересно, что городом “Е” именовался город “Ельня”. И еще, над заголовком газеты (название забыл) стояло удивившее меня “прочти и уничтожь”, правда, вскоре эта надпись была заменена на “прочти и передай товарищу”.

Наш медсанбат (которым командовал военврач 2-го ранга Трофимов В.В., будущий министр здравоохранения РСФСР) переехал километров на 5 или 6. Настолько продвинулась наша дивизия. Раненых стало меньше и пошли слухи об отводе нас на переформировку.

В конце сентября наш медсанбат на автомашинах и подводах стал уезжать в тыл. Остановились в лесу под Спас-Деменском. Рано утром 1 октября мы слышали сильную канонаду на фронте. Я подумал, что сменившие нас войска разворачивают наступление, но это было первое наступление немцев на Моск-

ву. Это мы почувствовали в этот же день. Станция Спас-Деменск находилась под интенсивным огнем артиллерии и минометов, бомбилась круглые сутки. На станции горели вагоны и цистерны с бензином. Таких жутких пожаров я никогда больше не видел.

Медсанбат тронулся в сторону Москвы. Днем, когда все видно, немецкие самолеты бомбили дороги, забитые войсками. На каждом шагу на обочинах да и на самой дороге лежали убитые и раненые, разбитые автомашины, подводы, валялись лошади. Чувствовалась паника. В этот же день медсанбат попал под бомбежку. Налетела группа бомбардировщиков, самолетов 10 или 12, с горизонтального полета начали пикировать на нас поочередно, ведя прицельный огонь. Автомашины остановились. Вой бомб, рев самолетов: у меня сложилось впечатление, что наступил конец света. Сколько впереди было таких бомбежек - не считать, но такой жути я уже не чувствовал – дело привычки.

Днем передвигаться было нельзя, ехали только ночами. На одной из дней к нам неожиданно явился командир конного взвода в гражданском. Из разговоров я узнал, что дивизия наша попала в окружение и вести медсанбат было приказано скрытно. Выходили частями. Ночей пять-шесть мы ехали, все спрашивали направление на Москву. Вел нас очень осторожно комбат Трофимов. Часто встречавшиеся нам солдаты предупреждали нас, что по той или другой дороге ехать нельзя – там немцы. Помню, проезжали города Вязьму, Гжатск, Можайск.

И вот попали под Москву, где скопилось множество войск. Запомнились казаки, их красные башлыки, множество ремней, одежда у них была другая, нарядная. Они группами и в одиночку разъезжали на конях, по-видимому выполняли какие-то поручения. Под Москвой нас переформировали, и мы узнали, что наш медсанбат имеет другой номер – 108 и входит в состав 194 дивизии. Пришло к нам много врачей и медсестер, появились новые санитары и шоферы, в основном люди пожилые, из ополчения. Хорошо помню из них водителя Ипполитова В.А. Он еще в 1912-1913 годах был чемпионом не то мира, не то Европы по конькобежному спорту. Мы расположились в больнице на окраине города Серпухова. Недалеко от нас огромное здание госпиталя с громадным белым флагом с красным крестом.

Дивизия находилась в обороне. Раненых было немного. Жили мы относительно спокойно. Помню, в один из дней бом-

били госпиталь. Затем и нас подвергли артиллерийскому обстрелу крупнокалиберными снарядами. Снаряды падали каждые 8-10 минут. Мы прятались в подвалы. После обстрела узнали, что убило комиссара медсанбата и одного санитаря. После этого нас почти каждую ночь продолжали обстреливать.

В начале декабря началось наступление наших войск под Москвой. Мы прошли города Медынь, Малый Ярославец и дошли до Юхнова. Во время наступления увидели массу трупов немцев и их подбитой военной техники, которая в условиях пурги так и осталась на дороге.

В медсанбате я пробыл до мая 1942 года. Затем меня перевели в 173-й артполк РГК начальником аптеки на место убитого. Характерно, что и следующее мое назначение в 17-й гвардейский стрелковый полк 5-й гвардейской дивизии было связано с гибелью там начальника. Но, видно, везучим я оказался. Мне удалось невредимым пройти через всю войну, хотя сложнейших ситуаций было очень много.

Любая война когда-нибудь кончается.

Очень часто, в мирных ныне условиях, при решении каких-либо проблем создается почти безвыходная обстановка. Я всегда вспоминаю военное время, и проблемы, которые обязательно как-то решались, даже через не могу.

Анфиноген Окольников

КАК Я СТАЛ СОЛДАТОМ

Анфиноген Андреевич Окольников родился 19 марта 1922 года. В декабре 1941 года добровольцем ушел на фронт. В составе 262-й и 306-й стрелковых дивизий 41-й армии принимал участие в боях по освобождению Московской, Калининской и Смоленской областей. Ранен, контужен, награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, медалью “За отвагу” и другими.

В детстве мы, мальчишки, любили играть в войну. И каждый из нас хотел быстрее подрасти и пойти в Красную Армию. Нам нравились военные люди. У них всегда была добрая выправка и красивая одежда. Когда мой старший брат Петр отслужил действительную и пришел домой в новенькой красноармейской форме, я гордился им. А все деревенские мальчишки с завистью на него смотрели. В то время я мечтал пойти служить, но только моряком. Хотел побороздить по морям-океанам, посмотреть разные страны.

Но началась война с фашистской Германией. Мой 1922 год рождения был призывной. Мои сверстники все ушли на фронт. Мне отказали: врачи определили порок сердца. Поэтому, когда учился в школе, меня освобождали от физкультуры, хотя я чувствовал себя вроде бы здоровым. Был в числе передовых учеников. Когда исполнилось 14 лет — вступил в комсомол, выполнял общественные поручения. Успешно окончил восьмой

класс. Сдал экзамены на оборонные значки ПВХО и ГСО и с гордостью носил их.

...Шел 1941 год. Немцы подступали к Москве. Я очень хотел идти на фронт и защищать нашу землю от захватчиков. Несколько раз меня вызывали в райвоенкомат, но комиссия снова и снова признавала больным. И вот в декабре 1941 года я оказался на медицинской комиссии. Приехали мы в Мокроусово из деревни вместе с Петей Жилияковым. Он был моложе меня на два года. Врачи снова дали заключение — не годен. Мы собрались домой, и тут обратился райвоенком Коркин: военкомат отправляет в действующую армию команду. В нее не хватает трех человек. Кто желает пойти на фронт добровольно? Петя молчал. Потом тихо сказал, что ему надо лошадь вернуть в колхоз. И действительно, мы с ним приехали за сорок километров в райцентр из деревни Дресва. Колхоз “Красный Урал” выдал нам для поездки доброго коня Воронка.

— Я поеду, - сказал я военкому.

Мне дали чистый листок бумаги.

– Пиши заявление.

Я написал: “Прошу отправить меня на фронт добровольно, как комсомольца, для борьбы с немецко-фашистскими захватчиками”.

Петя уехал домой. А мне дали два часа на сборы. Забежал к жене старшего брата Марине сказать об этом. Она жила тогда в Мокроусово, а брат Петр Андреевич в первые дни войны ушел на фронт.

Мария дала мне на дорогу кружку, ложку и пару братова белья. И я с командой новобранцев уехал в Лебязье.

На каждой станции подсаживали в вагон призывников. Их оплакивали родные и близкие. Меня никто не провожал и слез не лил. На душе спокойно и романтично. Еду на фронт! Сердце трепетало от радости: наконец-то повезло, обошел врачей.

Команда приехала в город Златоуст. Здесь формировалась 171-я стрелковая дивизия. Я попал в 713-й полк, находившийся в городе Кусе.

Из дому получил беспокойное письмо. Отец Андрей Филиппович и мать Прасковья Дмитриевна тревожились: я у них был последним сыном. А тут, вдруг, не посоветовался и не простился. Мать плакала. Не выдержало ее сердце, стала собираться

в Кусу. Напекла сдобу, связала теплые носки и варежки. Приехала ко мне. Дорога в военное время была трудная. Она выпросилась со слезами у начальника военного эшелона и приехала в Златоуст. Здесь совершенно незнакомая женщина помогла ей добраться до Кусы, приняла к себе на квартиру и окружила вниманием. Тогда люди были добрее. Всех спланивала общая беда - война. Помогали друг другу. Не раз я бывал в этой семье. Командир отпускал повидаться с мамой. Они принимали нас, как близких родственников.

23 февраля 1942 года полк выстроили за городом на плацу. Помню, мела поземка и крепчал мороз. А мы стояли молодые и гордые в теплом воинском обмундировании. Под Красным знаменем торжественно приняли воинскую присягу на верность Родине.

В конце марта полк начал готовиться на фронт. И снова медицинская комиссия. Врачи вынесли старый приговор - порок сердца! Не годен! Отчислили, разобмундировали. Со склада выдали чужую гражданскую одежду. Мои вещи не нашли.

В штаб полка я за документами не пошел. Пришел в свою роту. Вид был жалкий и подавленный. Вот тебе и фронт. И как же я домой вернусь? Стыдоба. Деревенские скажут: быстро навоевался, соколик, фашистов испугался. И я решил - домой не поеду!

Иду к ротному командиру.

- Товарищ старший лейтенант, возьмите меня с собой на фронт.
- Командир с жалостью взглянул на меня, ничего не ответил и вышел из казармы. В роте уже шла подготовка к построению. Ребята суетились, складывая свой солдатский скарб в вещмешки. Я стоял в растерянности. Комроты забежал в казарму, потирая ребят к построению. Я снова обратился к нему.

-Ладно, - ответил он, - возьму, только становись в середину строя, чтобы никто не видел. Из вагона не выходи, а то могут забрать патрули.

Я выполнил советы командира и благополучно вместе со своей ротой приехал на фронт. Полк выгрузился ночью под городом Старая Русса. Старшина роты вызвал меня к себе и выдал обмундирование. Так я стал солдатом.

В апреле 1942 года наша дивизия вступила в тяжелые затяжные бои в районе Старой Руссы. Дивизия СС "Мертвая голова"

16-й немецкой армии рвалась к Ленинграду. Фашисты были вооружены минометами, автоматами, пулеметами. А нам в то время не хватало даже винтовок. Но преимущество перед врагом у нас было моральное: мы защищали родную землю и мужественно шли в бой, чтобы спасти Отечество. Несмотря на слабое вооружение, не было в наших рядах трусов и паникеров.

В те суровые для Родины дни, мне запомнились яркие стихи Демьяна Бедного “Я верю в свой народ”, опубликованные в газете “Правда” 7 ноября 1941 года. Он писал:

Пусть приняла борьба опасный оборот,
Пусть немцы тешатся фашистскою химерой.
Мы отразим врагов! Я верю в свой народ,
Несокрушимою тысячелетней верой!

Много раз наш 713-й полк вступал с фашистами в открытые схватки, нес большие потери, но сдерживал продвижение немцев. Десятки моих боевых товарищей погибли. Мне везло. Однажды мы выскочили из-под смертельного огня - пять человек от роты вместе с командиром. Мы попали под массированный минометный обстрел. Командир оглядел меня и с удивлением спросил:

- Как ты, Окольников, спасся?

- Товарищ командир, - говорю ему, - когда летели мины, вы падали, и я тоже это делал. Вы поднимались - и я вставал. Бежал за вами. Вы же нам рассказывали, что мины падают в шахматном порядке. Вот вместе мы и уцелели.

Командир промолчал. Он повернулся в сторону боя, очевидно, ожидая, не появится ли еще кто живой из бойцов. Мы часто после атак отходили на прежние рубежи. А через день-два снова продолжали наступать, чтобы сдерживать немцев, улучшить свои позиции.

Об одном из многих случаев расскажу подробнее.

Немцы владели господствующей высотой под названием “Перчатка”. Нам было приказано взять высоту. Маскируясь в кустарниках, мы подошли к подножью сопки. Но немцы заметили и из всех видов оружия открыли огонь. Мы залегли в заброшенных ячейках и окопчиках. Стали зарываться в землю, окапываться. А вокруг нас сверху сыпались мины и свистели пули. Нельзя поднять головы. Слышу, по цепочке передают: ранен то один, то другой. Но вынести их невозможно. Над нами

сплошной шквал огня. Прервалась связь с соседним батальоном. Командир послал бойца, приказал узнать обстановку. Солдатик низкого роста, плотный, неловко вылез из окопчика, тяжело побегом. Фашисты сразили его пулеметной очередью. Такая же участь постигла и второго бойца у всех у нас на виду. Тогда командир оглянулся вокруг, выбирая, кого еще послать, остановил свой взгляд на мне.

- Боец Окольников, выполняйте приказ!

Ох, как страшно было подниматься под пулями! Но приказ выполнять надо. Вылез из окопчика, но не побегом, а пополз попластунски. Тяжело. На спине вещевой мешок, в руке винтовка и на поясе саперная лопатка. Ползу. Уже прошиб девятый пот. Подняться нельзя. Свистят кругом пули и визжат мины. Смотрю, лежит у небольшой лужицы смертельно раненый парень. Умирает, живот распорот, вывалились кишки, а из его вещмешка вывалились деньги: кучи крупных бумажных денег. Столько я никогда больше не видел. Думаю: зачем ему нужны были эти деньги на войне? Может быть, взять их мне? Если возьму, меня точно убьют. С пренебрежением от них оттолкнулся. Ползу вперед. Миновал пристрелянное фашистами место. Приподнялся. Пробираюсь перебежками между мелкими кустарниками. Стало вечереть. Вдали мерцают какие-то огоньки. Передо мной огромная воронка. Падаю в нее отдышаться. И вижу: пригибаясь к земле, бегут два человека. В сумерках не различу, кто? Наши или немцы? Приготовил винтовку на бруствер и взвел курок.

— Стой! Кто идет?

— Свои, свои, — запрыгнули в воронку. Оказалось, это бойцы из батальона, с которым мне надо установить связь. Спрашиваю, где их командир? Не знают.

Один из них приподнялся, хотел выпрыгнуть из воронки, но тут же сполз вниз. Его сразила пуля. Второй парень выскочил и побегом.

Мне бежать некуда. Надо выполнять приказ. Пробираюсь туда, откуда прибежали бойцы. Вдали замерцали огоньки. Вижу — немцы! Идут по 2-3 человека, светят фонариками.

Что делать? Припал к кустарнику... Приготовился. Если заметят, успею один-два раза выстрелить... Думаю: вот бы сейчас мне автомат.

Два здоровенных фашиста приближаются. При свете фона-

рика видны их лица. И в это время их окликнули. Они повернули в сторону, освещая кустарники.

Стало ясно, тут хозяйничают немцы. Я потихоньку стал отходить. И как раз попал к комбату, к которому и шел на связь.

Ранним утром я нашел свою роту. Старшина удивился: “Тебя уже сняли с довольствия, думали: погиб”. А командир роты с растерянностью сказал: “Везучий ты, Окольников”.

Так в начале сорок второго года я прошел боевое крещение на Северо-Западном фронте.

Летом меня послали учиться в пехотное училище. Там пробыл три месяца. По приказу Верховного командования весь состав училища курсантами отправили на Калининский фронт. Воевал в составе 262-й и 306-й стрелковых дивизий младшим командиром. Участвовал в боях при освобождении Московской, Калининской, Смоленской областей и Белорусской земли. Всякое повидал. Ходил в атаку. Был в окружении.

Весной 1943 года наши войска крепко засели в оборону на Смоленщине. Обе стороны врылись в землю. Укрепили свои позиции. Построили блиндажи, землянки и выкопали траншеи. Между собою вели перестрелку и выявляли огневые точки. Наш 945-й стрелковый полк 262-й стрелковой дивизии также занял свой плацдарм. Глубоко вырыл траншеи и вокруг землянки оборудовал сигнализацию. Я в то время был заместителем командира взвода и одновременно секретарем комсомольской организации стрелковой роты. Для бойцов всегда приносил свежие газеты, журналы и на стол в землянке ставил полевые цветы. А из тех журналов, которые бойцы прочитали, мы красочными картинками облепили стены в землянке. Когда бойцы возвращались с боевого задания и с караула, они здесь душой отдыхали. Им нравился этот уют. Иногда шутили:

- Мы живём, как дома.

Как-то проверил нашу роту командир полка и похвалил за образцовую землянку. И, видимо, за это меня вскоре назначают старшиной роты. Но старшина роты из меня не получился. Я снова вернулся в свой взвод. Но сейчас рассказ поведу не об этом. Когда благоустроивали своё жилище, произошёл такой случай.

- Товарищ командир, - обратился ко мне шустрый молодой боец Ваня Смирнов. – Надо бы нам побольше соломки, чтоб

мягче на нарах спать.... Разрешите её принести вон из того стога...

И действительно, на нейтральной полосе почти перед нашими окопами стояла скирда соломы. Почему-то немцы и мы её не обстреляли, как будто берегли.

Согласовал вопрос с командиром роты, и стали готовиться к операции “за соломой”. Решили вылазку сделать на рассвете, когда немцы ещё спят. Нашли верёвку, чтобы сделать вязанку, и Иван пополз. Прикрыли его, конечно, на всякий случай. Приполз наш Ваня к скирде, солому дёргает и слышит, что-то шуршит на другой стороне. “Мыши, наверное, - подумал он. - Заглянул на ту сторону и видит, немец! И тоже солому дёргает. Оба без оружия. Смотрят друг на друга. Растерялись... Немец залепетал:

- О, рус! Гут, рус...!

А Иван тоже в ответ:

- Гут, гут...

Оба надёргали по охалке соломы и мирно расстались, каждый уполз к своим.

Мы потом, шутя, часто спрашивали:

- Иван, а Иван, ты не взял случайно у немца его адрес? В Германию придём – в гости сходил бы.

Ваня только умиленно улыбался. Солому, которую он притащил, мы рассыпали на нарах в землянке, и все были ему за это благодарны.

Между тем, жизнь в обороне шла своим чередом. Каждая из сторон вела стрельбу, выявляла огневые точки и охотилась за “языком”.

И вот однажды в наших окопах произошёл такой случай. В нашем стрелковом взводе служил сибиряк по имени Михаил. Фамилию уже запомнил. Был он плечистый, среднего роста, лет под сорок. Ребята в шутку называли его “Мишка-медведь” за то, что он был крепыш и быстро засыпал с храпом. И вот в летнюю тёмную ночь он стоял на посту в траншее и, наверное, задремал. Два немецких разведчика решили тихо взять его живым. Подползли и набросились. Стали в рот втыкать кляп. А Миша опомнился, изловчился, схватил зубами руку фашиста и стал жевать пальцы. Немец от боли и заорал, а второй немец с испуга удрал. Когда я сквозь сон услышал крик, то поднял тревогу: “В ружьё!”. Мы выскочили и видим: Миша держит в

зубах пальцы немца, и тот орёт. Бойцы стащили немца с бруствера в траншею. На допросе пленный разведчик дал ценные сведения о воинской части, которая стояла против нас. Так наш Миша, не сходя с места, в полудреме взял языка. И целую неделю ходил в героях.

...8 ноября 1943 года 306-я стрелковая дивизия на витебском направлении пошла в наступление. Ранним утром наша артиллерия нанесла мощный удар по обороне противника. Наш первый стрелковый батальон 992-го полка вышел из окопов. Вокруг рвались мины и свистели пули. А мы с криком: «Ура! За Родину! За Сталина!» шли в атаку, стреляли и бросали в окопы врага гранаты. Из блиндажа стали выходить здоровенные немецкие вояки, один, второй, третий... и сдаваться в плен. Мы освободили деревню и достигли безымянной широкой, но неглубокой реки. Наш взвод перешел ее вброд и закрепился на берегу. Вскоре немцы опомнились и открыли по нам ураганный огонь. Они не хотели отдавать выгодный рубеж. Основные силы 992-го полка не успели перейти реку и залегли в зарослях кустарника.

Наш взвод оказался один на берегу и принял атаку на себя. Младший лейтенант, командир взвода Рябинин, участвовавший в первом бою, растерялся или струсил. Оставил взвод и убежал обратно за реку. А мне крикнул: «Помкомвзвод, ты остаешься за меня». Когда бежал, немцы ранили ему руку. И он больше не вернулся. А бойцы взвода не испугались. Засев в немецких окопчиках и ячейках, строчили по врагу из автоматов и двух ручных пулеметов. Фашисты забрасывали берег минами, наседали автоматчики.

Но все атаки были отбиты. Берег не отдали врагу. К вечеру, как стемнело, немцы ослабили огонь. Тогда наши основные силы батальона перешли реку... В этом бою я был тяжело ранен.

А Петя Жилияков, мой односельчанин, с которым я уезжал из дома на войну, был призван позднее и погиб на фронте. Он был единственным сыном в семье Федота Тимофеевича Жилиякова. Из нашей деревни Дресвы, состоящей из 23 домов, было призвано на фронт 25 человек. Вернулось с войны только восемь.

Иоким Шелепов

В АДЖИМУШКАЙСКИХ КАТАКОМБАХ

Иоким Иосифович Шелепов родился в 1923 году в селе Шелепово Мокроусовского района. На фронте с апреля 1942 года. Был ранен, контужен. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, медалями. В послевоенные годы награжден орденами Трудового Красного Знамени, "Знак Почета", медалями.

Осенью 1941 года я пошел учиться в 10-й класс. А в октябре нас троих комсомольцев пригласил на беседу военный комиссар района и сказал, что по решению комсомола в Свердловске открываются курсы младшего политсостава. Райком комсомола рекомендовал вас для беседы. Раньше я прошел медкомиссию и был рекомендован ей для службы в авиачастях. Хотелось мне стать летчиком, но в то же время я сомневался и беспокоился, что меня могут долго не вызвать в авиаучилище, а война кончится и я не попаду на фронт. В наше время агитировать на воинскую службу не было нужды. Я тут же написал заявление о готовности поехать на учебу.

Учеба на курсах политсостава была организована по уплотненной программе. Изучали стрелковое оружие наше и немецкое, учились стрелять и метать гранаты, рукопашному бою, отработывали приемы боя в составе отделения, взвода и роты, ну, и, конечно, политической работе.

В начале апреля 1942 года состоялся наш выпуск. Нам при-

своили звание замполитрука. Весь курс – 400 человек погрузился в воинский эшелон и отправился на Запад. В ночь с 5-го на 6-е мая мы выгрузились в Керчи. Обстановка там в это время сложилась исключительно сложная. Немцы прорвали оборону.

Нас, замполитруков, даже не стали распределять по частям, а влили в состав 530-го стрелкового полка отдельным батальоном. Нас так и называли в те дни – уральский “политбатальон”, и неожиданно бросили в бой на ликвидацию немецкого десанта. Немцы были вымуштрованы и отлично вооружены автоматическим оружием, гранатами, холодным оружием. Нам же выдали родные русские трехлинейные винтовки и по 50 патронов. Наверное, наш нахрап и винтовки с длинными четырехгранными штыками и спасли нас. Первый бой – и сразу рукопашный. Была ужасная кутерьма. Куча на кучу. Все перемешалось. Наши длиннющие винтовки со штыком не позволяли немцам приблизиться, а им стрелять из автоматов, когда все перемешалось, было почти невозможно: попадешь в своих.

Я первоначально растерялся, когда на меня кинулся верзил немец с засученными рукавами, яростным блеском озверелых глаз и криком. Но мой друг Боря Петров, изловчившись, воткнул ему в бок штык. Немец завопил и свалился. Это так воодушевило меня и вывело из оцепенения, что и я стал настырно орудовать штыком и, озираясь, оценивать обстановку, чтобы не угодить под удар. Немцев мы перебили, но и наши ряды ужасно поредели. Но почти повсеместно на Крымском фронте наши войска отступали. Наш полк бросили на прикрытие отхода. На Турецком валу снова приняли рукопашный бой. Все, что от нас осталось, было подкреплено легко ранеными бойцами других частей. Мы окопались, но ненадолго. А мимо ехали и шли сплошным потоком санитарные части, потом хлынули отступающие войска.

Немцы наседали. Помню на подступах к Керчи такой эпизод: стоит батальонный комиссар в полной форме и призывает: “Коммунисты, комсомольцы, политработники, командиры, становитесь здесь! Прикроем отходящие части, раненых бойцов и город Керчь от врага!”

Приказа не было. Была просьба. Но какая! И я остановился. Остановились многие из нашего “политбата”, кто еще уцелел. Останавливались пехотинцы и моряки, люди в летной форме и

“безлошадные” танкисты... , русские и татары, грузины и евреи.

Стали спешно окапываться вблизи дороги. В группе вместе со мной оказалось человек сорок. Но не успели мы окопаться, как почти рядом грохнули разрывы снарядов, а следом показались немецкие танки. У нас не было даже противотанковых ружей.

На нашем участке наступало 7 танков. Моряку, что лежал рядом со мной, и мне передали по противотанковой гранате. Заметил, что еще двое бойцов неподалеку держали бутылки с зажигательной смесью. Когда танки уже были метров за 50-60, комиссар попросил нас с морячком выдвинуться им навстречу. Именно попросил! Он не приказывал. А посмотрел мне в глаза как-то печально и кивнул головой. И мы поползли. Впереди моряк, по форме, как мне показалось, это был мичман, а чуть правее и сзади – я. Ползли почти в открытую. Под самым лицом невысокая, чахлая трава. Я почти ничего не видел, слышал только приближающийся рокот мотора танка. Раздался взрыв. Я, вздрогнув, сжался весь и приподнял голову. Чуть слева, метрах в двадцати, крутился на месте танк. У него от гранаты моряка свалилась гусеница. А справа от меня, в 6-7 метрах шел второй танк. “Какое везение, что я “левша”, - пронеслось в мозгах. На раздумья уже не было времени. Я, приподнявшись, кинул гранату через себя. Грохнуло очень... и наступила тишина.

Очнулся. Закат... Тишина... Голова, готовая расколоться от боли. Вижу лицо батальонного комиссара. Он склонился, шевелятся губы, но я ничего не слышу.

Нас в живых осталось 5 человек: один из них ранен и я контужен. Немцы, видимо, встретив здесь отпор, обошли огневую преграду.

Стемнело. Мы побрели в сторону Керчи. Меня поддерживал пожилой мужчина в командирской гимнастерке, звания его не помню. Раненого бойца на винтовках, перехваченных поясными ремнями, несли остальные попеременно. Добрались до Керчи где-то в полночь. Укрылись в каком-то огороде до выяснения обстановки. На рассвете комиссар попросил бойца пробраться за дувал во двор, чтобы расспросить хозяев об обстановке в городе, хотя и так было ясно, что он занят немцами.

Вместе с посыльным пришла девочка лет 14-и и сказала,

что наши отошли в сторону катакомб. Она советовала незамедлительно и нам уходить туда. Она же указала дорогу.

В катакомбах, действительно, было много наших бойцов. У нас проверили документы и взяли на учет. Кроме военных там было много и мирных жителей.

Военный гарнизон возглавил полковник Ягунов, комиссаром гарнизона стал батальонный комиссар Парахин. Я думаю, просто уверен, он был нашенский, зауральский. Однажды, беседуя со мной, он спросил - откуда я родом, а когда узнал, заулыбался и сказал: "Земляк". Спросить его, откуда он, я постеснялся, о чем сожалею.

Аджимушкайские катакомбы, несмотря на осадное положение, сражались с врагом. Шла обычная боевая работа. Подразделения вели наблюдение за врагом, нападали на гарнизоны, вели политическую работу. Нам, политрукам, нужно было разъяснять людям, что враг будет разбит и победа будет за нами. Темнота, сырость, голод подтачивали силы солдат, и наше слово давало им силы бороться. В катакомбах находилось свыше двух тысяч коммунистов и комсомольцев. Проходили партийные собрания совместно с комсомольскими, выпускались боевые листки. Редактором у нас был Семен Тимофеев из Свердловской области.

Вся подземная галерея была разбита на 3 участка, которые делились на сектора. Каждый сектор оборудовал амбразуры, выходящие на поверхность, здесь устанавливались посты наблюдения и боевого охранения. Немцы вынуждены были содержать здесь внушительные гарнизоны, но мы не давали им спокойно жить, наносили ощутимые удары. Гитлеровское командование решило замуравать все выходы из-под земли, лишить нас воздуха и воды. Но и в этих условиях мы не сдавались. Много раз разведгруппы с помощью местного населения находили выходы на поверхность, о которых немцы не знали. И тогда через них отправляли людей, в первую очередь гражданское население.

Труднейшим было положение с продовольствием и водой. У поселка Аджимушкай наши разведчики обнаружили скирды ячменя, обмолот которых начали румынские интенданты, пригоняя сюда для работы местных жителей. Несколько раз разведчики приносили зерно, которое потом варили и отвар дели-

ли ослабевшим. Ходил за ячменем и я.

В августе мы с двумя товарищами пошли в разведку. Комиссар Парахин поручил встретиться с надежными людьми. Но, прежде всего, нужно было выбраться из-за немецкого оцепления. И это нам удалось. Направились в сторону Керченского пролива. До рассвета нужно было успеть. Внезапно взлетела осветительная ракета. Мы припали к земле, а когда поднялись, – грохнул взрыв. Видимо, один из моих друзей наступил на мину. Очнулся, уже было светло. Все тело ныло от боли. Повел глазом, второй заплыл от удара. Вижу тень стоящего человека. Это был румынский солдат. Он пнул меня сапогом, и я потерял сознание. Пришел в себя, когда грузили на телегу. Это делал мальчишка и еле державшийся на ногах мой товарищ по разведгруппе. Так я оказался в концлагере.

Боевое братство в беде еще крепче. Ночью же среди пленных нашлись врачи. У меня обнаружили перелом ноги, трещины и перелом ребра. Правый глаз затянуло кровью, из уха шла кровь. Оказали помощь, как смогли.

Недели две лежал, боялся пошевелиться от боли. Но постепенно стал соображать, где я. Месяца через три тез из нас, кто не ходит, отправили в Джанкой, а оттуда в вагонах – в Шепетовские лагеря. Здесь я начал ходить. И мы вдвоем решили бежать. Выбрали момент, когда погнали нас на работу, и оторвались от колонны. Две недели шли на восток. В каком-то городке попали под облаву, нас отправили в карцер. Три дня держали в цементном бункере по колено в холодной воде. Отправили меня с колонной в вагонах в Польшу, в Чанстохов. Оттуда тоже втроем сбежали, бродили по полям и лесам больше месяца, отощали, решили в хуторе что-нибудь достать поесть. Поляк обещал принести еду, но привел немцев. Освобожден из концлагеря нашей армией. После этого служил в 156-м стрелковом Пярнском Краснознаменном полку до окончания войны, участвовал в боях на 2-ом Белорусском фронте.

Николай Подоксенов

ВОДНЫЕ

ВЕХИ

ВОЙНЫ

Николай Александрович Подоксенов два года шел дорогами Великой Отечественной войны. Все это время его боевым “домом” была 259-я Артемовская стрелковая дивизия. Отрывался от нее только один раз по ранению.

Сержант, командир отделения 427 отдельного саперного батальона. Награжден.

Сейчас ветеран проживает в селе Тюленево Шадринского района.

Я – сапер. А дело наше такое: отступаешь, минировав дороги, мосты, поля, здания, предприятия, поселки и города, уходишь последним; наступаешь, разминировав все это после врага, идешь первым.

Мне и моим товарищам повезло, мы пришли в войска, когда война уже катилась на запад, мы только разминировали, обеспечивали нашим войскам наступление.

Закрываю глаза и явью проступает прошлое, военное время: Волга у Сталинграда, Дон, Северный Донец, Днепр, Ингулец, Днестр, Дунай. Эти реки, как мои вехи той лихой години.

На берегах всех этих рек я с боевыми друзьями прополз на пузе не один десяток километров, “разгребая” минные поля, которые оставляли фашисты, восстанавливали взорванные или строили мостки и мостики, переправляли наших бойцов по понтонам, на лодках, плотках и бочках, даже тесовых воротах. Ра-

ботали, именно работали, потому что, мне кажется, война – это работа, только страшная и кровавая. И все под бомбежкой, с боями.

Начинали с Волги. Все знают, как досталась нам оборона Сталинграда. Но разгром гитлеровцев, пленение тысяч фашистов подняли настроение советских войск. Шли вперед и вперед!

Дон наши перешли зимой по льду, хотя всем, в том числе и саперам, пришлось нелегко, в марте также с ходу форсировали Северный Донец, заняли плацдарм на правом берегу. Но немцы очухались, нажали страшно, и наш 939 стрелковый полк отошел по льду на левый берег. Укрепились, поставили минные поля. Наш батальон подготовил разборный дубовый мост, подручные плавсредства.

В июне попробовали форсировать реку в районе Марфиной могилы, но неудачно. Потеряли много людей, штрафной батальон, бывший на острие атаки, poleg почти полностью.

Зимой 44-го года немцы укрепились на открытой местности. Погода была слякотная – днем тает и дождь идет, ночью застывает. Шинель стоит колом, обувь мокрая, посушиться негде, леса нет, отопить землянки нечем. Так что “стояние” было очень тяжелым, а с передовой не уйдешь. Ночью бегаем вдоль окопов, греемся, и немцы бегают, не стреляют.

В начале марта фронт двинулся, и мы вышли на берег могучего Днепра, как раз напротив города Никополя. Распутица, река широкая, мосты взорваны, а переправляться надо. Копили силы.

Вечером командир роты старший лейтенант Рыбин приказал командирам взводов и отделений, пока подойдут понтоны, искать подручные плавсредства, собрать лодки и все другое, что держится на воде. Мне повезло, нашел деревянную лодку, пригнал к месту погрузки, вместо весел – железная лопата. Посадил двух бойцов с ручным пулеметом.

Сигнал - и поплыли, как подумалось, на верную смерть. Надо сказать, что я никогда на лодке не плавал, негде было. На моей родине речка Скакушка летом полтора-два метра шириной, потому лодок у моих земляков никогда не бывало. Потому и плавать толком не умел. Но вот плывем, почти середина Днепра, все тихо, даже разговаривать нам запретили. Где-то далеко взлетают ракеты, но стоит тишина. Высадил “свой десант” и обратно “дай бог ноги”. Течение было быстрым, снесло и потом долго

добирался до своих. Доложил ротному, он дал смену, а меня отправил отдохнуть. Словом, ничего героического не совершил.

А случилось это потому, что наши войска наносили основной удар севернее, заходя в тыл никопольской группировке, и немцы, чтобы не попасть в “колечко”, в панике драпанули. Так я прошел свою днепровскую водную вежу. Утром подошли понтоны, и мы вручную на них с помощью тросов переправляли дивизию. Налетели вражеские самолеты, бомбили, наши огрызались зенитками, но переправа шла пять суток подряд. В кровь изодрали руки, уставали страшно, но понимали – время в наступлении всего дороже. После этой вежи вызвали, вручили медаль “За отвагу”, поздравили и за... Ингулец.

Река эта поуже Днепра, но мост взорван. Наскоро, отбив атаку двух вражеских танков, восстановили его и пропустили дивизию.

Самым сложным форсированием была переправа через Днестр. В полосе наступления нашей дивизии оказался Днестровский лиман, это залив шириной от пяти до десяти километров, а в устье реки было множество протоков и стариц, через которые когда-то было сооружено больше полутора десятков больших и малых мостов и мостиков. Мое отделение и взвод разведки вышли к водной преграде первыми и обнаружили, что одни мосты горели, другие были взорваны, третьи заминированы, как заминированы подходы ко всем сооружениям.

Взорванный железнодорожный мост мы не стали ремонтировать. Лето стояли в обороне, правда, в июне попытались форсировать Днестр, пехота переправилась, но без поддержки артиллерии и танков не выдержала натиска гитлеровцев и отступила на старые позиции. 20 августа 44-го началось общее наступление наших войск, тогда и наша дивизия перешла Днестр. Вошли с боями на территорию Румынии, началось освобождение Европы. А меня в этот день ранило, и я попал в госпиталь в городе Одесса.

Последний мой водный рубеж – Дунай. Его я “форсировал” по мосту в составе команды, следующей в свои части после излечения. Был июнь 1945 года – больше мне воевать не пришлось.

Федор Акатьев

СО “ШТРАФБАТОМ”

НА ВОЙНУ

Перед Отечественной войной я работал в военном комиссариате Ульяновского района Амурской области. Жизнь у нас была чётко спланирована и организована, без особых треволнений. 22 июня 1941 года перевернуло все в этом отдалённом от центра краю. Началась мобилизация. Край наш заселён негусто. Все резервисты и допризывная молодёжь были на строгом учёте. Готовили команды, сразу же организовали обучение военному делу ребят старшеклассников, подготовку медицинских сестёр. Люди относились ко всему этому с желанием и со всей серьёзностью и ответственностью. Прямо при военкомате начали обучение по ускоренной программе работающей молодёжи. Военкомат, хотя и работал днём и ночью, но времени нам катастрофически не хватало.

В 1943 году, когда и семнадцатилетних мальчишек почти не осталось, пришлось изыскивать “особые резервы”. После согласований с центром поехали мы в “специальную зону” - на строительство нефтепровода, где работы выполняли 15 тысяч заключённых, осуждённых на сроки от пяти лет и более.

Только приехали туда, а в зоне быстро все стало известно. Агитировать и искать желающих пойти на фронт нам не пришлось. Сразу несколько тысяч изъявили желание добровольно отправиться на фронт, хотя знали, что снятие судимости наступит только после боев в составе штрафных рот и батальонов. Желание защитить Родину от фашистов, можно сказать, свети-

лось в глазах людей.

Началось оформление документов, формирование команд, отправка их на станцию Шамановск. Два месяца каждую команду обучали основам военного дела и после этого отправляли на запад. С одной из таких команд поехал на фронт и я. Как и положено было тогда поступать со “штрафными” батальонами, нас бросили в самое пекло боев, в район Старой Руссы. Здесь пришлось отчаянно драться с откатывающейся от Ленинграда крупной группировкой гитлеровцев. Грохот канонады, взрывов, пулемётной трескотни... и отчаяние идущих под огонь людей. Идущих победить, защитить Отечество.

Удивляюсь и не понимаю до сих пор, кто и как управлял всем этим Адом?! Мужеством, решительностью и стойкостью этих людей можно было только восхищаться. Не верилось, что это вчерашние заключенные так дерутся за свободу и честь своей земли, своего государства, обошедшегося со своими гражданами со всей суровостью, а часто и с жестокостью. Никакие отборные части гитлеровцев не могли сломить упорство и волю этих героев, их стремление к победе.

Немного уцелело этих лихих бойцов в горниле сражений. В одном из боев меня взрывом сбросило вместе с пулемётом в траншею, тяжело контузило, оглушило, засыпало землёй. Я очнулся и пришёл в себя только в госпитале. Там мне и рассказали, что бойцы штрафбата долго искали меня, откопали через три часа из-под земли, доставили в санбат.

Я не встречался больше с этими мужественными защитниками Отечества. Медкомиссия списала меня подчистую. Но доведись бы мне ещё воевать, я желал бы стоять в строю, идти в бой или разведку с такими парнями, с такими солдатами. Жаль, что очень многие их жизни легли на алтарь свободы Отечества.

За плечами у меня большая жизнь. Пришлось послужить Отечеству и на мирном фронте вначале в Амурской области, потом в Кургане, на машзаводе имени Ленина. И везде, и всегда на фронтовиков полагались, как на самых надёжных, ответственных и добросовестнейших людей. Самые сложные и срочные работы они выполняли вовремя и с безупречным качеством. Там, где работали бывшие фронтовики, за успех не стоило сомневаться.

Василий Михайлов

СВЯЗИСТЫ,

ВПЕРЕД!

Василий Тихонович Михайлов родился 15 февраля 1924 года в деревне Новокалмаково Щучанского района. Перед призывом в армию в ноябре 1942 года трудился трактористом.

На фронте с марта 1943 по август 1944 года.

Ранен, контужен. Награжден – орденом Отечественной войны I-й степени, медалью “За отвагу”.

После войны работал военруком в школе, секретарем Щучанского райисполкома.

В 1958 году окончил заочно Свердловский юридический институт. Работал прокурором в Шатровском, Лебяжьеvском и Мишкинском районах.

Не собираюсь вдаваться в подробности или опровергать всем известные факты, просчеты руководства страны, неудачи в первые месяцы войны, но хочу сказать, что страна готовилась к войне – к обороне.

Достаточно напомнить о том высоком патриотизме, который воспитывался в нас и в школе, и дома. Художественная литература, школьные учебники, песни и кинофильмы – один “Чапаев” чего стоит! – делали нас патриотами.

А Магнитка, ЧТЗ, Кузбасс и другие – вот та индустриальная база, которая рождала в нас уверенность в победе. Служба в армии и на флоте были почетной обязанностью каждого здорового парня. Был клич руководства страны: “Комсомольцы – на

флот!” А уж авиацией так мы просто болели. Увидеть летчика, да еще в военной форме – было приятным событием. У нас двое старшекласников прямо убежали из школы – в аэроклуб.

А в школе нас в прямом смысле готовили к защите Родины. И это, в основном, на общественных началах. Я хочу сказать о тех кружках, в которых мы изучали военное дело и сдавали нормы на значки “ГТО” (Готов к труду и обороне), “ВС” (Ворошиловский стрелок), “ГСО” (Готов к санитарной обороне), “ПВХО” (Готов к противохимической обороне). Правда, на значок “ГТО” мне не пришлось сдавать нормы: на этот значок сдавали старшекласники. А в восьмом классе мы сдавали на значок “БГТО” – Будь готов к труду и обороне.

Никто никого не понуждал к занятиям в этих кружках: это было внутренней потребностью, делом чести и гордости – носить на груди значки.

И все-таки война для нас была неожиданной, этого скрывать нельзя.

Прямо скажем: бедновато жили, особенно в колхозах, но наш колхоз “Путь Ленина” в деревне Новокалмаково Щучанского района до войны имел две автомашины-полторки. Мы росли здоровыми: все семь ребят из нашей деревни, мои одноклассники (1924 года) были пригодны к службе в армии.

Призвали нас в конце 1942 года, когда каждому из нас исполнилось по 18 лет. Вначале – подготовка в Чебаркуле. Я был небольшого роста: 165 см, но коренастый, упитанный, весил четыре пуда. Меня определили в минометчики – носить плиту весом 22 килограмма. Вот уж истинно: больше пота в ученьи – меньше крови в бою.

Зимой 43-го нас маршевой ротой отправили на фронт.

Прибыли на Брянский фронт ранней весной, стояли во втором эшелоне, сразу же приступили к боевой подготовке. Одно дело – подготовка в тылу, за тысячу километров от передовой, другое дело – завтра в бой, успех которого зависел от каждого из нас. Отрабатывалась и замена номерами: каждый должен быть способным заменить вышедшего из строя бойца, своего товарища.

И вот в один из таких дней меня вызвали в штаб полка и направили в роту связи. Жалко с товарищами расставаться, да и среди минометчиков я был не на плохом счету. Но приказ есть приказ.

И снова – учеба. Главное – не растеряться в бою под обстрелом, быстро найти и устранить порыв, обеспечить связь между батальоном и полком.

Телефонная связь на фронте была однопроводной: вторым проводом служила земля. На учениях, а потом и на передовой возьмешь в одну руку провод – и бежишь до обрыва. С собой – телефонный аппарат, катушка с кабелем, карабин или автомат, лопатка. А кабель прокладывали по возможности в менее доступных для обстрела местах. Поэтому часто прокладывали провода разные связисты: пехота, артиллеристы, танкисты и даже авиация. И когда снаряд или мина попадет в этот жгут проводов и раскидает концы в разные стороны, то не сразу и найдешь свой. Расцветка проводов чаще всего была одинаковой, вот и попадаешь иногда на чужой, за что получаешь трехэтажную “благодарность” от незнакомого коллеги.

Соединишь провода, убедишься в восстановлении связи – и бежишь обратно. Не успеешь спрыгнуть в окоп или иное временное укрытие, снова команда: “Михайлов – на линию!” Но это было потом...

А прибыли мы в 801 стрелковый полк 235 стрелковой дивизии. Готовились к наступлению. Не подозревали мы тогда, что будем участниками знаменитой и кровопролитной Курской битвы.

Наша дивизия, а точнее – ее 806 полк, первым прорвал оборону врага, форсировал речку Зушу в районе деревень Вяжи и Малое Измайлово. Этому подвигу героев посвящены диорама в г. Орле, которую мы осматривали со слезами на глазах на встрече ветеранов дивизии.

Пора и нам – в бой.

В числе первых бежим с напарником Иваном Тищенко к реке. По наспех сколоченным саперами мосткам бежим через речку. Вода – вся в фонтанах от разрывов мин и снарядов, много барахтающихся в воде. Речка хотя и неширокая, но достаточно глубокая для человека. Подбегаем к противоположному берегу... Взрыв, звук которого я почему-то не услышал. Мостки в щепки, в глазах – ослепительный огонь, как от яркого солнца. Ну, думаю, убило.

Оказался в воде. Достал ногами дно. И, подпрыгивая, можно хватать воздух. Жив!

Оба с Иваном выбрались на берег и устремились вперед,

искать командира батальона.

- Прибыли вовремя, - сказал комбат капитан Чеховский, - давайте связь!

Связь мы дали, но ненадолго. Бой кипит, от разрывов снарядов и мин без конца рвутся провода. И вот первое устранение порыва под обстрелом врага. Нашел оба конца. Да забыл о том, что нож в кармане, зачистил кабель зубами, проверил, что связь восстановлена, побежал к своим. А навстречу командир отделения младший сержант Закоулов уже кричит: "На линии опять порыв, Михайлов, беги!"

А мы побежали вперед, у Ивана только катушка жужжит за плечами.

При возвращении опять держал провод в руке. Не знаю, как получилось, но метрах в 100-120 впереди себя увидел немцев, мечущихся по полю. Я залег, выстрелил из карабина, но промахнулся. Они скрылись в низинке, в кустах. А тут их танки загудели, начали выползать из-за кустов в нашу сторону. А я – на открытом поле и – о беда! – потерял саперную лопатку. Даже окопаться нечем. На мое счастье подоспели артиллеристы-сорокапачки, один танк подбили, других обратили в бегство.

Вскоре я нашел своих, но долго никому не говорил о том страхе, который я пережил из-за отсутствия лопатки.

И так бесконечно долгий, долгий день.

А спустя 40 лет на встрече ветеранов в музее боевой славы г.Новосиль на стенде, посвященном нашей дивизии, я прочитал: "Телефониста роты связи красноармейца Михайлова Василия Тихоновича за то, что он в бою за населенный пункт Мельнь 14 июля 1943 года обеспечил бесперебойную связь НП полка с батальоном и под минометным и артиллерийским огнем противника устранил 35 порывов линии связи – наградить медалью "За отвагу". В этом приказе на представление отличившихся к наградам, конечно, был не один я.

После отдыха и пополнения нашу дивизию перебросили на Калининский фронт, переименованный вскоре в Первый Прибалтийский. Нашей дивизии за освобождение г. Витебска было присвоено наименование Витебской.

В боях за освобождение Белоруссии об одном эпизоде хочется рассказать. Когда я в очередной раз бежал на устранение порыва, держась левой рукой за провод, немец открыл по

мне огонь из “куропатки” (крупнокалиберного пулемета с разрывными снарядами). Я почувствовал удар в большой палец левой руки. Вначале думал, что просто ударился обо что-то твердое (бежал по кустарникам), а затем увидел, что палец перебит и болтается. Почти одной рукой, с помощью зубов я все-таки устранил порыв, сообщил о ранении по телефону. Перевязал индивидуальным пакетом палец, получил команду следовать в санчасть. Но не ушел, остался при части. Вскоре перешли к обороне. Зимой 1944 года меня контузило: ударило в лицо, видимо, комом мерзлой глины. Кровь из носа и ушей. С тех пор плохо слышу на левое ухо.

Летом 1944 года в наступательной операции ранило в левую ногу. Меня отправили в госпиталь. Так я распрощался с родной дивизией и однополчанами. На этом моя фронтовая жизнь и закончилась.

Я, к счастью, уцелел, хотя раненый и контуженный, но вернулся домой. А огромное число моих земляков, миллионы советских людей сложили свои головы на полях сражений.

Думается, что это мы сделали не зря. Сейчас сложное для нашей Родины время, но Русь Великая жива и жить будет вечно! В этом мы, солдаты Великой Отечественной, уверены!

Михаил Сартаков

МНЕ СВЕТИЛА ЗВЕЗДА УДАЧИ

Михаил Федорович Сартаков родился 4 ноября 1925 года в селе Чернавском Притобольного района. На фронте с февраля 1944 года. Дважды ранен. Награждён орденами Отечественной войны 1-й степени, Славы 1-й и 2-й степени, медалями “За отвагу”, “За освобождение Варшавы”, “За взятие Берлина” и другими.

Родился я в Чернавском. Хорошие у нас места, красивые, и произрастает все хорошо. Годы, правда, на мое детство трудные пришлись, схожие с нынешними, а может и покруче. Часто голодовали: в тридцатом году, в тридцать третьем. Можно сказать, только перед войной самой и зажили полюдски, досыта есть стали. А тут она, проклятая, и нагрязнула. Уходили люди на войну и группами, и в одиночку, кто с песнями, а кто со слезами.

А меня долго не брали. Ростом я не выдался. То ли это с заморов произошло, а может в родословной от родителей по наследству заложен был мне тугой рост. Не знаю. Только когда мои годки, призывались в армию, я все еще был ростом всего метр и сорок четыре сантиметра. Миша-маленький, так меня в деревне и называли. Забегая наперед, скажу, что даже когда с войны вернулся, то еще за пару лет на 7 сантиметров подрос. С ростом таким меня никуда не брали. В военкомат обращаюсь, а мне там с улыбочкой: “Подрасти еще, Миша. Иди домой, не

мешай работать”.

И все-таки хождения мои не пропали даром. Включил меня военком в одну из команд, отправил в армию. Попал я в группу, что комплектовалась в школу авиационных стрелков-радистов. Комиссию прошел. Здоров, все нормально. Идем строем в часть. У ворот офицер. Посмотрел. Спрашивает:

— А этого пацаненка куда ведете? Нечего ему в нашей школе делать.

Возвернули меня на комплектовочный пункт в Чебаркуль. Попал я в подразделение майора Феропонтова, бывшего гвардейца известной тогда Панфиловской дивизии. Раненый, больной, но очень душевный был человек. Он относился к нам именно как к пацанам. А нас таких сигалеток, “метр с шапкой”, собралось у него десятков около трех.

Как-то раз после формирования маршевых рот нас опять забраковали. Стоим мы в сторонке от зачисленных солдат, как сироты. Мороз до костей пробирает. Начали барахтаться, толкать друг друга, тумачи дружеские поддавать. В это время и подошел к нам командир дивизии. Спрашивает у майора Феропонтова, что это за детсад тут колобродит. Тот и сказал ему, что мы на войну хотим и по годам все в полном порядке, но ростом не вышли, все нас и бракуют. Опять не включили в состав маршевых рот.

Посмотрел комдив на нас, потом на Феропонтова.

— Вот что, майор, грузи их в последний вагон. На фронте разберемся, кто чего стоит, если и вправду они на войну торопятся.

С какой радостью мы бросились собирать свои пожитки, боже ты мой!

Я с благодарностью взглянул на комдива, хотел крикнуть; “Спасибо”, но споткнулся. В глазах его увидел не то большую печаль, не то боль. Он-то знал, что такое война. Вместо кисти левой руки у него из рукава шинели торчал протез в кожаной перчатке.

Состав наш выгрузился в Сталинградской области. Здесь 62-я армия Чуйкова стояла на переформировании. Шел февраль 1944 года. Потеплело. Подтаивать даже начало. Нас поставили на довольствие, определили по палаткам, оружие выдали. Винтовку получил, а она у меня на целый метр выше головы торчит. Посмотрел взводный, хмыкнул, автомат принес, сказав:

— Эта штука тебе, Михаил, сподручней будет. Воюй.

После формирования двинули нашу часть на Кавказ. Пока добирались, немцев оттуда уже выперли. Получили приказ освободить Крым.

Пришлось повоевать бок о бок с моряками. Отчаянные были ребята. Особенно яростно дрались они, когда освобождали мы Севастополь. Фрицы их шибко боялись. С ними прошлись по Дунаю и Молдавии. В Яссо-Кишиневской операции участвовал. Дружок у меня был с первых дней фронтовой жизни — Вася Уланов. Мы с ним были, не разлей вода. И все как-то удачно для нас сходило. Бой пройдет, а нам хоть бы что. Впервые меня щелкнуло в Белоруссии, за Ковелем, двумя осколками выше кисти. В санбатальоне лангет наложили, пальцы не действуют. И Васю-то, дружка моего, контузило. Но он сумел из санбата сигануть в свою часть, а меня в госпиталь упекли, но ненадолго. После госпиталя угодил на Сандомирский плацдарм. Васю Уланова встретил, а через него в роту автоматчиков особого назначения попал. Ребята тут были дружные и просто отчаянные. Особо сдружился я с Васей морячком. Две медали “За отвагу” были у него, но он их не носил, а вместе с бескозыркой и бушлатом бережно хранил в вещмешке для особого случая, как он говорил. В роту эту он из госпиталя попал, а в госпиталь — из штрафбата. Уважали его ребята за надёжность в бою и за общительность, весёлый характер.

Через Вислу наш батальон перемахнул удачно. Первого сентября это произошло. Немцы нас недели две донимали отчаянно. Хотели спихнуть в Вислу обратно, но не смогли. Место на нашем участке фронта угодило сырое, можно даже сказать, болотистое. Танками на нас не попрёшь. Они больше артиллерией нас и донимали. Постепенно полк наш весь перебрался сюда, затем и штаб дивизии на западный берег перекочевал, обжиться стали. Начались, так называемые, тихие бои местного значения. Думаю, обе стороны ждали морозцев, чтобы технику было можно использовать и схватиться всерьёз.

Людей было уже много на западном берегу, а надёжную переправу через Вислу навести все не удавалось. Только наведут понтоны — немцы как чуют — налетят самолёты, и всё начинай сначала. Перебои с продовольствием случались, да и вообще кормили “не густо”.

В самых первых числах ноября на нейтральной полосе свинья подорвалась на mine. Вася морячок вызвался доставить свинины для ротного камбуза, как он по-флотски величал ротную кухню. Ребята уговаривали не ходить. А он сказал, что такому добру пропадать, когда братва питается кое-как, – это просто преступление. Целый день наблюдал за обстановкой. К вечеру сползал на нейтралку, всё осмотрел, сработал и с добрыми шматками свинины вернулся.

Примерно в километре от нас и на расстоянии чуть ближе от немецких траншей, стояла крестьянская усадьба, вроде хуторка. Поляки там жили. Дым из трубы замечали мы много раз. Свинья, видимо, из той усадьбы сбежала и попала на минное поле. Мы удивились: как это немцы у поляка её не забрали?

А вечером, после ужина со свининой Вася морячок по секрету мне сказал, что в хуторке гонят самогон: запах он учуял, когда за свининой ходил. Он и уговорил ротного отпустить его вместе со мной навестить хуторок и добыть “горилки” к 7 ноября, чтобы революционный праздник достойно отметить.

Ротный, видимо, с кем-то “утряс” этот вопрос, коли мы с Васей при сопровождении сапёров так же к вечеру поползли к хуторку. Добрались удачно. Правда, тяжеловато было. Я кроме основного в запас четыре автоматных диска с собой прихватил да пару гранат.

Пока Вася морячок беседовал с хозяином насчёт горилки, я забрался на чердак сеновала, посмотрел в сторону немецкой обороны – и аж, душа обмерла: в метрах за пятьсот от нас к хуторку ехали верхом на лошадях девять немцев. Я скатился с сеновала и доложил обстановку. Вася занял оборону на чердаке, а мне приказал залечь в кустах метрах в тридцати от постройки и первому в бой не вступать. И когда Вася удачно из автомата уложил половину всадников, я тоже неожиданно для гитлеровцев атаковал их из укрытия, метнув гранаты, а затем огнём из автомата. За какие-то десять минут группа немцев была уничтожена. Нам самим нужно было побыстрее уносить ноги, потому что немцы начали обстрел наших позиций из шестиствольных миномётов. Они, видимо, не поняли, кто сразил их конников.

Отходя к своим, мы забрали две полевые сумки с убитых офицеров, их документы и солдатские книжки остальных. Всю дорогу Вася негодовал, что поляк, видимо, печёт для фрицев

хлеб и гонит им шнапс, потому они свинью его не сожрали и лошадь была у него в конюшне.

Когда вернулись к своим траншеям, то вся спецрота была уже “на ушах”. Здесь были и комбат, и командир полка подполковник Курносых.

За самовольную отлучку на нейтральную полосу нас тут же с Васей морячком отправили под арест, забрав оружие, ремни и погоны. Ну и, конечно, нашу добычу: две немецкие командирские сумки и канистру самогонки.

Нам сочувствовали в роте все: приносили побольше, чем обычно, хлеба, добыли даже тушёнки. На третий день нас потребовали немедленно доставить в штаб полка. Но когда мы появились у комбата, он заставил старшину одеть нас надлежащим образом.

Из штаба полка нас на “виллисе” переправили в штаб дивизии. Комдив генерал Глебов очень спешил и поручил разобраться с нами майору Децелю из политотдела. Тот выписал нам направление на прифронтовую базу отдыха. Мы ничего не понимали.

Через неделю вернулись в роту. И только здесь старшина батальона Киценко с восхищением встретил нас: “О, герои, вернулись! Гарные документы немцев вы добыли!”

Через неделю командир полка вручил перед строем Васе морячку орден Красной Звезды, а мне медаль “За отвагу”. При этом он сказал, что мы принесли очень ценные документы.

Потом уже мы узнали, что это были схемы немецких минных полей и проходы в них для танковых атак противника.

В январе сорок пятого года нас бросили под Варшаву, до которой было километров 60. Вот здесь я впервые ощутил на себе, что такое приказ Жукова. Командир нашего 76-го полка гвардии подполковник Курносых явился из армейского штаба какой-то взъерошенный. Построил нас и огласил приказ, что к предместьям Варшавы полк должен пробиться за два часа после начала наступления. Кто замешкается или отстанет на марше, будет отдан под трибунал, как симулянт. Кто струсит в бою — будет расстрелян на месте.

В три часа ночи 16 января 1945 года полк был поднят по тревоге. Рокотали моторами готовые к марш-броску студебекеры. По настилам мы вбегали по 30 человек в каждую машину, по команде садились, захлопывался борт и студебеккер тут

же срывался с места. Машины уходили одна за другой. К назначенному времени мы были в заданном районе. А над нашими головами сразу же засверкало, засвистели снаряды, начался мощный артобстрел по противнику. Через 20 минут мы уже метнулись в атаку на немецкие позиции. А те по нам из пулеметов и минометов лупят. Здесь меня хлестануло осколком в щеку. Шесть зубов выплюнул, а осколок рукой вырвал из челюсти. Только поднял голову, мне еще раз да в то же самое место осколок угодил. Свалился я в немецкий окоп, а сверху танки пятой ударной армии генерала Берзарина грохочут.

Подобрали меня санитары — и в медсанбат, челюсть разворотило, рот закрыть не могу. Башка, как болванка чугунная, вся гудит. Отправили в госпиталь, в город Люблин. Там лечить умели. Опыт-то какой! Тыщи нашего брата за месяц-то пройдет. Поставили челюсть на место. Осколки, что попали ближе к виску, тревожить не стали.

Молодые были, раны зарастали быстро. В марте уже записали меня в группу выздоравливающих и в охранный взвод назначили, чтобы госпиталь охранять.

Поляки народ шустрый. Особенно по вопросам купить-продать. Гоняем их от госпиталя, а они все равно где-то поблизости околачиваются, торгуют. Все скупали: шинели, сапоги, ремни, даже каски, на войну в них собирались идти или поросят кормить, кто их знает. Несу я как-то дежурную службу, а раненые ребята сапоги принесли и просят:

— Отнеси вон в тот двор, Миша, там поляк ждет, самогону за них принес.

Ну, я и пошел. Возвращаюсь, а начальник госпиталя подполковник Кокушко и боец с ним у проходной меня уже поджидают. Кто-то, видимо, сказал.

— Что, Сартаков, несете? — спросил начальник.

Я выставил две бутылки самогону. “Бимбер”, — звали его поляки.

— Боец, отведите сержанта под арест!.. — Скомандовал подполковник. — Возьмите у него ремень.

А назавтра меня выписали и отправили в часть.

— За самогоном ходишь, сходишь и за “языком”, — шутил, подписывая документы, подполковник Кокушко. — Только не влипни, как на проходной попал. Там так просто не отделаешь-

ся. Мне сказали, что осколки тебе еще удалять надо. Операция нужна. Живой останешься — удалим.

Наперед скажу, мне их, осколки эти, после войны в Кургане вытащили.

В часть я попал аккурат в первый апрель. Фронт уже подкашивался к Одеру. Полк свой, батальон, роту отыскал, а народ почти весь новый. Знаете, в пехоте, да во время активных боевых действий, мало кто больше недели провертится. Или убьет, или ранит, а то на переформировку из-за потерь попадешь. Ваню Пирожкова встретил из прежнего состава. Он меня к взводному, младшему лейтенанту Виктору Зайцеву привел. Так я попал во взвод разведки. Ростом все еще невелик был, но по-немецки кое-что понимал. Язык фронтовой и бытовой улавливал с ходу. А это на войне важно.

Перед Одером малость постояли. Освоился с ребятами. Важно перед боем знать, кто чего стоит.

Через Одер махнул наш взвод нормально. Расположился полк в местечке одном. Опять, видимо, силы стягивали. Обед аккурат был. Сидим мы, из котелков варево хлебаем. Смотрим, подруливают два “виллиса” к нам, охрана на бронемашинах. Вышли из машин Жуков, Чуйков, Берзарин, еще какие-то генералы. Поздоровались. Повскакивали мы, глазеем на них, какая тут еда. А Жуков подходит к нам, спрашивает:

— Ну, как вас, бойцы, повара кормят?

А кормили тогда уже хорошо. Американская тушенка шла, да и у немцев мы продовольственных складов позахватывали немало. Но на этот раз похлебка что-то у повара не удалась. Но жаловаться мы не стали. Сказали, что нормально.

Жуков протянул руку к солдату, попросил у него ложку и котелок и пошел к походной кухне.

Повар аж в лице сменился. Слухи ходили, что маршал за плохую кормежку солдат спрашивает строго.

Повар налил ему котелок и сразу же извиняться стал, что у него сегодня с обедом неудача.

Жуков попробовал, сморщился и говорит:

— Плохо кормишь солдат. Ладно, что предупредил. Еще раз такой похлебкой угостишь — пойдешь в штрафбат. А вы, солдаты, что смотрите, как ваш повар продукты переводит? В следующий раз за такое варево снимите с него штаны и черпак

горячей похлебки плесните ему на задницу. Сразу поймет.

Засмеялись солдаты. Но Жуков не улыбнулся даже. Начал разговор о предстоящем наступлении на Берлин. Сказал, что немцам не дадим покоя ни днем, ни ночью. Штурмовать, так штурмовать, без передыху. Возьмем Берлин — и войне конец. Домой поедем. Весна на дворе. Время хлеб сеять. Слова эти и до сердца и до мозгов дошли, как хмель закружили голову.

Машина с колоколом — громкоговорителем подошла, оглашала обращение маршала к бойцам и командирам 1-го Белорусского фронта. Сам Жуков в это время ходил от одной группы солдат к другой, в лица наши смотрел, здоровался, расспрашивал про настроение, говорил, что сейчас важно и врага штурмовать, и себя беречь, не бросаться в улицу всем кагалом, а просачиваться мелкими группами от дома к дому. Бой в городе имеет свои особенности.

Машины с командованием ушли, а настрой у солдат остался такой, что будто бы завтра последний бой. Возьмем Берлин — и домой. Об этом говорили во всех взводах и ротах. Казалось, встанем мы по команде и пойдём, и никто, и ничто нас не в силах остановить.

Началась Берлинская операция так, как мы ее и не представляли, я уж не говорю про немцев. После сокрушительного артиллерийского и авиационного тарарама мощнейшие прожекторы высветили перед нами до мелочей позиции противника, ослепили гитлеровцев. Мы бросились вперед, не оглядываясь, иначе ослепнешь от света прожекторов. Немцы очухались лишь к утру. Взять Берлин было непросто. Каждый дом превращен в крепость, из каждой щели стреляют.

Споткнулись мы о реку Шпрее. Ледяная вода. Мосты повзорваны. А за ней — дома-бастионы и море огня.

Создавались десятки разведочно-коррекционных групп для заброски на тот берег. В одну из них попал и я. Старший сержант из полковой разведки взял с собой связиста и меня. Когда взводный предложил ему взять парня попроворней, он отшутился:

— Миша раньше всех нас прошмыгнет в зону мертвую от пулеметного огня и до фрицев доберется.

Так оно и вышло. На тот берег перебрался я один. В прибрежный дот пару гранат катнул. Заткнул ему глотку. Наши переправляться стали, а я где броском, где ужом в соседний дом

вполз, подстрелив до этого в дуэли гитлеровского офицера. Он из-за угла трижды стрелял в меня из парабеллума, а я в него очередь из автомата вмазал.

Рассказывать можно долго. Но больше всего запомнилось, как гитлеровцы из рейхстага в плен сдавались. Выходили, оружие бросали в кучу и шли, и шли, и шли. Наверное, часа четыре это продолжалось. От имперской канцелярии и мы сюда выдвинулись, смотрим. Хотелось увидеть, как Гитлера пленного поведут. Мы же не знали, что в живых его уже не было.

Полк наш, 76-й стрелковый, получил за эту операцию гордое звание — Берлинский. Говорили, что один на весь 1-й Белорусский фронт.

А Жукова увидели мы только третьего мая. С группой генералов он подъехал и осматривал рейхстаг. Прошли они от нас неподалеку. Нашего брата солдат и сержантов в те дни у рейхстага околачивалось немало. Подошел он к одному, почти такому же, как я, недоростку, положил руку на плечо и спросил:

— Сколько же тебе лет, победитель?

— Девятнадцать...

— Молодец, герой.

Честно говорю, позавидовал в тот момент я солдату. Проходи бы Жуков вблизи меня, и, наверное, на мое плечо легла бы твердая рука маршала. Я ростом был еще меньше того солдата. А лет мне было столько же.

Вот так мы Берлин и взяли.

— Солдат из нашего взвода в те дни где-то тут, вблизи от рейхстага, нашел склад со спортивными мотоциклами. Новенькие, красивые, с узкими колесами. А заправить их нечем. Пошли мы к студебеккерам, у шоферов бензина выпросили, заправили этих “гоночных коней” и наперегонки гонять начали. Столько треску! Столько радости, что живые остались!

И еще запомнился парад союзнических войск в Берлине. О нем почему-то не пишут. Но это уже было спустя два месяца после Победы. А в те дни мы, прокопченные, пропыленные, в изодранном о берлинские камни обмундировании, с треском гоняли вперегонки на мотоциклах и хохотали, хохотали...

Такой мне осталась в памяти навсегда наша Победа.

Записал Геннадий Устюжанин

Григорий Фомин

ПО ДОРОГЕ НА БЕРЛИН

Григорий Михайлович Фомин родился 28 сентября 1924 года в селе Островное Мишкинского района. После окончания средней школы, в июне 1942 года добровольцем ушёл в армию.

Трижды был ранен и каждый раз, не долечившись, возвращался в родную часть. За мужество в боях награждён орденами Славы 3-ей степени, Отечественной войны 2-й степени, медалями “За отвагу”, “За освобождение Варшавы”, “За взятие Берлина” и другими.

Война у каждого фронтовика сделала незабываемые зарубки в сердце и памяти. Они о друзьях и о боях. Их много. Обо всём не расскажешь.

Помню в начале марта 1944 года, прорвав оборону немцев на реке Ингулец, во взаимодействии с 4-ым кавалерийским корпусом генерала Плиева, части нашего соединения с боями двигались в направлении городов Явкино, Новая, Одесса. Дороги, по которым шли подразделения, двигалась артиллерия, повозки, представляли собой непролазное месиво грязи. Но несмотря ни на что все стремились на запад.

Вышли к реке Ингул. Батальон капитана Степаненко с хода форсировал эту преграду и занял на правом берегу реки посёлок Кашперовку. Мы с командиром отделения разведки Борисом Яковлевым, связистом Горелкиным получили задачу быть вместе с командиром батальона и исполнять его приказы.

Установив связь комбата с нашей батареей, пристреляв наиболее вероятное направление атак немцев, закрепились на занятом плацдарме. В тот день немцы не предпринимали активных действий. Но на второй день они поставили цель сбросить наш батальон в плавни, которые ночью заполнились водой из-за сильного ветра с юга.

Немцы, поддерживаемые танками, артиллерией, начали атаки с раннего утра. «Юнкерсы» один за другим с воем пикировали на наши позиции и сбрасывали свой смертоносный груз. Но каждый раз атаки гитлеровцев захлебывались, и они откатывались назад. Огонь нашей батареи и артиллерийских подразделений из-за Ингула помогали сдерживать натиск немцев. Однако к концу дня превосходство врага обозначилось. Они нас потеснили. Мы вынуждены были занять оборону в овраге, находившемся сразу же за поселком, ближе к плавням. Снова немцы предприняли атаку. Шли цепью, стреляя на ходу. И когда осталось до наших позиций около 15-20 метров, командир батальона дал команду: «В атаку!».

С возгласом - «За Родину! За Сталина!» - все, кто находился в овраге, бросились вперед. Завязался страшный рукопашный бой. Немцы не ожидали контратаки, нашего натиска и начали отступать. Командир батальона, как замороженный, был неуязвим, он личным примером вдохновлял солдат. Я получил в рукопашном бою отметину - пулевое ранение в шею.

Задача удержать плацдарм была выполнена. Мы вновь заняли северную часть Кашперовки, а немцы отступили на высоты за поселком. С наступлением сумерек немцы прекратили атаки. Наши основные силы начали переправляться на западный берег Ингула. Через реку был наведен понтонный мост. На утро мы с боями двинулись в сторону Одессы.

Помню, с каким душевным ликованием мы переходили границу гитлеровской Германии 30 января 1945 года. Наша часть наступала тогда в направлении на Кюстрин. Вошли в первое немецкое селение. Ни души! Всё побросали жители и ушли с войсками. В стойлах добротных кирпичных сараев ревут не поенные и не доенные коровы. Были у нас во взводе бойцы, что умели доить коров. Они по-хозяйски взялись за дело.

Подобная картина встретила нас и в другом селе. Правда, одну пожилую женщину мы обнаружили в домике близ окраи-

ны. Остановились на ночлег, приготовили ужин, пригласили отужинать и хозяйку. Она была просто изумлена. Долго смотрела на нашего командира капитана Ивана Ивановича Арбацкого, а потом немножко осмелела и стала щупать волосы чуть выше лба, как выяснилось позднее, она искала рога: так представляла немецкому народу русских геббельсовская пропаганда.

Навсегда остались в памяти бои на Кюстринском плацдарме, за Одером. До Берлина было 69 километров. Об этом все знали, так как на перекрестках дорог, в населенных пунктах на фанерных щитах или просто на обычных столбах было написано: «До Берлина 69 км. Дойдем до Берлина!» Позднее появились плакаты, на которых улыбчивый солдат надевал сапоги, а внизу слова: «Дойдем до Берлина!» И в это верили все, хотя шли тяжелые бои. Немцы постоянно бомбили, вели артиллерийские обстрелы по площадям. То же самое делала и наша артиллерия. О наступлении говорили, готовились к нему, но сроков не знали. Только за три дня до наступления жизнь на плацдарме резко изменилась. Ночами стали прибывать подразделения, тут и там окапывались артиллерийские батареи разных калибров. Причем все устанавливалось ближе к переднему краю. 15 апреля 1945 года вечером появились листовки, в которых сообщалось о начале Берлинской операции, о последнем рывке, о том, что враг будет разбит в его логове - Берлине. Всё в сердце как-то сжалось. Появилось чувство радости, что война скоро кончится, наступит мир. Появилось и другое чувство, чувство настороженности, опасности. Но каждый верил, что все обойдется.

Всю ночь с 15 на 16 апреля через наши огневые позиции к переднему краю двигались зачехленные автоприцепы. И только позднее мы узнали, что это мощные прожекторы. Всё, что было на плацдарме, как бы затаилось, оцетинилось стволами орудий разных калибров. Мы с командиром батареи капитаном Арбацким были на наблюдательном пункте. Связисты постоянно проверяли связь. Сон не шел. Какая-то тревога заполнила все тело. Мы знали, что немцы будут цепляться за любую кочку. И ждали.

16 апреля 1945 года в 3 часа утра небо озарилось всполохами. Это началась артиллерийская подготовка. Тысячи орудий, минометов «Андрюш» и «Катюш» обрушили всю огневую мощь по переднему краю фашистов. Включены были мощные прожекторы, которые ослепили немцев. В течение 20 минут на пере-

днем крае врага и в глубине его обороны бушевал огненный смерч. Все утонуло в черном дыму. Началось наступление. С хода была взята первая траншея немцев, в рукопашной схватке уничтожены гитлеровцы и во второй траншее.

В упорнейшем бою был взят опорный пункт немцев в Заксандорфе. Отделению разведчиков батареи была поставлена задача - двигаться вслед за пехотой, держать связь с командиром стрелкового батальона и по его требованию корректировать огонь батареи. И мы давали огонек туда, где пехоте мешали двигаться вперед. Думать о себе было некогда. Настроение было хорошее. К вечеру мы вышли к Зееловским высотам.

У их подножия скопились все: пехота, танки, самоходные орудия, наблюдатели-артиллеристы. С хода Зееловские высоты взять не удалось. Все началось на следующий день. Но и этот день не принес успеха. Немцы отчаянно сопротивлялись. Да и сложно было забраться на эти высоты. Но наши разведчики вечером притащили пленного немца. На допросе он держался самоуверенно, заявляя, что высоты не взять. Действительно, это был "крепкий орешек". Высоты круто, градусов под тридцать пять поднимались среди болотистой местности. И под таким крутым углом нужно было взбираться метров 200-250. Но гитлеровец уповал не на это. Он сказал, что вместе с немцами здесь засели власовцы, а им терять нечего, они будут драться до последнего патрона.

Это особенно разъярило наших бойцов. Утром 18 апреля после артналёта начался плотный и стремительный штурм.

Бойцы нашего полка с красными флагами карабкались по крутым укрепленным склонам. Когда кто-либо из таких знаменосцев погибал, флаг сразу же подхватывали другие руки. Отступать перед предателями Родины никто не хотел, психологически просто не мог, хотя там были пехотинцы, повара, орудийные номера. Все было брошено, чтобы взять эти проклятые высоты. Сколько мужества, героизма было проявлено моими однополчанами, чтобы разбить окопавшегося врага. На этот раз это удалось. Многие остались лежать там, на поле боя, но сопротивление немцев было сломлено, и дорога на Берлин была открыта. Все пошло, поехало на логово фашистов.

Для нас битва за Берлин началась на Зееловских высотах. Но в Берлин, его юго-восточную часть, мы вошли 24 апреля

поздно вечером. Батарея остановилась во дворе какого-то медицинского учреждения. Немцев не было. Видимо, все ушли вместе с отступившими войсками. Командира батареи вызвали в штаб, где была поставлена задача вести наступление в направлении Имперской канцелярии и рейхстага, огнем поддерживать стрелковые подразделения.

Немцы сделали все, чтобы отстоять свою цитадель. На перекрестках улиц завалы, возведены бронеколпаки и другие железобетонные сооружения, подготовленные для ведения огня. Многоэтажные здания тоже оборудованы для противодействия наступающим.

Тактика наших пехотных частей в Берлине сводилась к тому, чтобы действовать не всем подразделением, а группами по 5-10 человек, которые наносили быстрые, внезапные удары по фашистам, выбивая их из зданий.

Из артиллерии эффективно действовали сорокапятки, 76-и и 85-и миллиметровые орудия и танки, которые выдвигались на прямую наводку. Но иногда командиры батальонов просили дать «огонька» по скоплениям немцев во дворах, на площадях и в зданиях. Мы с НП передавали это, и батарея старалась бить точно по обозначенным целям. Бои шли днем и ночью. К 30 апреля мы вышли к центру Берлина. Батарея оборудовала свои огневые позиции в зоологическом саду, это примерно около километра от Имперской канцелярии и рейхстага. Метрах в трехстах впереди находилось круглое, диаметром 18-20 метров, здание. Высотой примерно в два этажа. Это был бункер. Особой опасности он не представлял, но и продвигаться не давал. Из его бойниц немцы вели огонь из крупнокалиберного пулемета и зенитных пушек.

Было принято решение бункер взять. Батарею 152-миллиметровых пушек, которая окопалась в этом же саду, дали команду пробить брешь в здании, а группе полковой разведки, усиленной за счет личного состава батарей, как только обозначится пролом, ворваться в бункер и уничтожить немцев. В состав этой группы из нашей батареи были включены и мы с Борисом Яковлевым, всего в группе было 20 человек.

Командир разведгруппы поставил задачу как действовать. Когда образовался пролом, первая группа после атаки гранатами бросилась в него, вслед за ней ворвались и мы. Немцы не

оказали сопротивления. Это было 1-го мая.

А вечером немцы начали сдаваться по всему городу. В окнах зданий, на балконах были выброшены белые флаги.

2 мая командир разведотделения Борис Яковлев предложил нам сходить к Бранденбургским воротам. Примерно часов в 12 дня мы двинулись. Увидели, как наши солдаты взбирались на них и оттуда кричали все, что придет им в голову. До рейхстага было метров 500 и мы, недолго думая, двинулись туда. Площадь была заполнена солдатами. Кто-то танцует, кто-то кричит, что он поставил точку войне. Мы же подошли к тем, кто рисовал и писал на стенах рейхстага. Стены все исцарапаны, исписаны, изранены осколками. Места чистого нет. Но мы нашли узкую ленточку и нацарапали первые буквы своих фамилий, имен и отчеств.

Надо было возвращаться, мы быстро пошли в своё расположение. Во второй половине дня 2 мая батарея оставила свои позиции и двинулась к новому месту сосредоточения, уже за пределами Берлина. По дороге, из окна многоэтажного здания раздался выстрел из фаустпатрона. Снаряд попал в машину, где была полевая кухня. Повар Дмитриев, который прошел с боями от Сталинграда до Берлина, был ранен 17-ю осколками и умер на руках батарейцев. Я и сейчас помню, как он плакал, проклинал войну. Очень обидно, что ему не суждено было дожить до Дня Победы.

Так для меня закончилась война, которая длилась целых четыре года. Это только сказать! А пройти через этот ад?!

Кстати, о бункерах. Говорили, что эти бункера были построены вокруг рейхстага и Имперской канцелярии. Они представляли собой железобетонные сооружения в 5 этажей, три из которых под землей, приспособленные для проживания в изоляции в течение года. Полностью оборудованы освещением, набором продуктов, питьевой водой, всем необходимым для жизни человека. Они хотели отсидеться, но ничего из этого не вышло. И ни у кого и никогда не получится. Возмездие наступит.

Пётр Емельянов

О БОЯХ, ПОЖАРИЩАХ

С матерью мне проститься не пришлось. Когда я получил повестку о вызове в райвоенкомат, она уехала за зерном, которое вместе с другими женщинами на коровах возила с полевых токов на колхозный склад.

Мой отец Иван Иванович Емельянов, раненый в боях с Колчаком, достал из-за кадки с фикусом припасенную на случай бутылку русской горькой и налил из нее в рюмку.

- Выпей, сынок, на прощанье. Кто знает, как тебе там придется...

Мы выпили, закусили свежим огурцом. Горька водка, горька.

- Береги себя, сын, на войне. Зря голову под пули не подставляй - пуля чинов не разбирает. А где надо - не трусь, не робей: смелость города берет. Два твоих брата честно воюют, награждения имеют. И ты не оконфузь нашу фамилию.

До районного центра Частоозерья 18 километров пришлось идти пешком. Всю дорогу в голове теснились мысли о доме, отце, матери, старших братьях, находившихся там, куда лежал теперь и мой путь.

Из Частоозерья под вечер с попутной подводой выехал на станцию Петухово. На второй день прибыл в военкомат. В числе четырех одногодков был направлен во второе военное Тюменское пехотное училище.

Через месяц мы приняли присягу. На плаце выстроился весь полк. Играл оркестр. Торжественно и строго повторял каждый

курсант: “ ...Я клянусь защищать Родину мужественно, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами”.

Жизнь и занятия шли своим чередом. В 6 часов утра подъем, в 11 часов вечера отбой. За 6 месяцев нужно было пройти до военную двухгодичную программу. Ранним утром старшина, как петух, на всю казарму пронзительно кричал:

- Подымайсь!!!

Тактические занятия проходили, когда 40-градусный мороз обжигал лицо. На одном из таких занятий взвод, командиром которого я был, скрытно, по ложине ползком в глубоком рыхлом снегу продвинулся вперед, умело атаковал фланг “противника” и успешно выполнил “боевое задание”. При разборе занятий командир батальона назвал это блестящим маневром и скомандовал:

- Командир третьего условного взвода курсант Емельянов - два шага вперед!

Строевым шагом я вышел перед строем и замер по стойке “смирно”.

- От лица службы курсанту Емельянову за успешное выполнение “боевой операции” объявляю благодарность!

- Служу трудовому народу! - прозвучал мой ответ.

Усталые, промокшие, разувались в казарме курсанты, чтобы скорее отогреть заочевенные ноги. У Николая Макляка, моего нового товарища, портянки остались в сапогах, примерзли. Он сжал обеими руками пальцы левой ноги и дул на них.

- Еще бы м-маленько и о-обморозил, - сокрушенно жаловался он своему соседу.

В феврале начались предварительные зачеты, а в начале марта должны были сдавать экзамены. А 24 февраля по приказу Сталина нас, уже считавших себя без пяти минут лейтенантами, зачислили в гвардейскую часть действующей армии, куда мы и должны были выехать.

28 февраля вновь испеченные гвардейцы в чине рядовых ночью ушли на вокзал и погрузились в эшелон.

Первую горькую пилюлю проглотили немцы под Москвой. Вторым мощным ударом была битва за Сталинград.

Чудеса героизма и стойкости в ней показала 62-я армия генерал-лейтенанта Василия Ивановича Чуйкова. Вот в нее-то и ехали на пополнение тюменские стрелки.

Не доходя до Москвы, наш состав повернул на юг. На станции Таловая стояли трое суток. Была середина марта. Ребята в вагоне делили сухари - очередной сухой паек. И, как всегда, разложив на кучки, один спрашивал: "Кому?" Вдруг весеннюю тишину прорезал шум самолета. Кто-то на путях крикнул:

- Воздух!

- Вот тебе и "кому", сейчас всем хватит.

Из вагонов солдаты кинулись врассыпную. Я увидел стремительно летевший вдоль состава на небольшой высоте немецкий самолет и клубком скатился в канаву. Совсем недалеко оглушительно рывкнул разрыв бомбы, за ним - другой, третий. Самолет развернулся и так же неожиданно, как появился, исчез.

- Помогите! - крикнул солдат из соседнего вагона, склонившись над своим товарищем. Несколько рук подхватили того и понесли в вагон. Голова его беспомощно запрокинулась, сквозь разорванную гимнастерку обильно текла кровь. Он был мертв. Двое оказались ранены.

5 апреля утром прибыли на станцию Купянск. В пяти километрах за ней в лесу поезд остановился. Пролетела команда: "Разгружайсь! Весь личный состав высыпал из вагонов с вещевыми мешками и походными котелками. Весна здесь заявляла о себе и первой пробившейся зелению, и свежим лесным воздухом, и беззаботным щебетанием птиц. А где-то впереди глухо ахали разрывы дальнобойных снарядов. Там был фронт.

По обочинам дороги задымилась солдатские костры, молодые еще, не обстрелянные, гвардейцы варили свой первый полевой завтрак.

К вечеру сделали 30-километровый переход и прибыли в 62-ю армию, которая после освобождения Сталинграда стала 8-й гвардейской. Утром нас распределили по батальонам, ротам, отделениям. В ротах после продолжительных и жестоких боев осталось по 10-12 человек.

В свободные минуты они рассказывали новичкам о том, что в 79-й стрелковой дивизии, куда влились курсанты, гордились снайпером Василием Зайцевым, уничтожившим 242 гитлеровца. Рассказывали, как морской пехотинец Михаил Паникако, объятый пламенем от своей бутылки с горючей смесью, вскопчил на немецкий танк и сгорел вместе с ним.

Бывшие тюменские курсанты, породнившись с легендарными

ми сталинградцами, горячими сердцами впитывали каждое слово бывалых воинов и клялись не уронить их славу, не посягнуть на их честь.

В ПРИФРОНТОВОЙ ПОЛОСЕ

8-я гвардейская армия стояла во втором эшелоне и готовилась к решительному наступлению.

Вскоре меня назначили старшиной роты. Я старался обеспечить подчиненных и командиров завтраками, обедами и ужинами, добросовестно делил иногда выдаваемые солдатские сто грамм.

Через некоторое время меня направили в учебный центр. Здесь возвели в новую должность - командира стрелкового отделения. В первый же день познакомился с командиром смежного отделения Петром Чупилко. Вечером во время ужина мы разговорились.

- Сержант Чупилко, вы не из здешних мест? Не украинец?
- Нет, я русский, из Омска.
- Из Омска! Земляк!...
- А ты откуда?
- Из Курганской области, знаешь?
- Как же, знаю, через нее ехал на фронт.

После ужина мы долго разговаривали. Чупилко оказался одногодком, окончил 10 классов и был призван в армию.

После этого вечерами в свободное время мы обычно шли в сад, ложились под яблоню и, глядя сквозь листву на синее украинское небо, вспоминали родные места, свой дом, родителей, друзей.

- Вот такие же синие глаза у моей Наташи, которая осталась в родном городе, - сказал однажды Петька. - Сегодня письмо получил и карточку. Вот посмотри. Ждет с победой домой.

В ночной тишине слышались отдаленные залпы орудий, а где-то на окраине станицы девичьи голоса задушевно выводили украинскую песню: "Ой, не свити мисяченко". Мы тихо стали подпевать. Хотя впереди, в нескольких километрах шла большая война, жизнь требовала свое.

Немецкое командование после закрепления наших войск по линии Северного Донца создавало оборонительные линии, го-

товясь к новому летнему наступлению. Наши подразделения пока оборонялись на занятых рубежах. Бойцы учебного батальона совершенствовались свое боевое мастерство, ведя учебные стрельбы, тактические занятия и политподготовку.

Во время одного такого занятия, солнечным июльским днем, шесть немецких “юнкерсов”, появившись с запада на небольшой высоте, вдруг спикировали и стали бомбить. Учения превратились в настоящую войну. Чупилко не растерялся и громко крикнул:

- По щелям. - В течение нескольких секунд он укрыл свое отделение.

Упали в не дорытые окопы и остальные.

В нашей роте при бомбежке одному бойцу пробило осколком противогаз да командиру соседнего взвода слегка поцарапало шею. На пять сантиметров он был от смерти. А на следующий день при обучении своих солдат у него в руках взорвалась неисправная противотанковая граната. Грудь и живот вырвало. Командира взвода хоронил весь учбат.

На фронте назревали великие события. Ожесточенные бои завязались на Юго-Западном фронте, которым командовал маршал Родион Яковлевич Малиновский. 18 июля 1943 года, когда наши войска развили наступление по всему фронту, был получен приказ - учебному батальону вступить в бой.

19 июля учбат рано утром форсировал Северный Донец и вступил на украинскую землю. В полдень наступление было приостановлено. Немцы, закрепившись в небольшом пункте за Голой долиной, отчаянно сопротивлялись, поливая позиции пулеметным и артиллерийским огнем. Учбат укрылся в лесу.

Вечером, как только начало смеркаться, он сменил передовую часть. Бойцы окапывались на опушке колхозного яблоняного сада.

В полночь получили приказ: с рассветом перейти в наступление и штурмом взять село. Чуть только забрезжил рассвет, батальон бесшумно покинул окопы, и пехотинцы с автоматами, винтовками наперевес двинулись вперед. Когда прошли половину нейтральной полосы, немцы открыли дикий пулеметный огонь. Цепи залегли, пулеметные очереди прижимали к земле. Начался минометный обстрел. То здесь, то там слышались стоны раненых.

В полдень наш поредевший батальон отошел на исходные позиции. Через час немцы двинули из села по лощине три “пантеры” и два танка нового типа “тигр”. За ними пехота пошла в контрнаступление. Неприятное чувство боязни наводило эти грохочущие, быстро надвигающиеся громадины. Я боялся на фронте двух вещей - танков и плена, но виду не показывал.

В боевых порядках пехоты раздались залпы 45-миллиметровых пушек. Ударили наши противотанковые ружья. Перед одним “тигром” взметнулся сноп огня и земли. Танк стал. Затем задымилась в лощине ведущая “пантера” и стала пятиться. Вторая, схватив снаряд в гусеницу, круто повернулась вокруг своей оси. Станковые и ручные пулеметы косили немецких автоматчиков. Остальные танки повернули назад, а за ними - и пехота.

Около 12 часов ночи, когда интенсивность огня спала, батальон снова двинулся по проклятой Голой долине. До ближайших хат оставалось каких-нибудь 150 метров, когда немцы пустили осветительные ракеты, стали в упор бить из танков, врытых в землю, а с флангов открыли пулеметный огонь. Мы залегли и открыли огонь.

- Помкомвзвода ранен! Первый номер пулеметного расчета убит! - сообщали по цепи нерадостные вести. Все реже раздавались наши ответные выстрелы. А вскоре цепи уже не передавали ни сообщений, ни команд. Когда немного рассвело, я увидел недалеко от себя на изогнутом противотанковом ружье разорванные трупы пэтээровцев. В мелких окопчиках, отрытых за ночь, там и сям безжизненно серели просоленные в походах гимнастерки. Не было больше боевого друга Чупилки, он был убит.

- Кто еще жив? - негромко позвал я, приподняв голову над бруствером.

- Я, товарищ гвардии сержант, - ответил голос 16-летнего армейского воспитанника - сироты Коли. Он выскочил из своего окопа и побежал ко мне. Но на полпути вскрикнул и упал. Я подполз к нему. Коля обхватил руками раненую ногу и плакал. Разорвав индивидуальный пакет, перевязал ему ногу, посадил Колю к себе на спину - так таскали ребятишки в детстве друг друга - повесил на шею два автомата, подхватил раненого под колени и, немного пригнувшись, побежал к яблоневому саду. Вдогонку неслись, как шмели, немецкие пули.

Так под их свист мы свалились в первый попавшийся окоп в

саду. Из взвода мы последними вернулись из неудавшегося ночного наступления. Остальные были убиты или ранены.

Отправив с санитаром Колю в тыл, я сидел в окопе со старшиной, который принес ночью суп, хлеб, сахар. Но осколком пробило термос - супу осталось ложки две. Хлеб во время минометного обстрела перемешало с землей. И остался только солдатский котелок сахару. Я не ел двое суток, живот уже прилипал к позвоночнику. До обалдения хотелось спать и пить. Я макал в сахар тут же подобранные зеленые яблоки и жевал их. А тяжелые впечатления от рокового боя сильнее голода теснили грудь.

В учебный батальон на место выбывших прибыло пополнение. 24 июля после артиллерийской подготовки мы, поддерживаемые танками, вновь пошли в наступление через Голую долину, которую теперь называли “долиной смерти”. Противник осыпал минами, снарядами, огнём из пулеметов, автоматов. Пришлось залечь и окопаться. Но теперь я чувствовал себя увереннее. Вдруг перед самым бруствером окопа грохнуло. В левую руку чем-то ударило и отбросило автомат, самого оглушило. Пальцы густо залила кровь. Осколок попал в кисть и застрял в ней. Пришлось отползть назад, эвакуироваться в тыл. А после операции и кратковременного лечения в полевом госпитале меня направили в команду выздоравливающих.

ФОРСИРОВАНИЕ ДНЕПРА

Шагая по расквашенным дорогам после сентябрьских дождей, разговаривал с Сергеем Трояном, с которым подружился в команде выздоравливающих.

- Сергей, скажи, кем ты служил до ранения?
- Кочегаром на самолете, а ты? – пошутил он.
- Я—пулеметчиком на кухне. У нас “сходные” специальности, значит воевать будем вместе.

Начался набор на 4-месячные армейские курсы младших лейтенантов. Нам хотелось попасть в один взвод. Но Троян был минометчиком, а я - стрелком.

- Пойдем в минометчики, - предложил Сергей.
- Но я же в минометном деле ни бум-бум.
- Ротный 50-миллиметровый миномет ты изучал?
- Изучал, даже видел, как из него стреляют.

- Миномет-лопату знаешь?
- В учбате держал в руках.
- Ну и все: считай себя старым артиллеристом.

И я решил. В приемной комиссии заявил, что желаю быть минометчиком. Так нас зачислили с другом в один взвод. На учебных стрельбах были наводчиками, заряжающими и подносчиками мин.

Передовые части 8-й гвардейской армии, преследуя врага, вели бои на подступах к Запорожью.

Рано утром в предрассветной дымке к Днепру подошли мы, курсанты.

Где-то на том берегу шел бой, чернел дым пожарищ. Переправа была забита машинами. Минометчики погрузились в понтоновые лодки и поплыли. Над переправой то и дело появлялись немецкие самолеты, сбрасывая бомбы и обстреливая из пулеметов. По реке били дальнобойные немецкие орудия. От взрывов снарядов и бомб волны раскачивали легкие, надутые лодки. Любой осколок мог пробить резину и отправить минометчиков на дно, тем более что я не умел плавать. В соседний плот, на котором переправились пулеметчики, попал снаряд и перевернул его. Наконец мы причалили к берегу.

В отвоеванных сёлах курсанты останавливались на несколько дней. Занятия проводились по сокращенной, но насыщенной программе. Свободного времени оставалось только на то, чтобы написать письмо да залатать порвавшуюся форму.

Нами за время обучения на курсах были исхожены вдоль и поперек сотни километров. Приходилось участвовать и в боях. Опаленные огнем фронтовых пожарищ, бывалые воины умели прилежно учиться и хорошо воевать.

В начале февраля 1944 года мы сдали экзамены. В торжественной обстановке перед строем начальник курсов зачитал приказ о присвоении званий. На моих погонах загорелась звездочка гвардии младшего лейтенанта.

В новом звании был направлен в свою 79-ю дивизию. В мироте вакантных мест не было. Зато в стрелковых ротах командиров взводов не хватало. Меня временно назначили командиром стрелкового взвода.

На рассвете 22 февраля, не давая передышки отступающим, батальоны 8-й гвардейской армии, что называется, на плечах

противника ворвались в Кривой Рог. Натиск был настолько стремителен, что фрицы, побросав машины, артиллерию, боеприпасы, в панике бежали из города.

Форсировав речушку Ингулец, подразделения продолжали наступательные бои в направлении города Николаева. Километрах в 70-и от него мы встретили ожесточенное сопротивление.

5 марта рота, в состав которой входил и мой взвод, получила приказ: выбить врага из укрепленного пункта. Около 11 часов ночи без лишнего шума мы двинулись вперед. По раскисшей равнине прошли полтора километра. Следом тянули телефонный провод. До села на высоте оставалось не более трехсот метров. И немцы заметили нас и открыли минометный огонь. Стрелки залегли.

- Что у вас произошло? – запросили с командного пункта батальона по телефону.

- Заминка, - ответил ротный, - попали под минометную завесу.

- Рывком вперед и сходу взять высоту! - последовал приказ.

Рота поднялась, ринулась вперед. Но в этот момент ротного ранило. Он передал командование тюменцу Петру Антонову, с которым я вместе окончил армейские курсы и теперь бок о бок воевал.

Когда до села осталось 150-200 метров, гитлеровцы открыли пулеметный огонь. Поредевшая цепь залегла. А по проводу все тот же приказ: “Приступом взять высоту!”

Под настильным огнем солдаты не поднимались. Тогда я сорвался с места.

- Вперед! - отрывисто гаркнул и подбежал к недавно пришедшему во взвод солдату, лежавшему на левом фланге, схватил его за ворот, поднял на ноги: “Вперед! Мать твою...”

Один за другим вскакивали бойцы. Но правый фланг отстал. Бегом кинулся туда и вдруг от резкой боли упал. Чем-то остро полоснуло по правой ноге ниже колена. Подскочил связной и оттащил меня в ближайший окоп, хотел перевязать рану.

- Подожди, доложи сначала командиру роты, что я ранен. - Рота опять залегла и вела огонь.

Связной, пригнувшись, бегом кинулся к Антонову. Я, разрезав голенище, стянул сапог. В нем хлюпала кровь. Вытащив санитарный пакет, наложил вату прямо на штанину и обмотал

ногу бинтом. В окоп кубарем свалился связной.

- Гвардии младший лейтенант, комроты велел немедленно отходить.

Выбравшись из окопа, я, обливаясь кровью и потом, пополз назад.

Утром стало известно, что из роты уцелели немногие. Окруженные немцами, почти все наступавшие погибли.

В санроте, которая находилась в сельской школе, мне стали делать перевязку. В голенной мышце открылись две раны: первая - сравнительно небольшая, а вторая - не закрыть и ладонью, по всей ее поверхности свисали разорванные ткани.

- Разрывная пуля, - констатировал военврач.

Через несколько дней нас отправили дальше в тыл.

Около месяца пролежал в Днепропетровске. На ногу наложили гипс. А когда через две недели сняли его, раны заметно затянулись. Долечиваться эвакуировали в глубокий тыл.

Теплым утром 19 апреля поезд прибыл в город Урюпинск, где лечился я в госпитале до 10 июня.

Затем был направлен в Гороховецкие лагеря, где формировалась 308-я латышская стрелковая дивизия. Меня назначили командиром минометного взвода. Командиром роты был лейтенант - челябинец, которого чаще называли по имени Федей, чем по фамилии.

В августе 1944 года на прибалтийском направлении развернулось наступление. 308-я дивизия вошла в состав 2-го Прибалтийского фронта. На пятый день наступления минометчики при смене огневых позиций растянулись цепочкой и застряли на пшеничном поле, которое сильно обстреливалось артиллерией противника. Тяжело ранило командира первого взвода. Рота лежит час, второй...

- Что такое? Почему не двигаемся? - с тревогой спросил я у командира 2-го взвода Симсона, который только что подполз.

- Не знаю, - тоже с тревогой ответил тот.

- Я поползу вперед, выясню, в чем дело.

На четвереньках пробрался вперед. Вот и бойцы первого взвода... первого отделения... Но что это?! Метрах в пяти один за другим лежат убитые. Заряжающий, командир расчета....А где же командир роты? И вот передо мной командир... лежит, уткнувшись лицом в землю. На спине по гимнастерке расплы-

лось темно-вишневое пятно. Он был мертв.

Симсонс с нетерпением ждал моего возвращения.

- Арнольд, беда! - Командир роты убит. - Наступило тягостное молчание. - Принимай командование ротой...ты - латыш, старше меня на три года...

- Нет, Петя, у тебя больше боевого опыта. А я буду помогать тебе.

Так я стал командиром роты.

При наступлении на Кустпилс на участке стрелкового батальона, которому мы были приданы, фашисты яростно огрызались артиллерийским и пулеметным огнем. У минометчиков вышла из строя рация. Связь со стрелками была потеряна. Моя рота, продвигаясь вперед, вклинилась в боевые порядки пехоты. С высоты я увидел: в полутора километрах впереди возились немцы. Быстро произвели пристрелку.

- Рота! Три мины фашистам в спины, беглый огонь! Пять мин, беглый пли!

Немцы, побросав окопы, кинулись отступать. Под разрывы попали 2 мотоцикла с пулеметами. Вслед за ним мчалась грузовая машина с прицепом. В кузове раскачивались немецкие пилотки. Их отчетливо видно в бинокль.

- Беглый огонь! - крикнул снова.

Спереди и сзади автоприцепа взметнулась земля. Машина, словно ткнувшись в стену, стала. Немцы, как горох, посыпались из кузова. С флангов по ним резанули уже подоспевшие наши пулеметчики.

За этот бой я был награжден орденом Отечественной войны 2 степени.

На отдыхе в роту минометчиков на должность командира взвода прибыл третий младший лейтенант Гриша Файбусович, родом из Киргизии. Трое "младших", как звали нас, спаялись крепкой фронтовой дружкой.

Три месяца я командовал ротой, а потом дали замену. За это время несколько раз был ранен, но из роты не уходил. А в Латвию между тем пришла зима. Новый год встречали на передовой. Молодой, но расторопный старшина - москвич Нилкин - к вечеру доставил в роту русской горькой. Трое "младших" установили в своем блиндаже небольшую елку. Вместо электрической гирлянды ее освещала самодельная коптилка из гиль-

зы от сорокапятки. Когда стрелки карманных часов сошлись на 12, сдвинулись наполненные кружки, глухо звякнули.

- С Новым годом, друзья боевые! - торжественно провозгласил я.

- С новым счастьем в этом году! - подхватил латыш.

- С победным годом! - добавил парень из Фрунзе.

Залпом выпили, закусили свиной тушенкой. Праздник как праздник, на передовой лучше не придумаешь. Но для Гриши Файбусовича он оказался последним в жизни. В последующую ночь при взятии высоты он был убит.

Так из троих "младших" осталось двое. Не дождался наш друг, когда минометчикам вручали очередные ордена и медали. На моей груди рядом с орденом Отечественной войны засиял орден Красной Звезды.

5 февраля 1945 года день был солнечным, теплым. Минометная рота уже несколько дней стояла на огневых позициях в лесу, в полутора километрах от переднего края, ведя методичный огонь. Я решил сходить на передок, уточнить обстановку.

- Ты тут командуй парадом, - сказал Симсонсу, - а я схожу на НП (я опять оставался вместо раненого командира роты).

- Ладно, иди. Да недолго.

- Проверю огневые данные, посмотрю новые цели и вернусь.

Через полчаса со связным был уже на наблюдательном пункте. В двухстах метрах впереди в траншеях порой мелькали фашистские каски. Я оценил обстановку, занес необходимые сведения в записную книжку и двинулся в обратный путь.

Мы уже подходили к противоположной опушке леса, где замаскировались наши танки и самоходные орудия, когда услышали приближающийся свист мин.

- Падай, - крикнул солдату и сам бросился ничком в небольшую канаву. Загремели разрывы. Почувствовал, как меня тупо и больно ударило слева. Минометный налет так же мгновенно кончился, как и начался. Вскочил. Весь левый рукав и пола шинели были изрешечены осколками, а по пальцам ручьем стекала кровь. Связной не поднялся. Я бросился к землянке. В ней двое связистов разматывали катушку.

- Ребята, побыстрее сделайте жгут.

Связисты намотали выше локтя провод, закрутили его. Кровь

потекла тише.

- Где санчасть?

- Недалеко, метров двести отсюда, блиндаж командира полка, там медсестра.

Покачиваясь, пошел по указанному направлению. Действительно, скоро нашел командный пункт. Голова кружилась, лоб покрыла испарина. Опустился на пенек. Меня окружили солдаты, прибежала медсестра. Она поправила жгут, бинтом через шею подвязала руку. Подошел командир полка.

- Какой части, младший лейтенант?

- Соседнего полка.

- Понятно. Давай, дорогой, в санбат, сестра доведет.

- Нет, товарищ подполковник, мне нужно в свою роту... Там же не знают, что со мной...

- В таком случае вон мой конь в упряжке, садись - ездовой увезет.

Я поднялся и, поддерживаемый сестрой, пошел к кошеве. Вороной рысью взял с места. Через 10 минут мы были в расположении минроты.

- Что с тобой, друг? - тревожно спросил Симсонс.

- Отвоевал я, ранило. Дай водки - рука болит.

Тот налил полную походную кружку. Не отрываясь, осушил ее. Вытер рукавом шинели губы и отдал последние свои распоряжения.

- Ты, Нелик, останешься в роте за меня... Позови старшину, он ответит меня в санбат...

- Ранение серьезное, рука от пальцев до локтя перебита осколками, задело и бок, - покачал головой в санроту хирург.

В ГОСПИТАЛЕ

На следующий день меня эвакуировали в ближайший полевой госпиталь, где после осмотра врачи положили в отдельную палату. Я почувствовал неладное. Через два дня во время перевязки увидел сильную опухоль и темные пятна на коже. Старший хирург госпиталя недовольно поморщился и сказал:

- Газовая гангрена. Придется руку отрезать.

- Режьте, только, как можно меньше.

После операции увидел забинтованную культю, которая тол-

стым обрубом в бинтах лежала на груди. Кисть была отрезана. Через неделю сделали первую перевязку. После операции стал поправляться, при первой возможности меня отправили в город Кустпилс. Там на второй день по прибытии сделали очередное вливание крови госпитального донора Ии Ивановой. Это была внимательная медсестричка, на год старше меня. Она долго сидела на табуретке, разговаривала со мной. Уходя из палаты, с улыбкой пожелала: - Выздоровливайте скорей.

- Спасибо. Заходите, проведайте. Мы ведь теперь кровные брат и сестра.

Каждый день она навещала меня. Сначала просто с уважением относился к ней. Но постепенно к уважению приметалось и другое чувство. Если ее долго не было, начинал беспокоиться. А когда она заходила в палату, чувствовал волнение, смущался. Да и у нее при встрече щеки заметно покрывались ярким румянцем.

Ия была вдовой. Ее муж погиб на фронте. И, может быть, наши сердца сблизилось на почве общего человеческого несчастья, принесенного проклятой войной. Она заботливо ухаживала за мной, утешала в минуты тяжелых раздумий. В палате, да и некоторые работники медперсонала, знали уже о нашей любви и с уважением относились к этому прекрасному чувству.

Время шло. Последняя рана затягивалась. Только после шестого наркоза и повторной операции (теперь рука была ампутирована выше локтя) у меня неудержимо стали выпадать волосы.

В конце апреля госпиталь стали расформировывать. В последний день дружья по палате - все бывшие командиры - достали через тайный лаз в заборе у местных торговков самогону и организовали скромное прощание. Угостили и всеми уважаемого хирурга госпиталя Якобсона за его отцовское отношение к больным.

ВЕРНУЛСЯ Я НА РОДИНУ

Когда дома получили из госпиталя от сына письмо, в котором я писал, что немного поцарапало, то отец заподозрил неладное.

- Вроде поцарапало-то его шибко... Письмо-то, будто, не его рукой писано.

- Господи, и какому богу молиться за них? – скорбно ответила мать.

Между тем их сын прибыл в город Горький. Вновь привезенных разместили в многоэтажном госпитале.

Утром 9 мая голос Левитана возвестил по радио, что 8 мая в Берлине подписан акт о полной капитуляции Германии.

Что началось после этого! Безрукие играли на гитарах, баянах, безногие пустились плясать.

В госпитале я получил от Симсона письмо. Его тоже тяжело ранило в руку и ногу. Вот какой оказалась судьба фронтовых друзей! Получил дорогие письма от Ии, от братьев из армии, от родителей. Домой исподволь сообщил, что вначале была просто операция, что потом пришлось отрезать пальцы, а что нет руки совсем, пока умолчал.

Два месяца прошло в ожидании протеза. Наконец, в начале июля он был получен. 14 июля я прошел врачебно-трудовую экспертную комиссию и инвалидом был демобилизован из армии. В тот же день получил обмундирование, продпак на дорогу, попрощались с товарищами.

Солнечным утром 17 июля в зеленой армейской шинели с вещмешком за плечами вышел из вагона на станции Петухово, где три года назад садился в поезд, увозивший на фронт.

- Вот она, родная земля – матушка, за которую родившиеся на ней отдавали здоровье и жизнь.

Снял фуражку, огляделся кругом. На глаза навернулись слезы. Надвинув козырек низко на лоб, зашагал в сторону знаковой экспедиции МТС и оттуда с попутной полуторкой уехал в село Частоозерье. Там со знакомым почтальоном на лошади приехал в свою Беляковку.

Мать, прощупав вместо руки сына протез, заплакала. Отец грустно молчал.

- Не горюйте, - утешал я их. - Коли приехал домой живой - это хорошо, а раз хорошо - значит плакать не нужно.

К вечеру дом был полон гостей. Пили давно припасенную родителями домашнюю настойку, пели русские народные песни, дробно плясали под гармонь.

Владимир Серков

СУРОВАЯ ШКОЛА

НАШЕЙ

МОЛОДОСТИ

Владимир Трофимович Серков родился в 1925 году в деревне Сосновке Куртамышского района. В январе 1943 года призван в Красную Армию. Воевал на 3-ем Белорусском и 1-м Украинском фронтах. После войны продолжал службу в Советской Армии. В войсках занимал должности от командира взвода до начальника штаба дивизии.

Награжден двумя орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, орденом «За службу Родине» 3-ей степени, медалями.

Мы, ещё не нюхавшие пороха молодые командиры взводов, прибыли на пополнение в 331-ю стрелковую дивизию на 3-ем Белорусском фронте. Части дивизии только что вошли на территорию Восточной Пруссии. Немцы сопротивлялись яростно. Ещё бы, война пришла на их землю. Каждый населённый пункт был превращён в крепость.

Наша и 88-я стрелковые дивизии вели ожесточённые бои за город Гольдап. Он уже дважды переходил из рук в руки. В фольварк, где находилась наша пулемётная рота, прибыл офицер штаба и приказал ротному представить своих офицеров к 16-ти часам командиру дивизии на его командно-наблюдательном пункте.

По ходу сообщения мы прошли на хорошо замаскированный наблюдательный пункт, расположенный на одной из господствующих высот. День был солнечный, по небу плыли оди-

нокие облака. Отсюда было видно хорошо юго-восточные подступы к городу и располагающийся на местности боевой порядок подразделений. Гул самолётов сливался с раскатами артиллерийской канонады. Из-за пыли и дыма от разрыва снарядов и мин окраина города еле просматривалась.

Появился генерал. Он был в кожаной куртке, в фуражке. Среднего роста, плотного телосложения. Взгляд решительный, строгий. Голос с хрипотцой. Поздоровался, стал расспрашивать: сколько времени обучались, какое закончили училище, кто был уже на фронте, как укомплектованы взводы личным составом? Мы отвечали. Он рассказал кратко об общей обстановке и задачах, которые предстоит решать. В заключение дал несколько советов. Его отвлекли для разговора по телефону. Он ушёл. Один из офицеров пояснил: закончилась очередная атака наших подразделений и неудачно. Мы слышали голос генерала, он кого-то строго отчитывал.

Встреча была короткой, но запомнилась на всю жизнь. Позже я много думал об этом: почему командиру дивизии понадобилось уделять такое внимание нам, лейтенантам, командирам взводов, которых в дивизии не одна сотня? И понял великий смысл этой встречи. Для нас это было событие, яркий пример внимания к своим подчинённым, признак доверия и заботы о их моральном и физическом состоянии.

Внимание к нам боевого опытного командира, его советы в момент, когда для нас начиналась жизнь, связанная с риском в условиях боевых действий, ободряла и вселяла уверенность в свои силы. Влияние этого события, по своему воздействию, было сильнее, чем многочисленные формы воспитательной работы в обычных условиях.

Многоопытный, боевой генерал знал, что делал. Мы прониклись к нему глубочайшим чувством уважения. И навсегда.

В военном училище нас научили многому: тактике ведения разных видов боевых действий, умению грамотно применять оружие. На фронте этого оказалось недостаточно, а кое-что вообще нужно было делать по-иному. Решения принимать пришлось с учётом быстро меняющейся обстановки.

Одной из главных трудностей было слабое умение работать с людьми, учитывая их морально-психологические качества и

способности к выполнению обязанностей. Характер взаимоотношения с подчиненными не прописан ни в одном из уставов, кроме основного требования - строгого соблюдения во всём железной воинской дисциплины и беспрекословного выполнения приказов старших начальников. Сформулированном в одной короткой фразе: "Приказ начальника - закон для подчинённых". К умению же работать с подчинёнными, мы были подготовлены слабо. Опыт взаимоотношений, существовавший между начальниками и подчинёнными в училище, к условиям на фронте не годился. Это мы поняли с первых дней.

Наша отдельная пулемётная рота была необычным подразделением, состоявшим из 6-ти взводов. На вооружении их состояли 18 крупнокалиберных пулемётов ДШК, представляющих мощное огневое средство для борьбы с низколетящими самолётами, поражения легкобронированных целей и живой силы противника. Командирами взводов в ней стали: Саша Бовкун, Тимофей Луциков, Юрий Козырев, Николай Дворядкин, Валентин Бусыгин и я – все выпускники одного училища. Передвигались на автомашинах.

Я в течение двух часов принял личный состав и вооружение. Совершив короткий марш, взводы сосредоточились в фольварке у переднего края, затем выдвинулись на огневые позиции.

Мне повезло. Моим помощником оказался старший сержант Пётр Фёдорович Захаров, «Захарыч» - как его уважительно, за глаза, называли во взводе. По возрасту он был старше меня в два раза. Воевал с 1941 года, имел боевой опыт и пользовался непререкаемым авторитетом. Заведовал до войны мастерской промартели. Помкомвзвода был более чем помощником. Имея жизненный опыт, он подсказывал, как лучше поступить в том или ином случае. Делал это тактично, ненавязчиво. Никогда не нарушал субординацию, ко мне относился подчеркнуто уважительно, подавая этим самым пример для подчинённых. Необходимость в этом была, так как во взводе служили мои ровесники и люди старше меня, имевшие боевой опыт и ранения.

В обороне стояли месяц. Нет хуже для солдата, чем безделье. Несение боевой службы приедается, особенно молодым, привыкают к артиллерийско-миномётным обстрелам. Людей одолевают лень и безразличие. Падает дисциплина.

Чтобы встряхнуть людей, я решил проводить занятия по стро-

евой подготовке. Два занятия прошли более-менее нормально. На третье - половина личного состава по "состоянию здоровья" заниматься оказалась не в состоянии. Ротный санинструктор, вызванный для освидетельствования больных, недомогания подтвердил. Я понял, что мой метод для поддержания порядка во фронтовых условиях явно не подходящий. По совету Захарыча занятия прекратил. Когда о моих нововведениях узнал командир роты, сказал, чтобы таких глупостей больше не делал. Я понял это и без его слов.

Вскоре относительно спокойная жизнь закончилась. По неведомым нам причинам, то и дело приходилось менять огневые позиции. Только окопаемся - приказ перейти в новый район. А это значило: каждому нужно перебросать не один кубометр земли. Позиции занимали с вечера, так, чтобы к рассвету их оборудовать и замаскировать. Солдаты ворчат, ругаются в Гитлера и Гебельса - мать, но это помогает мало. А ведь в начале войны зарываться в землю на исходном положении для наступления считалось чуть ли не подрывом морального духа, сдерживающим фактором наступательного порыва бойцов. Война научила многому, в том числе железному правилу: остановился - заройся в землю. Земля не только приняла навечно миллионы людей, но не меньше спасла их от верной гибели.

В начале марта мне поставили необычную задачу - постоянно сопровождать подвижный командный пункт командира дивизии. Генерал Пётр Филиппович Берестов был человеком энергичным и деятельным. Считал за правило знать обстановку из первых рук, быть там, где решается успех дела. Он неожиданно мог появиться на командном пункте полка, батальона и даже на переднем крае. За это его уважали и побаивались.

ПКП представлял собой открытую американскую машину высокой проходимости «ДОДЖ». Генерал всегда садился рядом с водителем. В кузове размещались: адъютант, иногда офицер - оператор, радист с радиостанцией и 5-6 автоматчиков охраны. Ездил быстро и не любил, когда мы отставали от него на своем «газике».

Однажды одному из стрелковых полков было приказано овладеть сильно укрепленным населенным пунктом Хассельпуш. Наступление развивалось успешно. В это время на командном пункте полка, расположенном в фольварке, появился коман-

дир дивизии, следом за ним - мы. Сходу заняли позиции. Немцы, видимо, подготовили сюрприз. Неожиданно обстановка резко изменилась. Плотным огнем стрелкового оружия, орудий и миномётов наши подразделения были остановлены. С десятков «фердинандов» и пехота немцев пошла в контратаку.

Мне сообщили, что командир дивизии едет в штаб. По установленному правилу, я со своим подразделением должен был его сопровождать. Но произошло непредвиденное - исчез шофёр. Решение пришло мгновенно: «Занять оборону, держаться до конца...»

Немцы подошли на дальность поражения огнём, оглушая очередями фольварк, заработали пулемёты взвода. Удачно занятые нами позиции позволили нанести большие потери противнику. Пехота залегла. От огня противотанковых орудий, густо чадя, загорели три «фердинанда». Точный огонь наших миномётов и артиллерии с закрытых позиций завершил дело. Контратака немцев захлебнулась. К исходу дня Хассельпуш был взят.

После боя мы вспоминали подробности происшедших событий, делились впечатлениями, что пришлось каждому пережить в минуты смертельной опасности. Я увидел, что люди, на которых я надеялся и которым верил, меня не подвели в минуты тяжёлых испытаний. Они с честью выполнили свой долг. От этого все мы по духу стали ещё ближе друг к другу. Мне хотелось каждого из них обнять. Но было чем и огорчиться. Шофёра, который был у нас временно, обнаружили в лесопосадке, недалеко от фольварка. Как только начался бой, он испугался и побежал. В это время осколком мины был ранен в шею.

Перед генералом пришлось отчитываться о причине задержки. Подумав немного, он сказал: «Правильно поступили, молодцы!».

Наступление наших войск продолжалось. Преодолевая отчаянное сопротивление врага, в конце марта наша дивизия совместно с другими соединениями овладела городом Хайлигенбайль - последним оплотом немцев на побережье Балтийского моря юго-западнее Кенигсберга. Восточно-Прусская операция закончилась.

Николай Дроздецкий

ДО И ПОСЛЕ ПОПРАВКИ

Николай Ильич Дроздецкий родился в селе Новогеографовка №2 Петуховского района в 1926 году. Призван на службу в армию в 1943 году. Воевал на территории Витебской области, был тяжело ранен. После лечения лейтенант Дроздецкий командовал стрелковым взводом в 6-й армии Белорусского фронта. При форсировании реки Одер был снова ранен. Награжден орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалью «За взятие Берлина».

В войну мне бы не выжить, не будь тогда я молодым. Я в такой поре, когда еще не двужильный, как зрелый, накопивший сил и заматеревший в кости человек, но зато гибкий, как веточка дерева, полная весенних соков. Её сломают, она повиснет на ниточке, но если сложить поаккуратнее, да закрепить, то она выздоровеет, хотя и останется на всю жизнь с рубцом. Ну, представьте: у солдата осколком мины распорота спина, на виду окровавленное лёгкое, а человек придет в чувство, шевелится, ползёт, толком еще не понимая куда, в какую сторону. Земля на спине, лоскут гимнастёрки, все мыслимые и немислимые микробы тут, но молодой организм сопротивляется. Не зря говорят: «На молодом, как на собаке, все заживет».

Довезли меня всякими путями-перепутьями из горевшей Белоруссии до Москвы, до главной больницы Семашко, взяли, так сказать, за капитальный ремонт. А я всё еще то поте-

ряю сознание, то приду в чувство. Открыл глаза, вижу, две молоденьких девки в белых халатах надо мной. Мыть, стало быть, собрались. А я весь голый, а они такие красивые. Зажался, загородил низ живота руками. А они... нет, не смеются, а только понимающе улыбку в краях губ прячут. Потом к одетому, запеленатому бинтами подошла врачиха, тоже молодая, но постарше санитарок, тоже красивая и очень достойная и заботливая. Когда ушла, раненые с соседних коек говорят, знаешь кто? Дочь Кагановича! После этого подумал: ну, тут-то спасут!

Так вот то, что был молоденьким и по-деревенски еще не испорченным, застенчивым, это тоже, пожалуй, помогло окрепнуть. К чистому всякая дрянь меньше льнёт.

Моя дорога на фронт началась в сорок третьем году в Чебаркуле в 24-м полку. Осенью поезд остановился в Витебской области. Есть там город Городок. За городом сожжённое село. Одни печи остались. Ни души. Глядим, в поле, похоже, картошка не выкопанная. Пошли на ужин набрать. Тут я и столкнулся со своим деревенским:

- Шурка?...

- Ага. А ты как тут?

- Значит, в двадцать четвертом полку? Вот не знал! В какой роте?

Он ответил. Разве расскажешь про то, как мы обрадовались? Провоевали мы вместе какое-то время. В первых числах ноября пошли атакой на немецкие траншеи. Гады накрыли нас шквальным огнем. Пришлось отступить. Огляделись - Щурки нет.

- Где Москаленко? - спрашивает ротный. Спрашивает меня, как командира взвода. Земляк-то в моем подчинении.

- Идите, проверьте! - командует ротный. Я пополз. Благо, полынь в поле высокая. И хорошо, что не шибко густая. В густой шевеленье быстро бы заметили. И что бы вы думали? Наткнулся на Шурку. Живой. Голову поднял, а в глазах смысла нет. То ли от контузии еще не отошёл.

- Ты что, - говорю ему, - не слышал команду отходить?

Спросил его и тут же самому себе ответил: «А может, и действительно, он не слышал, потому что с детства кричать ему надо было, у золотушного временами из ух текло.

- Айда обратно! - кричу ему.

Поползли. Вскоре меня и припечатало к земле. Минутой рань-

ше, наверно, увидели немцы, как шевелится полынь, и шарахнули миной по живому месту. Сколько-то я еще прополз. Потом наши подобрала. Несли. Везли. О дальнейшем могу говорить не по памяти, не по тому, как что-то чувствовал и ощущал, а уж по тому, как мне передали спасители и уж потом сам домыслил вплоть до московской больницы, где уж сам все понимал и чувствовал.

Первый медсанбат от передовой располагался в каком-то населённом пункте. Под крышей места не нашлось, двор и то был заставлен носилками с ранеными. Приткнули меня где-то уж у калитки. Не выжить бы, расположи носилки где-нибудь в углу двора. А тут проходное место. Хирург /как только еще ноги его держали, ведь ни смены, ни пересмены, что день, что ночь/ двигался мимо и обратил внимание на посиневшего от мороза и потери крови бойца. Я умирал. «Дайте ему что-нибудь хлебнуть, влейте с глоток!» - распорядился он перед медсестрами. Это было недалеко от передовой. Потом на самолёте отправили в Москву, в тот самый госпиталь, где уже в спокойной обстановке хохлила дочь Кагановича.

А потом отправили на поправку домой. Через Петуховский райвоенкомат выписали на месяц, сколько там муки и крупы, сахару должно быть, всё в один маленький мешочек вместилось бы, и вызвали из родного колхоза «Заря новой жизни», из второй полеводческой бригады подводу. Как глянул на своего деревенского, и сердце зашло. Тулуп запасной привезли и в дом занесли, чтобы нагреть перед обратной дорогой. Закутали, запеленали - дохнуть нечем.

А деревня голодала. Не скажу, что вымирала, но хлеба серого пшеничного не видели. Пекли лепешки из лебеды. Впроголодь жили на картошке и отсытом молоке, сметана и масло уходили на налог. Поддерживали себя подножным кормом. В лесу копали саранки, на озере лакомились пучками - корнями камыша. И лесные пучки ели, яйца диких уток варили. Живности без охотников развелось, чуть ли не руками бери. Зайцы, козы. Словом, земля глухоманная подкармливала. Станешь траву или хлеб косить, — сколько под жатками перепелок-подранков подбирали. Да и экологически, как теперь говорят, всё было чистым, неотравным, полезительным. Была клещевая напасть, босиком ходили, но ни об энцефалите, ни о столбняке

при порезах и проколах что-то не было слышно.

И пошёл я на поправку. Веник в горячей бане да парное молочко да добавка от последнего мамкиного куса взбудрили, на девок разборчиво загляделся. А передо мной пришел на такую же, как я, поправку после ранения Мишка Мелехов. В деревне Михайлов Мелеховых – с дюжину, как и Колек Дроздецких, каким именовался я. Поэтому у всех прозвища. У меня сложное прозвище - Пуд сорок фунтов. А тот Михаил - Рипчёнок. И мы на худых хлебах, но с хорошим подспорьем стали, как бы соревноваться, на вечерки пошли. По всем статьям он ярче меня. Не буду прибедняться, но что есть, то есть. Я - гармонист, а он - баянист. Я железный прут могу согнуть, а он, шутя, эмалированную кружку в лепёшку сожмёт. Я в карман за словом не полезу, а он и вовсе златоуст. Любая перед таким растает.

Он еще до моего приезда сдружился с Аней Бакиной. И меня на нее понесло, хотя вижу, что занятая. У Мишки глаза побелели от гнева:

- Идём-ка на пару ласковых! - и кивает головой в сторону озера. Берег близко, от чужих глаз там подальше. Глухо. Без свидетелей. Война войной, но и на любовь потребность. Ведь и на фронте завязывалась дружба, да еще какая! Такая, что всерьёз и надолго, на всю жизнь. Семьи слаживались. Крепко на берегу озера мы тогда поссорились. Потом помирились. В деревню приехала новенькая, Тася Столярова. Глаз от такой не отведешь. Устроилась в колхозную бухгалтерию. Сошлась с Михаилом на всю жизнь.

Но еще перед тем приключилась такая история. Прослышали девки из соседней деревни Воробьи про то, что в Коровье пришли на побывку два лейтенанта. К ним, в Воробьи, тамошние еще приезжали. И решили воробьёвские девчата нас к себе пригласить. Выпросили у председателя выездного жеребца, серого красавца в яблоках по чалой масти, приезжают. Соглашаемся. Своих девок навалом, но там, может, еще лучше. Мы, понятно, нос задрали, гимнастёрки получше под ремень задраили. Портупея скрипит, по медальке на груди сверкает. За стол усаживают. В графине что-то свёкольно мутное, не то брага, не то самогон. На тарелках пирожки с румяной корочкой. Откуда взялось? Не иначе как у трактористов выклянчили. Тем на ихние тракторные трудодни время от времени настоящую муку давали.

Утром просыпаемся, голова трещит после вчерашнего перепоя. Не то, чтоб в контору за конем идти, на улицу стыдно выглянуть. И мы через заднюю калитку и огород на объездную дорогу выбрались, чтобы пешкодралом домой за семь километров. Михаил был ранен в живот, ему шагалось труднее, чем мне, молча морщился, не жаловался, про свою семью говорил. Про старших братьев, которые тоже на войне. Мелеховы в деревне – интеллигентные. Старший Андрей до службы работал бухгалтером в МТС, второй брат, Петр, был директором семилетней школы в Утчанке. Мои старшие братья не им чета, но и не последние в нашем Коровье. Старший Тимофей – шофер, один на всю деревню, а учителей в начальной нашей школе – трое. Так что еще надо со стороны арифметики глянуть. Младший мой брат, Александр, заведовал клубом. Клуб в ту пору всегда полон, и не только молодежью. Выйдет братка на сцену из-за кулис, сразу все притихнут. Уважали за умное грамотное слово за внешний вид. Не уступал по этой части председателям – колхозному и сельсоветскому.

Забегая вперед, скажу, что ни Александр Мелехов, ни Александр Дроздецкий с войны не вернулись. Погибли. Андрей Мелехов и мой брат Тимофей пришли. Тимофея на войне не задело, не поцарапало, хотя там был от начала до конца. Он уехал на своей колхозной полуторке. Подвозил на передовую снаряды, мины, бомбы, продукты к походным кухням. Автомашина – заметная цель хоть с земли, хоть с неба. Много раз была на прицеле. Конечно, береглись. Как бы то ни было – уцелел Тимофей. Ни разу не стрельнул, хотя винтовка, а потом и карабин всегда был с собой в кабине. После войны стал сдавать, потянул за головку затвора, а скользящая часть не сдвигается, присохла, приржавела...

Зато, какие задания выполнял! Были рейсы особой важности. Дают команду: в Москву, в центр города. Не доезжая, останавливали: впереди заслон. Выходи! Место в машине за рулем занимал незнакомый человек. И ехал дальше, в Кремль. Возвращался, уступал место хозяину машины. И садился молчун рядом. Ехали до Куйбышева, везли имущество Правительства на случай возможной эвакуации в глубокий тыл.

Идём так с другом домой, в свое Коровье, глядим по сторонам, по правую руку поравнялись с Комарками, это березовый

колок посреди пашни. Тут мне, совсем еще юнцу, пришлось пару месяцев до войны поработать в колхозе. Сначала-то после семилетки послали учиться в ФЗО, потом уж работал в колхозе. Не забыть, как в Комарках дрова на зиму пилили. Делалось это ранней весной, до посева. Колхозников на день отпускали в дяляну, чтоб тут же не только повалить деревья, но и порезать их на поленья и уложить в поленницы. И каждая семья колола поленья помельче, чтобы уложить плотнее, чтобы побольше вошло. Лесник не отпустит дров ни на дециметр более положенного. Строгое было государство, ни одна веточка не пропала в лесу бесполезно.

Шагаю с Михаилом мимо Комарков и вижу: три березы одинокие на меже оставлены по какой-то причине. Не спилены в дяляне. Будто с них Симонов списал стихотворение о малой родине, которой дорожишь пуще всего. Это стихотворение очень вдохновляло, его мы знали на фронте все.

Пришёл срок, вызывают в военкомат на комиссию. Врачи находят, что с недельку надо побыть дома. Рецепт выписывают. Последняя дверь к военкому. Вижу, не в духе он. Всё-таки спрашиваю, может, еще чего положено по пайку. Он взъерепенился. Дескать, наел морду в тылу, чего еще хочешь? Но и меня взвело. Схватил со стола чернильницу-непроливашку и кидаю в лицо обидчику. Как-то еще увернулся. Чернильница вдребезги и синее пятно во всю стену. Больше ни слова друг другу. А на другой день телефонограмма в сельсовет: Дроздецкого немедленно в военкомат с пожитками на дорогу.

Шёл март сорок пятого года. Дорога дальняя, слава богу, уже за пограничные столбы. На первый Белорусский фронт. По прибытии на место дают мне стрелковый взвод. Форсируем реку Одер. Получен приказ: закрепиться плацдармом на западном берегу. Из артиллерийской части прислали подкрепление: четыре сорокапятки. Окапываемся в ожидании атаки со стороны немцев. Рядом со мной артиллерийский лейтенант. На передовой командир в ожидании решительных действий стремится занять хоть какую-нибудь высотку в качестве наблюдательного пункта. Лезем с помощником на чердак жилого дома. В полумраке угадывается какая-то возня. Различаем четырех человек: двух мужчин и двух женщин. Как потом выяснилось, это была семья. Ползают, корёжит их, какая-то зелень клубится изо рта. Как и

фюрер их, предпочли такую смерть сдаче в плен. Мы сообщили по команде о происшествии. Видим, помощь требуется. Люди же. Один из офицеров в штабе попенял мне, дескать, что? Не чем больше заняться, кроме как возиться с мерзавцами?..

Утром напряглись мы, ждём вражескую атаку. Быстро вбегаю на чердак, пытаюсь хоть что-то разглядеть в тумане. Он густой, звуки вязнут, глохнут, как в вате. Донеслось урчание тяжёлых машин, что характерно для танков типа «Тигр». Сбегаю вниз к бойцам: «Держись, ребята!» Из тумана вылупились первые бронемшины. «Заговорили» наши лёгкие орудия. Да что они! Щенки против матёрого зверя. «Тигры» смели с пути наши сорокапятки и двинулись дальше. За танками немецкая пехота. Огонь по ней из автоматов и пулемёта. Пулеметчика убило. Убит ротный. Оттаскиваю пулемет в сторонку, за кучу гравия, все-таки прикрытие, ложусь сам, открываю огонь. Вскоре «Максима» откатило на меня, ударило щитком по лбу. То ли воздушной волной отбросило, то ли последний танк краем гусеницы задел и покатился дальше. Но перед этим мгновением я успел заметить, как мой боец, казах сержант Ильяс побежал навстречу бронированным чудовищам. Раздался сильный взрыв, в серой вате тумана за клубилось чёрное с жёлтым.

После удара, полученного по голове, открываю глаза и ничего не вижу. Сплошная золотая мгла. Встаю на ноги, кричу лейтенанту:

- Сергей, я ослеп!

И кричу дальше истошно, отчаянно, как ребёнок в ужасе:

- Ма-а-ам! Тя-ять-ка! Всё со мной!.. Простите!..

Кто-то подхватывает меня сзади, и тянет в сторону, где потише...

Что бывает после тяжелого боя? Перед каждым уцелевшим стоит задача: найти своих, свой взвод, свою роту. Такая строгая обязанность. Собраться, соединиться, обрести хоть какой-то первоначальный порядок. В бою с большими потерями с нашей стороны задачу выполнить было полегче: подоспели свои, свежие силы, вклинивайся и вместе с ними – вперёд. А подхвативший меня артиллерийский лейтенант, оставшийся без пушек, без расчётов, говорит:

- Коля, это я - Сергей. Я тоже в крови. Куда шибануло, толком не пойму.

А в моих глазах мало-помалу начало светлеть, но левая рука висит плетью, вырвало кусок мышцы. Ковыляем на голоса. Нам толкуют: держитесь, ребята, медсанчасть на подходе. Движемся навстречу. Наступавшие ушли вперед, затихло. На лбу саднит рана, протираю глаза, вижу: впереди человек. В штатском. Шарахнулся было от нас в сторону, в кусты. Велю остановиться кричу, конечно, по-русски, но жест с оружием всякому понятен. Остановился. Подсадил я ему на спину своего друга, тащи!

С передыхом двигались. И я не удержался от того, чтобы не проехаться на безоружном человеке. Может быть, я был не прав? И он испачкался, да что я говорю! - не испачкался, а облился нашей кровью. Вздумай немец в эти минуты избавиться от нас, это ему бы не составило большого труда. И пистолетами бы завладел и автоматами. Не сделал этого. Почему? Сразу и не ответишь. Кое-как доковыляли до реки, к счастью, до понтонной переправы. Думаем, тут уж подберут, поддержат. Но навстречу выскочила наша девушка в форме, командует: «Ложись!» Оказывается, немцы летят бомбить переправу. По ним открыла огонь наша зенитная батарея. В батарее стреляют девушки. Не знаю, подбили ли они хотя бы одного стервятника, но мост уцелел, значит, по-крайней мере, - отогнали, прошли самолеты мимо наших голов и понтона. И тут даровал мне Бог увидеть картину возмездия. «Тигры», прорвавшиеся на нашем плацдарме и разтерзавшие наши пушки, стояли теперь невдалеке от реки уничтоженными. Оказывается, зенитчицы еще перед воздушной атакой немцев при виде танков поставили стволы орудий в горизонтальное положение и в упор расстреляли танки.

Берлин был уже совсем близко, и фашисты сопротивлялись всё ожесточеннее. Каждый новый населенный пункт, каждая улочка, квартал, дом давались нам большой кровью. Вот типичный эпизод. Взводу дан приказ: занять квартал. На противоположном от нас конце вражеская самоходка. Отстреливается. Говорю бойцам: стрелять из автоматов залпом. Под ливнем пуль самоходка откатывается. И тут же продвигается вперед. Немцы стреляют и с верхних этажей домов. Пуля попала в диск моего автомата, механизм заклинило. Кидаю на крышу гранату и бегу в подъезд вместе с бойцами. На лестничных площадках орудуя пистолетом.

Примерно так же в другом доме. Бой закончен, мы нахо-

димся на улице. И вдруг свист пуль у самого лица. Стало быть, огрызается снайпер, Очевидно, бьёт с чердака. Вбегаю со связным в подъезд, иду наверх. Между вторым и третьим этажом встречаемся со спускающимся стариком. Лет под восемьдесят тому, худой, как жердь, и белый, как лунь. Я еще взял чуть в сторону, и он подчинённо прижался к перилам. И в ту же секунды я загремел по ступеням вниз, увлекая за собой и связного. Пока поднимался с полу, старика и след простыл. Вот вам и материалец для злопыхателя или недоброжелателя советского солдата. Готовый кадр для художественного фильма. Обхохочется зритель, увидев, как безоружный старец валит одним замахом кулака двух вооружённых русских. Этих самых Чонкиных. Попробуйте, однако, удержаться, опираясь носком ноги на краешек ступени даже при самом лёгком толчке в тебя. Мы пошли дальше и подобрали на чердаке брошенную винтовку с оптическим прицелом.

Читатель ждёт, что скажу под конец про своего дружка Шурку, Александра Петровича Москаленко. А нет ответа. Больше полувека этот вопрос не даёт мне покоя. В областной Книге Памяти значится, в списках воевавших людей, что Александр Петрович Москаленко, призванный Петуховским райвоенкоматом в сорок третьем году был в последнем бою в апреле сорок пятого. Так пишут обо всех, пропавших без вести. Сколько потом я ни искал следы друга - безрезультатно. Но выходит, что после того, как нас разминуло, мы через два года чуть-чуть не сошлись опять уже под Берлином. А я еще живу, и когда доводится остановиться у памятника воинам-освободителям, думаю об Александре и о казахе Ильясе, бесстрашном и бессмертном. И приходит на память другой славный сын казахского народа Абу Дусухамбетов, Герой Советского Союза, имя которого высечено на мемориальной доске в родной моей русской деревне Коровье. Деревня моя гордится еще одним Героем Советского Союза Михаилом Романовичем Перепечином, считай, моим одноклассником. Помним о них и не забудем!

Леонид Шуравин

В ПОЛКОВОЙ РАЗВЕДКЕ

Леонид Иванович Шуравин родился 16 августа 1924 года. В 1942 году ушел на войну. Служил во взводе разведки. Награжден орденами Красного Знамени, Славы 2-й и 3-й степени, Отечественной войны 1-й степени, орденом “Знак Почета” за трудовые дела в послевоенные годы.

После демобилизации работал машинистом паровоза, председателем колхоза, более двадцати лет вторым секретарем Белозерского райкома КПСС.

При встречах, чаще это бывает с молодежью, нередко просят рассказать о каком-либо боевом эпизоде. Признаться, я затрудняюсь что-нибудь выделить. Для меня все прожитое на войне одинаково важно. Каждое разведзадание легким не было. Более того, даже удачно выполненное – не всегда приносило удовлетворение, ибо из разведки возвращалась группа не всегда целой и невредимой.

Заменить выбывшего из строя разведчика не так-то просто. Важно, чтобы новичок был опытным бойцом, к тому же бесстрашным, с выдержкой и выносливостью. В разведку шли на добровольных началах. Чувствуешь себя готовым к разведывательной службе – иди в разведвзвод, там люди действуют как один. На своего боевого товарища надеешься, как на самого себя.

Взвод разведки стрелкового полка был в те годы до 18 человек. Это по штату, а фактически в боевой обстановке и того

меньше. Но в таком небольшом нашем подразделении больше всего в числе “долгожителей” были разведчики с именем Виктор. Начальником разведки полка был Виктор Зеленин, командир взвода Виктор Востриков, разведчики: Виктор Карпук, Виктор Рязанов, Виктор Дмитриев, Виктор Белоруков, Виктор Белозерцев. Все они были разведчиками, что надо. Что характерно, все они дожили до победного Мая, правда, без ранений не обошлось. Мы считали – Виктор, значит, победитель.

А меня в те годы Викторы называли Лешка-Сибиряк. Мне было приятно, что так уважительно на фронте относились к сибирякам, а немцы сибиряков боялись. Под Москвой почувствовали, кто такие сибиряки, и до Берлина боялись.

Самым важным событием каждого воина был последний день войны. Запомнился он мне тем, что утром 8 мая под Прагой наш 289 стрелковый полк принимал первую для нас капитулирующую дивизию. В центре небольшого города, командир полка Герой Советского Союза подполковник Южак со своим штабом и при помощи разведчиков организовал эту операцию. На площади появилась гора сложенного оружия, в прилегающих улицах были привязаны к изгородям бесседлые лошади немецких офицеров. На обочинах – пушки, повозки, походные кухни и тысячи гитлеровцев.

Вот когда мы окончательно убедились, что Великая Отечественная война пришла к своему завершению, чувства более радостного мы до сих пор не испытывали. Посмотрев на капитулирующих вояк, мы убедились, что сошла со сцены когда-то хваленая немецкая армия.

А о моих делах в разведвзводе лучше расскажет мой фронтовой товарищ Виктор Рязанов из города Терек.

РАЗВЕДЧИКИ УХОДЯТ В НОЧЬ...

В конце войны бои были очень тяжелые. Вот передо мной два документа – приказы Верховного Главнокомандующего с благодарностями нашей 120-й стрелковой Гатчинской Краснознаменной дивизии (командир Иван Павлович Говоров, генерал-майор) по случаю овладения городами Оппельн на Одере и Нейсе на Нейсе. Первый датирован 24-м января 1945 года, второй – 24-м марта. Ровно два месяца. Измеряю по карте расстояние между ними – всего 50 километров! В это вдуматься

надо: за два месяца – 50 километров. А ведь мы измеряли версты не по карте, а, как говорится в песне, “по-пластунски пропахали”, смешивая свою кровь со снегом и грязью, а самое печальное – теряя и теряя товарищей.

Недавно у меня гостил однополчанин Николай Светлугин из города Сокол Вологодской области. За четверо суток перебрали мы с ним все эти километры и метры, вспомнили всех друзей, мертвых и живых, и чаще всего звучало имя Лешки-сибиряка, Леонида Ивановича Шуравина из села Белозерского. О нем можно написать целую книгу.

...Мы, разведчики 289-го стрелкового Нарвского ордена Александра Невского полка, валились с ног. Наконец, на каком-то тихо горящем фольварке отвоевали крохотный уголок, чтобы хоть немного покомарить, но тут же послышалось:

- Где разведчики? Шуравина к Усачу (так в полку за глаза звали начальника штаба подполковника Семена Ефимовича Павловского).

Вернувшись, он махнул рукой:

- Опять Алярник...

Тут требуется некоторое пояснение. Наша 120-я была сформирована к концу Ленинградского сражения из двух отдельных бригад 11-й стрелковой и 142-й морской, и в отворотах гимнастерок нет – нет, да и выглядывала “морская зебра”, а в атаках мелькали бескозырки.

Алярник был одним из “морских волков”. Носил он майорские звездочки, командовал батальоном, отличался отвагой, но все это не прибавляло ему знаний (до войны он был корабельным кочегаром), он очень “приблизительно” разбирался в картах и схемах и нередко заводил батальон не туда куда предписано.

Это было чревато паршивыми последствиями. И нам, разведчикам, не раз приходилось разыскивать злополучный 2-й батальон.

В те дни, о которых рассказ, всякое “плутание” было особенно опасно, потому что фронт еще не стабилизировался, представляя из себя “слоеный пирог”, когда не сразу понимаешь, где “передок”, кто кого окружил, а населенные пункты переходили от одних к другим в какие-то короткие часы.

Пошли мы вчетвером. Батальон Алярника отыскивали довольно быстро, уточнили его координаты и сразу тронулись обратно.

Шли, как положено, попарно, соблюдая какую-то дистанцию, что было почти невозможно в такой невероятной темноте мартовской ночи. Бдительность, конечно, была основательно понижена – ведь этой дорогой мы свободно прошли какой-то час назад, а может, и меньше. К тому же на взгорье горел фольварк, к которому мы шли, на виду, а там были наши.

Детально разбирая этот эпизод через полвека, мы со Светлугиным пришли к выводу, что от верной гибели нас спасло два обстоятельства. Во-первых, въевшаяся привычка в любых обстоятельствах ходить рассредоточенно, во-вторых, паразитальная ориентация, находчивость и выдержка Шуравина.

Шли так: в первой паре – Шуравин и Витя Белоруков, во второй – Коля Зорькин и Леша Воронцов, в замыкающей – я и Светлугин.

Движение большой колонны мы почувствовали издали (именно почувствовали – это слово наиболее точно отражает восприятие большой массы людей). Какова была ее численность, ни тогда, ни сегодня определить невозможно, может, 100 человек, а может, и вся тысяча.

Издали Шуравин крикнул:

- Кто идет?

В ответ послышалось на чисто русском языке:

- “Свои!” – и был припечатан довольно замысловатый набор непечатных выражений, что вообще снимало какое-либо подозрение.

Когда же первая пара уже втянулась в колонну, то как-то подсознательно поразила необычная для наших солдат тишина. Зорькин зажег фонарик, и его луч вырвал из черноты ночи жуткую картину – вокруг были немцы.

Ночь мгновенно взорвалась стрекотом автоматов, грохотом гранатных взрывов, гортанными командами немецких офицеров. Слышался голос и Шуравина:

- По кюветам! Прыгай! - И для краткости добавил еще кое-что.

Столь неделикатное обращение имело большой смысл. Мартовская погода залила кюветы ледяной талой водой и грязью, и элементарный инстинкт противился лезть в это месиво даже при смертельной угрозе, но когда “такой” приказ... Помнится, я плюхнулся в кювет, и все незащищенные части тела как кипятком обожгло, а потом его струи полезли за шиворот и

в другие места, куда можно было проникнуть.

У немцев паника, крики. Я не сразу понял причину, но при очередном гранатном сполохе увидел, что Шуравин продолжает стоять на дороге, левой рукой держит за грудки убитого фашиста и, прикрываясь им, ведет самый страшный огонь – кинжальный, в упор, без промаха. Это и обеспечило перелом в скоротечной схватке. Среди других криков послышалось: - “Цурюк! Цурюк! Шнеллер цурюк!” (Назад! Назад! Скорее назад!) – и огонь стал ослабевать, а вскорости и вовсе затих. Немцы бежали, растворились в ночи...

Когда все стихло, Шуравин приказал:

- Отозваться!
- Белоруков – простреленные обе ноги, идти не могу...
- Воронцов – в норме...
- Рязанов – в норме...
- Зорькин?!

В ответ послышался едва слышный стон...

- Я беру Белорукова, Рязанов со Светлугиным Зорькина, Воронцов – в прикрытие. Бегом на фольварк!

Вскоре мы вернулись с солдатами из полковой роты. Все было тихо и спокойно. На дороге и возле нее лежало 12 трупов, среди которых был и человек в форме польского железнодорожника (видимо, его и вели с собой фашисты для того, чтобы отвечать по-русски в случае встречи с советскими войсками), раненых не было, их унесли.

Так мы отбросили назад в “котел” группу фашистов и тем предотвратили возможные “неприятности” (они же могли выйти неожиданно на любой штаб или подразделение и, кто знает, каких натворили бы бед).

Но дело омрачалось горечью наших потерь. Правда, Витя Белоруков большого опасения не вызывал, и Леша Шуравин уже после войны встретил его на ногах, хоть и с палочкой, в запасном полку, готовился к демобилизации.

А вот Коля, общий любимец, гитарист и певец, ленинградец... когда он посветил фонариком, ему на свет выстрелили в упор в живот, пули еще не набрали скорость и там застряли. Медики сказали, что надежды почти нет. Все же мы ищем, а вдруг?

Расскажу еще об одном поиске, когда находчивость и необыкновенная выдержка Лешки-сибиряка спасли всю нашу груп-

пу от верной гибели.

Мы стояли в обороне в Силезии, близ Шварцгрунда, между Одером и Нейсе, где фашисты задержали нас на одном из промежуточных рубежей. До Берлина оставалось, как говорят, совсем ничего, и все понимали, что остановка недолгая, скоро опять вперед, а для нас, разведчиков, это непереносимый “язык” – надо знать перед наступлением, на что и на кого идешь.

Старшим был Шуравин. Переход “передка” как всегда он подготовил и провел так искусно, что, выражаясь словами Лешки Ракитянца: “ни один собак не гавкнув”. Быстро ушли мы на несколько километров в глубь обороны, подальше от “густонаселенного” переднего края. А вот дальше не повезло. Фрицев немало, но в таком количестве или при таких обстоятельствах, что “брат” было нельзя. Это только на “передке” можно, как говорят разведчики, действовать “нахапок”, поднять шум, стрельбу и при помощи огонька из своих окопов отойти со схваченным ротозеем. В тылу такой способ равносителен самоубийству, здесь нужно действовать только так, чтобы “ни один собак не гавкнув”.

Поиск был рассчитан на одну ночь, но она подходила к концу, а дело сделано не было. Уходить было глупо, и мы единодушно решили остаться. Ночь начинала редеть. А куда деваться? “Рысиные” глаза Невметуллы Умярова каким-то чудом разглядели сквозь утренний полумрак и сетку густого тумана лесок. Туда! С огромным трудом, вытягивая сапоги из земли вспаханного с осени поля, мы потянули к лесу. Но не прошли сотни метров, как впереди на дороге послышался звук, характерный для большой группы шагающих строем людей.

Все!? Быстро светало. Не уйти никуда. Последний бой. Смертный... Это было ясно каждому. Что ж, продадим жизнь как можно дороже, разведчики это умеют – солдаты особой выучки, добровольцы (это были единственные в армии подразделения, куда зачислялись только на добровольных началах).

И вдруг мы услышали глухой, но твердый голос Шуравина.
– Не паниковать! К кагатам! Зарываться!

Потрясающая наблюдательность и четкая ориентировка... Все мы потом признавались, что не обратили внимания на два, сложенных с немецкой аккуратностью навозных кагата, какие бауэры заготавливают, чтобы по весне не разбросать их по полю. Они были огромными, примерно метров десять в длину и три –

в высоту. Мы мгновенно зарылись в них, просматривая “мир” лишь через узенькие просветы.

Рассчитывали, что все это ненадолго, думали, что какое-то подразделение движется к фронту. Но “плен” оказался страшным. Солдаты, несшие с собой не только винтовки и автоматы, но и лопаты, неподалеку от нашего “убежища” принялись под руководством нескольких офицеров за рытье окопов. Это исключало не только наш выход, но и шевеление, тем более что немцы то и дело подбегали к кагатам по своим нуждам. Смертельный бой мог вспыхнуть в любую минуту. К тому же хоть и была весна, но кое-где еще лежал снег и моросил, почти непрерывно, холодный дождь.

И все же в тот день родились мы, как потом говорили домощеные полковые острословы, под “счастливой навозной кучей”. “Отлежались” до темноты, дождались ухода немцев, вылезли на “волю”, кое-как размялись. И сразу же две удачи. Тот же Невметтулла слышал шелест велосипедных шин по шоссе. Один! Взяли “шутя”. Оказался “цивильный” (гражданский) парень. Пригодится... Двинулись вдоль дороги к “передку”. Второго все услышали: тархтит по булыжнику телега. С этим пришлось повозиться – здоровый ефрейтор.

Домой чуть не бежали. И часа через два были уже на месте, встреченные обеспокоенными однополчанами – вовремя-то не явились. Умиротворенные, гордые, хоть и запачканные с ног до головы навозной массой, мы хрипели: “Лешка... Шуравин... Без него капут бы”.

Добавлю. Ефрейтор оказался очень “длинным языком”: он развозил по батареям различные грузы и хорошо знал их расположение. Пожалуй, не менее ценными оказались и сведения “велосипедиста”: у них в доме стоял штаб, и он многое слышал...

А в конце признаюсь. Я давно хотел хоть что-нибудь рассказать белозерцам о фронтовых делах их земляка Леонида Ивановича Шуравина, но... противился он: неудобно, дескать, о секретаре райкома... Теперь он давно уже находится на заслуженном отдыхе, и я считаю вправе поведать, какой отважный фронтовик возглавляет Белозерскую организацию ветеранов.

Андрей Кутин

ИЗ-ЗА ПАРТЫ - В СОЛДАТСКИЙ СТРОЙ

Андрей Федорович Кутин родился в 1926 году в деревне Каширино Кетовского района. Призван в армию в 1943 году. Воевал в составе 2-го Белорусского фронта в Польше и Германии. Получил тяжелое ранение. Награжден орденом Отечественной войны 1 степени, медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы» и другими.

В жаркий солнечный день 22 июня на реке Уй отлично клевала рыба. Вернувшись с рыбалки домой, увидел за столом отца. Он сидел, обхватив голову руками.

- Папа, что с тобой?

- Война, сынок.

- С кем?

- С Германией.

- Ну и что? Мы этих фашистов тройным ударом! В их логове! Да и из нашей семьи никого на фронт не возьмут: ты уже старенький, а мы еще маленькие.

- Андрюша, ты мелко плаваешь, задница на улице. Не только мне, но и твоему старшему брату, а, может, и тебе придется порошу понюхать.

Обиделся я и подумал: «Вот закончится война нашей победой за два-три месяца, тогда я припомню отцу, как мелко плаваю». Но через полгода отец ушел на фронт, вскоре за ним и мой старший брат Николай.

Пятнадцатилетним стал я главой семьи, в которой, кроме больной матери, шестеро моих младших братьев и сестер. Выдавали нам по карточкам по 200 граммов хлеба на человека. Но мы накопили много картошки, вырастили капусту, морковку. Денег, кроме двух тысяч в год на многодетную семью, получать неоткуда. А мука на базаре уже 2500 рублей пуд.

Оставили мы на зиму телку, а старую корову зарезали. Мама пошла узнать у хозяйки квартиры, где можно закопать кишки коровьи. Та ответила:

- Что ты, милая! В войну-то да с такой семьей! Ты их выверни, вымой, сделай связки да в кладовку на гвозди повесь, они застынут. Весной, когда последние косточки коровьи изложете, да картошка кончится, за сладкий мед кишки съедите.

Я подумал, что тетя Саша издевается: неужели кишки жевать будем? Никогда!

В марте 1942 года кончились запасы картошки и овощей. Пошел в райисполком проситься на работу.

- Ты парень грамотный, я дал бы тебе работу, - сказал председатель. - Но что ты будешь иметь? Зарплата 500 рублей - на полторы буханки хлеба и 400 граммов хлеба - как служащему. Какая это прибавка на твою семью? Учись, пока можешь.

Коровьи кишки пригодились! Прокручиваем их на мясорубке и по одной ложке на едока в чугунок с чистой водой. Королевское блюдо! Да еще три раза в день.

Весной после уроков иду на прошлогодние картофельные поля. Ведро-полтора мерзлой картошки еле доношу до села. На окраине встречают с тележкой братья, берут картошку и лопату, а я еле плетусь сзади. Зато какая вкусная еда из этой картошки! Кишки - то кончились.

Кончился картофельный рай. Некоторые сельчане начали пухнуть с голоду и умирать. Опух и я, и два моих брата. Мама сводила нас в поликлинику - главный врач Третьяков посмотрел на нас и объявил:

- Никакой голодной опухоли не вижу. Румяные личики у детей.

Мама разревелась и напустилась на него:

- Ты, изверг, издеваешься над нами. Вот напишу отцу на фронт, тогда по-другому заговоришь.

- Войдите, Анна Григорьевна, в мое положение. Мне запре-

щено признавать опухоль от голода. Ладно, я вам выдам справку, только никому не говорите. В райпотребсоюзе выдадут карточку, по ней будете получать по 16 кг муки в месяц на семью, кроме вашего хлебного пайка.

Ох, и затируха из этой муки получается, когда мама в кипяток положит ее по одной ложке на каждого.

Закончились экзамены в школе. Сдал их хорошо. Самое трудное было дойти до класса. Пять - шесть раз отдохну по дороге, пока пройду четыре деревенских квартала.

Первое и второе военное лето мы, школьники с темна до темна работали в колхозе. Убирали сено, косили литовками рожь, пшеницу, овес, горох, вязали снопы, копали картошку. Хорошо было то, что в дни работы в колхозе в обед давали нам суп с приличным куском (не кусочком!) мяса и хлеба по триста граммов бесплатно.

1 октября пошли в школу. Учебников не хватает, чернила делаем из сажи, тетрадей мало, руки в классе мерзнут. Но немного осталось учиться: уже заветный десятый класс! Прочитались всего месяц и - призыв в армию.

В Чебаркуле школа младших командиров многое нам дала. Конечно, кормили там очень плохо, и я попадал в «доходную» команду, которая освобождалась от занятий, и каждому три раза в день, кроме обычного питания, давали питьевые дрожжи. Но это не помешало нам хорошо освоить советское и немецкое стрелковое оружие.

Второй Белорусский фронт получил пополнение из восьмидесяти семи курганских и челябинских сержантов. Все попали в один батальон. Первые короткие бои нас ничему не научили. И вот пришло время настоящего боя.

Кромешный ад. В воздухе гудят, гремят, тархтят наши снаряды и мины, земля вздрагивает. И так два часа артподготовки. Немцы тоже бьют по нашим траншеям. Воздух заполнился гарью, пылью, землей. Наконец, красная ракета: «Вперед!» Бежим навстречу врагу. А он крошит нас из пулеметов, карабинов, автоматов. Осталось до первой траншеи 30-40 метров. Немцы бросили ее и побежали прочь. Так было со второй и третьей траншеями немцев. А дальше - лес. Врага не видно. Воодушевленные бежим, вслед за отступающими. Говорят, были для нас пущены три ракеты: остановиться и закрепиться на достигнутом

рубеже! Но мы как-то не обратили внимания на этот сигнал.

Не успели добежать до леса, как откуда выкатились два самоходных орудия, а с ними густая цепь немцев. Кто-то крикнул: «Танки!» И многие из наших необстрелянных солдат стали поворачивать назад, бросая на ходу противогазы, сумки с гранатами, пулеметы. Команды офицеров и сержантов на отступающих солдат слабо действовали. Больше того, оказалось, что во время наступления солдаты - выходцы из Средней Азии, верные своим религиозным воззрениям, собрались большими толпами вокруг своих раненых и убитых солдат и молятся Аллаху. А мы перед наступлением предупреждали их, что этого делать нельзя: немецкие пушки, танки, минометы будут стрелять в первую очередь по таким обширным мишеням.

Лицом к лицу с врагом остались все офицеры, сержанты и несколько десятков солдат. Кто подобрал брошенный ствол станкового пулемета и коробки с лентами, кто отобрал у убегающих, и без закрепления на станках, прямо с земли открыли огонь. Самоходки, как и следовало ожидать, разносили в клочья совершающих молебны. Сержант Литвинов схватил кем-то брошенное противотанковое ружье, лег за дерево и с первого выстрела вывел из строя одну самоходку. Вторая остановилась, прицелилась и разнесла одним снарядом дерево, ружье и нашего славного парня. Затем она зашла нам с фланга и стала давить наших ребят гусеницами. Двое вскочили и почти одновременно забросили в самоходку гранаты. Она еще долго урчала и ползала без управления. Наш огонь из пулеметов, автоматов и карабинов сильно проредил цепь идущих в полный рост немцев, и они повернули вспять, не рискнув ввязаться в рукопашный бой.

В этом бою мы потеряли двух командиров рот, многих командиров взводов. А из 87 новых сержантов в строю остались 16.

... Сколько раз корил судьбу, что я маленького роста. Но не зря говорится, что нет худа без добра. Немцы, засевшие в костеле, подпустили нас на 70-80 метров и, открыв ураганный огонь, прижали к земле. А земля-то - пашня. Лег я между пластами, меня не видно. Почти сутки лежали без движения. Кто шевельнется - пуля тут как тут. А чтобы и ночью мы не убрались восвояси, они с самолета фонарей в воздухе повесили. Светлее, чем днем.

На следующий день наши подтянули орудия, ударили по костелу и пошли в наступление новыми силами. Добежали до нас, кричат, чтобы вставали, кто живой. А как встанешь? Легли в лужи, мокрые пласты и за ночь нас приморозило. Меня, маленького, ножами и штыками быстро вырубил из льда. А сколько возни было с большими!

...Третьи сутки фрицы не подпускают к нам кухни. Кишка кишке у каждого кукиш кажет. А в нейтральной зоне помещицья усадьба стоит, далеко от нас и от немцев. И никакого там движения. Рискнул я поискать чего-нибудь съестного. Отговаривали ребята. Но я рассчитал, что более чем за километр из винтовки в меня стрелять не будут, а мины тратить на одного бойца нет смысла. И пошел по открытому полю. Во дворе усадьбы - никого, в кухне и комнатах - тоже. Из съедобного нашел только мешок семечек. Разрезал его, попробовал семечки - понравились. Вышел из дома, посмотрел - никого. Оставил все двери открытыми. Нашел большую сумку и насыпал семечки. Вдруг в кухне раздается цокот немецких кованых сапог. Вскрываю, прячусь за косяк двери и направляю автомат на звуки. Перед дверью в комнату цокот прекратился. Ну, думаю, иди, фриц, сделаю из тебя решето. Слышу еще три шага, вроде бы уже на пороге должен быть, а не видно. И тут кто-то тронул меня за колено. Смотрю вниз, а там... огромное рыло свиньи. Эта хавронья обеспечила бы хороший обед для всей роты, но прутиком ее не уголишь, а нести невозможно: она раза в 3-4 тяжелее меня.

Когда возвращался, четыре мины все-таки прилетели, но упали далеко от меня. А за свиньей ребята восьмером ходили. Одного, правда, легко ранило, зато полторы сотни бойцов получили первый за три дня обед.

...Тяжело было не только в боях, но и между ними. Выбьем немцев из укрепленного района. Они сядут на машины - и до следующего. А мы пешком трое - четверо суток во всем боевом догоняем. Спать приходилось 3-4 часа в сутки. Идешь в строю по страшной грязи, ноги еле волокутся, засыпаешь на ходу, падаешь. Объявили привал - тут же садишься и крепко заснешь. «Подъем!» И дальше идем.

- Знаешь, - говорят друзья, - тебя ни пуля, ни осколок не задевают. Ты не куришь - огнем себя ночью не выдаешь. Фронтные сто граммов не пьешь - разум не теряешь. Да и ростом

маленький - трудно в тебя попасть.

Накаркали мне беду! С тремя бойцами возвращаюсь с задания. Видим - в сарае ульи. Открыли один. Пчелы сразу ткнули меня в щеки. Лицо тут же распухло. Пришли в батальон, а там беда: четыре раза отбивали у немцев помещичью усадьбу, и четыре раза они по утрам темной тучей вставали перед ней, как из-под земли появлялись и выбивали наших. Батальон нес огромные потери.

- Ты, Андрей, мастак ходить в нейтральную зону, - говорит комбат. - Бери с собой солдат, обследуй вон тот единственный домик, узнай, что есть за ним. Может, найдешь место, откуда немцы по утрам выползают, а то и фрица схватишь.

Взял свое отделение. Перебежками по полю к домику. Пусто. Двинулись дальше. Траншея! Ведет к помещичьей усадьбе. Двоих фрицев в ней обнаружили. Взяли их в плен. Когда возвращались, из леса посыпались пулеметные очереди. И ...разлетелась моя нижняя челюсть. Остальные вернулись невредимыми.

- Меду захотел, вот мишень-то и увеличилась, сразу попали, - смеялись надо мной ребята.

В комнате комбата, куда привели пленных, знающих немецкий язык не было. Я же говорить не мог. Письменно на русском и немецком языках высказал свое предположение, нарисовал схему. Немцы подтвердили, что появление тучи немцев, как из-под земли перед усадьбой, было вполне возможным из-за близкого леса с правой стороны и, главное, широкой замаскированной траншеи с левой, идущей из-за холма.

Больше фрицам не удалось отнять у нашего полуразбитого батальона усадьбу.

... В просторной брезентовой палатке врач объявил мне, что у него нет не только ничего обезболивающего, но и даже спирта, поэтому придется потерпеть. Соединил он отколовшиеся части челюсти вместе, сцепил их изготовленной тут же скобой из толстой проволоки. Каждый зуб (а они все болтались на деснах) привязал тонкой проволокой к скобе, а потом нижнюю челюсть - к верхней. И сказал, что зубы переживут меня. Немножко ошибся: через пятьдесят два года половина из них выпала. Остальные живут. А оставшиеся осколки от челюсти еще через тридцать лет извлекали врачи медсанчасти Курганского машзавода.

Через неделю после ранения самолетом перебросили меня

в Польшу, в спецгоспиталь, где пообещали кормить и поить, как и других челюстников. И, правда, делали то и другое: в фаянсовый чайник наливали горячий кофе, добавляли сгущенного молока, раскрывали мои губы и лили эту еду и питье на зубы утром, в обед и вечером. Ладно, зубы редкие, все до капельки проходило.

Полтора месяца носил во рту проволоку. Сняли. Мышцы атрофировались. Рот не открывается. Дали бельевую прищепку и говорят: «Сжимай ее тонкие концы, вталкивай между верхними и нижними зубами. Прищепка будет разжиматься, а ты ее снова зубами сжимать».

Месяц занятий с прищепкой дал результат: рот открывается на пять миллиметров. Годен на фронт! Едем, выздоровевшие, на попутных в свои воинские части. Через два дня добрались до польско-немецкой границы. На хвостовой платформе грузового поезда сидит поляк-кондуктор, читает газету.

- Что пишут в вашей газете? - интересуюсь.

- Война окончилась!

Вот тебе раз, без нас управились ребята!

... Домой нас не отпустили. Год прослужили в Германии, потом длинная дорога через Германию, Польшу, Советский Союз на Дальний Восток в суровый холодный край, где мы сменили тех, кто призван в армию был еще до войны. И только через пять лет после войны нас, двадцатичетырехлетних, демобилизовали.

... Война поломала многие мои планы. Но насколько мог, наверстывал упущенное. Вместо желанного с детства педагогического получил журналистское образование. Работал кондуктором на железной дороге, инструктором политотдела, редактором газеты «Машиностроитель», а потом начальником бюро в отделе труда и заработной платы на Курганском машиностроительном заводе.

Прошлой осенью мы с женой Марией справили золотую свадьбу. Прожили все эти годы, не ожидая манны небесной, а строили свою жизнь так, как сами хотели, не сгибаясь ни перед какими трудностями, которых на нашем веку было предостаточно.

Владимир Федоров

ПОД ЗНАМЕНЕМ ПОЛКА

Владимир Петрович Федоров родился 17 июня 1925 года в селе Таловка Юргамышского района. Ушел на фронт в декабре 1942 года. В боях с врагом был контужен, ранен в плечо и руки, в Карпатах потерял правую ногу выше колена. Награжден орденом Отечественной войны I-й степени, медалью “За отвагу” и другими.

Будучи инвалидом войны, проработал на различных предприятиях свыше сорока лет. Вырастил пятерых сыновей, все они получили высшее образование, четверо - офицеры Вооруженных Сил.

Мне довелось служить в прославленной орденов Ленина, Красного Знамени, Суворова, Кутузова 3-ей гвардейской воздушно-десантной Уманской дивизии. Думаю, только перечисление боевых наград нашего соединения говорит само за себя, хотя на войне всякое случалось.

В конце 1943 года во второй гвардейский полк этой дивизии пришло значительное пополнение. Его основу составляли молодые сибиряки и уральцы, среди которых были и мы, парни из Курганской области. Надо сказать, в десантные части даже в войну готовили бойцов достаточно серьезно: мы хорошо владели оружием нашим и трофейным, умели метко стрелять, бросать гранаты, вести рукопашный бой с применением холодного оружия.

Боевое крещение пополнение получило в схватке с гитлеровцами под селом Тыновка, что в Черкасской области. В нем тогда закрепились немцы, а мы должны были выбить их и отбросить. По селу уже велся огонь, когда мы, отмахав 30 километров, сходу развернулись в цепь, начали атаку.

В селе горели хаты, сараи, другие постройки, оно с расстояния двух километров смотрелось, как большое кострище. Гитлеровцы окопались на его окраине, но к штурму, видимо, не были готовы. Мы их выбили из траншей, и они отошли на позиции, подготовленные в селе.

Всю ночь село переходило из рук в руки. Не смолкала стрельба, рвались мины и снаряды, вокруг все горело. Голова шла кругом от гари и дыма, запахов навоза и горелого мяса. Кажется, мы попали в преисподнюю, а то и вовсе в ад.

Когда рассвело, картина перед глазами стала еще ужаснее. Кругом валялись обгоревшие трупы людей и животных, страшно много полегло фашистов, но и наши ряды значительно убавились.

Между нами и фашистами образовалась нейтральная полоска метров до двухсот.

По окопам послышались слова нашего ротного лейтенанта Пахила, что командир батальона гвардии старший лейтенант Полянский тяжело ранен, солдаты, которые его выносили, погибли, нужно немедленно его выносить с поля боя, это метрах в ста в нейтральной полосе. И вот пятеро смельчаков, из них Ковалев с поселка Юргамыш, Афонасьев и Малков с Миасса и еще двое бойцов поползли к комбату.

Добрались нормально, положили его на плащ-палатку и потянули. Немцы открыли по нам ураганный огонь.

Погиб Петя Афонасьев, через несколько минут погибли еще трое солдат, Ковалев дотянул палатку с комбатом почти до самых наших окопов, но фашистская пуля настигла и его.

Комбата вынесли с поля боя, но спасти не удалось. По дороге в санроту он скончался.

Всех этих солдат наградили орденами Красной Звезды посмертно.

За январь и по 17 февраля 1944 года наша дивизия потеряла 812 солдат и офицеров, все они захоронены в братской могиле у села Тыновка.

17 февраля была проведена мощная артподготовка по группировке фашистов. Казалось, что небо и земля соединились в одно черное облако, не было ничего слышно от разрыва снарядов и бомб, трескотни пулеметов и автоматов. Все погрузилось в дым, пыль и огонь.

Фашистские полчища были разгромлены, взято в плен более шестидесяти тысяч гитлеровцев. Позднее их провели по улицам Москвы, а следом шли пожарные машины и смывали с улиц следы фашистской нечисти.

Вот так закончилась Корсунь-Шевченковская операция.

Не забуду встречу нашего полка с партизанами Ковпака. Это произошло после форсирования нами Южного Буга. Развивая наступление, мы подошли к какой-то речушке, притоку Буга, перерезали здесь железнодорожный путь и взяли под охрану железнодорожный мост. Остановились на территории какого-то конезавода. Он был обнесен хорошей кирпичной оградой, целы были и конюшни. При наступлении мы отбили у немцев обоз с одеялами и подушками. Застлали ими конюшни и с шутками, что выспимся, как дома на перинах, расположились на ночлег.

Рота охраны ушла вперед и заняла позиции с запада на случай контратак гитлеровцев.

Мы спокойно заснули, видимо, задремали и постовые охраны. Вдруг раздались выстрелы. Это стрелял немец по собаке, которая на него залаяла. Гитлеровец был верхом на коне. Спросонья мы не могли ничего понять. Часовой выстрелом снял фашиста, но то, что мы увидели, было просто фантастикой. Вдоль полотна прямо по шпалам шагали и ехали на конях и повозках тысячи гитлеровцев.

Мы открыли огонь из всех видов стрелкового оружия, немцы будто этого не замечали, продолжали идти, хотя несли огромные потери. Так продолжалось до утра. Гитлеровцы в серьезный бой с нами не ввязались. Только когда уже ушли далеко от нас, вдруг ударили по конезаводу из орудий "Фердинандов".

А через несколько часов, снова с востока, показалась огромная масса конников. Мы заняли оборону. И когда эта лавина стала приближаться, открыли огонь. Но что такое?

Конники широко развернулись для атаки и под Красными флагами ринулись на нас.

Нам дали команду огонь прекратить до выяснения обстоя-

новки. Оказалось, что это партизанская бригада Ковпака. От нее-то так спешно и отступала немецкая дивизия всю ночь. Началось братание.

На крыльцо дома поднялся партизан и громко попросил: “Кто из Челябинской области, подойдите”. Нас несколько человек подошло. Оказалось, что это комиссар одного из партизанских отрядов Ковпака. Сам он родом был из Челябинска, но фамилию я его уже не помню.

Неимоверно трудным был наш переход через Карпаты. Немцы укрепили главные горные дороги, сделали их почти непреступными. Наш полк получил задание горными тропами перейти Карпаты и атаковать гитлеровцев с тыла. Переход затруднялся тем, что пришлось конной тягой тащить за собой пушки сорокапятки и 76-миллиметровые. Пушки, чаще всего, приходилось не везти, а тащить на себе бойцам, поднимать ящики со снарядами. Это был по-настоящему суворовский переход.

Бойцы выбивались из сил, хлеб и консервы кончились, питание было совершенно скудным. Хорошо, что в горных селениях у жителей была брынза. Мы питались исключительно ею, даже и лошадей подкармливали.

И все превозмогли и одолели. Сколько было радости, когда спустились в долину, смяли немецкую охрану какого-то крупного лагеря военнопленных. Тут были американские летчики, французы, англичане, военнопленные многих других национальностей, около шести тысяч человек. Они содержались в нормальных человеческих условиях, даже подарили нам вагон печеного хлеба. Работали они на лесозаготовках.

После наших ударов по немцам с тыла, оборона главных горных магистралей быстро пала. И по ним хлынули наши главные силы.

Последний свой бой я провел близ города Албаюлия. Немцы нас крепко прижали плотным огнем из всех видов оружия. Они укрепились на высоте и срывали все наши попытки продвинуться вперед. Командир полка майор Хабаров вынес тогда полковое знамя и с ним бойцы ринулись вперед. Я единственный раз видел, чтобы вот так со знаменем мы шли вперед. Высота была взята. А я при штурме от разрыва снаряда получил 23 осколка в правую ногу. И, как говорится в таких случаях, отвоевался.

Мухаметжан Сапаков

ЕДИНЫМ

ПЛЕЧОМ

Мухаметжан Мулдахметович Сапаков родился 7 ноября 1917 года. Призван на военную службу в 1938 году, воевал с первых дней по январь 1945 года. Кавалерист, разведчик. Дважды ранен, контужен. Имеет 28 боевых и трудовых наград. Живет в Шумихинском районе.

Фашисты стояли в двадцати шести километрах от Москвы, а в полях, лесах и городах царствовала суровая зима. Лошади с трудом продвигались по местности, бойцы сами мерзли, но как могли сохраняли своих боевых друзей. В разгроме врага под Москвой есть немалая доля и кавалеристов.

Все события тяжелого военного времени незабываемы, но два случая вспоминаются по-особому. Среди моих наград есть медаль “За отвагу”. Рангом она, конечно, ниже ордена, но эта солдатская медаль для меня особо дорога – это начало моей боевой биографии. Наш разведвзвод получил приказ срочно взять “языка”. Командир отобрал несколько бойцов, среди которых оказался и я. Ночь, хоть глаз коли. Ни звука, ни шороха, лишь изредка взлетают над фашистскими окопами осветительные ракеты. Медленно, по-пластунски, преодолели нейтралку, затаились... “Языка” мы взяли, возвращались под яростным огнем гитлеровцев. Мне повезло, а вот одного разведчика убили и двух ранили. Немец оказался унтер-офицером и дал ценные сведения. Моя медаль “За отвагу” - она оплачена и кровью

моих друзей.

Прежде чем рассказать о моем ордене Красной Звезды, хотелось бы отметить одну, на мой взгляд, важнейшую особенность того времени. Война стала трагедией для советского народа. Ненависть к захватчикам одинаково сильно наполняла сердца русских и украинцев, башкир и калмыков...

И во время прохождения действительной службы представители всех наших народов и наций обучались военному делу вместе. Особо сплотила война – дрались с врагом единым плечом, единым кулаком. Я казах и из “одного котелка” со мной ели, из одной кружки со мной пили фронтовые сто граммов украинец Петр Иванченко, армянин Агапетян (имя, к сожалению, за давностью лет не могу вспомнить), еврей Григорий Рейкин, белорус Петр Северцев, другие ребята. Меня мои боевые друзья называли по-русски Миша.

Иногда мы отрывались от своей боевой семьи или на выполнение спецзаданий, или по ранению.

Так мы дошли до Киева. Командование решило сделать советскому народу подарок – освободить столицу Украины от фашистских захватчиков к 7 ноября – годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Все, особенно украинцы, рвались в бой. Но перед нами был Днепр, могучая водная преграда.

Наш взвод получил приказ о форсировании реки, захвате хотя бы маленького плацдарма для обеспечения переправы кавалерии, в частности, родного эскадрона. По сигналу началась общая переправа наших наступающих войск. Форсировали Днепр на лодках, понтонах, плотам пехота, артиллеристы, пулеметчики, мы плыли рядом со своими боевыми конями. Лошади – отличные пловцы и немалому числу бойцов помогли они, при яростном обстреле фашистов, преодолеть водную преграду. За выполнение боевого приказа, обеспечение переправы я в числе других бойцов был награжден орденом Красной Звезды.

Мы прошли огненными дорогами Великой Отечественной освобождая землю от гитлеровцев. Мне и сейчас очень жаль, что я не встретил День Победы среди своих боевых друзей. Но в январе 45-го был тяжело ранен. Потом были полевые госпитали, “мирные” больницы, тяжелые бессонные ночи и общая на всех радость – Победа! И я счастлив, что в ней есть и моя скромная доля.

Аксентий Вологин

ВАСЯ

ВОСКРЕСШИЙ

Вологин Аксентий Григорьевич родился 27 декабря 1924 года в селе Ожогино Шатровского района.

До войны окончил семилетку и работал в колхозе. Призван в армию в октябре 1942 года. Учбат в Чебаркуле, в батарее разведчиков.

На фронте с 16 декабря 1942 года – Осетровский плацдарм, Юго-Западный фронт, артрязведчик 230-го гаубичного артполка 9-й артдивизии. С апреля 1943-го – разведчик батареи управления 30-й артбригады.

Далее – сержант, командир отделения разведки. Участвовал в освобождении Воронежской и Ростовской областей, Украины, Молдавии, Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, Австрии. Был ранен, контужен.

Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, орденом “Знак Почёта”, медалями “За отвагу”, “За взятие Будапешта”, “За взятие Вены”.

После войны: учитель, завуч, директор Самохваловской средней школы.

На заднепровском плацдарме против села Буторы второй день шло кровопролитнейшее сражение. Гитлеровцы, не добившись накануне поставленной цели – уничтожить плацдарм, с прежним ожесточением возобновили атаки, как только наступил рассвет.

Первая мощная атака была предпринята в южной части плацдарма. После мощного артналёта враг бросил в бой на узком участке фронта до 120 бронеединиц. При их поддержке многорядные цепи пехоты перешли в атаку.

С восходом солнца в небе появились «юнкеры». Несколько групп по 12 самолётов каждая, сменяя друг друга, обрушили бомбы на защитников плацдарма.

Вскоре заремел бой и на правом флэге. Казалось, на крохотном «пятакче» не осталось места живому. Но, как и вчера, воины артиллеристы мощным огневым щитом прикрыли пехоту.

Следует отдать должное – зенитчики достойно защищали наши позиции с воздуха. «Юнкеры», под огнём зениток, кидали свои бомбы в спешке и далеко не всегда по цели.

Метрах в пятидесяти сзади нашего НП под бомбы попало небольшое пехотное подразделение, направлявшееся к переднему краю. Именно в тот район перед самым налётом ушли двое наших связистов, Вася Андрюхин и Серёга Шаврин, на исправление порыва связи.

Связь подозрительно долго не начинала работать, и лейтенант Козачок послал на линию сержанта Костина. Связь через какое-то время заработала, а спустя полчаса с линии вернулись только двое: сержант Костин и почти непохожий на себя, грязный, мокрый, как вынутый из болота, Серёга Шаврин. Они рассказали, что произошло.

Фугаска, килограммов на пятьсот накрыла с десятков пехотинцев. В основном люди погибли под глыбами вывернутого фугасом грунта. Оставшиеся в живых откопали тех, чьи тела не целиком были погребены под глыбами.

Под эту же бомбу попали Андрюхин и Шаврин. Серёгу не завалило. Васю Андрюхина Сергей нашёл по торчавшим изпод комьев земли ботинкам. Руками принялся разгребать друга. Серёга грёб, а на место отгребённого грунта сверху сыпался другой, сводя работу на нет. Слёзы бессилия душили солдата, а он рыл и рыл землю руками с ещё большим остервенением.

Тут и подбежал на помощь сержант Костин. Вдвоём они высвободили друга из земляного плена, но Андрюхин был мёртв.

- Попробуй, окажи помощь. Я свяжу линию, - сказал Костин и побежал искать порыв. Найдя порыв и восстановив линию, сержант принял команду с НП.

- Возвращайтесь скорее. Часть разведчиков и связистов уходит на помощь пушкарям. В расчётах мало людей, некому стрелять.

Друзья решили не оставлять тело погибшего товарища. Отнесли его до опушки леса, обмыли лицо, руки (рядом оказалась канава с чистой прохладной водой) и стали искать окоп, в который можно положить солдата. Окопов на опушке было много, но все они были не очень глубокими. Решили похоронить временно. “Потом вернёмся с лопатами и сделаем настоящую могилу”.

Опустив солдата в окоп, друзья не стали засыпать его землёй, а натаскали из леса моховидных глыб и завалили ими могилу. “Будет удобней убирать укрытие при перезахоронении”.

Едва ли пришли бы друзья на перезахоронение в тот же день, вечером. Бой не стихал до самой ночи.

- Может, завтра будет попроще, - решили было связисты.

Но, узнав о гибели Андрюхина, поздно вечером подошёл к сержанту Костину секретарь комсомольской организации Костя Прокофьев и попросил комсомольский билет и все остальные документы погибшего.

- Мы не взяли ничего. Даже медаль не сняли. Спешили.

- Плохо, - сказал секретарь. – Помкомвзвода должен знать правила. Вам придётся сейчас же отправиться за документами. Хорошо, что неглубоко захоронили.

Сержант Костин, конечно, слышал о “правилах”. Политотдел может запротестовать об отправке родным “нормальной похоронки”. Заставит писать “без вести пропал”.

- Давай, Серёга. Берём лопаты и пошли. Могилу сделаем нормальную и документы принесём.

Взяв по ломтю хлеба вместо ужина, они пошли к роще.

Помню, я задержался и не слышал, когда вернулись связисты. Проснулся от радостных возгласов и смеха.

- Ну, Вася! Теперь будем жить! – услышал я голос связиста Селютина и вскочил, как уколотый.

С алюминиевой кружкой в руке сидел среди парней Вася Андрюхин и улыбался.

Серёга Шаврин рассказывает:

- Стали мы с Сашкой (он помкомвзвода назвал на этот раз по имени) поднимать Васяху из могилы, а он – стонет! Натурально стонет. И потянулся даже, как невыспавшийся, когда его будят.

Хотелось закричать от радости. Но “может вредно?”, подумал. Шепчу сержанту: “живой!” Тут мы подняли Васяшу осторожно и к воде. Купали, мочили лицо, голову, грудь. Пока он брыкаться не начал. Опустили его, а он уже сидит сам. “Где я?” – говорит. Только выговорил с трудом. Заикается. Тут мы сняли гимнастёрку с “воскресшего”, выкупали его до пояса, одели и, положив руки Васяхи на наши с сержантом плечи, пошли. Можно сказать, с того света привели. А теперь, Вася, выпей, чего там тебе санитар налил и отдыхать, – закончил Шаврин.

Вот так. Наш друг, дважды погребённый за одни день, ожил и встал в строй. Забегая далеко вперёд, сообщу читателю, что Вася Андрюхин, кучерявый тамбовский паренёк, с боями прошагал по пяти государствам Европы и дошёл до победы. Только заикание у солдата так и не прошло полностью.

Утром комбриг, полковник Глушков, узнав о событии, подошёл к Андрюхину и по-отцовски обнял его:

- Нет, господа фашисты, не победить вам, хоть лопните, русских богатырей! Из мертвых встанут и опять в бой! Не победить!

- Все мы были несказанно рады из-за нашего боевого друга. Между тем, на третий день бои были уже не такими жаркими. Враг выдохся. Его атаки ослабели. Связисту Василию Андрюхину предоставилась возможность отдохнуть.

О солдатах Великой Отечественной написано немало песен. В одной из них Исаака Дунаевского на слова Марка Лисянского есть строки:

Я по свету немало хаживал:

Жил в землянке, в окопах, в тайге,

Похоронен был дважды заживо.

Знал разлуку, любил в тоске...

Сколько лет прошло! Но, как только услышу слова этого куплета, в памяти встают: одиннадцатое мая сорок четвёртого, заднепровский “пяточок”, улыбающийся Вася Андрюхин с алюминевой кружкой в руке.

Елизавета Смирнова

СПАСТИ

И

ИЗЛЕЧИТЬ

Елизавета Петровна Смирнова родилась в 1895 году. Училась в Томском университете. В 1920-1922 годах работала военным врачом, затем — в больницах Урала и Сибири. В годы Великой Отечественной войны — начальник Курганского эвакуационного госпиталя № 3976.

В декабре 1919 года Красная Армия, преследуя банды Колчака, вступила в Томск. В марте 1920 года мы, студенты медицинского факультета, досрочно сдали государственные экзамены и были мобилизованы в армию. Я была назначена врачом-ординатором в госпиталь-приемник города Томска. Госпиталь был инфекционным, на 2000 коек. Мне было поручено вести 150 больных возвратным тифом. Больные были размещены в двух палатах, на каждые двух топчанах с соломенными матрацами лежало по три больных. Эпидемия носила чрезвычайно тяжелый характер с высоким процентом смертности. Вскоре я сама заразилась сыпным тифом... Так началась моя врачебная деятельность в трудные годы гражданской войны.

С 1923 года я работала в городе Кургане. Это были годы организации советского здравоохранения. И мы не только лечили, но и занимались санитарным просвещением. Учили своих подчиненных и учились сами. Так росли медицинские кадры, улучшалось качество профилактической и медицинской помощи населению.

Наступил июнь 1941 года. Я снова мобилизована и назначена на должность начальника эвакогоспиталя. Было переоборудовано и передано нам помещение школы по улице Куйбышева и дан месячный срок на подготовку к приему больных. Госпиталь был внеплановый, и для него здесь не было подготовлено никакого оборудования. Вот где мне помог мой многолетний опыт. Пока заканчивался ремонт в здании, шли подбор и расстановка кадров, мы организовали женщин-домохозяек на помощь госпиталю. Они горячо взялись за дело, и через несколько дней у нас уже было полно посуды — кухонной, столовой и чайной.

Очень помогли нам горсовет, военкомат, торговые организации, шефы-заводы. И когда с помощью общественности было сделано все, даже водопровод (водопровода в городе тогда не было), я поехала в Челябинский облздравотдел и там получила медицинское оборудование, белье и койки. Точно в срок мы приняли больных. И опять на помощь пришла общественность: выгружать из вагонов раненых помогала санитарная дружина, а принимать их в госпиталь помогали домохозяйки. Они таскали носилки, мыли, одевали, кормили раненых. И бесконечно я была благодарна за сделанный водопровод: 5 душей и 3 ванны дали нам возможность провести хорошую санобработку раненых, не нужно было думать, хватит ли воды.

Врачи и медсестры работали всю ночь в перевязочной, пока не осмотрели всех раненых и не сменили всех повязок. Никто не думал о времени, каждый вкладывал в работу все свои знания и всю любовь к делу. Вспоминаю эту первую ночь приема трехсот раненых. Заранее до мелочей было продумано, кто и что будет делать и в каком порядке. И вдруг нас подводит свет. Напряжение в электросети такое, что в комнатах полумрак. На счастье, кто-то из наших добровольных помощников принес лампочки малого накала. Яркий свет дал возможность четко справиться с работой. Они горели только одну ночь, но какую большую помощь они нам оказали! Наши добровольцы-общественники помогали нам повседневно. Они навещали больных, приносили подарки, читали им, писали письма для тяжелораненых, ухаживали за ними, словом, оказывали им внимание, как своим близким родным. А в праздники приезжали шефы из колхозов. Колхозникам трудно жилось, они все отдавали фронту, и все-таки они привозили подарки раненым и душевно беседовали с ними.

Связи с колхозами установились настолько прочно, что некоторые раненые, снятые с военного учета, по выздоровлении не поехали в дома инвалидов, а остались жить в наших колхозах, так как их родные колхозы в это время были оккупированы.

Большую заботу наш коллектив уделял бойцам, получившим инвалидность. Мы организовали для них курсы счетоводов колхозного профиля, портняжные, столярные мастерские, а также мастерские по починке обуви. Нам хотелось, чтобы человек ушел из госпиталя спокойно, в надежде, что будет полезным и в коллективе и в семье. Мне вспоминается один паренек из Башкирии. У него были отморожены все пальцы на руках, он хорошо поправлялся, а настроение было угнетенное. Когда я спросила его, куда он поедет по выздоровлении, он ответил: “Некуда мне ехать. Матери у меня нет, а отцу 70 лет. Я должен кормить отца, а я сяду ему на шею. Не могу я так поступить”. Выяснилось, что до войны он закончил 7 классов. Мы дали ему тетрадь и карандаш и посоветовали писать одну страницу в день. На другой день я поинтересовалась, как он написал. И оказалось, что своей кутьей он написал красивее, чем я пишу здоровой рукой. Посоветовали ему написать письмо отцу и уверили его, что и отец его ждет, и колхоз ему будет рад, так как там сейчас некому работать и грамотные люди там нужны. Договорились, что он поедет к отцу, а если там его не возьмут на работу, то пусть возвращается, и мы его устроим на работу в свой колхоз. Парень уехал и не вернулся.

На фронте ранили не только тело, но тяжело травмировали и психику. Немало приходилось заниматься и психотерапией. Хирург-специалист был только один, он был контужен в первые дни войны, эвакуирован в тыл и поступил работать в наш госпиталь. С его помощью мы организовали учебу для врачей других специальностей полевой хирургии. Практика для них была огромна, а каждый врач вел не менее 50 коек. Хирург Иткин контролировал их работу. Учились они хорошо. К раненым были очень внимательны. Выживали отлично даже тяжелых. Особенно мне запомнились И.Я. Файнберг — педиатр из Минска и Л.К. Брук — педиатр из Ленинграда. Они не успокоятся, пока не выведут больного из тяжелого состояния. Часто приезжал проверить нашу работу хирург Калмановский из Челябинского эвакуационного пункта.

Процент выписки раненых, годных к строевой службе, из

нашего эвакогоспиталя был высокий. Все мы отлично понимали, что должны хорошо делать то, что от нас требует фронт, — давать как можно больше выздоровевших, годных к строю, а для этого и я, терапевт, обязана уметь руководить хирургическим госпиталем и врачи-нехирурги обязаны овладеть полевой хирургией. И мы все учились и старались лечить раненых как можно лучше.

В 1943 году госпиталь передислоцировался на фронт, и я была спокойна, так как была уверена, что врачи госпиталя с честью справятся с работой: они прошли хорошую школу. Меня перевели главным терапевтом отдела эвакуационных госпиталей при облздравотделе. При посещении госпиталей мне пришлось встретиться впервые с заболеваниями, которые возникли уже в военное время — с дистрофией и авитаминозами. Для таких больных мы организовали специальное лечебное питание с большим количеством витаминов В и С. Вместо готовых аптечных препаратов, которых тогда не хватало, мы готовили дрожжевой напиток (витамин В), настойку из хвои, настойку из шиповника, весной, пока не созрели овощи, делали салаты из дикорастущих трав, крапивы и из овощной ботвы.

Александра Микшакова

**КУРГАНСКИЙ
ГОСПИТАЛЬ
№ 3976
НА ФРОНТЕ**

Микшакова Александра Васильевна родилась 9 августа 1925 года в городе Кургане.

Мы мучительно любили свою Родину и потому понимали: страшная беда постучалась в ее двери. Враг топтал, разорял нашу землю, испепелял города и села, угонял в рабство советских людей. Все наши мысли были там, на фронте, а военные сводки обжигали своей безысходностью, пробуждали гнев и ярость за каждую поруганную пядь земли, душевный порыв призывал к самопожертвованию. Хотелось добавить себе лет, преодолеть подростковый непризывной возраст, но в военкомате говорили: «Подрости. Твое от тебя не уйдет». И вот, наконец-то, желанная повестка. Я — медицинская сестра эвакогоспиталя № 3976. В сентябре 1943 года госпиталь направили из Кургана к линии фронта...

Когда поезд тронулся, мы с девочками запели: «Прощай, любимый город...» Чтобы родные, которые нас провожали, сильно не переживали, а видели только наши улыбки. Да и мы еще не осознали до конца, что такое война. Молодость всегда беспечна, не отягощена разными заботами. В такие годы веришь: тебя не убьют. И ты будешь как прежде любоваться бездонным небом, рвать белозубые ромашки, вольготно ходить по родной земле, любить и быть любимой. Ведь у жизненной дороги толь-

ко начало, а где ее конец пока не видно.

Перед глазами стояла мама, добрая милая мама, с постоянно опечаленными с самого начала войны глазами. Не горюй, дорогая! С твоей дочерью ничего не случится. Всем смертям назло я вернусь домой и обниму тебя. И все-таки было грустно и немного тревожно. Что ожидает нас там, где глухо погромыживает гроза? И ее смертельные раскаты становятся все громче и громче. И это совсем не гроза, горячее дыхание войны, она настойчиво стучится в твое сердце, входит в сознание...

И вот уже первые путевые приметы войны: сгоревшие у дороги хатки, обугленные тополя, оголенные стропила станционных построек, лежащий под насыпью паровоз... Здесь, видимо, похозьяничали фашистские стервятники. А потом начались картины, которые лучше не описывать. Лежащие в руинах города и поселки, разбитая техника на полях...

Остановились под Днепропетровском. Город сильно пострадал. Разрушенные дома, снесенные крыши, оскаленные стропила, развеянная черепица. Будто пронесся здесь недавно внезапный ураган, истерзав до боли, до неузнаваемости известный нам по школьным фотографиям ДнепрогЭС.

За Днестром нам подыскивали уцелевшее здание. Надо было срочно развернуть госпиталь и заняться ранеными. Их было очень много, и они несколько недель не имели перевязки. Не нахожу слов, чтобы сказать, какие это были солдаты. Мы потеряли ощущение времени, не знали - на улице день или ночь. Спешили быстрее обработать раненых, спасти многих от заражения крови, отправить в тыл. Немцы бомбили каждую ночь, про дневное время и говорить не приходится.

Я послала матери письмо и о бомбежках написала так: «Представь, мама, наступила ночь, идет сильный дождь, а потом начался град». Она ни о чем не догадалась, в ответном письме все удивлялась, что за погода такая нехорошая...

Вначале я бомбежек боялась, а потом привыкла. Приходилось и свою кровь отдавать раненым. Ровно столько, чтобы самой не упасть в обморок от бескровия.

Всего не опишешь, что мы испытали в свои молодые годы. Нелегко было, ясно, но мы старались все мужественно преодолеть.

Потом нас перебросили на Карельский фронт. Там находи-

лись недолго — направили в Венгрию.

24 декабря 1944 года завязались уличные бои, начался знаменитый будапештский штурм, который длился пятьдесят дней.

Наше командование предложило гарнизону капитулировать, чтобы спасти от разрушения исторический, по-музейному бесценный, ансамбль венгерской столицы. Но 29 декабря немцы предательски расстреляли две группы наших парламентариев. Это вызвало волну гнева у советских воинов. Начался штурм. Но никакая сила уже не могла остановить советского солдата. 13 февраля завершился разгром окруженной группировки. И вот пыльный тракт от Будапешта на Секешфехервер от Дуная до озера Балатон... По сторонам виднеются сотни сожженных машин. Песочно-желтые «Пантеры», зелено-серые «Тигры», «Фердинанды». Откуда их столько? Кто их остановил?

Наш путь лежал в Австрию. Там мы развертывали госпитали и в медсанбатах помогали обрабатывать раненых. После этого перебазировались в Чехословакию. Здесь и узнали об окончании войны.

В ноябре 1945 года я прибыла в Курган. Но вскоре уехала в Хабаровск и там работала в военном госпитале № 301. В 1954 году снова оказалась в Кургане. Устроилась работать в роддом, а потом в женскую консультацию процедурной сестрой, проработала там до пенсии. Отдыхать не стала и еще трудилась целых 7 лет.

Мария Кутина

ПРИБЛИЖАЛИ, КАК МОГЛИ

Мария Леонидовна Кутина родилась в 1926 году в д. Секисово Варгашинского района. С тринадцати лет работала лесорубом, грузчиком, рамщиком на пилораме.

Награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «Пятьдесят лет победы в Великой отечественной войне 1941-1945 гг.», «Ветеран труда» и «Медалью материнства».

Чем мы жили в суровые годы войны? В глухом лесу, в восемнадцати километрах от Кургана, для нас девизом был лозунг «Все для фронта! Все для Победы!» Хотя в нашей деревушке ни одного лозунга на заборах не было. Сегодня молодежь сочтет это высказывание высокопарным. Но пусть спросят своих бабушек и дедушек и убедятся что это именно так. А тех, которые считают, что зря мы воевали против фашистской Германии, и сейчас жили бы «под немцами» гораздо лучше, я не хочу признавать за русских людей.

... И до войны мне приходилось помогать отцу и брату. Они ушли на фронт, пришлось их заменить во всем. Жили мы на Осиновском кордоне в Кетовском районе. Здесь был производственный участок мяскокомбината. Лесорубами, грузчиками, рамщиками на пилораме были женщины и 14-16-летние девчонки. От темна до темна, и даже при свете луны, мы вручную пилили с корня строевой лес - многометровой длины тол-

ствующие сосны. По пятнадцать кубометров за смену вдвоем напильвали. Сами трелевали бревна, возили их на быках в Курган. Мы и ласками их поднимаем, и с руганью. А им все нипочем. Ох, и помучились мы с ними! Не знали не только выходных, но и праздников.

Всю войну сдавали кровь для раненых. Организовывали подписку на облигации государственных займов, а облигаций никто ни разу не видел, все они шли в фонд обороны.

Очень трудное было время: недоедали, недосыпали, мерзли в плохонькой одежке.

Вокруг нас был отличный строевой лес, а жили мы в землянках. Не хватало времени заботиться о собственном благополучии. Главными были нужды фронта. Из доставляемого нами леса в лесотарном цехе делались ящики для колбасы и консервов мяскокомбината, отправляемых на фронт.

Вечерами мы еще находили время при керосинке вязать носки, варежки, шить шапки для защитников Родины. Посылки отправляли без конкретного адреса. Получатель был один - фронт.

Однажды пришло письмо с огневых рубежей от моего старшего брата Ивана. Было оно изрядно помято и в пятнах, как мы поняли, от слез родного человека. «Дорогие мои, - писал он, - получили мы посылку из родимой стороны. Я обрадовался записке, вложенной в нее. Узнал, что доставшиеся мне носки вязали вы, моя мама и сестренка Мария. Стало тепло не только ногам, но и сердцу».

Мы десятки раз читали и перечитывали всей бригадой это письмо. И снова за работу, тяжелую, изнурительную, непосильную. Шли с озябшими руками и ногами, проваливаясь в сугробы; шли к могучим соснам, очищали около них снег до земли и пилили их, валили с треском и грохотом, не жалея своих силенок. В расчете на единственную, одну на всех награду, - Победу.

Девчонки, которым впору бы плясать, танцевать, петь частушки да поглядывать на женихов, понимали, что далеко на западе, в огненной буре, нашим отцам и братьям во сто крат тяжелее. Там, в заснеженных окопах, под градом пуль, снарядов, мин и бомб воюют солдаты, которые хорошо знают, что в тылу женщины и дети, которые помогают им прийти к Победе.

Иван Семёнов

КАПУТ

“КОРОЛЕВСКИМ

ТИГРАМ”

Иван Гаврилович Семёнов родился 1 сентября 1923 года в селе Гагарье Куртамышского района. В 1941 году окончил 10 классов школы № 12 г.Кургана, а в декабре добровольцем по призыву обкома комсомола ушёл в армию. Попал в воздушно-десантные войска. В мае 1942 года десантировался в тыл врага в районе Старой Руссы. После этой операции был направлен в Казанское танковое училище. Окончил его в июне 1943 года и в звании младшего лейтенанта участвовал в Прохоровском танковом сражении на Курской дуге. Громил гитлеровцев в боях за освобождение Киева, в Львовской, Сандомирской, Висло-Одерской, Берлинской операциях, освобождал Прагу. Награждён орденами и медалями.

На войне мне везло. Прежде всего, на товарищей и командиров. Среди ветеранов Отечественной войны, пожалуй, не найдёшь человека, кто бы не слышал о танковом командарме Рыбалко. А в его третьей Гвардейской танковой армии все знали нашего комбата дважды Героя Советского Союза, гвардии майора Семёна Васильевича Хохрякова. Родом он из села Коелга Челябинской области и нас, курганцев, считал своей кровной роднёй. Да оно так и было. Область-то наша в войну из Челябинской выделилась.

Помню его беседу с нами, выпускниками танкового училища, перед смертельной схваткой с врагом на Курской дуге.

Хохряков был мастер танковой атаки и нас наставлял так: “Смело стремитесь вперёд, только вперёд. Цельтесь и бейте немчуру уверенно, чтобы руки не тряслись от страха. Наш батюшка уральский танк Т-34 – это же сама крепость и мощь. А кто их дали нас с вами сделал? Родные люди, земляки.

Тридцатьчетвёрка прекрасна в обороне, а ещё лучше в наступлении. Туго придётся – не крутись, иди прямо даже на пушки противника. У немцев нервишки – не дотянуться до наших. Сделаешь разворот, долбанут в борт и конец тебе и машине. Так что смело идите вперёд. Огонь из пушки и пулемётов “тридцатьчетвёрки” заставит даже самого ярого противника отрезветь. Кончатся боеприпасы, в ход пускайте гусеницы машины. Они тоже грозное оружие”.

Так мы и стремились воевать. А комбат в бою не выпускал нас из поля своего зрения и возможной огневой поддержки.

Любили его танкисты за находчивость в бою и не меньше – за шутку ко времени. Помню при наступательных боях на линии фронта Проскуров-Тернополь весной 1944 года гитлеровское командование сосредоточило здесь 9 танковых и 6 пехотных дивизий. Схватки с врагом были отчаянные. Наш батальон получил задание – взять город Староконстантинов. Хохряков сидел на копне соломы и ставил задачи собравшимся возле него командирам. Со стороны городка тянуло как бы туманом. Немцы применили дымовую завесу и под её прикрытием подтянули танки. Слышался явственно нарастающий гул моторов. К комбату подбежал начштаба и твёрдо доложил:

- Танки, товарищ майор.

- Танки, говоришь? – повернулся к нему Хохряков. – Так вот что, Ваня, сбегай к ним и попроси, чтобы малость подождали, комбат, мол, ещё задачи командирам ставит.

Шутка комбата вызвала взрыв хохота у офицеров. Перед боем о ней знали все бойцы, тоже смеялись. Настроение командира передалось танкистам. Немцев мы опрокинули и приказ выполнили. О шутке комбата прознал и командарм Рыбалко и тоже смеялся.

Подобное бывало в нашем батальоне не раз. Товарищество и добрый настрой помогают на войне, как второе оружие.

А сейчас я расскажу, как наш батальон загубил на корню надежду Гитлера на выпуск новых сверхмощных танков.

Это было на Сандомирском плацдарме. Шли тяжёлые бои. В них наша бригада отличилась особенно. Здесь произошёл эпизод, который стал значительным событием для всего 1-го Украинского фронта.

В ночь на 13 августа 1944 года разведчики 53-й Гвардейской танковой бригады обнаружили, что на станции Шидлув (Польша) немцы разгружают эшелон с какими-то необычными мощными танками неизвестного типа. Они тут же сообщили об этом в штаб бригады. Комбриг дважды Герой Советского Союза генерал-майор Архипов приказал разведчикам продолжать наблюдение.

Под утро 14 августа разведчики доложили, что на станции выгрузились сорок таких танков. Из Шидлува они направились по дороге на Оглендув. «Встречайте гостей», – обращались разведчики к комбригу по радиации. Машины нашего первого батальона незаметно укрылись за грядой невысоких песчаных дюн близ дороги. Перед нами справа простиралась долина, через неё извилистой лентой убегала вдаль полевая дорога, а слева, на краю поля, возвышались тёмные силуэты стогов. Эти стога здесь «выросли» за прошедшую ночь. В них укрылись наши танки «Т-34». Утренний туман понемногу таял, тянулся над землёй тяжёлыми рваными клочьями. Все замерли в напряжённом ожидании. И вот в эфир вышел старший лейтенант из нашего батальона Пётр Ивушкин: «Наши «гости» идут, пора готовить подарок». Я заметил и тут же доложил командиру батальона, что из долины идёт легковая машина. Через несколько минут показался штабной автобус. О чём сразу же последовал мой доклад.

Слышу, в эфире голос комбрига: «Вижу. Пропустить». Из-за бугра показался чудовищных размеров танк. Он полз на подъём медленно, рывками.

С левого фланга с шуткой радировал майор Коробов: «Появились, не запылились. Они самые, которых ждали всю ночь».

Комбриг советует нам подпустить фашистов как можно ближе, чтобы бить наверняка.

А из долины уже выползла вторая такая же громадина, за ней третья. Первая машина уже миновала засаду.

– Бить! – скомандовал комбриг.

На краю поля зашевелился стог. Это танк младшего лейтенанта Александра Оськина. Грохнули первые выстрелы по бортам броневых чудовищ. В них появились черные зияющие пробоины.

Комбриг передал условный сигнал, и тут же три десятка стволов ударили прямой наводкой по непрошенным гостям. Нас, 1-й танковый батальон, поддержали дивизионы тяжёлых орудий, их корректировщики были с нами. Пушкири накрыли гитлеровцев навесным огнём. Какие-то минуты вся долина клокотала в огненном смерче. Когда бой закончился, мы насчитали двадцать четыре подбитых и сожжённых немецких танка. Из них 3 сжёг гвардии младший лейтенант Оськин. За этот бой он был удостоен звания Героя Советского Союза. Один танк поджёг и один подбил я со своим экипажем “тридцатьчетвёрки”.

В бою с “Королевскими тиграми” принимал участие ещё один курганец – Виктор Александрович Киш.

Три тяжёлых немецких танка вместе с их главным конструктором танкисты-уральцы взяли целёхонькими. Их завели и своим ходом пригнали на КП командующего 1-го Украинского фронта И.С.Конева.

Как выяснилось потом, трофеи оказались танками нового образца, только что выпущенными на заводах Круппа. Так называемые “Королевские тигры” Т-VI В, на которые Гитлер делал большую ставку по обороне границ рейха. Это был самый мощный немецкий танк времен Второй мировой войны. Он весил 68 тонн, на 14 тонн больше обычного “Тигра IV”. Вооружен 88-миллиметровой пушкой. Бронирование в лобовой части корпуса достигало толщины 150 мм и 180 мм – по башне. На нём имелось 4 пулемёта, один из них зенитный.

По решению Ставки Верховного Главнокомандующего один из “Королевских тигров” был срочно отправлен в Москву. Сопровождал его наш курганец-танкист старший техник-лейтенант Павел Ильич Забирко.

“Королевский тигр” в конце войны демонстрировался в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького в Москве на выставке трофейного оружия. На нём было написано: “Вот какую немецкую технику уничтожает Красная Армия”.

Талгат Хайров

**МОИ
ВОЕННЫЕ
ДОРОГИ**

Талгат Мажитович Хайров родился в 1917 году в Целинном районе. После окончания педучилища служил в Закавказском военном округе. На фронте с 1942 года. Воевал в Закавказье, освобождал Румынию, Венгрию, Югославию. Войну закончил в Австрии. Был ранен. Награжден двумя орденами Красной Звезды, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, медалями. Живет в Альменево.

В 1939 году я был призван в армию. Меня зачислили в полковую школу, после окончания которой был назначен заместителем командира взвода. В августе 1941 года меня направили учиться в Бакинское военно-пехотное училище, а через год, присвоив звание лейтенант, отправили на фронт. Сначала я командовал пулеметным взводом, потом ротой в 130-м стрелковом полку.

Ситуация на Кавказском направлении была критической. Немцы стремились овладеть нефтью, там развернулись ожесточенные бои, в которых я и мои однополчане участвовали.

Наше командование отдало приказ: "Разбить врага любой ценой". Чуть ли не с каждым бойцом провели разъяснительную работу, рассказали о важности этой операции.

Бои были жаркими. Казалось, небо и земля смешались в один кромешный ад. У немцев было более совершенное оружие, да и силы превосходили наши. Но дух патриотизма, стрем-

ление победить одержал верх. Мы выстояли, конечно, ценою многих жизней наших воинов.

Да и после этого боя были очень трудные дни и ночи. Особенно на Таманском полуострове. Станковые пулеметы устанавливали на плавнях, в лодках, которые стояли в камышах выше роста человека. Здесь же делали маленькие островки из набитых песком мешков. И все это, стоя в соленой морской воде, которая разъедала тело, пальцы рук, ног. Многих солдат вынуждены были отправлять из-за этого в госпиталь. И здесь фашисты получили достойный отпор.

Помню страшный бой в конце 1944 года в Югославии, около г.Ягодино. Мы шли ночью походным маршем, неожиданно наткнулись на немцев. Залегли, наспех стали рыть окопы под непрерывным минометным огнем. Около полутора суток лежали, не имея возможности даже голову оторвать от земли. Лишь на исходе второго дня подошли основные наши силы и подавили огневые точки противника. Город, в конце концов, взяли, но поле это буквально было усеяно трупами наших солдат.

Мои военные дороги прошли по Венгрии, Румынии, Югославии. Войну закончил в Австрии.

Обратный путь домой был долгим и тяжелым. Вместе с однопольчанами мы прошагали 1153 километра пешком.

Степан Павлов

БУДНИ ВОЙНЫ

Павлов Степан Алексеевич родился 8 августа 1925 года. На фронте с июля 1943 года. Воевал заряжающим орудия 195-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона 204-ой стрелковой дивизии. Освобождал города Витебск, Двинск... Участвовал в штурме Кёнигсберга. После войны служил офицером в рядах Вооружённых Сил СССР. Полковник в отставке. Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями “За боевые заслуги”, “За взятие Кёнигсберга”. Проживает в селе Звериноголовское.

Шли затяжные бои за Витебск, который сразу не удалось взять к 7 ноября 1943 года, и наши войска вступили в тяжёлую позиционную войну, без видимых успехов ни для одной из противостоящих сторон. Жаркие сражения разворачивались где-то далеко на юге, а тут, в белорусских лесах и топях, фронт замер, и обескровленные наши и немецкие части укреплялись напротив друг друга.

Наша батарея под командованием капитана Никлесова в очередной раз выдвигалась на “передок” для поддержки потрепанной боями пехотной роты. Широко растянувшись по фронту редким лесом, густо заросшим кустарником и изрытым оврагами, расчёты с трудом тянули поминутно застревающие “сокопятаки”. Орудия хоть и небольшие, но весили прилично, особенно казённая часть. Мы, артиллеристы, устали, но упря-

мо толкали орудия в направлении немцев. Генка Серёгин, как наводчик, толкал левое колесо, я, заряжающий, – правое, двое молодых ребят-подносчиков управлялись со станинами. Командир расчёта сержант Виктор Глазырин (родом из Шадринска) шёл впереди, удерживая ствол.

И вот надо же такому случиться, прилетела мина. Всего одна единственная! Но ахнула в 5-7 метрах справа и чуть наискось от нашего орудия. Весь веер осколков прямо в нашу сторону, и наповал срезало двух ребят у станин и убило командира орудия, что шагал прямо перед щитом, держась рукой за ствол. Нас с Генкой спасло то, что мы толкали пушку, находясь за щитом, о который и срикошетили осколки. Остались вдвоём. Сильно растерялись: что делать? Решили, что надо всё равно дальше продвигаться. Привязали к стволу четыре ящика снарядов для равновесия и потащили пушку, выбиваясь из сил. Очень тяжело. Но раз был приказ “Вперёд!”, и толкаем вперёд вот уже два с лишним километра. Пот градом, сил нет, лес уж кончаться начинает, сумерки, а нашей пехоты всё нет и нет. Куда она подевалась, чёрт её дери!? Страшновато идти в неизвестность. Ещё полчаса протащили орудие, и совсем стемнело. Тут я говорю другу: “Генка! А мы случайно к немцем не выскочим? наших ведь нет нигде. Может уже проскочили...” “Слушай, - отвечает Генка, - сползай-ка направо, посмотри что там, на фланге”. Мы хоть и совсем молодые, 18-летние, тогда были, но Генка на пару месяцев был постарше.

Ну, я и пополз. Прополз метров так 250, никого не встретив. А темно, страшно, и я вернулся. “Нет там никого из наших, - говорю. - Давай-ка, Генка, сползай в другую сторону, посмотри”. Друг прополз метров 200-300 и вернулся, также никого не встретив. Решили остаться на месте. Окопались, замаскировали по темноте пушку и стали ждать рассвета.

А когда забрезжило, мы увидели, что до немецких окопов мы чуть-чуть не добрались. Еще метров 60 вперёд, и попали бы в руки фашистов. Я тихонько выглянул и увидел впереди немца, который чистил траншею. Машет лопатой, выкидывая грязь из окопа. Я негромко вскрикнул: “Генка! Немец!”, прикинул окуляру прицела и верчу маховиками, наводя ствол прямо на немца. Азартом загорелся, загнал снаряд, потщательней прицелился и дал выстрел! В прицеле до немца прямо рукой по-

дать. С такого расстояния трудно промахнуться, ведь у “сорокопяти” выстрел прямой наводкой до 500 метров. Я видел, как он махал лопатой, как летела земля, и когда я выстрелил, немец в замахе полуобернулся, и как бы даже взглянул в нашу сторону. Но сразу на месте немца лишь земля всклубилась, и мы увидели, как его каска, подкинута взрывом, резко взлетела вверх метров на 9. С головой фрица, понятно...

И тут до нас дошло, что этим мальчишеским выстрелом мы выдали себя. Сейчас на нашу позицию обрушится шквал огня. Мы сжались, прикинули к земле, ожидая неминуемых взрывов снарядов... Но ничего не произошло. Стояла предрассветная тишина.

Утром, когда стало совсем светло, нашли и орудия своей батареи, которые, как оказалось, стояли на флангах метрах в 400 от нас. Но вот только пехоты, которую мы должны были поддерживать, нигде не было.

Я, оставив Генку у орудия, отполз в тыл к командиру батареи за приказаниями. Капитан поручил мне установить связь с потерянной пехотой. Я отправился на поиски. Шёл осторожно, так как единого фронта ещё не было и можно было запросто напороться на немецкие позиции. Вижу пригорочек, поросший лесом, а по нему, медленно спускаясь мне навстречу, бредёт раненый в ногу солдатик. Уставший, бредёт прихрамывая, в руке автомат ППШ. Я его спрашиваю, где, мол, пехота, а тот отвечает, что сразу за пригорком, но идти туда надо очень осторожно. Линия обороны сильно растянута, народу мало... Постояли, покурили. А я всё смотрю на его автомат. У нас ведь в основном винтовки, автоматическое оружие было тогда большой редкостью. Я прошу солдата: “Давай поменяемся. Тебе в госпитале без разницы какое оружие сдавать, а мне автомат на фронте пригодится!” Тот, недолго думая, отвечает: “А что, давай! Мне с винтовкой ещё лучше будет – она мне за место костыля сойдёт”. На том и расстались. Я был страшно довольный, что разжился автоматом: 62 патрона в диске - это не шутка! Не то, что винтовка – чик-чик! – пока выстрелишь одиночным! Да всего пять патронов у ней... А автомат – это сила.

Прошёл я по лесочку и вышел на окопы. “Стой! Кто идёт?” - слышу из окопа окрик. “Свои!” – говорю, и объясняю, что мы, артиллеристы, ищем связь с пехотой. Спрашиваю, где коман-

дир роты. “А, - сказал солдат, - иди прямо по окопу, сержант там дальше”. “Как сержант?” - удивляюсь. Оказывается, за прошедшие бои часть понесла очень большие потери, пополнения давно не было и от полнокровной роты в полторы сотни человек в строю осталось только 12 измученных бойцов. Из офицеров - ни одного, и командует лишь сержант-татарин. И эти люди держали широкий фронт напротив немцев.

Назад я вернулся довольный – нашёл пехоту, автоматом разжился, а мне капитан батареи строгим голосом велел привести себя в порядок. Застегнуться, заправиться. Неважно, где я ползал, но выглядеть должен подобающе, как солдат, тем более бывший курсант. Потом только начал докладывать. “Погоди, - прервал меня капитан Никлесов, - а автомат у тебя откуда взялся?” Я же бодрым голосом отвечаю, что на передке выдали. Капитан хмыкнул, но ничего не сказал, но по виду я понял, что он очень довольный. Но когда узнал, сколько впереди пехоты, то помрачнел. У нас тоже потери, а ведь фронт надо как-то держать.

Вечерело. Заканчивался ещё один день этой долгой войны”.

Запись воспоминаний С.А.Павлова сделал кандидат исторических наук, преподаватель кафедры Всеобщей истории Курганского государственного университета С.Н.Шилов. С их полным текстом можно ознакомиться в фондах археологической лаборатории КГУ.

В связи с ограниченностью объёма публикации здесь помещается рассказ лишь о двух заурядных днях той страшной войны.

Леонид Литвак

ПОСЛЕДНИЙ ШТУРМ

Леонид Петрович Литвак родился 8 июня 1924 года в селе Диканька Полтавской области. В 1939 году семья переехала на жительство в Красноармейский район Челябинской области. Отсюда в 1942 году Леонид Петрович ушел на войну.

Участник Курской битвы. Был ранен, контужен. Окончил курсы младших лейтенантов. В составе 674-го полка 150-й стрелковой дивизии 1-го Белорусского фронта участвовал в штурме Берлина. Его взвод одним из первых ворвался в рейхстаг. Из всей 150-й дивизии Литвак сегодня единственный живой россиянин, непосредственный участник штурма рейхстага. Он рассказывает, как это было.

Бой за здание министерства внутренних дел фашистской Германии, или «дом Гимmlера», как его окрестили солдаты, шел к концу. Поздно ночью на 30-е апреля здание было полностью в наших руках.

Усталость валила с ног. Только теперь все почувствовали, как хочется есть и пить. Но стоило сесть на пол, как еда и все другое отошли на задний план. Ребята с оружием в обнимку завалились спать, а нам, командирам, еще надо было решить множество неотложных вопросов: доставить пищу, боеприпасы...

Час спустя пришел командир роты лейтенант Греченков.

— Я от комбата. Батальон будет штурмовать рейхстаг. Наша рота тоже, — с неподдельной радостью сказал он. — Понимаешь?

Я не сразу поверил. Поняв мой немой вопрос, он развеял сомнения:

— Твой взвод пойдет в наступление первым, Фома неверующий!

Греченков повел меня вниз, в подвальный коридор. В конце его было окно.

— Присматривайся. Вот отсюда, через это окно, и начнем.

Взвод получил боевую задачу. Сомнения позади: нам штурмовать рейхстаг. Незадолго до выхода на исходный рубеж к нам в роту пришли замполит майор Евгений Сергеевич Субботин и парторг батальона лейтенант Каримджан Исаков. К воинам обратился майор Субботин:

— Товарищи красноармейцы! Боевые друзья! Вы только что получили от своих командиров боевую задачу и приказ на штурм последнего оплота германского фашизма — рейхстага. Перед вашим мужеством и отвагой не устояли отборные части берлинского гарнизона. Лишь несколько часов назад воины шестьсот семьдесят четвертого и семьсот пятьдесят шестого полков решительными действиями разгромили группировку войск СС в этом здании, где мы сейчас находимся. Это — зловещий «дом Гимmlера». Перед вами — рейхстаг! — его голос, обычно спокойный и ровный, зазвучал призывно громко. — Вам выпала высокая честь — добить заклятого врага в его же логове. Пусть на успешное выполнение задания Родины вас зовут те миллионы жизней советских людей, что отданы во имя святого дела — отстоять Родину Октября от порабощения! Вперед, друзья, во имя нашей окончательной победы над врагом! — И Субботин, подняв руку, указал в сторону, где находился пока невидимый нами рейхстаг.

Напутствие замполита мы восприняли как приказ Родины. По солдатским лицам можно было прочесть решимость выполнить свой долг до конца.

Наступал рассвет тридцатого апреля. Мы с командирами отделений подошли к окну. Рейхстага не видно: все застилал сгустившийся к утру туман, смешанный с дымом. Лишь чуть заметно выделялось невдалеке строение, оказавшееся впоследствии трансформаторной будкой. Решили использовать ее как прикрытие. А местом сосредоточения я назначил ров на площади перед рейхстагом, наполненный водой. Знал о нем

по сообщению командира роты.

Решено было, что с первым отделением сержанта Василия Лосенкова пойдет мой помощник сержант Досычев. Я уйду с последними солдатами второго отделения сержанта Зуева. Третье отделение пойдет со своим командиром сержантом Федоренко. Заболотного назначил своим связным.

Мы ждали сигнала. Утро 30 апреля едва вступило в свои права, поступил приказ выходить. Без шума и суеты люди шли в коридор и стали вдоль стены, напротив окна длинной цепью.

Грянули орудия, их выстрелы всегда кажутся внезапными, и в один миг площадь заплескалась взрывами снарядов. Страшной силы сотрясение докатилось до нас. Минут через двадцать подаю команду:

— Приготовься... пошли! — и поднятую вверх руку резко опустил, будто рубанул клинком.

И завертелось. Без суеты, ступая на подставленный ящик, забирались солдаты на подоконник и исчезали. Замаячили фигурки: падают, опять бегут. Там уже Досычев с Лосенковским отделением. Что у них, как дела? Тревожно стучит сердце. Пошло и второе отделение Зуева. Кричу командиру третьего отделения Федоренко:

— Не задерживайся! Сам уйдешь последним! — и с последними солдатами второго отделения — рывок на площадь, в неизвестное. Связной — следом за мной.

Гитлеровцы встретили нас невероятно плотным огнем. Они окружили рейхстаг плотным кольцом обороны. Били из рейхстага, из-за него, с огневых позиций, находящихся непосредственно на площади.

Вздыбилась земля. Осколки и пули сыпались, что горох из мешка, прощупывая смертоносным металлом каждый метр земли. Дым от снарядов и пыль в несколько минут накрыли площадь. С трудом я добрался со связным до будки и вбежал через сорванную дверь внутрь ее. В нижней части трансформатора нет, он наверху. Но зато здесь полно солдат: спасаются от губительного огня. Вижу, тут место гиблое. Если сюда угодит снаряд, получится на всех один каменный гроб.

— На площадь, — кричу, — немедленно, марш на площадь! Всем развернуться в цепь!

«А-а-ах! — разорвался снаряд. Будка — ходуном. Все припало к полу. Но следом же — что ветром всех выдуло из нее. Третье

отделение подошло. Стараются сюда забежать, втиснуться.

— Куда, — кричу, — вправо, в цепь!

Но меня почти не слышно. Себя, свой голос сам плохо слышу. Скорее мой решительный жест понимают, нежели слова. Покинули и мы с Заболотным будку, когда последние солдаты рассредоточились на площади.

По-пластунски добрались до ближайших воронок. Продвижения почти нет. Лишь одиночки бросаются вперед в воронки от снарядов.

Нас прижали основательно. Сколько же выдержки у солдат!

Губительный огонь гитлеровцев уже сам собою подхлестывал продвигаться к каналу. Передавая друг другу мой приказ, бойцы взвода продвинулись вперед. Сделал несколько перебежек и я. Почти автоматически. Добрался до разбитой зенитки. Под ней лежат наши солдаты. Передохнули и снова по одному вперед.

Но продвижение взвода приостановилось: из укрытия почти непрерывно строчил пулемет.

Когда его засекли, сержант Зуев подполз к своему пулеметчику, закрепил на ручном пулемете магазин и сам стал бить по огневой точке очередями. Немецкий пулемет захлебнулся. Прекратил огонь и Зуев, полежал, подождал, не оживет ли точка вновь. И тут рядом с Зуевым упала мина, но... не взорвалась. Это было чудо. Зуев в горячке, подхватив пулемет, стремительно отбежал вперед на добрый десяток метров. И в этот момент разрывная пуля снайпера попала ему в голову. Зуев уткнулся лицом в землю.

Ползем вперед. На пути разбитые зенитки, врытые самоходки, бывшие огневыми точками. Изуродовали их наши артиллеристы. А рядом со мной старший сержант Николай Такнов из своего «дегтяря» не дает расчету зенитки зарядить ее новой обоймой снарядов. Вместе с левофланговым отделением приближаемся ко рву. Из бойниц, замурованных камнями окон, рейхстаг поливал и поливал нас огнем. Бьют снайперы. Канал все ближе, ползем к нему. Скоро почти весь взвод оказался у первой цели. Кубарем влетаю в ров.

Подползает сержант Федоренко и докладывает:

— Все здесь, товарищ младший лейтенант, кроме... Бурко. Еще трое раненых. Один дальше идти не сможет, а двое ничего.

— Передохнем и махнем на ту сторону, — сказал я.

Вижу перекинутые через ров металлические балки не на уровне земли, а ниже. Согнувшись, можно перебежать. Так часть солдат и поступила. Некоторые переплыли канал. Я и несколько солдат подползли к «мостику», стремглав бегу по балкам. Проскочил за один вдох и, не добегая до края, спрыгнул вниз и оглянулся назад. За мной бежали другие. Поверх голов — свист пуль. Вот последний благополучно спрыгнул вниз. Сразу же принимают вправо, вдоль откоса.

Не терпится плянуть на рейхстаг с близкого расстояния. Смотрю, согнувшись, бежит по рву Досычев. С ним Верещагин из отделения погибшего Зуева. Как я им обрадовался!

— Ну что, Коля, с первым успехом? Вон он, рейхстаг. Хотел на него взглянуть и к вам. Как на фланге, потери какие?

— Тяжело раненные есть.

Помолчали. Я уже знал, что убитых во взводе было четверо. Несколько раненых.

Снова потери. Ценой крови достается каждый шаг.

Рейхстаг в ста двадцати — ста тридцати метрах, как говорится, рукой подать. Ждем сигнала на штурм. Минут сорок, как во рву. Вдруг стал слышен полет снарядов. В ту же секунду они разорвались на примыкавшей к рейхстагу площади, отделявшей нас от него. По рейхстагу был произведен короткий артолет. Едва он стих, как покатило: «Ура!» — и могучая сила подняла всех на штурм. Но встреченные губительным огнем гитлеровцев взводы откатились в ров. Единицы, кто сумел найти укрытие, остались немного впереди.

Первая атака не удалась. Стало ясно, что так просто рейхстаг не взять. Опаленный снарядами и основательно пощипанный, он стоит крепко.

По зданию снова ударила артиллерия. Рейхстаг заволокло дымом и каменной пылью. После артподготовки вновь поднялись в атаку. Дружно, без перебежек. Очевидно, крепко потрясли там гитлеровцев. Расстояние до рейхстага проскочили стремительно. Отдельные очаги сопротивления оказались не в силах остановить нас.

Добравшись до ступеней рейхстага, боевые порядки взводов перемешались. Вбежав по ним, увидели, что входная дверь вынесена снарядом. В нее мы и ринулись. Ошеломленные гит-

леровцы не успели оказать решительного сопротивления. Мой взвод тут же устремился в правую часть первого этажа. Тесня гитлеровцев огнем и гранатами вглубь здания, взвод ворвался в огромный зал. Там полумрак. Продвигаемся вперед, загоняя гитлеровцев в неведомые нам убежища.

Кресла для депутатов, огромные дубовые столы, шкафы, сейфы нагромождены в виде баррикады и служили гитлеровцам прикрытием для обороны. Выбивать их приходилось буквально из-за каждого прикрытия. Наконец, мы вытеснили гитлеровцев из зала. Но бой на этом не закончился. По неведомым нам проходам гитлеровцы появлялись в темном зале внезапно, ведя огонь из автоматов, бросали гранаты. Теперь те же баррикады служили укрытием для нас. Появившись внезапно и получив достойный ответ, немцы также внезапно и исчезали, будто провалившись под землю.

В такой обстановке прошла наша ночь в рейхстаге. Наступил день первого мая, а мы даже забыли, что он праздничный.

Немного освоившись в зале, разместил отделения на отведенных им участках. Изучив «свою» территорию, они легче ориентировались, откуда появляются гитлеровцы, а значит, и своевременно принимали ответные действия. Солдаты очень устали. От порохового и тротилового дыма слезились глаза, першило в горле, во рту пересохло, языки стали такими сухими, будто были пересыпаны горячим песком. Пить! Пить! Никогда в жизни не хотелось так пить, как в рейхстаге.

Только что отбили новую вылазку гитлеровцев. Такнов и Притченко еще лежат за пулеметом. Внизу, на площадке осталось несколько убитых гитлеровцев. Вдруг сержант Такнов поднялся и побежал к убитым собрать брошенное оружие. Не успел он добежать до площадки, как из-за колонны выскочил немец. Такнов опередил его, сделав очередь из автомата. Тот успел укрыться, но в тот же момент на ступени вылетела граната и взорвалась едва не у самых ног Такнова. Пламя и дым обволокли сержанта. Мы бросились к нему. Николай упал и закрыл лицо руками. Тут же подняли его на руках.

— Коля, дорогой, ты живой? — прошу его ответить. Василий Лосенков бросился с кем-то из солдат за гитлеровцем, и вскоре послышалась автоматная очередь. Лосенков прибежал обратно и вопросительно смотрел на меня.

— Живой, живой, — ответил я на его немой вопрос.

— Готов, гад! — остервенело сказал Василий не то Такнову, не то всем нам. Подбежали еще ребята, и Николая осторожно и бережно понесли в вестибюль к докторам. Развернутый там медпункт уже получил название «госпиталь». Санитар и медсестра кое-как сняли с него гимнастерку, а раны на груди, на руках, лицо изрезано до неузнаваемости.

— Как глаза? — спросил я.

— Не задело, — как-то буднично отвечал санитар, бинтуя голову Николая.

Мы находились еще в сильном возбуждении от только что пережитого, как кто-то громко крикнул: «Ложись!». Из-за последнего ряда баррикады в зал полетели три гранаты. От их взрыва разлетелись обломки мебели. К счастью, никто не пострадал. Открыли по гитлеровцам огонь. Один из лазутчиков упал. Гитлеровцы стали спешно спускаться в люк. Пока мы добежали до замеченного солдатами места, они успели скрыться. Но важнее всего было то, что ребята увидели захлопнувшуюся крышку входа в подземелье. Вот, оказывается, где эта лазейка! Но мы знали, что есть где-то еще такая.

Тщательно осмотрели пол, у люка — поставил бойца, дал ему в руки обломок стула и велел его сунуть под крышку, как только она откроется.

Минут через тридцать ко мне прибежал Досычев.

— Говорят, в постройке возле рейхстага в чанах вода. Можно достать. Правда, откуда-то бьет снайпер, — добавил он и этак просительно сказал: — послать кого?

— О, Боже! Мало еще нам с тобой потерь?

— Ребята ослабли. Есть не просят, а попить..., — не отступал Досычев.

— Ладно, — говорю. — Котелки давай.

Оставив за себя сержанта Лосенкова, побежали с Досычевым к выходу из рейхстага. Два солдата, стоявшие тут с полными котелками, указали на низкое строение, похожее на времянку, с плоской крышей. И сразу предупредили:

— Опасно, из-за Шпрее бьет снайпер.

Отдаю Досычеву автомат, чтобы не мешал. Зажимаю в одной руке оба котелка и что было духу — вниз по ступеням. От крыльца до строения метров семьдесят. Мчусь. Очутился в над-

стройке, а там — точно — вода в огромных чанах. Припал к воде, пью большими глотками без передышки. Напившись, почерпнул воды и вылил себе на голову раз, другой. Намочил еще и пилотку. И такая бодрость наступила, будто вновь родился!

Подошел к дверям, посмотрел в щель между дверью и косяком. Была видна наружная стена рейхстаговского зала, а вддали, за Шпрее, видны дома. Значит, оттуда, говорят, бьет снайпер. И кто это так точно определил? Он может находиться и в другом месте. Что снайпер есть, безмолвно «подтверждают» и два погибших солдата. Наполнил водой котелки и один из них завязал носовым платком, на другой натянул пилотку: меньше расплещется воды. Теперь только бы проскочить назад эти трудные метры.

Снайпер меня ждал. Но я не выскочил сразу, а быстро толкнул ногой вторую половину двери, будто из-за нее должен появиться человек. У снайпера нервы были на пределе, и удержаться от выстрела он уже не смог. На это я и рассчитывал. В тот же миг резко сорвался с места и, как говорится, не чувствуя под собой ног, помчался к рейхстагу. Стрелял он еще по мне или нет, не знаю....

...Вбежал, влетел обратно пулей, а сам — еле дышу. Во рту пересохло, будто и не пил воду. В котелках воды убавилось самую малость. Не напрасно сбежал. Сделал глоток, чтобы снять неприятную сухость во рту, и говорю Досычеву:

— Ребятам отдай. Сам попей сейчас же, но туда — ни-ко-го!

Вернулись в зал, а там событие: под приподнявшуюся крышку входа в подземелье боец Кнюх все же всунул ножку от стула! «Обработав» ход гранатами, туда спускались Васильев, Бородулин и Бабанин. Дошли до массивной двери, но никакими усилиями открыть ее не смогли. Побывали в подземелье и мы с Досычевым. Стены и потолок — бетонные. Слабый свет фонариков создает иллюзию загробного мира. Тяжело дышать от смешанных запахов взорвавшегося тротила, устоявшейся плесени и цементной сырости. От подвешенных электролампочек остались одни цоколи. Впечатление жуткое.

Мы возвратились обратно. Но ход не давал мне покоя, и когда на глаза попались огнемечки, я им сильно обрадовался.

— Братцы, дело есть. Живо — за мной! — потащил их к открытому люку. — Вот в эту проклятую дыру «дыхните», —

попросил их.

— Есть, «дыхнуть»! — обрадовались огнемечки. Тут же оба легли на пол, и струя воспламенившейся жидкости с тугим шипением и нарастающим гулом устремилась вниз. Загудело там, заплесало жаркое пламя, подобное смерчу. Ох, как здорово! Теперь кто сунется в подземный ход, тот окажется в сущем аду. Вылазки гитлеровцев из него прекратились.

Время перевалило за полдень. В сильнейшем возбуждении подбежал ко мне солдат Демьян Добрянский:

— Товарищ младший лейтенант! К рейхстагу через парк идет немецкий танк! Посмотрите, может, я напугал?

Я понял все, и волнение ознобом пробежало по всему телу при враз возникшей жуткой мысли: бить будет снарядами через окно! Это... Но рассуждать — недосуг. А мысли, что молнии. Вот когда пригодился расчет ПТР! Подбежал к ним:

— За мной — живо! — И по пути приказал бегущему на встречу Досычеву: — Ручной пулемет ко мне!!

У окон, выходящих в сторону Тиргартен-парка, собралась едва ли не половина взвода. Я взглянул в бойницу и увидел, что движется не танк, а самоходка «фердинанд». Ружье ПТР было установлено в бойницу рядом с ручным пулеметом, против ползущей самоходки. Автоматчики изготовились к бою у бойниц других окон. Вращая оружие, «фердинанд» подошел на довольно близкую дистанцию. Выжидать, когда самоходка подойдет еще ближе, времени не было. Можно просто упустить роковой для себя момент. Нужно опередить ее. И я приказал открыть огонь. Сверху самоходка открыта, туда и ударили из всех наших огневых средств. «Фердинанд» резко остановился, и из ствола его пушки вылетел снаряд. Только, по всему видно, наш огонь помешал его экипажу точно навести орудие. Снаряд угодил выше и левее нас в мощную стену рейхстага. Стена вздрогнула, и взрыв эхом проник и в зал. А мы бьем, не переставая, уже второй диск сменили на пулемете. «Фердинанд» дал задний ход, не сделав больше ни единого выстрела. Так он стал удаляться, а мне подумалось, что теперь следует ожидать его огня с недосыгаемой для нас дистанции. Только скрыться или предпринять что-то другое самоходке не довелось: почти подряд два снаряда вонзились в ее левый бок, и самоходка вспыхнула, густо зачадив дымом. Мы облегченно

вздохнули. Это означало, что подступы к рейхстагу со стороны Тиргартен-парка надежно перекрыты.

Наступила ночь. В половине двенадцатого она преподнесла нам новый сюрприз. Еще днем мы видели, что на сводчатом потолке, метрах в двух от стены со стороны площади, были круглые отверстия сантиметров по шестьдесят в диаметре. Нисколько не сомневаюсь, что служили они для вентиляции зала. И вот ночью в той стороне на полу стали рваться гранаты. При вспышке кто-то разглядел, что их выбрасывают из отверстий. Осколки гранат до нас, моментально перебежавших к противоположной стене, не долетали. Их задерживала самими же немцами сооруженная баррикада. Лишь деревянные щепки со свистом взлетали вверх и в стороны. Не меньше десятка гранат было брошено в зал. Почти одновременно с этим была сделана попытка ворваться в зал со стороны лестничного марша, где пострадал Такнов. Но не спасовали наши пулеметчики. Гитлеровцы и на этот раз понесли солидный урон и вынуждены были скрыться.

Часа через полтора — еще сюрприз. Из отверстия в потолке вылетел огненный шар. Упав на пол, он с каждой секундой стал все сильнее разгораться, от него разлетались ослепительно белые искры. Я обомлел: гитлеровцы через вентиляционный люк выбросили в зал... термитный шар! Нас решили выжечь огнем! Что тут было делать? Верецагин, отстегивая на ходу саперную лопатку, попытался поддеть шар и выбросить его через бойницу. Но термит враз так ярко вспыхнул и от него посыпалось столько огнедышащих искр, что Верецагин едва успел отбежать. Вслед за ним Родионов, удерживая перед собой ведро и прикрываясь им, накрыл шар. Я метнулся за ним, схватил за рукав и потащил назад. Едва мы скрылись за дверью, как ведро стало оседать: сгорал металл! А от огненных брызг уже начали гореть мебель, пол. Кверху пополз огонь, и языки пламени стали пожирать буквально все.

Пламя стало распространяться и вглубь, ивширь. Огонь будто смеялся нам в глаза и издевался над нашим бессилием.

Большая часть взвода тушила горевшую мебель, пол. Но средств тушения не было никаких, просто хватали горевший предмет и сбивали пламя. Многие опалили гимнастерки, остались без пилоток, некоторые воины получили ожоги. Боролись с пожаром часа полтора. Но пожар взял верх над нами. Зал пылал

теперь настолько сильно, что пришлось начать эвакуацию воинов. Стояли на ступенях, на площадке и ниже, в вестибюле.

Вдруг пламя вырвалось из зала в нашу сторону огромнейшим языком. «У-у-ух!». Застонало оно, ринувшись на нас, как в атаку. Загорелись входные двери и краска стены. Всех нас — как метлой смело вниз. Зрелище неопишимо страшное: будто с десяток огнеметов палят впритирку пламя к пламени.

А в вестибюле лежат раненые. Один из них, не в силах подняться и понимая серьезность обстановки, выкрикнул: «Братцы!.. Помогите!» Воины, без намека на распоряжение командиров, начали дружно относить их в безопасное место, помогая медикам.

Я послал в штаб полка связного с донесением о положении, в котором оказался взвод. Он принес распоряжение оставить рейхстаг и занять оборону слева от него в наваленной гряде камней вдоль временной железнодорожной узкоколейки. Нам ставилась задача: отражать возможные атаки гитлеровцев из-за реки Шпрее через мост, откуда уже была предпринята такая попытка.

Так я и поступил. С того момента ни я, никто из нас больше в рейхстаге не были. Даже своих росписей и надписей на нем не оставили. Удаляясь от рейхстага, я оглянулся. Его чрево светилось еще не погасшим пламенем через проломы и бойницы окон. На фоне убывающей ночи казалось, будто какое-то мифическое существо с множеством голов ощерилось раскрытыми, пламенеющими пастями и пытается, даже издыхая, все и вся испепелить. Но сила бывшего его «величия» иссякла, а победители уже готовы вложить меч в ножны.

Клавдий Безгодов

БОЙ ПОСЛЕ ДНЯ ПОБЕДЫ

Клавдий Сергеевич Безгодов родился 14 августа 1926 года в селе Терсюкском Шатровского района. Работал в тракторной бригаде. В феврале 1943 году был призван в армию и зачислен в Златоустовское пулемётное училище. С лета того же года служил в 14-й гвардейской воздушно-десантной бригаде, затем в 105-й гвардейской дивизии.

За мужество в боях награждён орденом Отечественной войны, двумя медалями “За отвагу”, “За взятие Вены” и другими.

Впервые с “крутой” обстановкой на фронте мне пришлось столкнуться в апреле 1945 года. Ожесточённые бои шли под Веной. Наш части несли большие потери, думаю, и у немцев они были не меньше, хотя они и оборонялись, но часто бросались в контратаки.

Как-то ночью меня с пулемётным расчётом из 4-х человек вызвал взводный и приказал выдвинуться сопровождающим на передовую, занять оборону и держать её до подхода подкрепления.

С пулемётом и коробками боезапаса мы прибыли в заданное место. Нас встретил капитан комбат сапёрного батальон, который здесь держал оборону. Он из окопа стал знакомить меня с обстановкой.

- Немцы перед нами метров за триста, на опушке леса. Справа от нас, примерно на таком же расстоянии начинаются пози-

ции 331-го стрелкового полка, слева, это метров за сто пятьдесят, окопы бойцов 345-го полка. Сектор между полками – твой участок фронта. Понятно?

- И это мы впятером должны удержать?

- У меня приказ отвести остатки батальона – 27 человек, в тыл. К тебе, вероятно, подойдёт подкрепление. – И увёл своих бойцов.

Мы начали оборудовать основные и запасные места для пулемёта, чтобы сектор обстрела перекрывал возможные пути наступления немцев.

Под утро услышали, что на немецких позициях разговаривают и матерно ругаются, грозят нас с землёй смешать. И, правда, скоро полезли, но удар их был сосредоточен на позиции 345-го полка. По тем, что пытались двигаться в нашем направлении, мы открыли густой огонь, и немцы залегли. А тут нас выручили бойцы 345-го, они поднялись в контратаку, а мы их поддержали фланговым огнём. И немцы откатились.

Дважды в тот день немцы пытались еще атаковать, но безуспешно. Мы меняли позицию и встречали их плотным огнём.

С наступлением темноты нас сменило подразделение 101-й дивизии. И мы в полном составе без потерь вернулись к своим, чему командир наш очень обрадовался. За эту оборону я и получил свою первую медаль “За отвагу”.

30 апреля наша дивизия вошла на пополнение в Вену. А 2 мая срочно по тревоге погрузилась и была направлена на помощь восставшей Праге. Но до места назначения мы немного не дошли. Вместо нас и раньше нас туда вошли танки с десантом маршала Конева. Нам же пришлось столкнуться с фашистскими частями, которые не захотели капитулировать, решили прорваться на запад, туда, где были войска союзников. Ночью 8-го мая мы встали на их пути, окопались. Когда немцы обнаружили нас, то открыли мощный артиллерийский и миномётный огонь. Честно говоря, я раньше с такой свирепой штурмовкой не сталкивался.

Под утро все смолкло. Разведка доложила, что эсэсовцы отходят в другом направлении. Последовал приказ снова преградить им дорогу к отступлению. Мы погрузились на “студбеккер” и помчались на новые позиции.

Теперь уже сделали попытку остановить нас немецкие заса-

ды с фаустпатронами и пулемётами. Было чертовски неприятно снова вступать в бой, когда мы уже знали, что капитуляция немцами подписана, что армия и страна празднуют Победу.

На нашем пути дорогу прикрыла высотка с фашистскими пулемётчиками и подразделением пехоты. Пришлось рассредоточиться и вступить в бой. Командир взвода приказал мне попытаться обойти высоту и уничтожить пулемёт. Автоматчики вели отвлекающий огонь, а я, где бегом, где ужом, двигался к цели. Немцы заметили меня в момент броска гранаты. Следом за взрывом я скатился в их окоп и завладел пулемётом. Когда опомнился, по склонам высотки уже бежали наши бойцы. Бой закончился рукопашной схваткой.

Стычки с убегающими эсэсовцами продолжались и весь следующий день, пока мы не форсировали Влтаву. Дальше были войска союзников.

Вторая медаль “За отвагу” была вручена мне за бои после Победы.

Сафилла Иргизов

ТРОФЕИ

БОЕВОЙ

ПОРЫ

Иргизов Сафилла Гусманович родился в Сафакулево в 1917 году.

Я участвовал в боях в составе 1-го дивизиона 284-го артополка 79-й горнострелковой дивизии в должности начальника разведки. Мы освободили и возвратили Родине Южный Сахалин.

В моем личном архиве и сейчас хранятся памятные вещи боевой поры. Среди них полевая сумка, записная книжка артиллерийского командира, топоизмерительные приборы: хордоугломер, измеритель, компас, которыми пользовался почти все 8 лет службы в погранвойсках. Имеется также именной бинокль с угломерной сеткой, изъятый у японского офицера при взятии нами Котонского укрепленного района.

Немалый интерес представляет сохранившийся до сих пор и тоже переданный в музей набросок рапорта «Об организации разведки артдивизиона в бою в условиях Сахалина», написанного в 1945 году. Рапорты писали все оставшиеся в живых офицеры части, каждый по своей специальности. Наши рапорты служили основой для обобщения опыта войны с Японией. Позже, на совещании офицерского состава, командир полка Нехимчук оценил мой рапорт как лучший.

Приведу лишь отдельные извлечения из своего рапорта, которые, думается, могут быть интересными и для читателя.

С самого начала бои шли тяжелые и кровопролитные. Мы наткнулись на ураганный винтовочно-пулемётный и минометно-артиллерийский огонь с расположенного у самой границы Котонского УРа. Минные поля, доты, соединенные подземными ходами сообщения, позади них сильно укрепленная и контрролирующая все вокруг высота Хармиторская, с которой множество минометов разных калибров извергало огонь и смерть. К тому же, японцы широко применяли огонь снайперов-«кукушек» на деревьях. Часто нельзя было различить, откуда в тебя стреляют: спереди, сбоку или сзади. Огонь велся отовсюду. Жизнь многих наших бойцов унес их коварный огонь. Как правило, они били на выбор: сперва брали на мушку командиров, наводчиков орудий и пулеметов, разведчиков и связистов, лишь затем «щелкали» по остальными.

В первом же бою был убит разрывной пулей «кукушки» мой предшественник-начальник разведки дивизиона лейтенант Михаил Васильевич Котов - замечательный человек и храбрый воин, наш дивизионный Теркин. Первая рота 179-го стрелкового полка, ведя авангардные бои на окружение Ура, за неделю потеряла почти весь личный состав в основном от огня лесных снайперов.

Японское командование возлагало на лесных стрелков большую надежду, наводняя ими леса на пути нашего наступления. Взятый в плен снайпер показал, что он прибыл на фронт только вчера в числе 300 «кукушек», бывших курсантов снайперской школы, что все они посажены по деревьям. Кроме того, в наши тылы японцы засылали группы автоматчиков и смертников.

Эти коварные приемы войны, а также горно-лесистая местность, топкие болота, полное отсутствие дорог, особенно в приграничной полосе, крайне затрудняли организацию разведки и продвижение войск. Пришлось на ходу перестраиваться с учетом реальной обстановки. Разведку вели непрерывно, тщательно, всеми способами, в том числе не предусмотренными уставом. Часто приходилось разведчикам действовать вместе с саперными группами, совершать ночные вылазки, иногда на танках, вести разведку боем.

Ночью 12 августа 1945 года взвод управления дивизиона вышел к железнодорожной станции южнее Котона, где вела бои 1-я рота, прорвавшаяся в тыл УРа. Как говорится, под самым носом противника мы заняли наблюдательный пункт, одновре-

менно прокладывая кабельную связь со штабом. К утру установили расположение японской роты, минбатареи и других целей, подготовили по ним исходные данные для артстрельбы. Однако утром выяснилось, что ночью мы заняли невыгодную позицию: на правом фланге / пока нет соседа/ и несколько впереди своей пехоты, т.е. перед самыми траншеями японцев. Вскоре подтянулись соседи справа, тем самым, сомкнув кольцо окружения УРа. Началась подготовка к штурму укрепрайона.

Заняв новый НП, мы продолжали разведку. Здесь отличился старший разведчик Потапов /уроженец города Копейска/, обнаружив тщательно замаскированные дзоты, дот, две пулеметные точки. Хорошо действовали командир отделения связи Ладейщиков, старший радист Уваров и другие. 14 и 15 августа с группой разведчиков и бойцов пехоты на двух танках Т-34 совершили вылазку к вражеским позициям, уточнили результаты визуальных наблюдений и засекали новые цели.

Обнаруживать силы врага нам помогли и налеты наших самолетов на его позиции. По вспышкам выстрелов мы засекали цели и вскоре накрывали их артзалпами.

Чтобы добыть исчерпывающие данные об окруженном противнике, совершили в предпоследнюю ночь перед штурмом вылазку на Халмиторскую высоту силами взводов управления батареей и дивизиона во главе с начальником штаба капитаном Плюсиным, который на моих глазах погиб во время вылазки.

Таким образом, мы добились, чтобы к началу штурма Котонского УРа /17 августа/ у нас были все основные данные о расположении живой силы, минных полей и огневых точек врага. Это обеспечило эффективность артподготовки перед штурмом и успех всей операций. Укрепленный район был взят за несколько часов. Остатки гарнизона, около 2500 человек, во главе с его начальником были вынуждены сдаться. Из трофеев штаба гарнизона мне достался упомянутый выше бинокль.

Ликвидировав основной узел сопротивления японцев на Южном Сахалине - Котонский УР, мы двинулись на юг механизированными колоннами, настигая и громя отступающие японские войска. Наш дивизион, как и весь 284-й артполк, успешно выполнил поставленную боевую задачу. "За образцовое выполнение заданий командования" многие из личного состава дивизиона удостоены боевых наград.

Алексей Савельев

**ЗЛО НЕ
ПРОРАСТАЕТ
ДОБРОМ**

Алексей Алексеевич Савельев родился 30 марта 1927 года в деревне Кунгуровка Притобольного района.

В действующей армии с октября 1943 года. С боями прошел от Бреста до Берлина. Сержант. Минометчик, разведчик. Награды: ордена Красной Звезды, Отечественной войны I-й степени, медали “За отвагу”, “За освобождение Варшавы”, “За взятие Берлина”, трудовые – орден “Знак Почета”, “За трудовую доблесть”.

Война уже шла вовсю, когда меня призвали и послали в учебное подразделение в г.Чебаркуль Челябинской области. И хоть я был “метр с кепкой” – 154 см ростом и имел “бараний вес” – 48 килограммов, но физически был развит, поэтому определили в минометчики. После учебы присвоили звание “сержант”, в эшелон – и на фронт.

По пути следования была остановка в поселке Сельцы Рязанской области, где формировалась польская дивизия, где мы в течение месяца “общались” с союзниками. Дело в том, что поляки допускали нарушения правил поведения по отношению к нашему населению, вот мы им и “помогали осваивать эти правила”. После отправки поляков на фронт нас направили в части 1-го Белорусского фронта. Бои шли тяжелые, отчаянные. В одном из них и нашла меня фашистская “железка”. После излечения мне приказали прибыть в разведроту – вот где при-

годились мои рост, вес и физическая закалка.

... Командир Смирнов приказал взять “языка”. Я и мой друг Миша Козлов в сентябре 44-го года в районе Люблина сумели выйти скрытно далеко во вражеский тыл. Остановились, осмотрелись и, когда появились немцы, одного “осторожно украли”. Он пытался кричать, но быстро его успокоили. Оказавшись на своей территории, разглядели добычу, и тогда немец показал... знамя своего полка. При этом на ломаном русском языке пытался сказать, что он антифашист, тельмановец. В штабе с ним разобрались, “язык” оказался ценным, дал необходимые сведения. А фашистом оказался настоящим.

Отдых разведчиков недолог. И вновь, сдав награды и военные билеты в штаб, - в тыл врага. Прошли, вернее, проползли, нейтралку, миновали минное поле, замирая при каждой осветительной ракете, перебрались через передовые позиции гитлеровцев... Взяв в тылу “языка”, почти двое суток не могли вернуться к своим, всюду натыкались на позиции врага.

- Ну, молодцы, вернулись, да еще и не одни, - ротный обнимал нас, измученных, голодных, - марш мыться, бриться, сто граммов и спать!

Так, как говорят, путая дело – разведку, бои с безделицей – отдых после возвращения из тыла немцев, я с моими боевыми друзьями и дошел до Берлина. Видел на своей территории следы зверств фашистов, душу сжимало от горя, видел и разруху немецких городов и думал, что зло никогда не прорастает добром. Оно всегда должно быть наказано.

В ночь с 8 на 9 мая я с Мишей Козловым нес патрульную службу в одном имении, где стояли наши части близ фашистской столицы. Подошел начальник разведки дивизии Шаповалов.

- Поднимайте людей, - приказал, - только не по тревоге, с хорошей вестью я к вам.

Так мы и узнали, что кончилась война. Победа!

Пожалуй, только тут нас всех отпустило то невероятное нервное и физическое напряжение, которое испытывали все в лихое военное время. Отсалютовали, как положено, склонили головы, вспоминая друзей, что не дошли, не дожили до этого счастливого дня. Мне кажется, на войне самое страшное – терять тех, кто шел с тобой военными дорогами, ел из одного котелка, прикрывал тебя в бою, с кем ты не раз ходил в развед-

ку... И сейчас, вернись моя молодость, я снова, безоглядно веря им, ходил бы по вражеским тылам.

С друзьями фронтовыми я прошел парадом, который принимал в Берлине Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. При подготовке этого парада я несколько раз видел великого полководца рядом.

А затем начались воинские будни. Наши войска, которые одно время назывались оккупационными, помогали налаживать жизнь немецких городов, очищали улицы от завалов, руин домов, деревьев...

Потом приказом комдива я был зачислен в ДПШ (дивизионную партийную школу), которая находилась в городке Зальдфельд. Слушателям школы подробно рассказывали о готовящемся суде над главарями гитлеровской Германии. Более того, группу в 60 слушателей, в числе которых был и я, повезли в Нюрнберг. Здесь я своими глазами видел длинный коридор, в котором и вправо, и влево были двери, за которыми сидели те, кто принес человечеству неисчислимые горести и беды, те, кто мечтал о мировом господстве, а заканчивали свою жизнь на нескольких квадратных метрах тюремных камер, И поделом!

Отремела, будь она проклята, самая кровопролитная война, но помнить о ней должны не только мы, фронтовики, но и те, кто идет по жизни после нас.

Помнить о ней должны и те, кто стал забывать Нюрнберг.

ПИСЬМА С ФРОНТА

Валентина Федорова,
профессор КГУ

В Курганском областном архиве на вечное хранение сда- ны письма фронтовиков. Солдаты ушли в бессмертие, а письма стали историей, священными реликвиями, памятью. Письма донесли до нас дыхание военного лихолетья, думы, метания души конкретного человека – солдата. Все судьбы, открывающиеся на пожелтевших листах, воспринимаются не как давно ушедшее прошлое, а как правдивая и проникновенная реальность. Люди и их жизнь, чувства, переживания, волне- ния, их страдания, тоска и мужество оживают, становясь близ- ким, понятным и родным, заставляя переживать еще раз то, что уже много раз пережито участниками огневых сороковых. Горько за судьбу людей, переполненных жизнью, надеждами, мечтами, любовью, верой, порой уже зная, что ответное пись- мо не дойдет до адресата.

Письма - свидетельство отмеренного судьбой срока на вой- не. Учитель начальных классов из Куртамышя *Сергей Михай- лович Рычков* успел написать письмо жене Наташе, детям Ва- дику и Шурику, наказал 11 января 1942 года: “Наташа, целуй за меня моих “ястребков”, одевай их чище и культурно развивай” (Ф-2275, оп 1. д. 161, л. 186). Еще письмо было в пути, а 16 января автор его погиб.

Но в некоторые дома письма шли все годы войны: с места учебы военному ремеслу, с дороги, с передовой, из госпиталя, снова с передовой. Читаешь одно письмо за другим и видишь,

что они - летопись войны, рассказанная предельно искренне человеком из самого пекла. В посланиях домой солдаты делились всем, что их глубоко волновало, заставляло страдать, верить, надеяться, жить и бороться не только за свое личное, домашнее счастье, но и за свою Отчизну.

Приносил почталыон во многие зауральские дома треугольники из разных мест. *Семья Кузнецовых в Звериноголовском* ждала весточки от хозяина дома и двух сыновей. По пяти сыновьям рвались сердца под крышей Пискуновых, что в Лебяжье. О таких, как братья Пискуновы с их беззаветной преданностью Отчизне и родному дому, написал А.Твардовский:

*Живем, не по миру идем,
Есть что хранить, любить.*

Рассказывают авторы писем о себе, как умеют: кто кратко, кто пространно. Одни написали бы больше, но удавалось раздобыть только третью часть тетрадного листа, да еще под адрес приходилось место оставить. И буквы большие, и строчки вкось: грамотешки маловато. Умудрялись побольше написать учителя. В любых условиях мелкие буковки ложились аккуратно, близко друг к другу. Не разбегались строчки, экономя бумагу. Умел многое рассказать *Михаил Клементьевич Рогачев* - преподаватель математики Мишкинского педучилища. Мобилизован в первые дни войны. Служил в седьмом кавалерийском корпусе. Вернулся с войны, работал в Китайском педучилище. Сохранилось несколько писем Михаила Клементьевича жене. Они рассказали о войне, человеке на ее семи ветрах, быстром взрослении, восприятию бытия. Вместе с тем читатель узнает о самом М.К. Рогачеве - личности, учителе, солдате. Первые открытки - треугольники полны наивной веры, что война скоро окончится, и все - по домам! Постепенно взгляд трезвеет, но вера в победу никогда не покидала, хоть "смерть в бою свистела часто". В письмах жила мысль, которая стала афоризмом:

*Надо, братцы, немца бить,
Не давать отсрочки.*
(А.Твардовский).

ВОЙНА - ТЯЖЕЛАЯ РАБОТА

Россию всегда защищала крестьянская армия. Даже когда подгребали стариков, призывали ребят 1928 года рождения, ставили на военную службу девчат, на заводы давали “бронь - не тронь”. Лучшие кадры в городе все-таки оставались. Деревня отдавала работающих мужиков, отрывая их от привычного дела. Поэтому в письмах фронтовиков постоянно слово “работа”. Оно оставляет щемящее чувство, передав тоску здоровых мужчин по привычному ладу жизни, основой которой всегда была и будет работа. Работа - это забота о доме, семье, проявление себя. Учитель математики Катайского педучилища *Михаил Клементьевич Розачев* в первые дни войны был направлен в Седьмой кавалерийский корпус. Первого июля из Троицка сообщает жене: “Работы много, подъем у нас в 5, а отбой в 11, остальное время все на ногах. Особенно много работы с конским составом, лошади некоторые совсем дики, даже узды не наденешь. Будем их готовить”(л.162). Семнадцатого июля расшифровывает суть работы: обучает лошадей, “чтобы ходить в тыл врага”. 21 января 1942 года снова разговор о работе: “Работаем много и будем много работать с единственной целью - разгромить кровавого Гитлера вместе с его фашистским отребьем” (л. 167). 23 марта 1943 года сообщает: “Проходим территории, где немец был 17 месяцев. Деревни сожжены, население не похоже на себя. Здоров, работы как всегда много” (л.176).

Жила-была в Петухове большая семья Гороховых. Михаил Самсонович с первых дней войны встал в строй. С ноября 1941 по май 1943 года регулярно писал. Два десятка писем хранятся в областном архиве (Ф. Р-2275, оп. 1, д.161). Начинаются они приветами, которые занимают полстраницы. Детей - семеро: Витя, Геня, Галя, Тома, Коля, Женя и маленький Володя, который еще не понимает, что такое привет и письмо. Теперь от этой семьи никого в Петухове нет, жизнь раскидала всех. Но дорогие их сердцам письма отца навечно будут храниться в Курганском архиве. Жена Даша сберегла весточки.

В одном из февральских писем 1942 года читаем: “Я работаю командиром взвода управления в батарее и произведен младшим лейтенантом. В работе дела идут хорошо. За работу ценят” (л.42). “Сейчас приходится работать больше и все чаще

под огнем”, - сообщает *Александр Михайлович Воинков* (л. 13). Трудясь на войне, солдат все равно думал о мирных заботах. Удивительно, но пехота “в чистом поле, в грязи окопной и огне”, смертельно устав, просит домашних: “Инструмент мой храни. Это первая заповедь от меня, которую нужно строго блюсти... Чертовски досадно ей-богу, что дома голодно, ну ужасно... Сейчас у тебя два пиджака, можешь обои променять на хлеб, овчины променяй, вот можешь наменять хлеба... Я нисколько не жалею моих вещей, их променяй на хлеб”. (Из письма *С.Р.Семенова* (ф. 1736, оп. 1, д. 19)

А НА ВОЙНЕ, КАК НА ВОЙНЕ

Письма рассказали о быте на войне, о его восприятии солдатами. Удивительно, но нет жалоб, что тяжело. На войне, как на войне. Другого здесь нет. Для солдата, во всяком случае. Спасал юмор. *М.К. Рогачев* успокаивал родных: “Адреса пока нет... Живем “весело”, только умыться негде и койка, хоть и с пружинами и со скрипом, а матраца и прочего постельного барахла нет. Но не унываем и думаем что все будет в свое время” (л. 162). В другом письме шутит над своей неловкостью и радуется непредвиденной удаче. Кто бы мог подумать, что большие, не по ноге, сапоги спасут жизнь. Дело было так: в Троицке обучали фронтовой науке лошадей. Рогачеву досталась высокая кобылица Азия. Ее и надо было обучать. Только левая нога вступила в стремя, Азия испугалась и понеслась. Рука недавнего учителя, не привыкшая к узде, сорвалась. Он, как в цирке, повис на одной ноге, а кобылица бежала с диким визгом. Ей, бедолаге, тоже не приходилось в цирке служить. Ее будоражило то, что по воздуху около ее бока летел как бы сам собою наездник. Не доехать бы коннику до фронта, да спас большой сапог. Из него нога выскочила, Азия рванула еще быстрее, унося сапог, а солдат, кубарем полетел на землю: “Такова вот жизнь человеческая! Теперь вот отсиживаюсь. Левая нога распухла и не дает на нее ступить... Еще шея болит, да голову побило немного о землю. В общем, товарищи считали, что мне каюк... Теперь все в порядке (л. 163). *Евгений Петрович Баландин из Звериноголовского* после пятидневного боевого похода, смертельно усталый, 30.03.1942 года с юморком замеча-

ет жене: “Ты пишешь, чтобы я меньше ходил на улицу и не простывал. Дело зависит не от меня” (л. 5-6). В другой раз сообщает: “В поле немного холодновато, но побегаешь, согреешься, и дело лучше... Изучаем парашют и в апреле, наверное, будем уже совершать прыжки с парашютом с самолета. Также изучаем различные виды вооружения...”

Михаил Васильевич Бородин (Кетовский сельсовет) в июле 1944 года из Латвии написал отцу, что получил письмо из дому. Оно так растрогало, сообщил фронтовик, что “сердце не выдержало, и я заплакал. Удалось отдохнуть, пока ел, и опять пошел! А о трудностях что писать?” Напоминает про опыт отца: “Сам знаешь, как обычно живут на войне... Да, тятя, спрашиваешь про моих друзей, Тюменских, было 19 человек, осталось двое нас, да и то что-то в госпитале” (л.2).

Авторы писем сдержанно говорят о победах. Победы даются очень тяжело. Шаги к ней медленны. Из-под Ржева писал своим в Петухово *Михаил Самсонович Горохов*. До города, вошедшего в историю второй мировой, было километров 20-30, если идти с запада. Апрель 1942 года: “Живем в землянках по 6-7 человек. Выроем яму, настелем из бревен в три ряда потолок, засыплем его землей так, чтобы снарядом не пробило. Так тут и живем. Выбьем немцев, опять подаемся вперед и опять роем землянку. Дома здесь все разбиты. Когда мы выгоняем из деревни немцев, бьем снарядами по домам. Попадает снаряд в дом, разорвется, и летит изба, как игрушечная: куда крыша, куда бревна, куда кирпичи от печки. А когда мы займем деревню, немец опять бьет по домам снарядами. Целые деревни видны только по обочинам. Я вот уже четвертый месяц не спал в домах. Если буду жив и приеду домой, то и тогда, наверное, буду опасаться стен дома”. Тут же сообщает ребятам о своих делах: только что уложил снарядом немецкого полковника и еще одного офицера, который решил посмотреть местность (л.44).

В землянке, кажется, собирается вся страна. *Кузнецов-отец* ясно увидал, как общая беда собрала под крышу в три наката жителей разных мест: из Москвы, Горького, Истры, Курска, Харькова, Минска, Гродно, Винницы. “Смотришь на нас и думаешь, недаром в былинах называли русского человека богатырем, но что был Илья Муромец или Алеша Попович в сравнении с этими людьми, которые четвертый год били Соловья-разбойника -

опять все-таки не того, что в былинах, а вооруженного не копьем и стрелами, а современным оружием... Описать каждого, это нужно целую книгу писать” (л. 126-127).

О землянке рассказано немало. Не случайно она вошла в высокую поэзию. Стихи А. Суркова “Бьется в тесной печурке огонь” стали песней, перешедшей в фольклор. *Лейтенант Григорий Кузьмич Кочегин* по-своему увидел солдатский дом, вспомнив и стихи поэта: “Вот она, фронтовая землянка: “Тлеет вяло в печурке огонь. На поленьях смола, как слеза. И поет мне в землянке гармонь про улыбку твою и глаза!... Да, поет гармонь, а мины рвутся рядом, как будто песню хотят заглушить. Но песня стихает на минуту и снова бодростью зовет вперед” (13 января 1945, л. 156). Перу *Г.К. Кочегина* принадлежит и описание блиндажа: “Ночь. Сосны шумят, и только изредка освещают передний край немецкие ракеты. Мы сидим в блиндаже. Один сидит чай пьет, другой тоже поставил кружку с водой в печурку”. *Михаил Самсонович Горохов из Петухова* просит семью о нем не беспокоиться, все устроилось хорошо: “Питание улучшилось, сейчас стал на особом снабжении как средний комсостав... живем дружно. Только вот раздеваться не приходится, вот уже три месяца, как спим одевши и обувши. Сначала было неудобно, а сейчас к этому привыкли, на то и война... Худо, что от вас ничего не получаю, ни одного письма” (л.42). Потом получил сразу пачку. В начале декабря 1942 года сообщает об обстановке, в которой пришлось жить и быть: “Мы лежим у костра, где стоим вот уже 45-е сутки. Кругом гремят выстрелы и рвутся снаряды..., к ним привыкли..., с немцами видимся каждую ночь, ходим в разведку... Пока я жив и здоров. Был случай, что немецкая мина разорвалась в полуметре от меня, двух человек убило, но меня не задело. Ради кого я еще спасаюсь, я не знаю... Ночую на морозе, но не мерзну. Вот только сейчас писать письмо руки замерзли, но лежу подле костра и грею руки...” (л.40). Грелся дымом у солдатского костра и *Терентий Спиридонович Кузнецов* родом из казачьей станицы Усть-Уйской. Был призван в 1942 году в трудармию, выпросился на фронт, участвовал в боях за Клин, Ржев. Словом, как у Твардовского: прошел

В просоленной гимнастике

Сотни верст земли родной.

Конец войны застал под Кенигсбергом. А далее - Дальний Восток. Демобилизовался глубокой осенью 1945 года. Оглядываясь на свои военные дороги, он имел право написать в конце войны: “Прошагали около тысячи километров, да не просто прошагали, а с большими боями. Сколько раз я встречался с врагом, но о смерти не думал и не думаю”. (л. 129). Напоминая жене о важной для учительства дате – 1 сентября, сообщает: “Был в жарких переплетах. Если о них рассказать, то волосы встанут дыбом, но остался невредим” (л. 123). Из осажденного Ленинграда писал *Павел Иванович Кетов* в Кетово: “Бой сильный идет” (л. 101). О тяжелых боях говорится как бы вскользь, как о чем-то само собой понятном: “Везут раненых в Краснодар. Был ранен, рана подживает, предстоит бой”.

В августе 1941 года, когда сжималось кольцо вокруг Москвы, в Осташкове Калининской области в лесах жил *Иван Дмитриевич Кузьмин* из деревни Патраки Притобольного района. Домашние узнали по штемпелю, где хозяин дома. А он сообщал невеселую новость про жизнь в лесах и о том, что на днях вступит в бой: “Пока до свидания. Движемся пешком” (л. 96).

Накануне 1944 года своим родным написал Герой Советского Союза *Дмитрий Михайлович Крутиков*: “Уже около двух лет с тех пор, как нам пришлось расстаться. За это время много приходилось переносить мне трудностей и переживания. Но такие же трудности есть еще впереди, а, может, еще трудней. Драться еще будем с ненавистным врагом, за мою дважды пролитую кровь и кровь нашего народа”. (Р-2275, оп.1. д.№ 49). В другом письме за общей веселой настроенностью не скрыл трудный быт войны: “Здоров, как бык... Бывало хроническое соплетечение. Сейчас даже зубы никогда не болят. Весьма распузел (что меня как раз мало радует)... Забыл, как спят в помещении и на постели (придется - не усну)...” Словом, “есть война – солдат воюет” (А.Твардовский).

“На войне не всегда война” - говорил мой свекор *Андрей Осипович Федоров*. Письма подтверждают это. *Александр Никифорович Новгородов* из Менщикова порадовал земляков сообщением о том, что находится в Москве: “Ходим в кино” (л. 153) *Михаил Клементьевич Розачев* сообщает о концертах артистов (27 января 1942 года) Неожиданно для конников приехал С.М.Буденый: “Посмотрел, как мы работаем, рассказал,

что нужно делать дальше” (л. 167).

Сведениями о налаженности быта порадовал маму *Валерий Терентьевич Кузнецов*: “Живу неплохо. 1 января у нас был за все 4 месяца первый выходной. Весь день ничего не делали. За меня будь спокойна. Твои слова оправдаю. Учусь неплохо. Одели сейчас тепло. Дали ватную куртку, ватные брюки и валенки. Учебу в этом месяце закончили (3 января 1943 года. л. 43). В одной из открыток те же успокаивающие нотки: “Здравствуйте, родные. Сегодня получил от вас два письма. Очень рад. Насчет посылки не беспокойтесь, ничего не надо, лучше вышлите папке, ему нужнее, а я перетерплю и без посылки (21 сентября 1942, л. 132).

Подробности войны скорее рассчитаны на детей. Солдат стремится показать своим сыновьям, как важно выдержать нелегкие военные испытания. “Каждую минуту летят снаряды и мины, и наши, и немецкие: Чми! Бах! Это легкие. Бух, ж-ж-ж-ж ... ух! Это тяжелые. Увы! Увы! Увы! - Мины. Та-та-та-та - ведет пулемет свою песню. Неприятное чувство. На нашу землянку упал немецкий снаряд, в щепки разбил елку, выбросил жар из железной печки, но пока все благополучно... (из письма *М. Самонова* от 15 апреля 1942 года).

Григорий Кузьмич Кочегин из деревни Растотурской (ныне Пушкино) Куртамышского района сообщал 16 февраля 1942 жене и трем своим дочерям: “Нахожусь у самого фронта. Стоим мы там, где Макар телят не пас. Дочери, помогайте матери”. Читаем письмо от 10 августа: “Были дни и для меня горячие, ежеминутно думал: “Ну, конец, ну, амба, а остался жив” (л. 106). Но письмами солдаты старались не пугать свои семьи, берегли души близких.

НЕ СПИТ СОЛДАТ, ПРИПОМНИВ ДОМ

Клочку бумаги, развернутым тетрадным листам доверялись самые заветные слова, раздумья, предчувствия. 12 марта 1943 года на передовой у деревни Вязовки Смоленской области написал письмо пожилой для войны человек - бывший кузнец из Половинского района *Николай Андреевич Карпунин*, 1909 года рождения. Я погладила это письмо: так хотелось утишить пронзительную муку давних дней, пропитавшую два солдатских

листка. Военный опыт (призван в августе 1941) подсказывал, что предстоящий бой не сулит надежду остаться в живых. Дыхание грозного события близко: “пули пока не жужжат, но приближается грозная минута сражения за священную русскую землю, за отчизну, Родину - мать”. Не случайны повторы прощания и наказы семье: “Дорогая Нюра, примите привет от супруга вашего Николая Андреевича. Шлю я вам, дорогая Нюра, свой чистый, сердечный, горячий привет. И от чистого сердца пламенно горячие поцелуи, и желаю я тебе, дорогая моя Нюра, всего наилучшего в твоей одиночной, скучливой жизни - навсегда. Затем дорогим деткам: во-первых, дорогой дочке Наде Николаевне, и дорогому Вовочке, и дорогой дочке Тоне. Дорогие мои детки, примите привет от вашего папы Николая Андреевича. Шлю я вам, дорогие мои, свой чистосердечный привет и от чистого сердца горячие поцелуи. И желаю вам, дорогие мои, всего наилучшего в вашей юношеской жизни и доброго здоровья вашего роста” (л. 143). Делясь тревогой за предстоящий бой, наказывает милым деткам слушаться “дорогую мать и помогать ей во всем, что вы можете по своей силе”. Далее идет конкретное обращение к детям: “Дочка Надя, теперь надежда мамы вся будет устремлена лишь только на вас с сыночком Шурой. Вы - основной очаг в помощи. Слушайтесь”. Горьки переживания о том, что жене “придется одной воспитывать детей”. Характерны последние слова: “Целую, пока еще жив”. Предчувствия не обманули. Не успел Николай Андреевич отослать письмо, во время боя держал его в кармане. Заветные последние приветы, опаленные смертью, пришли в Зауралье благодаря однополчанину. В приписке к письму нашего земляка сообщалось, что погиб Николай Андреевич 18 марта. Сиротами остались четверо Карпуниных, которым отец мог дать только благословение, а также завет жить самостоятельно и дружно. Как им жилось, я знаю по собственному опыту. Может быть, нас согревало, утверждало в жизни воспоминание о любви отца и ответственность перед его святым чувством. Пусть отец остался как видение, как неосязаемое воплощение любви и доброты, но это все - мое, со мной. В горькие минуты не раз думалось и произносилось вслух: “Был бы папанька”. Обворованные войной, бились мы о жизнь, кто как мог, без помощи отца, но знали, что он был, на войне думал о нас, не забывал, жалел, любил.

Евгению Петровичу Баландину было 30 лет, когда ушел из дома. Его письма направлялись в Звериноголовское - жене и двум дочкам: Гале и Римме. Сообщал солдат о работе: изучает в военно-политическом училище самолеты. Учеба трудна, так как нужны знания по физике, механике, алгебре. А знаний мало. Но главное не в этом. Главное - семья: "Дорогая Нюся, расстраиваться не надо, необходимо беречь себя, надо воспитывать наших Галю и Римму. Придет время, будем все вместе" (л. 5-6). Вскоре опять напишет: "Мне кажется, что давно уже уехал из дому, давно не видел своих любимых". Мартовское письмо 1942 года дышит не только любовью, но и беспокойством. В нем ясно высказана мысль о том, что дорога к дому, увы, лежит через войну: "У меня есть ты и дочки, и мне больше никого не надо. Я думаю только, как кончить войну, уничтожить бандитов - гитлеровцев и живым вернуться к своей семье". В письмах солдат постоянны уменьшительно-ласкательные суффиксы. Они свидетельство того, что не огрубели и не опустошились солдатские сердца. Они заполнены переживаниями о доме. "Сильно же я соскучился по Вовочке, поди, большой стал, подрос так же, как кусты в огуречнике - Петина память. А от меня на память не осталось ничего". - это из письма *С.Р. Семёнова* (6 мая 1943 г. Р- 1736. оп.1 д. 19. Письмо № 10). Иногда тоска по дому выплескивается вскриком: "Лида! За каким чертом ты в 1936 году за меня замуж вышла? Если бы ты не пошла, я бы сейчас о тебе так, да и не только так, никак не страдал бы... Вот не получал я много времени письма. Представляешь, как трудно переживать" (Из письма *Г.К. Кочегина* от 4 июня. л. 108).

Любовь - это прежде всего забота. Солдат старается подсказать жене, что нужно сделать, чтобы сберечь детей. В апреле 1942 года *Е.П. Баландин* советовал: "Корову ни в коем случае продавать нельзя. Продайте мое пальто, брюки, рубашки, патефон и еще кое-что" (л.9). В мае 1943 года он умер от ран, похоронен в Ростовской области. Выросли дочери, получили высшее педагогическое образование, воспитали не одно поколение зауральцев.

Мысль о доме противопоставляла порядок и хаос, мир и войну, вызывала к жизни древнее иносказание о пахоте как смерти. Апрелем 1943 года датировано письмо *Горохова* из

Петухова: «Охота хотя бы неделю побыть дома и посмотреть, как вы живете. Но что сделаешь. Вместо вас приходится смотреть на немцев и бить их, как собак. Вот прогоним их с нашей земли, тогда снова приеду к вам, и вместе поедем куда-либо, где растут яблоки и арбузы. Пока до этого потерпите и поживите без меня. Вам в школе говорят да и сами вы газеты читаете, как мы воюем» (л.45). В следующем письме продолжает: «На Волге прошел лед. Вы, возможно, уже пашете и сеете пшеницу, нам пока не до этого, пашем землю снарядами, а сеем осколками и шрапнелью. Что из этого вырастет на этой земле?» (л.46).

Воюющая молодежь была из традиционного русского уклада, который требовал не забывать и стариков: “Здравствуй, мама... Сильно соскучился о Владике и Лиле, хотя и частенько с ними ссорился. Мама, пиши, как твое здоровье и здоровье дедушки с бабушкой?” (Из письма *Валерия Терентьевича Кузнецова* от 14 июня 1943 года, л. 135). В конце декабря перед новым 1943 годом он благодарит за письма, печалится, что не может много писать: “Нет бумаги. Пишите обо всем... мне интересно узнать, как здоровье дедушки, бабушки” (л. 136).

Письма наполнены беспокойством, что не доживут старики до встречи. Бесконечна благодарность за письма и посылки, как тепло родного очага. “Здравствуй, мама. Вчера вечером получил от тебя два письма и посылку, за которую большое спасибо. Поел хоть домашних сухарей... Много писать не буду, экономлю бумагу” (Прислал маленькое письмо от 13 декабря 1942 года *Валерий Кузнецов* (л. 132). Потом он будет просить мать не разоряться на посылки ему, пусть они лучше будут направлены отцу: ему нужнее. Коротенькие весточки шли в основном с передовой.

Навеки остался в украинских степях, защищая село Куты в 1943 году, заботливый сын и внук, паренек из Зауралья. Он успевал написать матери, бабушке, воюющим отцу и брату. Конечно, ему не хватало еды. То ли дело - дома! Не Бог весть, какая еда, но сытная и здоровая: “Дома я суп с картошкой не ел, а здесь вилок капусты достанешь, дак, как с маслом, съешь”. Это во время учебы. С передовой в июне 1943 года пишет о том же: дают 800 граммов хлеба, каждый день сахар, даже колбасу: “Так что живу неплохо. Но не дома. Поел бы

сейчас свежих овощей, наверное, поспевают“ (л.135-136). И тут же штрих: “Вот летят немецкие самолеты. Письмо прерываю. Ушли, опять спокойно. Сбросил 4 зажигательных бомбы. Все бомбы попали в чистое поле”.

Вдали от дома дорога любая весточка о нем. Двадцатилетним в конце войны погиб лейтенант *Анатолий Маркелович Суханов* из Обанина Куртамышского района. В письмах к матери спрашивал: “Мама, пиши мне чаще... Что есть нового у вас на родине?” У более старших солдат вопросы конкретнее. “Как вы там живете? Какие цены на базаре на хлеб, мясо, молоко? Кто у вас сейчас в колхозе председателем, счетоводом, бригадиром? Как относятся к вам колхозники?”, - задает вопросы *Горохов* из Петухова (л. 42). В другом письме снова вопросы: “По сколько и чего получили на трудодни? Хватит ли хлеба до нового урожая? Почему ты, Даша, не пишешь о своем здоровье?” (л. 42). Сыну Гене (апрель 1943 года): “Привет и спасибо за письмо... Как живешь? Как учишься? Что новенького у вас в школе и в колхозе“ (л.45). *Валерий Кузнецов* 20 апреля 1942 года: “Как живете, как с хлебом бьетесь? Маменька, сади помидоры, я приеду помидоры кушать” (л. 98). Через неделю снова: “Как вы зиму прожили, как с хлебом, с сеном?... Поел бы я сметанки, поел бы молочка, масла. Вы бы сейчас посмотрели на меня, не узнали бы...” (л.99) Его уцелевший в котле войны брат Виталий интересуется: “Чем занимается дед? Небось, готовится к рыбной ловле” (л. 136). В следующем письме - к бабушке - продолжает разговор о мирном занятии - рыбалке: “Здравствуй, бабушка. Не обижайся, бабушка, что долго не писал письма. Ведь время ограничено, - а именно-20 минут свободного времени в день. Дедушка, небось, рыбачит, а ты делаешь с добычей то, что я не брал 4 месяца в рот. Да что и вспоминать... Пиши, бабушка... С приветом, твой внучек *В.Кузнецов*“ (1 мая 1943г. л. 137).

Сорокалетний солдат *Николай Терентьевич Коробейников* не сообщает адрес, но ясно, что далеко от дома. В начале декабря 1941 года просит: “Обо мне не беспокойтесь. Одет хорошо, тепло. Сыт... Мой вам наказ. Берегите себя, не отказывайте себе в питании. Если потребуется, продавайте вещи”. Через месяц пришла похоронка. Видимо, не посчастливилось получить письмо из дому, прочитать несколько строчек, напи-

санных любимой рукой (л. 139) Кочегин Григорий Кузьмич просит жену беречь детей, не присылать посылки, не отрывать крохи от себя и трех девочек.

В письмах чаще всего встречается просьба: “Жены, милые друзья, вы пишете чаще”. Другая просьба - прислать фотокарточки. Когда “низко смерть над шапкой свищет”, особенно остро желание посмотреть, как выросли дети, как им живется без отца. Дорога каждая весточка. Время сохранило удивительное письмо, адресованное *Юриной Мавре Ивановне*. Видно, что женщина научена грамоте мало. Но мужу ее корявые строчки дороже отточенного чистописания. Да и сам автор письма - не грамотей. Но письмо - единственное средство общения. Букве доверены самые святые чувства мужа, отца, сына: “Здравствуйте, моя любимая семья: жена Маруня и детки: Тома, Галя и папаша”. Первая просьба - выслать фотокарточки “с себя и с ребят. Я очень о вас соскучился, вы мои хорошенькие и мне милые... Маруня, письма пиши сама. Я их разбираю хорошо. Не кого не проси сама дак сама. Че есь на уме то и напишеш в письме. Деньги не присылай. Самой тебе надо. Тебе каждая копейка стоит дорого. Я, Маруня, часто вспоминаю о твоём приготовлении жареной картошки. Но ее здесь ты не поджаришь. Приходится привыкать к современному”. Не забыл сообщить о живых земляках: “Со мной Суставов, Ершов” (21 января 1943г.).

ОТДАВАЛ НАКАЗ: БЕРЕГИ ДЕТЕЙ, СЕБЯ

Оторванный от семьи человек письмами спасал свое сердце и подбадривал свой дом. Без хозяина дом-сирота. На расстоянии дети и жена казались беззащитными. Чем им помочь? Помогали словами. Письма связывали фронт и тыл, сокращали расстояние. Письмо - не ладонь отца, но его можно приложить к сердцу и голове. Они были частицей родного человека. Ласковые слова рождались в снегах, лесах, сырой землянке, лепились друг к дружке в пешем строю, перед боем и после боя. В детях заключалось не только настоящее, но и будущее солдата, его продолжение. Дети - крона, которую нужно сохранить, дать соки, иначе исчахнет родовое древо, пустившее корни в глубь веков. Дети должны вырасти людьми наперекор войне,

укорениться. Ни в одном письме нет угрозы: “Слушайся, сын. Не будешь слушаться мать, вернусь, ремнем выдеру”. Самая страшная угроза: “Я вам писать не стану”. Ни в одном. Даже воюющих рядом детей отцы называли уменьшительными именами: Витя, Валерик, Ваня. Не убила война человеческую отцовскую душу. “От Вити ничего не получаю. Пишет ли он тебе?” - тревожится о воюющем где-то рядом сыне *Т. Кузнецов* (л.126). Беспокойство о семье рождает тревожные сны. *Михаил Самсонович Горохов* изболелся душой за не очень здоровую жену и семерых детей. Накануне Международного Женского дня 8 марта 1942 года делится своей тягостной думой: “Увидел нехороший сон... Ребята плакали о тебе. И всего-то спал один час: с 10 до 11, но до утра уснуть не мог. Надеюсь, все в порядке (л. 41) *А.З. Кочегин* не успел увидеть первые месяцы жизни сына: “Я очень доволен, Фая, что ты пишешь: “Толик жив, здоров, растет и даже уже растут зубки”. Ты, Фаюша, постарайся за ним поухаживать так, чтобы он вырос и был здоров. Ну, и чтобы был чистенько и культурно одет. Если кто посмотрит, значит, будет чувствовать, что это сынок не просто из села Жарикова, а это сынок культурной семьи” (Р-1615, оп 4, д. 182.)

ЖИВ БУДУ – ВОРОЧУСЬ

Мысль о доме - главная думка. Война идет своим чередом. О ней думают наверху. Солдатское дело - не оплошать, не подвести. Это общее, а дом один. Дети, жена, мать, отец, бабушка, дед - вот о ком болит душа. Надо вернуться, но вернуться с честью. Не хитростью и подлостью, а честной работой солдата. Вернуться домой или не вернуться - такого вопроса нет. В письмах один мотив: “Жив буду, ворочусь домой. Убьют, живите дружно. О смерти не думал и не думаю. Но вспомнил вас. Как-то нелегко стало, и чуть не всплакнул” (Из письма *Горохова*, л.40). Смерть обыденна, за плечами, но лучше бы ей быть на полшага дальше. Ведь домой надо.

В суровых буднях солдаты хотят, чтобы их ждали, чтобы им были верны *Г.К. Кочегин* философски рассуждает о том, что верность - не всем по силам: “Война делает свое дело”, кто-то не выдерживает одиночества, прислоняется к тыловикам. А солдату каково? Это же подобно армии без тыла. Мало того,

что предадут, еще и объяснение пытаются найти. Пример тому - случай с однополчанином - Васей. До войны все хорошо было, а как ушел, нашла жена другого, сообщив спокойно об этом мужу, который постоянно рисковал своей жизнью- и за нее в том числе. “Представляешь, Лида, какое у него было лицо, когда он прочитали это письмо. А разве это одно?... Сам читал такие письма... Недаром К. Симонов писал об этом же”, - напомнил *Г.К. Кочегин* (с. 108). *Михаил Самсонович Горохов* выслал жене стихотворение К. Симонова “Жди меня”, которое, видимо, на фронте уже пелось. Приписку сделал такую: “Этой песней я выразил тебе свои мысли. Да, жди, Аннушка. Всем чертям назло мы встретимся опять и надеюсь, что Новый год будем встречать вместе” (1. д. № 46).

Женщины в письмах, стихах старались заверить своих дорогих в верности. Ответ герою стихотворения К.Симонова “Жди меня” записывал на Урале В.П. Бирюков. Записывала его в Введенке Кетовского района и я. Называется ответ “Жду тебя”. Из далекого тыла летели нужные фронтовикам слова:

*Жду тебя, хороший мой,
Очень крепко жду,
Жду уральскую зимой
Жду весной в цвету.*

*Снятся мне твои черты,
Где же ты теперь,
Жданный мой, когда же ты
Постучишься в дверь?*

*Жду, и дни быстрей бегут,
Гаснут вечера,
Что ни делала бы я,
Это – для тебя.*

*Верю, ты придешь опять,
Ласковый, родной,
Милый, я умею ждать,
Как никто другой!*

КОНЕЦ ВОЙНЕ

“Что может быть лучше конца войны?” - писал *Т.С. Кузнецов* (л. 126). Думали о конце войны на фронте и в тылу. Из дома *Бородиных* ушли все мужчины: отец Василий Мартьянович, сыновья Петр и Михаил. Они все писали, что война не бесконечна, все равно кто-то вернется. Вернулся Петр, навсегда оставшийся глухим, и тяжело раненый подо Ржевом отец. *Александр Федорович Громека* вселял надежду: “Война будет длиться не вечно, я вернусь” (21 марта 1942). В июле 1943 года по-

вторяет по-учительски: “Пойми, что война скоро кончится” (л. 37). Война не уставала размахивать косою, а солдат все равно думал о победе и мире. *Семья Пискуновых, что в Лебязье*, дала Родине пять своих сынов. Трое не вернулись, один уже дома умер от ран. Обидно, 15 января 1945 погиб Иван Степанович. До войны он работал учителем математики в школах №11 и №14 в Кургане. Четырнадцатого декабря 1944 года, он высказывал свою мечту о мирной жизни и ее тихих светлых радостях, душевных праздниках. Из Восточной Пруссии: “Хотелось бы Новый год праздновать в условиях мирных, так надоела эта грязь, траншеи, и хочется мне побывать в театре, хорошем кино” (л. 156). Через два дня: “Все с нетерпением ждем движения вперед, в логово врага... Вчера подморозило, и на душе стало бодрее. Избавились от этой грязи. Правда, в землянке не так то тепло, но все же жить можно” (л. 156). Движение, конечно, было, и пришел мир, но человек не вернулся.

ПИСЬМА БЫВАЮТ РАЗНЫЕ

Приходили в Зауралье разные солдатские весточки. Человек от земли объяснял это настроением, а оно задавалось в большей мере сердцем. “Лидия, когда читаешь мои письма, наверное, смеешься надо мной. Я писал письма всякого настроения, потому что я очень переживаю”, - читаем в треугольничке, пришедшем в Патраки Притобольного района от *Ивана Дмитриевича Кузьмина* (август 1941 год).

Тревогой напитаны письма, в которых спрашивается о воюющих близких. *Новгородов Александр Никифорович* из Меньшикова беспокоится об отце. В апреле 1942 года сообщал: “Про отца ничего не знаю”. И вот - радость. 29 мая делится с матерью: “Сообщаю, что неожиданно пришлось встретиться с папой. В дороге мы не встречались, а на месте встретились - около фронта. Стоим друг от друга на один километр”(л. 153). Не вернулись домой ни отец, ни сын. Остались на бумаге тревога и радость.

Наполнены письма раздумьями на разные темы. Например, человек с ружьем размышлял о том, почему “цивилизованная нация” так безудержно бесстыже вела себя на завоеванных территориях, почему грабила все подряд? Задавался вопрос, находился ответ. *Евгений Семенович Селетков*, родом из Бо-

ровлянского стеклозавода, поделился своими наблюдениями с родными о поведении немцев, преступлении и наказании. Из Силезии 22 марта 1945 года он написал: “Каждая деревенька, каждый городок построены целиком из красного кирпича на-долго, на века... Для простого россиянина в каждом доме много диковинного, даже из кухонной утвари. И невольно встает вопрос: почему немцы, так много имея всякого домашнего тряпья и скарба, отбирали у русских на Смоленщине, Орловщине, Калининщине и других местах пестрядинные сарафаны, холст, деревянные ложки и другое? Ответ приходит сам: “Они алчны и жадны с сотворения мира” (л. 207).

За тысячи километров приходили самые страшные, пропахшие войной письма с извещением о трагедии. По уговору с товарищем писал оставшийся в живых однополчанин, рассказывая о главном и утешая. В Шадринске *А.И. Баландина* получила известие о гибели сына Владимира от его друга: “Добрый день, хотя и не моя, но мамаша... Мама, сообщаю вам, но прошу не убивайте свое здоровье, берегите, хотя и тяжело сообщать, потеряв ценного своего боевого друга Володю, но обязан выполнить свою договоренность друг перед другом, которого больше не увижу никогда и нигде... Погиб Володя 14 августа 1943 год. Но, мамаша, еще раз прошу не убивай свое здоровье. Оно вам будет нужно, а его не веротишь. Затем до свидания. С прискорбием. Командир орудия. И.Кузин”. (л. 1-2).

*Всех, кого взяла война,
Каждого солдата
Проводила хоть одна
Женщина когда-то* (А. Твардовский).

Женщина провожала, ждала, сберегала письма, которые являются личностной историей Великой Отечественной, трогательным документом, рассказывшим о мудрости, гражданской чести, патриотизме, милосердии солдат Советского Союза, о горестной муке их живого сердца.

Благодарю за помощь в работе над письмами коллектив Курганского областного архива. Подобрать материал помогли аспирантка кафедры КГУ Е.В. Манакова и студентки-филологи Е.О. Брякова, Т.А. Соснина, Т.П.Кудряшова.

ПИСАЛ БОЕЦ МАМЕ

Петров Александр Александрович родился в 1922 году в Шадринске. Закончил 10 классов школы № 9.

Письма написаны матери А.А. Чуваневой и брату Виктору.

«21 августа 1942г.

Здравствуйте, мама и Виктор. Шлю вам свой горячий красноармейский привет и желаю всего хорошего в вашей жизни.... Сообщаю, что моя жизнь идет хорошо, с фашистами еще не встречался (до них километров 25-30). Над нами все время гудят самолеты, вдалеке взрывы бомб и чуть слышно артиллерийские залпы. Эх, мама, посмотрела бы ты, как наши ястребки гоняют их "мессершмитов". Просто смотрим, и дух захватывает. Вчера сбили около нас три самолета фашистов, наши потери не имели. Настроение замечательное. Вот сейчас сообщили, что разведка немцев подходит. Но встретим достойно. Нахожусь я при штабе, работы очень много. Ну, ничего, это все переживется. Питание хорошее. Жара очень сильная, насчет воды здесь неважно. Колодцы и Волга километров 8.

Мама! Сталинграда немцу мы не отдадим, пусть как он ни рвется, а голову свою сломит.

Мама! Как ты живешь, как здоровье? Как здоровье Виктора, как он работает? Что нового в Шадринске? Опиши все по порядку. Как насчет продуктов, цены на них, как дают хлеб? Как помогает отец?

Я уже месяц, как не получал от вас писем. Пока до свидания. Крепко жму руку. Жду ответ. Остаюсь жив и здоров - твой сын гвардеец Петров. Целую. Саша.

20 октября 1942г.

Здравствуйте, дорогие мама и Виктор! Шлю вам горячий красноармейский привет.

Проживаю я в поле, в землянке. Иногда над головой пролетит фриц, просвистит мина и опять тихо. Немцы сейчас уже не наступают – выдохлись. Сейчас начались дожди, и они носа не показывают.

Дорогая мама, я не раскаиваюсь, что так рвался в армию. Она мне дала и дает очень много.

Ну, пока до свидания, крепко жму руку. С приветом. Целую, твой сын Александр. Жду ответ, пишите.

16.01.1943г.

Здравствуйте, дорогие мама и Витя! Шлю я вам горячий гвардейский фронтовой привет и желаю всего наилучшего в вашей жизни. Передайте привет от меня также Елене, Ираиде и всем шадринцам.

Мама, сообщаю вам, что сегодня я получил от вас письмо, которое вы писали 25 декабря 1942г. Писала его Т.Юдина, я ее не знаю, мама. Но передай ей от меня большой привет и спасибо за ее пожелания. Не беспокойтесь и будьте уверены, что ваш наказ будет выполнен. В этом году мы Гитлера начали бить и бьем так, как никогда и никто их не бил. Вот и сейчас, мама, мы четвертый день в наступлении, гоним его, гада, и днем, и ночью, не давая ему опомниться. Бежит он сейчас и все бросает на своем пути. Только что привели человек 20 пленных, представь себе (помнишь, в Шадринске «Митю Козла») таких людей. Немытые, с обмороженными руками и ногами, обовшивившиеся, голодные. В общем, мама, это все, что осталось от «непобедимых фрицев» – русская воля, сила советского народа, зима все равно победят. И сейчас, наши бойцы, наступая, не щадя своих сил, бьют и бьют эту зарвавшуюся гадину. Я, мама, участник разгрома окруженных гитлеровцев под Сталинградом. Они дышат последние дни. Скоро мы их похороним у стен Сталинграда.

Мама! Ну, о себе я писать даже и не знаю, что. Живу по-прежнему. Жив и здоров, чего, конечно, и вам желаю. Мама, я очень рад, что ты не забываешь меня. Я тоже все время думаю о тебе, помню, как ты меня ругала, когда я первый раз закурил дома, помню, как ты меня ругала, что я долго ночами шляюсь. Но, мама, все не перескажешь. Обо мне не беспокойся, я в полной уверенности, что скоро мы встретимся.

...Мама! Напиши, как твое здоровье, как успехи Виктора в работе, что нового в Шадринске. Как дела с продуктами? Пока до свидания. Крепко жму руку. Целую. Жду ответ. Пишите чаще. Твой сын Саша.

10.02.1943г.

Привет с фронта! Здравствуйте, дорогие мама и Витя! Шлю вам свой горячий сыновний привет и желаю наилучших успехов в вашей жизни.

...Вот сижу сейчас и вспоминаю вас всех. Вечер. На улице тишина, ни выстрела, ни звука, не видно ни одной ракеты. Даже неудобно как-то без выстрелов и шума. Да! Защита города Сталина окончена. Врага мы уничтожили беспощадно, так будет с каждым проклятым немцем, попытавшимся еще раз сунуться.

Товарищи мои сидят и тоже пишут письма. А знаете вы, как серьезны все во время этого занятия. В такие минуты у нас молчаливая договоренность не мешать друг другу.

Время 9 часов. Помню, как в это время я еще где-нибудь ходил, или у Сергея, или у Карпиных, или сидел дома, возился с марками.

Читая Информбюро, мы завидуем товарищам, которые бьют врага на Украине. Хочется быть вместе с ними. Сейчас только мы почувствовали, что мы бесстрашны.

Вот, мама, я о себе и все написал. Вся моя жизнь. Здоровье хорошее.

Мама, как твое здоровье? Что нового в твоей жизни? До свидания. Крепко целую. Саша.

26.08.1943г.

Добрый день, дорогие мама и Витя!

Шлю вам свой горячий привет и наилучшие пожелания.

Мама, как я уже писал, учебу я закончил, скоро буду в под-

разделении снова бить немца.

Живу в настоящее время недалеко от Харькова, километров 50-40, в одном из сел. Село большое, но сильно разрушено, в нем почти 2 года были немцы. Население все это время жило в землянках, так что поймите их положение.

О себе. При выпуске нас хорошо обмундировали. Вы меня с трудом бы узнали. Как был худой, так и остался, ростом стал чуть выше, лицо стало, конечно, старше, в общем, порядком изменился. Хочется погулять с девушками. Часто я вас вспоминаю, каждый день вынимаю карточку, как мне хочется вас увидеть, поговорить, посмеяться.

... Из нас, шадринцев, кто выехал со мной вместе в армию, только трое, остальные – кто ранен, кто убит. А мы трое стали младшими лейтенантами.

Мама, меня прежде всего интересует, как твое и Виктора здоровье, как вы живете. Как в городе с продуктами, какие цены. Помогает ли отец?

Пока до свидания. Остаюсь жив и здоров сын Саша. Крепко целую».

Основание: Ф.Р-1063, оп.1, д.11.

Подготовили специалисты Шадринского госархива Н.Бажина, Л.Бякова, А.Чертова.

ИЗ ПИСЕМ ЖЕНЕ

Селетков Евгений Семенович, гвардии сержант.

Родился в 1908 году. До войны работал на Боровлянском стекольном заводе и в лесных организациях Курганской области. В октябре 1941 мобилизован на фронт, где прослужил до 1945 года. Награжден орденом Красной Звезды. После войны активно занимался краеведением.

Дорогая моя ласточка!..

Твое письмо меня крайне обрадовало тем, что ты дома и подыскала себе хорошую и удобную работу...

Сегодня не спал всю ночь, готовил карты Курганского района, где завтра или послезавтра наш полк выйдет на 3—4 суток в поход на лыжах... Готовлю лыжи. Похода на лыжах боюсь пуще смерти - сердце сдаст...

7 декабря 1941 г. пос. Увал

Наш эшелон стоит сейчас в Свердловске. Вчера в 2 часа дня проехал через Катайск, поезд в Катайске не остановился. Одет очень тепло. Меньше всего заботься обо мне...

9 января 1942 г.

Безусловно, тебе хочется знать, при каких обстоятельствах я был ранен. Все, что было пережито и испытано в бою за два дня, 9 и 10 февраля, передать и рассказать не хватает слов...

От Кургана до фронта ехали более месяца. От тесноты, холода и недостаточного питания люди грызлись друг с другом, ссорились и даже дрались в вагоне. Но перед боем что-то примирило всех: обмякли люди, заробели. Страх в глазах моих товарищей не было, была нерешительность на такое дело, как смертный бой... Но вскоре все изменилось, как только люди понюхали порох...

Я лежал в снежном окопчике в 300 метрах от врага, не имея возможности поднять голову. Град пуль пролетал надо мной. Мины рвались в 20—10 и даже 3 метрах от меня. Ждал с минуты на минуту смерть...

Выглянул, огляделся... и стал стрелять по одному дому, из которого немцы вели огонь. Через 15—20 минут меня ранило в левую руку пулей — сквозное ранение. Еще два часа я пролежал в окопе. Позади меня, в 150 метрах, был лес, в который мне нужно было переползти. Долго не мог решиться, хотя стрельба прекратилась...

Смотрю — в 10 метрах от меня, идет совершенно открыто раненый красноармеец. Я решил, что по следу танка я перебегу 150-метровое расстояние за полминуты. Выскочил из окопа, побежал, догнал раненого красноармейца нашего батальона. Но жалость и сострадание к своему человеку остановили меня, и я шел с ним рядом 70—80 метров до леса, подбадривая его и удивляясь его смелости...

Я даже сейчас ума не приложу, что за чувства руководили этим смельчаком и мною. Но он заразил меня своим поступком, и я спас себе жизнь.

После выздоровления, вероятно, снова на фронт. Прошу тебя спокойно пережить это, конечно, не совсем приятное сообщение о моем ранении. Жди меня наперекор всему. Устал писать, чувствую слабость...

25 февраля 1942 г.

Есть среди больных раненые 3—4 раза. Выходит, изрешеченного пулями, изорванного осколками мин и снарядов посылают на линию огня не вследствие недостатка живой силы, а по соображениям другого порядка, т. е. потому, что эти люди обстрелянные, опытные, смотревшие смерти в глаза.

Но, дорогая моя, старая русская пословица говорит: «Пуга-

ная ворона и куста боится». Это относится к изрешеченным. Не имеющие ранения дерутся дьявольски храбро, не щадя жизни. Я видел таких.

В нашей палате 15 человек, 12—13 из них бредят во сне, 5 человек мочатся под себя. Это, несомненно, результат потрясающих переживаний...

Я, кажется, ничего не писал тебе о своих наблюдениях, двигаясь к фронту по территории, освобожденной от немецких «псов-рыцарей» 20 века. Останусь жив, расскажу, что видел и что увижу, а сейчас скажу одно: жуткие картины. Дорогой сердцу зимний русский пейзаж забрызган сгустками крови и исполосован ножом бандита. Милая, светлая Русь!..

9 марта 1942 г.

Невыразимо рад отличному окончанию учебного года моим мальчиком. Если ты без слез не могла выслушать сообщение об успехах Олега в учебе, то на меня это подействовало исключительно сильно: сообщение растворило, размягло черствую и иссохшую душу солдата.

Припомнилось мне, как я писал вам письмо 1 сентября прошлого года, давая некоторые напутствия сыну, отправляющемуся в странствие «по областям науки». Писал я тогда это письмо в щели, перекрытой жиденькими берёзовыми жердочками... Уцелеть в этой «крепости» при прямом попадании мины, не говоря уже о снаряде, было бы невозможно. Мины и снаряды падали от моей щели в 3—5 метрах. Все содрогалось от взрывов, и земля сыпалась на листочек моего письма. Я сдувал землю и продолжал с волнением писать, не обращая внимания на нащупывание смерти. Так я был тогда захвачен, поглощен мыслью об Олеге!

Добре, сынку, добре! Горжусь! Радуюсь и твоей сводке о перевыполнении плана по огороду. Урожай, несомненно, будет...

Наконец-то получил твое долгожданное письмо. Оказывается, и ты, так же, как и я, терзаешься ожиданием писем от меня. Скверно, медленно производится пересылка писем, но это неважно. Суть не в этом. Письма пишутся, идут и доходят. Сегодня у меня хороший день — получил письмо также и от сестрицы. Пишет, что за этот год очень состарилась, поседела.

Мне понравились ее слова в конце письма: «Вся душа исстрадалась о вас, милые, ненаглядные соколы». Я из этого заключаю, как много судачат о нас, фронтовиках, наши родные, знакомые и незнакомые, связанные общей судьбой, что слово «мой» незаметно заменяется словом «наши»: все родные, все ненаглядные. Эта общность душевной боли «всех наших» усиливает в «соколах» ярость, ненависть к врагу. Много еще будет пролито русской крови, но русские не сдадутся, а выстоят, сдюжат и расплюснут гадину так, что и мокрого места не останется...

16 ноября 1942 г.

Милая жenuленька!

Вчера вечером получил твое письмо от 28 августа 1944 г. Хотел тотчас же черкнуть тебе, но скомандовали «по коням» и письмо пришлось отложить до следующего дня.

Я, кажется, уже писал тебе, просил, чтобы ты не писала мне в письмах о различных недомоганиях и болезнях детей. Это действует на меня черт его знает как. Приходится беспокоиться до следующего письма, а они от тебя иногда приходят через 8—10 и более дней...

За последние 6 дней я получил от тебя четыре письма. Это здорово! Так я еще не получал от тебя писем.

Правда, это несколько не сократило жажду к твоим письмам, не удовлетворило мою потребность ни в какой степени.

Черт его знает, почему я так истосковался по тебе! Ведь прошло три года, срок такой, что можно позабыть все на свете, а вот тебя не только забыть или смутно представить, но невозможно освободиться от мысли о тебе — так ты вошла в каждый мой нерв!...

13 сентября 1944 г.

Сегодня сделал маленькую туристскую прогулку в окрестности нашего расположения и остался очень доволен этой вылазкой и наблюдениями... достопримечательностей земли польской.

Осматривал я руины замка, построенного в 1410 году паном Петром Осоленским. Сейчас осталась полуразвалившаяся тридцатиметровой высоты башня цилиндрической формы, да несколько останков стен, торчащих, как столбы. Расположен замок на

скалистой высоте. Хотел произвести зарисовку, но в карманах не оказалось ни карандаша, ни бумаги. Далекое прошлое этого замка самой замысловатой судьбы заставило меня вспомнить все, что я читал о Польше 15, 16 и 17 веков. Башня эта видела шведов, промаршировавших по Польше от Балтики до Карпат, видела турецких янычар, слышала дикое гиканье крымских татар. Здесь топтали землю конники Богдана Хмельницкого...

25 октября 1944 г.

Не писал тебе слишком давно: так сложились обстоятельства, что ни писать тебе, ни получать от тебя письма было невозможно. Были странствия, робость и дрожь в сердце, было много такого, чего не расскажешь.

Ты, вероятно, слышала, что с фронта разрешено посылать посылки. Я кое-что приготовил для тебя и при первой возможности пошлю.

Нахожусь за Одером. Немчура в этих краях жила сладко. У каждой коровы — над мордой электролампочка. Много освобождено наших людей от рабства. Жаль, что мало времени для подробного рассказа...

26 февраля 1945 г.

Получил твое письмо от 18 апреля 1945 г. в Чехословакии. Черт его знает, куда только меня ни бросала стихия войны. Неизгладимое впечатление оставит о себе эта прекрасная страна, ее замечательные и близкие нам люди. От границы до Праги, везде: в деревушках, городах, на дорогах встречали нас чехи приветствием «Наздар!», т. е. «Здравствуйте!»

Война окончена, но не верится, что это правда. Сейчас мы сидим и работаем с раскрытым окном, без светомаскировки. Еще немного терпения — и мы будем вместе... Можешь меня поздравить с наградой — орденом Красной Звезды...

14 мая 1945 г.

Сегодня приготовил тебе еще одну посылочку, завтра отправлю ее. В посылке: белье нательное, мужское — 3 пары, чулки — 1 пара, дюжина карандашей, сумка-ранец ученический, а в нем бумага, блокноты и копировка, 2 куса туалетного мыла, 2 катушки ниток, кофточка, флакон одеколona, перчатки,

термометр и кожа на обувь моим хлопцам.

Как чертовски хочется, чтобы все, что я послал тебе в пяти посылках, ты получила и этим возместила хотя бы на одну десятую то, что ты размотала за четыре года.

Милая женулька, как я горжусь тобой за блестяще выдержанное испытание в борьбе за жизнь, за семью. Ведь ты совершенно была не подготовлена к самостоятельному управлению делами хозяйства и не имела ни малейшего представления о тех заботах и трудностях, которые встали перед тобой после моего ухода в армию.

Восхищаюсь и горжусь. Твои руки я зацелую, сделаю такими, какими они были раньше: хорошими и сильными...

Думаю осенью выбраться из этих «благодатных» мест, куда завела меня дорога войны...

17 июля 1945 г.

Вчера получил твое письмо от 25 июля 1945 г. Черт его знает, где оно блуждало, это письмо.

Ты пишешь, что страшно терзаешься ожиданием моего возвращения. Я и сам рвусь на части от досады на несостоявшийся отпуск и мучаюсь ожиданием дня увольнения. Сегодня ездил в соседний маленький городок за покупками. Ехал в грузовой машине вместе с увольняемыми из армии по специальности горняки и наблюдал их поведение. Радостные, возбужденные, они улыбались, кажется, без всякого повода и причины. Один из них выкрикнул: «Прощай, проклятая земля!»

И все, как, сговорившись, подарили этой земле по солидному плевку и грянули смехом. Я был изумлен, я был в восхищении от нашей русской манеры блеснуть озорной «деликатностью», едкой, разящей насмешкой над присмирившим, отлютявавшим врагом.

Люди уехали на восток, в Россию. Я долго в думке желал им счастливого пути и загрустил...

8 сентября 1945 г.

Подготовила к печати специалист Курганского госархива И.Викулина.

ПОЭТЫ - ФРОНТОВИКИ О ВОЙНЕ

Дмитрий Белоусов

СОЛДАТСКИЙ ДОЛГ

Припали двое к пулемету,
Врага на мушке держит глаз.
Старшой сказал:
- Держись, пехота,
Пусть сотня их, пусть двое нас.
- Кончатся, сержант, патроны, -
Докладывает рядовой.
- Снимаем, значит, оборону,
Вступаем в рукопашный бой...
Вдруг тишина накрыла поле:
В бессилье пулемет умолк.
И поднялись в атаку двое:
Приказом был солдатский долг.

ВДОВА

Пришла на мужа похоронка.
Вдова проплакала весь день
И ночь... Назавтра шла с буренкой
На пашню – вслед тянулась тень.
Не видела вдова дороги,
И птиц не слышала она.
Слабея, подгибались ноги,
А в голове: война, война...
Свою беду в кулак зажала.
В сухих глазах лишь серый дым...
Подругам вечером сказала:
- На фронте нужен хлеб живым.

Анатолий Афанасьев

Афанасьев Анатолий Павлович родился в 1920 году в селе Ушаково Катайского района. Участник боев под Москвой и под Сталинградом.

* * *

Вошли в село: ни хат и ни людей
И потому не сделали привала.
Одна берёзка – седины белей
Нас, как сестра, приветливо встречала.

Пробитая осколками насквозь,
Губной гармоникой берёста пела,
И каждому в той песне довелось
Найти для битв отчётливую смелость.

И мы ушли: война вперёд звала.
Ту песню с пеплом по полю нёс ветер,
И я в её тоске тогда заметил –
Начало жизни мёртвого села.

1943 г.

ВСТРЕЧА НА ЭЛЬБЕ

Раздался взрыв на Эльбе вспененной,
И я к нему, что силы мчусь,
И прибежали в то мгновение
Американец и француз.

На перекрёстке вражьей миной
Убита женщина была,
Годков пяти дочурка милая
Её, как спящую, трясла.

Стояли мы и в душах – вмятины,
Молчали: нам не до утех.
И детский плач – он так понятен был –
Без переводчика для всех.

1945 г.

Илья Френкель

*Френкель Илья Львович родился в 1903 году в городе Кургане.
На фронте с первых дней, дошёл до Берлина.*

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Гитлер начал войну в воскресенье.
Вдруг. Внезапно. Как землетрясение.
В тот же день я был призван и форму надел,
Отрешился от штатских мыслишек и дел,
И под грохот противоздушный
Слушал говор колес равнодушный:
Мирный, дачный, курортный, размеренный стук.
Да и, кстати, состав наш катился на юг
По отрезку свихнувшейся с толку Вселенной.
Я сдружился с соседями за полчаса.
Мы нестройно запели. И так начался
Первый день моей службы военной.

1941г.

ДВОЕ

На восходе солнца, среди бела дня,
Возле Синея рощи ранило меня.
Закатилось солнце. Опустился мрак.
Я хотел подняться – и не мог никак.

Тут мне стало больно, горько стало мне:
Вот лежу, забытый, на сырой земле.
Кто мой стон услышит в шуме боя?... Вдруг
Кто-то крикнул: - Миша! Это ты, мой друг?

- Ноги, мои ноги! – отозвался я.
И сказал товарищ: - Я найду тебя.
Говори со мною. Не молчи, земляк.
Говори почаще – нужен мне маяк.

Шел боец наощупь – и нашёл бойца.
На меня упала кровь с его лица.
Так, на поле брани, в светлый ранний час
Наши злые раны подружили нас.

1943 г

О ЖИЗНИ

На войне о смерти мало говорят:
В день её встречают много раз подряд.
Слишком даже много этих смертных дней,
Так чего же ради говорить о ней?
На войне о жизни любят говорить,
Благо жизнь солдата тонкая, как нить.
Тонкая! Но. Как бы ни была тонка,
Как бы ни рвалась, - всё равно сладка!
Прошипела мина, пронесло снаряд, -
И опять о жизни люди говорят.
Курят папироски, пряча их в ладонь.
Есть гитара в роте, есть одна гармонь.
На войне играют, на войне поют.
Есть у всех надежда: может, не убьют...
А когда настанет этот самый миг –
И тогда не сразу сдастся фронтовик.
Он бывалый, тёртый, - он не так-то прост –
Упадёт, как мёртвый, или встанет в рост,
Или смерть обманет, или примет так,
Что его геройству удивится враг.

х х х

Здесь, в районе Сандомира,
Трудно было для пера:
На мою солдатку-лиру
Навалились “Мессера”.
Ходят, подлые, над целью:
- Эй, писака, выбирай
Между рифмою и щелью:
Хочешь – в землю, хочешь – в рай!
Но когда я рифмой занят,
Пусть тогда меня таранят,
Пусть бомбят, идут в пике –
Всё стерплю с пером в руке.

Анатолий Козлов

Козлов Анатолий Михайлович родился в 1925 году в деревне Маслово Лебяжьевого района.

СГОРЕВШАЯ ПЕСНЯ

Раскрыли окна. Внес в палату август
Из сада птиц веселую гармонию.
Прижав листок медалью “За отвагу”,
Мой друг не стал писать домой.
Лежим. Поем. Домой письма не пишем.
Чем боль острее, тем громче мы поем,
Грозит сестричка, мол, потише.
А мы поем с товарищем. Поем!
Поем “Варяга”. Будто не пехота,
Не два ее побитых паренька,
На палубе поет матросов рота,
И палуба качается слегка.
Потом отбой. В палате тихо-тихо.
Как будто песней эту тишину
Сковало так, что боль не выдаст крика,
Балластным грузом скорбь уйдет ко дну.
Под утро в сердце смутная тревога.
Открыл окно. Вздохнули ветви слив.
Вздохнул сосед. Сказал, усы потрогав:
“Дружка твое споранку... унесли”.
Я камнем стал. Сосед ходил по кругу.
Как капли свеч оплавленных, слова
Ронял, качая в гипсе ляльку-руку:
“Як вин спивал... Як х-гарно вин спивал...”
Слеза не кровь – смахнул, ладонью вытер.
Вино тоски глотаю полным ртом.
Стесняет нас слеза смиренным видом,
А кровь бунтует алостью бинтов.
Прижат листок медалью “За отвагу”.
Письма домой не будет. Тишина.
Слова “Пал смертью храбрых” на бумаге
Кроваво отпечатает война.

Август 1944 г. Госпиталь № 2566

Александр Поздняков

Поздняков Александр Федорович родился в 1927 году в селе Новогеоргиевка Петуховского района.

На войне живут без выходных,
Нет ни воскресенья, ни субботы.
На войне ни добрых нет, ни злых,
Нет людей. Одни лишь пулеметы.
И гнусит один протяжный звук.
На лице войны ни глаз, ни носа,
Нету на войне ни ног, ни рук,
Только беспощадные колеса.
Крошками земли усыпан стол.
В блиндаже ничком лежит комроты,
И палит, палит бесхозный ствол,
Смертью доведенный до икоты.
Позабыты здесь календари.
Все одно – что вторник, что суббота.
И глядят в бинокли главари
На свинцом изрытые высоты.

Стоим, обнявшись, старые солдаты,
Чья молодость в сражениях прошла,
И вспоминаем огненные даты:
Два месяца, два года, два числа.
Умом воспринимается и нервом,
И строчкой в песню просится и в стих,
Про то, как насмерть встали в сорок первом,
Как в сорок пятом выбрались в живых.
В бинтах кровавых мы не одичали,
И не остервенели мы в свинце.
Мы оскорбленно плакали вначале
И ликовали праведно в конце.
И чьей-то терпеливою рукою
В календарях не сорваны рывком
Листок июньский от двадцать второго
И майский, от девятого, в другом.
Навек на пьедестал взойдут солдаты,
Превысив купола, колокола.
И высекут под ними в камне даты:
Два месяца, два года, два числа.

Василий Оглоблин

Оглоблин Василий Дмитриевич родился в 1920 году в деревне Чимеево Белозерского района. В годы Великой Отечественной войны был парашютистом-десантником.

СТРАХ

Я не боюсь ничего на свете.
Трижды оплаканный и отпетый,
Я полумёртвым лежал в кювете,
В камере смертника ждал рассвета.
Нас, как поленья, в печах сжигали,
Нашим поля удобряли прахом,
Нас столько увечили и пугали,
Что это уже не рождало страха.
Но был я однажды на трое суток
Голым к стене прикован.
Я видел, как в полночь, в молчании жутком,
Женщин выстроили подковой.
Как унтеры, пьяно крича, шатаясь,
Детишек из рук материнских рвали,
Как матери шли, пустоту хватая,
И падали там, в подвале.
Иная подраненной птицей билась.
Парил прожектор по мокрой мари.
Что-то чудовищное алое было
В этом ночном кошмаре.
Не цепи, не раны кровоточащие,
Не голод – была мне в ту ночь страшна
Эта кладбищенская, кричащая,
С ума сводящая тишина.

А дети – ножонками мяли слякоть.
От страха сжимались в комок, немели,
И даже ни вскрикнуть,
И ни заплакать
По-детски, пронзительно так,
Не смели.
И только глаза,
Как глаза богов
С икон древнерусских, во мгле светились.
Казалось, они всю печаль веков
В бездонность свою вместили.

С тех пор –
Не боюсь ни тюрьмы, ни краха,
Бродяжьей избы и чужой избёнки,
Но душу мою
Обжигает страхом
Жалкий, беспомощный плач ребёнка.

ПАМЯТЬ

Заросли бухенвальдские тропы травой.
Всё прошло.
Только память осталась живой.
Нам ещё просыпаться в поту,
Нам в беремя немую хватать пустоту.
Мы поныне ночами зубами хрустим,
Для атаки готовясь пружинами сжаться.
Мы и мертвые им ничего не простим,
Мы и мертвые будем
С фашизмом сражаться.

Иван Шаляпин

Иван Иванович Шаляпин родился в 1915 году в деревне Локти Каргапольского района. За его плечами восемь десятилетий, четыре тяжёлых года Великой Отечественной войны, несколько ранений. Его имя выбито на памятнике братской могилы в селе Базалия Хмельницкой области. А он обманул смерть и вернулся на отчую землю. Работал учителем, директором школы.

НЕТ, Я НЕ БЫЛ УБИТ

Нет, я не был убит,
А случайно в гранит
Моё имя война записала.
Был я ранен тогда
На холме близ села.
В том бою полегло нас немало.

Мы держали потом
Высоту вчетвером,
Что от полного взвода остались.
Ждали помощи мы,
В бой вступил бог войны –
Как живые, холмы закачались.

Пулемётным огнём,
И надёжным штыком,
И гранатами выпало драться.
И не выдержал враг
Наших дерзких атак,
Из села поспешил он убраться.

А теперь над селом
Тишь такая кругом,
Словно здесь не война бушевала.
Внуки молча стоят
У могилы солдат –
Тех, кого после боя не стало.

На могильной плите
Перечислены те,
С кем не раз я в атаку бросался.
Нет, я не был убит,
Нет, я не был убит,
Я живым в это время остался...

До сих пор тот гранит
Моё имя хранит,
Что война записала когда-то.
Был я ранен в бою,
Но, как прежде, в строю,
И сейчас остаюсь я солдатом.

ХРАНИТЕ ЖЕНЩИНУ СЕДУЮ

Я встретил женщину седую
У стелы памятной одну –
В годину Родины лихую
Всех проводила на войну.

Уважьте женщину седую.
Она прошла нелегкий путь –
Ее, когда-то молодую,
Война пыталась в рог согнуть.

Преподнесла война такое,
Что невозможно превозмочь-
Остались там, на поле боя,
И муж ее, и сын, и дочь.

Не дай вам Бог судьбу такую.
Храните женщину седую!

Николай Петропавловский

Николай Петропавловский родился в Шадринске в 1921 году.

ПОД ЕЛЬНЕЙ

А ты кричал под бомбой: “Мама!”,
Когда метнулась смерть в глаза?
Когда огнем прицельным “рама”
Тебя отбросила назад –
В едва открытую траншейку.
А пули метили в висок,
Уже прошли телогрейку,
И ты впечатался в песок...
Но не стыжусь, что грыз я землю,
Я из траншеи встал опять!
Не раз я слышал там, под Ельней:
“Солдатам встать – высотку взять!”
Никто там не был исключением...
Когда идёшь в свой первый бой,
Сначала выдержи сражение –
Не с кем-то там – с самим собой!
И у меня нет глубже шрама,
Чем та траншейка у бугра...
Сначала шепчут слово: “Мама”,
Потом уже кричат: “Ура!”

МАТЕРИНСКОЕ ПРАВО

Сотню раз вспомню маму.
Сотню раз поклонюсь.
В чем таилась – та самая
Её светлая грусть?
Её тихая мудрость
В междустрочии слов?
Постоянное утро
Без дождей и ветров?
Её вечное право
Мир добром одарять?
И на подвиг на правый,
И...на смерть отправлять.

Иван Беляев

Далматовец Иван Андреевич Беляев был на фронте с 1943 года. Инвалид войны.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

- Мама, глянь-ка: братишка! Живой! -
Закричала с испугом сестренка.
Под стеклом над ее головой
В темной рамке моя «похоронка».
Весь изранен пришел - без руки –
В отчий дом после трудной дороги...
Мать снимает с меня сапоги,
Воду плещет сестренка на ноги.
«Похоронка» моя... Ну и пусть!
Жизнь - такая хорошая штука:
Сорок лет вот живу и тружусь,
Дедом стал, нянчу третьего внука.
Как мне жизнь всей душой не любить:
Каждый день для меня - день рожденья!
Одного не могу позабыть –
В отчий дом своего возвращенья...

ФОТОГРАФИИ

Стоят они на полочке серванта
И старой бабушки весь день ласкают взор:
Внук - рядовой, внук - в звании сержанта,
Внук - лейтенант и даже внук - майор.
А выше в рамке траурно-суровой,
Поблекшей за десятки долгих лет,
В войне погибшего простого рядового
Висит святыней вечною портрет.
Портрет не генерала, не героя -
Каким он был, таким остался тут:
Ему уж выше званья не присвоят
И ни одной награды не дадут.
Но внуку дед - надежная порука,
Надежнее любых других порук.
И Родина надеется на внука,
И чести деда не уронит внук.

Сергей Васильев

*Васильев Сергей Александрович родился в 1911 году в Кургане.
Военный корреспондент в годы войны. Лауреат
Государственной премии СССР.*

ПОЛЕ РУССКОЙ СЛАВЫ

Медленно и бережно ступая,
Мы идем под небом голубым,
В полевых ромашках утопая,
Вежливо дорогу уступая
Синим колокольчикам степным.
Любо здесь увидеть стаи птичьи
И не видеть дым пороховой.
Вот оно во всем своем величье,
Поле нашей славы боевой.
Вот оно простерлось перед нами.
Встань к нему, родимому, лицом,
Полюбуйся пышными цветами,
Политыми кровью и свинцом.
Все, что было выжжено и смято,
Заново оделось в зелена.
Но хранит земля
Торжественно и свято
Страшный стон железа и огня.
Кажется, пригнись к земле холодной,
Чутким ухом ближе припади, -
И услышишь звук трубы походной
У пригорка тихого в груди.
Это здесь, под хмурым небом бранным,
Шел земляк на смертный бой с врагом,
Пробивая путь четырехгранным,
Кованым, карающим штыком.

Это здесь, в неистовом разгоне
На роскошных седлах расписных
В бой несли каурой масти кони
Забубенных всадников донских.
Это здесь, на голубом просторе,
На виду у меркнувшей зари
Разливали огненное море
Яростные наши пушкари.
Это здесь, на этом самом месте,
Не ходивший к страху на поклон,
Испытав всю жгучесть нашей мести,
Содрогнулся сам Наполеон.
Поле брани! Поле русской славы!
Это здесь, черней горелых пней,
Полегли фашистские оравы
Под огнем советских батарей.
Русский воин!
Разве ты в неволе
Можешь быть, пока ты сердцем жив?
Разве ты минуешь это поле,
Гордой головы не обнажив?
Разве вдохновенно и сурово
Слово клятвы вслух не повторишь?
Разве боевое это слово
В славные дела не воплотишь?
Где б ты ни был, честный русский воин,
Помни: о тебе гремит молва.
Будь всегда носить в крови достоин
Гневный жар великого родства.
Бейся в схватках равных и неравных
До конца! Плати врагу сполна!
Помни, что ты правнук и праправнук
Доблестных солдат Бородина.

Алексей Пляхин

Пляхин Алексей Михайлович родился в 1918 году в деревне Кабаковой Лебяжьеевского района.

БАЛЛАДА ОБ ОТЦЕ

Экран, как полная шкатулка,
Склад бед и радостей людских...
И вот опять он вспыхнул гулко,
И зал в ответ ему притих.

Горящий хлеб у буерака,
В огне – вокзалы и плетни.
И броневая блиц – атака,
И контратака без брони.

Ревёт война, весь мир пронзая
Испепеляющим дождём.
Я вижу мать и сына в зале
И знаю, думают о чём:

Ах, всех дорог, руин, погостов
Не перечеть, не перейти.
А на каком из перекрёстков
Тот холм единственный найти,

Где, верный долгу и приказу,
Не отступил он и упал...
А сын, он вырос. И ни разу
Отца живого не видал...

А на экране парусинном
Беда живая, а не сон...
Вдруг мать сдавила руку сыну
И прошептала: “Это он!”

И стало им обоим зябко,
Глядевшим жадно на экран.
А мать шептала: «Это папка!
Да это ж мы! Степан! Степан!»

И он их видит. Из бессмертья
Глядит, разлуку одолев,
За целых три десятилетия
Ничуть, ничуть не постарев.

Он вышел в зал. К жене и сыну,
Вдохнул их нежности волну
И обнял их. И вновь покинул,
Не забывая про войну.

Тем властным счастьем успокоен,
Что не отторгнуть от семьи,
Он им одно сказал. Обоим:
“Живите, милые мои!”

И вновь войны завыли трубы,
Как будто им нельзя молчать...
В тот вечер медленно из клуба
Шли по деревне сын и мать.

Над ними звёзд горящих слитки
И небо черное, как тушь,
И кажется, что у капитки
Встречает их отец и муж.

Яков Вохменцев

Вохменцев Яков Терентьевич родился в 1913 году в деревне Вохменка Юргамышского района.

ПОБЕДА МНЕ БЫЛА НЕОБХОДИМА

Хотя сто раз я видел смерть без грима
И падал сам, войною сбитый с ног,
Победа мне была необходима –
Я без нее на свете жить не мог.

В пустых полях или в лесных завалах,
Где непрерывно нас опасность ждет, -
Терял своих соратников усталых,
Все ж бил врага и двигался вперед.

Пусть каждый бой упорен был и жарок –
Враг, люто огрызаясь, отступал,
Хотя оружием всех новейших марок
Его снабжал берлинский арсенал.

И пусть историк, не смутясь, напишет,
Что наша вера – крепкая броня.
Я твердо знал, чем гитлеровец дышит,
Ему же вечно врали про меня.

Он думал, я – невежда, полный лени...
Он верил, что велит ему судьба
Мою страну поставить на колени,
Сломить меня и превратить в раба.

Да оккупанты вряд ли понимали,
Как мы свободой нашей дорожим:
Своих господ в семнадцатом прогнали
Не для того ведь, чтоб служить чужим.

Наталья Вострякова

с.Кондино, Шатровского района

ВETERАНЫ ПОБЕДЫ

Нас миновала грозная война,
Мы гимнастёрок грубых не носили,
Но с восхищеньем помним имена
Не сломленных защитников России.

И нам порою верится с трудом,
Что именно они пришли живыми.
Им и сегодня мирный летний гром
Напоминает фронтовые взрывы.

Они не могут думать о войне
Без слёз, обиды, боли и печали.
И всё ещё не верят тишине
Короткими июньскими ночами.

Уже и не узнать в седых бойцах
Лихих парней, в смертельный бой идущих.
И столько лет они хранят в сердцах
Скорбь о погибших, гордость за живущих.

И тем себе покоя не дают,
И в том себя винят неоднократно,
Что вот они так все ещё живут,
А тех, других, не возратить обратно.

Как жаль, что через столько лет к весне
Мы вновь не досчитались чьих-то близких.
Теперь намного больше на Земле
Мемориальных плит иobelisks.

Они уходят в молодость свою.
Они уходят поздно или рано.
Но до последних дней стоят в строю
Великой той Победы ветераны!

Владимир Усманов,
военный комиссар области, генерал-майор

УМОЛЧАТЬ НЕ ИМЕЮ ПРАВА

Воспоминания фронтовиков, собранные на страницах этой уникальной книги – живая, незатухающая боль не только этих людей, переживших ужасы войны, это вечная боль, живая, трепетная память всего моего народа. «Я помню войну каждым нервом...» – пишет солдат Алексей Переверзев из села Степное Макушинского района, живущий с вражеской пулей в голове вот уже более полувека. И разве кто-нибудь усомнится в правде его горестных и праведных слов ?!

Да, наша Великая Родина в этих жесточайших и невероятнейше кровавых боях Отечественной войны была многие миллионы раз стреляна: и в голову, и в сердце, и на вылет, истерзана фашистским зверьем, прошла через миллионы смертей, адских мук и испытаний, но не сломалась, не согнулась, как тот солдат Василий Андрюхин, о судьбе которого рассказывает в своих воспоминаниях бывший фронтовик, а теперь уже и бывший учитель и директор школы Аксентий Вологин из села Самохвалово Шатровского района. Страна наша, Мать-Родина, не могла погибнуть, была обязана победить фашизм. И победила! Иначе и не могло быть, потому что эта война с коварнейшим, подлым, наглым и сильным врагом была вопросом жизни и смерти, свободы, чести и достоинства для каждого гражданина нашей страны. Ведь гитлеровские мракобесы, с целью расширения жизненного пространства для арийцев, планировали полное уничтожение народов нашей страны, за исключением малой толики,

возведенной по их замыслам в положение рабов.

Но, как у нас в народе говорят, – не на того напали! Подлое вероломство фашистов всколыхнуло всю нашу страну, борьба с захватчиками стала действительно всенародным и священным делом, которое и принесло Великую Победу.

Нынче мы отмечаем, как самую жгучую боль, как горестную дату в памяти людской – 60-летие со дня 22-го июня 1941 года, День памяти и скорби. Тогда все силы земного мракобесия, человеконенавистничества и варварства, копившиеся тысячелетиями в разбойных помыслах преступников и изуверов отребья людского, воплощенные в облике фашистского вермахта и его гнусных сателитов: венгерских, румынских и итальянских фашистов, выплеснулись кровавым дождем и градом раскаленного металла, чтобы убивать, сжигать, стирать с лица земли миллионы и миллионы жизней женщин, детей и стариков, пахарей и ткачей, ученых и деятелей культуры, людей, отличных от арийцев, кто цветом кожи, кто разрезом глаз, кто укладом жизни или вероисповеданием. Фашистские нелюди, еще до похода на Восток, без особых потерь бросившие на колени большинство стран Европы, захлебывались в экстазе от сознания своего превосходства, безнаказанности и вседозволенности: ведь сам фюрер освободил их от совести, жалости и ответственности, как от химер, ненужных при расширении пространства для жизни и процветания фашистского рейха. Почти вся Европа ими была унижена, поругана и растоптана. Фашистским мракобесам казалось, что осталось еще чуть-чуть, самая малость, и можно провозгласить себя властителями мира, установить власть Сатаны везде, повсеместно!

На пути зарвавшихся поработителей встали люди особого сплава – Советский народ. Наши деды и отцы не только любили всем сердцем свою Родину, они понимали: чтобы жить свободными им и последующим поколениям – они должны одолеть коричневую чуму фашизма, победить или умереть. Другого не дано.

Уже утром 22 июня 1941 года смертельные схватки в боях за город Брест показали фашистским генералам, что им предстоит не блистательный блицкриг и скоротечный поход за орденами и славой, а тяжелейшая, изнурительная с миллионами многих деревянных крестов война – кто кого.

Из воспоминаний участников тяжелейших боев 1941 года мы видим и осознаем, что, несмотря на растерянность от вероломного нападения отобилизованных фашистских орд, их стремительные прорывы и военные успехи начала войны не поколебали у советских людей уверенности в нашу победу. Вот так в те трагические дни молодому лейтенанту Александру Косову сказал его командир: “Мы разгромим фашистов. Последний свой бой проведем в Берлине.” И так во всех воспоминаниях фронтовиков, в письмах с передовой, даже в воспоминаниях узников концлагерей – уверенность в победе непоколебима. И это потому, что к началу этой страшной войны было выпестовано поколение настоящих патриотов, сынов своего Отечества. Выпестовано не только широкой пропагандистской работой, но и мирным трудом по обустройству страны. Люди строили и создавали, учились, чтобы достойно жить. И они, чтобы сохранить это право, шли на смертельный бой. Не замечать этого, не писать об этом, значит хоронить правду от нынешних поколений. Нет, не все было плохо на советской земле, как пытаются преподнести это ныне новоявленные «историки» и политиканы. Трезвая и спокойная оценка советского периода истории еще впереди, многое из охаянного и оклеветанного в последние десятилетия будет возрождено и послужит Отечеству достойно.

Думаю, особо важен нам сегодня советский урок воспитания дружбы народов, населявших нашу Великую страну. Мы победили в той страшной войне еще и потому, что провалился расчет гитлеровцев на межнациональную рознь. На защиту страны стали в один строй русский и казах, татарин и грузин, украинец и узбек, белорус и армянин.

Если сейчас попросить фронтовика перечислить имена и фамилии людей, воевавших с ним бок о бок, то перед нами откроется вся многонациональная наша страна. И как мне кажется, самое главное, что мы сейчас потеряли, это дружбу между народами. К чему это привело можно наблюдать сегодня. Противопоставляются друг другу народы по вере, культуре, обычаям, возросла неприязнь на бытовом уровне. Великий русский народ - народ-лидер, народ, который не только помогал сохранить самобытность наций и народностей, проживающих в России, но и развивал эту самобытность, обеспечивая

ее прогрессивное развитие, оберегая малочисленные народы от исчезновения, вдруг стал повинен во всех грехах.

Умело разжигая национальные страсти, политики добиваются своих целей, не имеющих ничего общего с мнениями своих народов. Далеко ходить за примерами не надо: вспомним хотя бы референдум по сохранению Советского Союза. Люди голосовали за одно – политики сотворили другое. И даже нашу общую Победу разделили, растащили по национальным квартирам. Почитайте, что пишут о войне 1941-1945 годов в учебниках в странах Прибалтики, Украины. Великий подвиг народа-победителя размывается, искажается в истории.

Уже во многих странах школьники и студенты на вопрос, кто победил фашизм? – нередко отвечают – Соединенные Штаты Америки. А наши лизоблюды от истории посмели ставить на одну параллель коммунизм и фашизм, даже придумали термин «красно-коричневые». Так кто же нас будет уважать в этом мире, если мы сами перестали уважать себя, как народ-победитель? Глумясь над жертвами, оплевывая подвиги своих дедов и отцов, мы глумимся над славным прошлым своей страны, сами над собой и над будущим наших детей и внуков. Сегодняшнее время отнимает у будущих поколений россиян право на гордость за Великую Победу. Наша задача - не дать мракобесам и пустобрехам очернить великую Память о миллионах советских людей, отдавших свои жизни за победу над фашизмом. Эту память надо беречь в каждой семье, в школе, музее, в книгах и фильмах, на полотнах художников, в стихах поэтов и в музыке композиторов. Вот почему книга “Помни войну” сейчас нужна, как живительный поток воздуха. Отстояв честь и независимость страны, советский народ вошел в мировую историю как народ-победитель, народ, который не отдал на поругание своей земли. Да, за это была заплачена страшная цена, вряд ли нашелся бы на Земле подобный народ, и потому весь мир рукоплескал в 1945 году народу – великану, народу – исполину, народу – победителю. Торжественно отмечая победный май 1945 года, мы никогда не должны забывать трагический и скорбный июнь 1941 года.

В год 60-летия начала Великой Отечественной войны мы все, ныне живущие, поклонимся великим нашим солдатам-победителям, женщинам и детям того трагического и героического времени, поклонимся всему Великому Советскому Народу!

Слава народу - созидателю! Слава народу - победителю!

СОДЕРЖАНИЕ

Богомолов Олег. Великая правда о войне	3
Плотников Дмитрий	7
Косов Александр	15
Воробьев Михаил	30
Аистов Иван	35
Коротков Константин	42
Белоусов Дмитрий	52
Белоусова Валентина	58
Спирев Георгий	61
Третьяков Николай	77
Белимов Василий	80
Иовлев Сергей	84
Романенко Петр	92
Лавринов Николай	95
Кузнецов Николай	100
Щербакова Екатерина	103
Осетров Сергей	109
Попов Федор	118
Вагин Николай	123
Петунин Петр	125
Каргаполов Алексей	127
Калугин Максим	133
Юрьина Наталья	141
Лачко Алексей	145
Переверзев Алексей	148
Щербаков Иван	150
Балашенко Николай	153
Михайлов Тимофей	163
Постовалов Николай	165
Алексеев Михаил	175
Андреев Венедикт	181
Иванов Николай	187
Галушкин Алексей	189
Чечулин Сергей	193

Киш Иван	196
Елисеев Федот	202
Кириллов Федор	205
Анферов Александр	209
Хвостовский Александр	211
Данилов Семен	215
Окольников Анфиноген	219
Шелепов Иоким	227
Подоксенов Николай	232
Акатьев Федор	235
Михайлов Василий	237
Сартаков Михаил	242
Фомин Григорий	251
Емельянов Петр	257
Серков Владимир	272
Дроздецкий Николай	277
Шуравин Леонид	286
Кутин Андрей	293
Федоров Владимир	300
Сапаков Мухаметжан	304
Вологин Аксентий	306
Смирнова Елизавета	310
Микшакова Александра	314
Кутина Мария	317
Семенов Иван	319
Хайров Талгат	323
Павлов Степан	325
Литвак Леонид	329
Безгодов Клавдий	340
Иргизов Сафилла	343
Савельев Алексей	346

ПИСЬМА С ФРОНТА

Федорова Валентина	349
Писал боец маме	366
Из писем жене	370

ПОЭТЫ - ФРОНТОВИКИ О ВОЙНЕ

Белоусов Дмитрий	376
Афанасьев Анатолий	377
Френкель Илья	378
Козлов Анатолий	380
Поздняков Александр	381

Оглоблин Василий	382
Шаляпин Иван	384
Петропавловский Николай	386
Беляев Иван	387
Васильев Сергей	388
Пляхин Алексей	390
Вохменцев Яков	392
Вострякова Наталья. Ветераны Победы	393
Усманов Владимир. Умолчать не имею права	394

ПОМНИ ВОЙНУ

Составители

Г.П.Устюжанин, В.В.Усманов, В.А. Есетов

Главный редактор **А.И.Букреев**

редактор **Г.Е.Устюжанина**

корректор **Е.А.Танаева**

Компьютерный набор и верстка **П.Г.Устюжанин**

Разработка обложки, запись на лазерный диск **Д.В.Белых**

Лицензия ЛР № 071414 от 24.03.97г.

«Парус-М»

Сдано в производство 22.05.2001г. формат 84x108 1/32.

Бумага офсетная №1. Печать офсетная. Усл.п.л.25.

Тираж 1000. Заказ

Отпечатано в издательстве «Челябинский Дом печати»

454080 г.Челябинск, Свердловский проспект, 60.